

Сколийская империя – 2

Кэтрин Азаро УКРОТИТЬ МОЛНИЮ

Часть I Калифорния

Глава 1 НОЧНОЙ ГРОМ

В последний раз я видела Землю в 1987 году, когда мне было семнадцать лет. С тех прошло немало времени: многое изменилось, и я уже не та лос-анджелесская девчонка, какой была прежде. Но память о тех днях — благодаря биоусилению — до сих пор яркая, словно все случилось только вчера.

В ту ночь я ощущала пульс города. И хотя Лос-Анджелес практически никогда не ложился спать, то была тихая ночь, словно город погрузился в собственные мысли. В какую-то дремоту. Чтобы затем проснуться, вздрогнув, словно от толчка.

Джошуа встретил меня, когда я закончила смену в ресторане, и мы вместе дошли до автобусной остановки. Незадолго до этого прошел небольшой дождь, и на асфальте образовалась мокрая пленка; в ней, в радужных разводах бензина, отражался размытый свет уличных фонарей. Над головами у нас сквозь смог и огни ночного города сумели пробиться несколько звезд — видимо, они поставили себе целью победить тусклое янтарное свечение, застилавшее ночное небо. Мимо проносились запоздалые машины — такие гепарды на колесах, мчащиеся по каким-то своим делам.

Я сразу заметила, что Джошуа пребывает в приподнятом настроении. От него исходила некая аура, некое розоватое облако, то и дело менявшее свои очертания, облако, не нуждавшееся ни в каких словах. Его звучание чем-то напоминало шум прибоя на пляже; пахло оно как морские водоросли и было соленым на вкус. Я уже давно привыкла к тому, что слышу и вижу эмоции других людей, а подчас даже ощущаю их кожей. Но чтобы чувствовать запах и вкус — такое случается со мной гораздо реже.

В ту пору я и не подозревала о силах Кайла. Собственно говоря, не в этом дело. Я по опыту знала, что с расстоянием эффект ослабевает. И пока Джошуа рядом со мной, я буду ощущать его эмоции. По крайней мере до тех пор, пока у него не пропадет хорошее настроение. Конечно, я ничего ему не сказала. Еще подумает, что у меня с головой не все в порядке.

Мы сели на скамейку на автобусной остановке. Джошуа положил мне на плечо руку — нет, не как парень, с которым у меня любовь — этого между нами отродясь не было, — а просто как хороший друг, которого я знала целых шесть лет, с 1981 года, когда Ямайка стала пятьдесят пятым штатом, а у нас в Беверли-Хиллз сгорели гигантские буквы ГОЛЛИВУД. Джошуа на лоб спадала кудрявая челка, нависая на металлическую оправу его очков. Джошуа — моя противоположность почти во всем. Например, волосы у него светлые и вьющиеся, у меня — до пояса, прямые и черные. Его глаза, синие и ясные, всегда казались мне кусочками безоблачного неба, мои же собственные — черны.

Неожиданно радужный пузырь хорошего настроения словно наткнулся на что-то острое. Я поначалу не поняла, откуда возникло это острие. Откуда-то из темноты, похожее на кинжал.

— Тина, взгляни.

Джошуа указывал на другую сторону улицы. Я посмотрела. С бульвара Сан-Карлос на боковую улицу сворачивал красный спортивный автомобиль.

— И что?

— Так это же Наг за рулем.

Услышать это имя сродни тому, как если бы на вас вылили ушат холодной воды.

— А что в этом странного? Он что, не имеет права садиться за руль?

— Он наблюдал за нами. — Джошуа обернулся через плечо. Напряжение на его лице заметно спало. — А вот и наш автобус.

Автобус остановился прямо напротив нас. Я поднялась со скамейки, вошла в салон и обернулась к Джошуа. Он махал мне на прощание рукой. Но в следующее мгновение водитель закрыл дверь, и Джошуа скрылся из виду.

Всю дорогу я сидела одна, прислонившись к стеклу. В салоне находились еще несколько пассажиров, и все как один были погружены в собственные мысли. Интересно, подумала я, куда едут эти люди? Домой, к семье, или куда-то еще, в привычный и понятный им мир.

Я же, как ни старалась, никак не могла привыкнуть к Лос-Анджелесу. Он оставался для меня чужим. Сама я выросла в мексиканской деревушке Набенчаук на плато Чиापас, что на юге страны. Я скучала вдаль от пышной зелени наших лесов, мне доставало сухой зимы и дождливого лета. Мое самое раннее воспоминание — еще не рассвело, а мать, босая, стоит на коленях и мелет маис. Во многих отношениях моя мать — типичная женщина майя. И как ее только угораздило забеременеть в четырнадцать лет, когда в нашу деревушку, аж из самого Мехико, приехал один художник.

Когда мне исполнилось восемь лет, мои дядя и тетка погибли во время землетрясения — кстати, такое у нас случается часто. После них остался одиннадцатилетний сын, Мануэль. Мать после долгих лет наконец решила отправиться на поиски моего отца. Взяв с собой меня и Мануэля, она пустилась в путь по Панамериканскому шоссе в Мехико, для меня это было все равно что на край света. Разумеется, никого мы не нашли. Но так и остались в Мехико, городе падших ангелов, что не спят ночами.

Автобус остановился на бульваре Сан-Карлос в нескольких кварталах от моего дома. Магазины на углу были пусты и закрыты. Я надеялась, что встречу кого-нибудь из Альконес и попрошу проводить меня домой, чтобы не идти одной. Мой двоюродный брат Мануэль умер год назад, незадолго до того, как мне исполнилось семнадцать, и с тех пор Альконес присматривали за мной. Я легко могла представить себе, как Марио препирается с Мануэлем:

— *Oye, vato*, пойдём, что ли, к нашим?

— *Chalehomes*, я хочу пойти прошвырнуться. Может, снимем каких-нибудь смазливых девчонок.

В ту ночь никого из них поблизости не оказалось. Забегаловка чуть дальше по улице была открыта. Оттуда я могла позвонить Марио. Конечно, мне придется его разбудить, сегодня утром он встал спозаранку и весь день провел в поисках работы. Наверняка он давно уже спит и вряд ли обрадуется тому, что его вытаскивают из постели в час ночи.

До моего дома оставалось лишь пара кварталов. Район наш я знала хорошо. Да и меня здесь знал едва ли не каждый. Вот почему я приняла решение, изменившее мою жизнь до неузнаваемости. Возможно, я уже и тогда знала или догадывалась каким-то внутренним чутьем, что этой ночью должно произойти что-то особенное, из ряда вон выходящее. Возможно, какой-нибудь специалист-нейролог мог бы проследить процессы в моем мозгу, предшествовавшие принятию этого решения, или же физик смог бы рассчитать изменения его магнитного поля. Но как бы там ни было, я решила, что дойду до дома одна.

Я свернула в переулок. Вдоль дороги выстроились старые, выдавшие лучшие времена домишки. Почти все фонари разбиты, и лишь местами тротуар освещен тусклой лампой. Асфальт весь в трещинах, кое-где из них уже проросла трава. Повсюду мусор: какие-то камни, куски штукатурки, газеты, обертки от конфет, пустые сигаретные пачки, картонные тарелки и стаканы. И все это либо разносится ветром по всей улице, либо валяется беспорядочными грудками у стен домов. Кое-где ветром в окнах раздувает занавески. В нос

мне ударил неприятный запах мокрой бумаги.

Когда мать только-только привезла нас в Эл-Эй, мы поселились в районе еще более убогом, чем этот. И хотя с точки зрения материального комфорта похвастаться нам было нечем, мама сделала все для того, чтобы мы имели крышу над головой, а главное, щедро одаривала нас своей любовью и заботой. Когда она умерла, мы с Мануэлем переселились сюда, тем более что квартплата оказалась нам по карману.

Я шла по направлению к дому, ощущая какое-то странное чувство. Нечто вроде струйки. Словно по моим рукам стекал какой-то теплый ветерок, остаток мощного, вырвавшегося из ближайшего каньона порыва. Только вот каньон этот был у меня в голове, а уж никак не в городе.

Через два квартала я увидела *его*.

Он стоял в сотне метров от меня, лицом к дороге, высокий мужчина с курчавыми волосами. Он был мне незнаком. Единственный исправный фонарь на этом отрезке улицы горел как раз в том месте, где находилась я. Стоит мужчине повернуться в мою сторону, как он тотчас заметит меня. Я отлично понимала, что мне следует уйти, но было в незнакомце нечто необычное, и я остановилась, чтобы присмотреться внимательнее.

В руках он держал коробку. Она испускала приглушенное жужжание и неяркое свечение, переливаясь то красным, то золотым, то зеленым, то голубым, то пурпурным и серебристым. Держа чудесную коробку перед собой и не сводя с нее глаз, мужчина сделал поворот вокруг своей оси. Судя по тому, как он был одет, я бы скорее заподозрила его в причастности к магазинным кражам. Он же был занят исключительно каким-то прибором. Но ведь и Мануэль, когда шел гулять со своими друзьями, одевался точно так же — майка и заправленные в ботинки джинсы. Правда, незнакомец этот был во всем черном. Мануэль же предпочитал футболки и линялые джинсы.

Вспомнив о Мануэле, я быстро опомнилась. И попятилась, надеясь скрыться из виду, прежде чем этот тип заметит меня. Но, увы, слишком поздно. Незнакомец повернулся и поднял глаза. Сначала он просто стоял на месте, глядя в мою сторону. А затем направился ко мне. Шагал он быстро и уверенно, и расстояние между нами сокращалось с каждым мгновением. «Попалась!» — подумала я и бросилась наутек.

— *Esperate*, — крикнул он. — *Hablaconmigo!*

Сама не понимаю, что заставило меня обернуться на его кошмарный испанский. Ведь я с трудом понимала, что он хочет сказать. Голос его тоже звучал как-то странно. Слово *habla* незнакомец пророкотал на басовой ноте, словно кто-то задел толстую струну. Но от него исходило какое-то тепло, заслонявшее собой все остальное. Это тепло волной обдавало мою кожу, уже не струйкой, а полноводной рекой.

Незнакомец замер, глядя на меня. Я тоже тарасилась на него, готовая в любую минуту броситься наутек, если он подойдет ближе.

— *Preguntar me tedecir*, — снова попробовал он вступить со мной в контакт.

Грамматика в его словах отсутствовала напрочь.

— *Que?*

— *Despierto mi*, — произнес он. — *Yo espanol mal*.

Он плохо говорит по-испански? Это еще мягко сказано!

— А по-английски?

— Говорю! — На его лице читалось облегчение. — Гораздо лучше.

По-английски мужчина говорил с сильным акцентом, но понять его было легче. И примерно в каждом предложении голос его срывался на рокот, будто кто-то задевал басовую клавишу на пианино. Иногда она звучала октавой ниже, иногда октавой выше, но всякий раз в басовом ключе.

— Что вам надо?

Он протянул руки ладонями вверх, словно показывая, что безоружен. Уверенности мне это не прибавило. Вдруг у него где-то спрятан нож или пистолет. Правда, в одной руке незнакомец до сих пор держал загадочную коробку.

— Заблудил, — произнес он. — Найдите меня помочь?

— Что-что?

Незнакомец на минуту умолк. Лицо его утратило всякое выражение, словно экран выключенного компьютера.

— Вы не могли бы мне помочь? Я заблудился, — наконец произнес он.

— А куда вам надо?

— Первоначально в Вашингтон.

Я все напряглась. Наг и его компания вечно ошивались возле винного магазина «Вашингтон». Они всё носили черное, как и этот тип. И как у него, у них были напульсники. Я потихоньку попятилась.

— До «Вашингтона» вам не близко.

— Да, — произнес незнакомец. — Я специально не стал приземляться в столице.

Он что, имеет в виду Вашингтон, округ Колумбия? А у него с мозгами все в порядке? Хотя нет, разговаривал он как вполне нормальный человек. Нельзя сказать, чтобы незнакомец нес какую-то околесицу, да и язык у него не заплетался. Просто плохо говорил по-английски.

— А что у вас в Вашингтоне? — поинтересовалась я.

— Прием.

Я едва не расхохоталась.

— То есть вы собрались туда на прием в таком виде?

— Это моя повседневная форма. Парадная форма осталась на корабле.

Интересно, он сам понимает, что говорит? Нет, в нашем районе таких, как он, отродясь не бывало.

— А как вас зовут?

— Эльтор.

Эль Тор? Похоже на кличку. У Нага в банде почти у всех клички, хотя и не такие экзотические.

— Вы имеете в виду Тора? Ну, этого, у которого молот?

— Извините, но я не представляю, кого вы имеете в виду. Кого? Вообще-то я сомневалась, что есть люди, которым знакомо это слово. Несмотря на усталость, надо мной с каждой минутой брало верх любопытство.

— А это что у вас? — показала я на коробку.

— Транском, — ответил он.

— И для чего он?

— Передает и получает волны. В настоящий момент я пытаюсь обнаружить радиосигналы.

Он подошел ближе, демонстрируя мне коробку. Я попятилась. Как только попала в круг светового пятна, отбрасываемого уличным фонарем, незнакомец замер на месте, изумленно глядя на меня, словно только что увидел. В некотором роде так оно и было, потому что до этого я стояла в темноте.

— О Боги! — пошептал он. — Ты прекрасна!

Я же продолжала пятиться в сторону аптеки на углу.

— Не двигайся! — приказал Эльтор и шагнул ко мне.

Но не успел он сделать и шага, как я бросилась со всех ног.

— Подожди! — крикнул он мне вслед.

Я остановилась, обернулась и посмотрела на него. Почему? Что-то в нем показалось мне знакомым, но, как ни старалась, я не могла с уверенностью сказать что. Более того, я ощущала это кожей, словно струйки тумана, поднимающиеся утром над рекой. Или что-то теплое. Что это? Душевное тепло? Я замерла на месте, готовая в любую секунду броситься прочь и одновременно снedaемая любопытством. Что же он предпримет дальше?

Эльтор отошел к уличному фонарю, чтобы я могла его разглядеть. Он был высок, почти шесть футов ростом. Глаза темные, почти черные, хотя в тусклом свете уличного фонаря

разглядеть их настоящий цвет было трудно. У него была светлая кожа и, насколько я могла рассмотреть, курчавые волосы точно такого же цвета, что и бронзовый браслет у меня на руке — мама подарила мне его незадолго до смерти. Я должна была признать, что парень он симпатичный. Странный, конечно, но симпатичный. Однако если он хорош собой, это еще не означает, что я собираюсь с ним тут долго разговаривать.

— Ты из компании Нага? — спросила я.

— Кого?

— Нага. Можно подумать, ты его не знаешь.

— Нет, не знаю.

— Ну, значит, видел. Такой высокий. Англо. Голубые глаза. Прическа «двести двадцать».

— Нет, этот человек мне неизвестен, — ответил Эльтор и пристально посмотрел на меня. — Так ты не узнаешь мою форму?

— Не знаю я никакой формы, — поморщилась я. — Я вообще не представляю, какая она. — Даже сейчас, когда я говорю на семи языках, я все равно, вопреки всем правилам, употребляю в английском двойное отрицание. Странно, однако, что язык не позволяет вам таким простым способом подчеркнуть свою мысль.

— Я ***, — произнес он.

— Что-что?

Он повторил какое-то странное слово еще раз, но я все равно не смогла понять, что оно значит.

— Не понимаю.

— Дословно это переводится как Второй Джагернаут.

— Джагернаут?

Незнакомец кивнул.

— Это что-то вроде вашего капитана дальнего плавания, — пояснил он и на минуту задумался. — А может, даже ближе по смыслу к вашему майору военно-воздушных сил.

— Так вы военный?

— Пилот. Тактическое боевое авиакрыло ИКК.

Пилот! Как интересно! Но осторожность тотчас взяла над любопытством верх. Уж что-то не слишком он был похож на летчика.

— А что такое ИКК?

— Импер... — Он запнулся. — Космическое командование. К этому моменту я была уже на все сто процентов уверена, что парень либо ненормальный, либо накурился марихуаны, или же, на худой конец, принимает меня за круглую дуру, готовую поверить любым рассказам.

— А, понятно.

— Ты считаешь, что я все это выдумал?

— Ну, знаешь ли, не каждый день по пути домой нарываешься в темноте на военных летчиков.

Эльтор улыбнулся.

— Ты права.

Его улыбка застала меня врасплох. В ней не было ни жестокости, ни притворства, ни легкомысленной веселости того, кому ни разу в жизни не приходилось плакать. Но за этой улыбкой что-то крылось, что точно — я не могла понять, но что-то сложное, запутанное.

Я слегка расслабилась.

— А как ты попал в Эл-Эй?

Он оценивающе окинул меня с головы до ног, словно решал для себя, стоит меня опасаться или нет. Вот уж смех, да и только. Ну кто по сравнению с ним я, девчонка «метр с кепкой» и в мини-юбке? Когда незнакомец наконец снова заговорил, мне показалось, что ему в голову пришла та же мысль. Тогда я еще не представляла ни истинную причину того, почему Эльтор решил довериться мне, ни тех сомнений в его душе, что этому

предшествовали.

— Я не туда попал, — произнес он. — Вернее даже, это не то место и не то время. Согласно положению звезд, дата сходится с расчетной. Но все остальное не так. — Он указал на уличный фонарь. — Прежде всего я и понятия не имел, что в Лос-Анджелесе будут вот такие фонари.

Я недоуменно заморгала. Уличный фонарь был точно такой, что и остальные во всем городе, — высокий, едва ли не столетней давности столб, а на его конце нечто вроде крючка, с которого свисает фонарь наподобие колокола на старой испанской миссии. Ни один путеводитель по Калифорнии не обходился без упоминания о них.

— Это колокола ангелов, — пояснила я.

— Колокола ангелов? Вот уж ничего подобного раньше не слышал.

— Сразу видно, что ты не здешний. Эти фонари такие же знаменитые, как и мост Золотые Ворота в Сан-Франциско.

Эльтор нахмурился.

— Я изучал американскую историю. И будь эти фонари действительно так знамениты, как ты о них говоришь, я бы наверняка их узнал.

— Может, твой учитель плохо знал историю Лос-Анджелеса?

— Моим учителем был компьютерный чип. И он не содержал сведений о ваших уличных фонарях, или, как вы их называете, колоколах ангела.

Сказав это, незнакомец обвел взглядом грязную улицу, посмотрел на разбитое стекло в ближайшем от нас доме, на полуразвалившееся крыльцо.

— Ты здесь живешь?

Вопрос о том, где я живу, мне не понравился, и я не стала на него отвечать. И тогда незнакомец спросил:

— А почему ты так живешь?

— Потому что, — процедила я сквозь зубы.

Эльтор как-то передернулся, будто моя злость задела его за живое.

— Мне извини, — произнес он. — Я не хотел обижать. Наступило молчание. Наконец я не выдержала и заговорила первой:

— А ты откуда?

— Первоначально из Партонии.

— Откуда?

— Партонии. Там Штаб-квартира сколийского правительства.

— Первый раз слышу.

— После того, что я здесь увидел, и тем более после того, чего не увидел, я ничуть не удивлен.

С этими словами Эльтор присел на соседнее крыльцо и указал на свой светящийся коробок.

— Все не так. Единственное, что мне удалось обнаружить, — это колебания на радиочастотах.

Я шагнула поближе, чтобы лучше разглядеть коробку. Эльтор водил пальцами по ее граням, и они переливались самыми разными цветами. Затем он обвел коробкой вокруг запястья и прижал к напульснику. Кстати, напульсник этот оказался вовсе не из кожи — или по крайней мере не весь. Кое-какие части были металлическими, кое-где виднелись провода — теперь я знаю, что это керамоплексовые проводники, которые питают миниатюрную компьютерную сеть.

— Первый раз в жизни вижу такие напульсники, — заметила я.

— Они снабжены новой сетевой структурой, — рассеянно произнес мой новый знакомый, не сводя глаз со своей ненаглядной коробки. — По крайней мере я могу добраться до своего Джага.

— До твоей машины? — спросила я, полагая, что он имеет в виду «ягуар».

По его виду никак не скажешь, что это владелец роскошного автомобиля.

— Да, боевой.

— А, понятно.

Уж не актер ли передо мной, подумала я, который разучивает роль? Но скорее всего этот парень где-то по дороге потерял из головы пару-тройку шурупов. Правда, с другой стороны, ничто в его поведении не вызывало у меня особой тревоги, а интуиция еще ни разу меня не подводила.

Эльтор поднял повыше свой транском.

— Я проверил радиоволны, микроволны, видимую часть спектра, ультрафиолетовое и рентгеновское излучение, а также каналы нейтрино. Ничего.

— А зачем тебе, чтобы проверить все это, понадобилось приходить именно сюда?

— В принципе Джаг мог бы провести оптическое сканирование, — пожал плечами Эльтор.

— Я имею в виду эту улицу.

Прежде чем ответить, он несколько секунд смотрел на меня непонимающим взглядом.

— Не знаю. Просто мне показалось, что это подходящее место.

— А что ты ищешь?

Эльтор издал какой-то странный звук.

— Что-то, что могло бы мне все объяснить. У меня такое чувство, будто я попал не в тот век. Но место и время — все соответствует заданным параметрам. С той разницей, что это не та Земля, которую я знаю.

— Наверно, ты из Калтеха, — улыбнулась я. — У меня там приятель, Джош, на первом курсе. Он рассказывал мне о ролевых играх, вы якобы постоянно в них упражняетесь. Я так понимаю, что и ты сейчас играешь в такую игру?

— Калтех? Если, не ошибаюсь, это значит Калифорнийский технологический институт.

— Точно. Но Джош его никогда так не называет.

Допустим, подумала я, Эльтор из Калтеха. Но это еще не объясняет, что он делает здесь ночью и притом один. Нет, он скорее похож на одного из Наговых дружков. Однажды, еще в школе, Наг с дружками напали на Джоша за спортивным залом. Они связали ему за спиной руки и выстроились перед ним, держа в руках ружья, словно собрались его расстрелять. Им казалось, что это ужасно прикольно. Джош тогда так перепугался, что не ходил в школу целую неделю. Он вообще боялся рассказывать о случившемся и поделился только со мной. Я же рассказала об этом своим друзьям Альконес, и те взяли его под свою защиту.

— Я слышал про Калтех, — заметил Эльтор. — Правда, сам я там никогда не был. Много лет назад я окончил ДВА.

— ДВА?

— Военную академию.

Я представила себе одного из подонков, дружков Нага, в форме курсанта военной академии и едва не расхохоталась. А еще лучше — в лагере для новобранцев. Представляю, как чехвостили бы его сержант!

Но было видно, что Эльтор не шутит. К этому моменту я уже процеживала его слова сквозь фильтр собственного жизненного опыта. А опыт этот включал в себя и страстное желание поступить в колледж, и полное отсутствие денег, чтобы платить за учебу. И скажи мне кто тогда, что в один прекрасный день я получу диплом с отличием как в области естественных, так и гуманитарных наук, я бы расхохоталась этому человеку в лицо.

— Мне в принципе не важно, есть ли у вас степень по каким-то там заумным наукам, — тихо проговорила я.

— А у меня есть степень, — ответил он. — По инверсионной инженерии. Или инженерии превращений.

— Чего-чего? Извращений? — усмехнулась я.

Он покраснел, явно неуверенный, то ли это я шучу, то ли он по-английски ляпнул какую-то глупость.

— Превращений.

Мне понравилось, что ему не все равно, как я реагирую на его слова.

— Значит, у тебя сегодня вечером прием, и ты обязан на нем присутствовать.

— Да, в Белом доме, в честь моей матери.

— В Белом доме? Наверняка ваша матушка — особа знаменитая.

— Да, она математик. В честь нее даже названо уравнение. Но это было уже много лет назад. А в течение долгого времени она была ****.

— Кем-кем?

И вновь лицо Эльтора приняло странное выражение, вернее, отсутствие такового. Я уже довольно тонко реагировала на его эмоциональное состояние и почувствовала происшедшую перемену. Мой собеседник словно превратился в металл. Но затем исходившее от него тепло вернулось и окутало нас наподобие облака. С его возвращением я тоже словно оттаяла.

— Ключ, — наконец произнес Эльтор. — Это самый близкий перевод, какой я могу подобрать.

То есть его мать была Ключом? Нет, в тех играх, о которых мне рассказывал Джошуа, никаких ключей не было. Кроме того, мне ни разу не приходилось слышать, чтобы в играх принимали участие родители.

— А что она делает?

— Заседает в Ассамблее. Вернее, отвечает за связь между сетями данных и Ассамблеей.

— А, понятно.

Признаться честно, я ожидала услышать что-нибудь более экзотическое, вроде колдуньи или королевы.

Но с другой стороны, возможно, «связь» это какой-то пароль?

— Так, может, она у тебя королева-воительница? — пошутила я. — А ты принц? И если я тебя поцелую, то превращу в лягушку?

Лицо моего собеседника озарилось сонной улыбкой.

— Попробуй.

Я почувствовала, что заливаюсь краской. Я ведь действительно сказала это шутки ради, без всякой задней мысли. Если мне и хотелось пофлиртовать, то совсем чуть-чуть. Но я вовсе не собиралась вешаться ему на шею, и по моим словам это было нетрудно понять. Но с чего это я вдруг утратила бдительность? Мы с Эльтором поговорили всего несколько минут, но он сумел произвести на меня впечатление большее, чем все мои старые знакомые, вместе взятые.

Эльтор протянул вперед руку с транскомом — таким жестом вакерос, ковбои, предлагают сахар пугливой лошади, когда хотят заманить ее поближе, чтобы набросить на нее лассо.

— Хочешь посмотреть, как он работает?

Я уставилась на светящуюся коробку. Например, мы с Джошуа потому и подружились, что, хотя и выросли в совершенно разной обстановке, оба питали слабость к разного рода технике. Он был большой любитель мастерить всевозможные приборы, мне же нравилось самой разбираться, как они устроены и почему работают.

— Хочу, — сказала я, но на всякий случай не стала подходить слишком близко.

Эльтор провел пальцами по одной из граней коробки, и она засверкала серебром.

— Сейчас он воспринимает акустические колебания. Затем он повернул коробку другой стороной, которая оказалась мембраной.

— Скажи что-нибудь!

— Привет, коробочка! — сказала я.

— Привет, коробочка, — повторила та моим же голосом.

— И как это у нее получается? — поинтересовалась я.

— Твой голос производит в атмосфере продольные колебания. Транском их воспроизводит.

Эльтор прижал коробку к своему запястью и коснулся другой фани. Тотчас прозвучала нота.

— Частота 552 герца.

Эльтор извлек другую ноту.

— Какая частота?

— Наверно, такая же? — предположила я. — Или чуть-чуть выше.

— 564 герца. А у тебя тонкий слух. Обычно люди не улавливают такую малую разницу.

И он извлек еще одну ноту.

— А эта?

— Такая, как предыдущая.

— Нет. 558 герц.

Он пробежал пальцами по граням коробки и снова извлек звук. На этот раз звук вибрировал, словно птичья трель.

— Здорово! — воскликнула я. — Теперь мне все понятно. Ты накладываешь частоты! Мы с Джошем читали об этом в одной книжке в библиотеке. Эта твоя коробка производит две ноты одновременно.

Эльтор улыбнулся — как мне показалось, более заинтригованный моей реакцией в целом, нежели тем, что я сказала.

— А ты знаешь, какова ее частота?

— Двенадцать герц. Сейчас постараюсь угадать высоту, — сказала я и на минуту задумалась. — Это та нота, что ты играл последней. 558 герц.

Эльтор кивнул и прикоснулся к другой грани. Ночной воздух наполнила мелодия флейты, нежная и мягкая, словно пух на крыльях совы.

— Красиво, — заметила я. Эльтор убрал транском от запястья.

— Хочешь сама попробовать?

Ответ на вопрос был очевиден. Хотела, и еще как! Я протянула руку за коробкой. Эльтор немного подвинулся и опустил руку на колени. Так что мне, чтобы взять транском, пришлось шагнуть поближе. Я сделала шаг, споткнулась о его ногу и... едва не свалилась прямо ему в распростертые объятия. Вернее, Эльтор обхватил меня за талию, чтобы я не упала. Ощущая себя круглой идиоткой, я схватила транском и попятилась.

— Если ты подойдешь ко мне, я покажу, как он работает.

Я осталась стоять на месте. Эльтор же продолжал сидеть на крыльце, прислонясь к перилам. Он широко расставил обутые в ботинки ноги и уперся локтями в колени. Рядом валялись куски штукатурки. Мне ужасно хотелось посмотреть, как работает транском, но при этом я опасалась подойти ближе. Мысленно взвесив все «за» и «против», я все-таки решилась и присела на ступеньки, но так, чтобы между нами осталось расстояние в пару футов.

Эльтор наклонился и дотронулся до серебристой фани. Она тотчас засияла золотом.

Я отпрянула.

— Что ты делаешь?

— Переключаю в режим электромагнитных колебаний.

— И что это значит?

— Прямо сейчас он строит антенну.

Эльтор развел руками, словно старался охватить и улицу, и дома, и даже небо.

— Везде.

— Но я ничего не вижу.

— Вместо нее ему служат дома. — Эльтор опустил руку на ступеньку, слегка задев пальцами мое бедро. — При этом он использует изменения в плотности воздуха.

Я отодвинулась.

— Ничего не чувствую.

— Ты и не можешь ничего чувствовать. — Эльтор пододвинулся еще ближе. — К тому же, — проворковал он, — есть вещи, которые чувствовать гораздо приятнее.

Его настроение было сродни реке чувственности, над которой вьется туман. Ощущение это было настолько необычным, что я от испуга выронила транском. Он выскользнул у меня из рук. Я успела заметить, как мои пальцы проскользнули мимо его граней, и они замигали. Транском упал у меня между ног, точнее, возле одного каблука-шпильки, и остался лежать, переливаясь гранями, словно драгоценности на дне реки.

Неожиданно из него донесся женский голос:

— ...четвертый позвонивший выиграл два бесплатных обеда в «Кухне Моны». Так что, приятели, держите свои телефоны наготове...

— *Oyga!*

Я наклонилась, чтобы достать транском, и мои пальцы коснулись другой грани. Женский голос оборвался на полуслове, зато вместо него заговорил мужской, говоривший на незнакомом мне языке. Я отдернула палец.

— Что он сейчас делает?

Взгляд Эльтора был устремлен на мою опущенную между колен руку. Мне показалось, ему стоило немалых усилий отвести оттуда глаза и посмотреть мне в лицо.

— Что?

Я покраснела и поспешно свела вместе колени.

— Транском. Что с ним случилось?

— Он улавливает радиоволны.

Эльтор наклонился еще ниже. Теперь его грудь касалась моего плеча. Он прикоснулся к одной из граней транскома, и прибор умолк.

— Ты так и не сказала, как тебя зовут, — проговорил он мне едва ли не прямо в ухо.

Река его эмоций обтекала нас и не давала мне трезво мыслить. Я ощущала чувства Эльтора гораздо сильнее, чем чувства других людей, сильнее, чем чувства Джошуа. Что причиняло мне едва ли не физическую боль. Будь его эмоции резки, о них наверняка можно было бы порезаться. Но резкости я в нем не ощущала, одну только чувственность.

— Тина. Меня зовут Тина. 'Акуштина Сантис Пуливок. Сама не знаю, почему я представилась ему своим полным именем. Я всегда внутренним чутьем угадывала, когда оно может показаться человеку странным. А такое случалось не раз, и я перестала себя им называть.

— 'Акуштина, — повторил Эльтор. — Какое красивое имя. Как и ты сама.

Я вытаращила глаза. Меня удивило даже не то, что он нашел мое имя красивым, хотя, признаться честно, этого я меньше всего ожидала. Дело в том, что жесткое придыхание, с которым оно произносится, кажется многим уродливым — особенно если вы не говорите на цоцильском диалекте языка майя. Нет, меня поразило другое — то, что Эльтор произнес мое имя совершенно правильно.

Эльтор прикоснулся к пряди моих волос.

— Такие длинные, такие мягкие и такие черные. От него исходил слегка терпкий запах.

— А почему ты здесь одна?

Я попыталась не обращать внимания на запах, но это было невозможно. Никто из нас тогда даже не подозревал, что он потому испускает феромоны, что почувствовал рядом с собой человека с общим генетический кодом.

Я отодвинулась дальше.

— Возвращаюсь с работы. Меня ждут мои братья. — Откуда ему знать, что у меня нет братьев. — Наверно, они меня уже ищут.

Эльтор приподнял голову, словно прислушиваясь к звукам, недоступным простому человеческому уху.

— Как у тебя это получается?

— Что именно?

— Загружать меня. Заглушать мои мысли. По идее, моя сеть защищена от помех.

— Что-что?

— Я не могу думать. — Эльтор обнял меня за талию. — Ты наверняка что-то делаешь.

Теперь я ощущала его буквально кожей, вернее, ощущение его эмоций смешалось с реальным прикосновением, и я уже не могла отделить одно от другого. Нет, это уж слишком. Когда Эльтор наклонился ко мне, чтобы поцеловать, сама не знаю почему, но я обхватила его за шею руками. Я уже не контролировала свои действия.

Когда дело касалось мужчин, Мануэль был строг со мной, словно родной отец. Или, точнее, словно священник. Я смутно представляла, что со мной происходит в данную минуту. Успела понять я лишь одно — Эльтор целовался не так, как другие мужчины. Сначала он быстро провел кончиком языка мне по уху, затем коснулся моих закрытых век, а затем кончика носа. Когда он наконец добрался до моих губ, то одной рукой обхватил за талию, а другой придерживал мне голову, поглаживая большим пальцем щеку, пока его язык раздвигал мне губы.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, он смахнул мне с лица волосы и спросил:

— Где твои братья?

Я посмотрела на него, все еще ощущая прикосновение его губ. Воздух был наполнен исходящим от него запахом.

— Тина? — прикоснулся он к моей щеке. — Ты слушаешь?

— *Que?*

— Твои братья. Почему они позволяют тебе ночью ходить одной?

— Они не позволяют. — Что, собственно, было чистойшей правдой, поскольку у меня не было братьев. — Обычно я не хожу одна так поздно.

— А куда ты идешь?

— Домой. Обычно меня подвозит Роза, но сегодня ее машина в гараже.

Кстати, это привело меня в чувство. Господи, как глупо, должно быть, я выгляжу, подумала я и встала с крыльца.

— Мне пора.

Эльтор встал вслед за мной.

— Так скоро?

Я не решалась спросить у него номер телефона — вдруг он это не так воспримет. Земля в тот момент находилась в состоянии неизвестности, особенно в том, что касалось ритуалов ухаживания. В некоторых кругах не было ничего зазорного в том, если женщина первой оказывала мужчине знаки внимания. Но я-то выросла в среде, где на такое поведение посматривали неодобрительно.

— Тина? — обратился ко мне Эльтор.

— Знаешь, мне пришло в голову, а не... — Я остановилась, давая ему возможность взять инициативу в свои руки.

— Что?

Он смотрел на меня так, словно я вдруг превратилась в воду и теперь струилась между его пальцев.

— Я? Ничего, — быстро поправились я и, выждав с минуту, добавила: — Мне пора.

— Ты уверена? — начал было он, но осекся.

— Да.

И снова загадочный взгляд. Но сказал он всего лишь:

— *Adios*, 'Акуштина.

— *Adios*.

И я зашагала домой, стараясь изо всех сил не обращать внимания на внутренний голос, который подсказывал мне, что я совершаю чудовищную ошибку.

Я прошла еще с полквартиры и обернулась. Эльтор по-прежнему смотрел мне вслед. Когда он увидел, что я приостановилась и смотрю на него, то шагнул вдогонку. Но я поспешила прочь. Быстро перешла на другую сторону улицы и свернула за угол. В какой-то момент мне показалось, будто я слышу за спиной чьи-то шаги, но когда обернулась, то никого не увидела.

Я жила на перекрестке улиц Старателей и Сан-Хуан. Свернула на вторую из них и с

радостью увидела осевшее крыльцо моего дома. Еще три дома — и я у себя.

Мне в глаза ударил ослепительный свет фар — кто-то припарковал машину на улице Старателей. Машина была красного цвета. На мгновение я застыла на месте, а затем со всех ног бросилась в сторону своего крыльца.

Дверь машины распахнулась, и оттуда вышел Наг. Собственно говоря, его зовут Матт Кугельман. Высокий и сухощавый, с хорошей мускулатурой; в его движениях было нечто от хищного животного — тифа или пантеры. Голова выбрита за исключением темени, где желтоватые волосы стояли торчком, словно колючий кустарник. Нагу было двадцать четыре, но выглядел он гораздо старше. В лице его проступала какая-то резкость, словно у глиняной маски, которую слишком долго закаляли в печи. Но самое неприятное впечатление производила его манера смотреть на вас — невольно в душу закрадывалось впечатление, что, кроме него самого, в этом мире для него никого не существует.

Вот почему он был мне так ненавистен — люди значили для него гораздо меньше той наркоты, которую он им продавал. Это Наг приказал своим подручным убить Мануэля — за то, что тот украл у него из машины крэк. Но самое худшее в том, что это Наг продал Мануэлю его первую дозу — якобы для того, чтобы «помочь» парню справиться с горем, после того как умерла моя мать. И разумеется, не кто иной, как Наг, постоянно снабжал Мануэля наркотиками.

Я тотчас поняла, что домой попаду не скоро. Сначала попробовала броситься бегом в другом направлении, но совершенно забыла, что я на каблуках. В общем, не успела я сорваться в места, как споткнулась и полетела в кучу мусора.

Чья-то рука взяла меня под локоть. Я подняла лицо и увидела над собой ненавистную физиономию Нага.

— Привет, Тина, — сказал он.

— Привет, — ответила я, поднимаясь с земли.

— Решил проверить, благополучно ли ты добралась домой. — Наг притянул меня к себе и направился в сторону моего дома. — Я провожу тебя.

— Сама дойду, — возразила я, когда мы начали подниматься по ступенькам, и попыталась высвободиться из его хватки. — Спасибо. И пока.

— А куда ты так торопишься?

Он шагнул в мою сторону. Я попятилась и оказалась прижата к стене.

— Наг, — пролепетала я, ощущая за спиной стену дома. Господи, как мне хотелось в этот момент исчезнуть! — Иди домой, хорошо?

— Я видел, как ты обнималась с Джошуа на автобусной остановке. — С этими словами Наг дотронулся кончиком пальца до моей щеки. — С чего это ты трешься с этим недоделком?

— Не смей его так называть.

— Это почему же? — В голосе Нага звучало неподдельное недоумение. — Ведь он даже не пытается тебя трахнуть. Поверить не могу. Не иначе, как голубой.

Мне было прекрасно известно, что Джошуа равнодушен к женщинам. Особенно ему нравились высокие и рыжеволосые.

— Просто я не в его вкусе. Он любит умных девиц. С мозгами.

Наг в ответ рассмеялся, а потом провел пальцем по моей шее.

— А тебе-то зачем мозги? — Наг наклонился, словно собрался меня поцеловать. — Ты и без того хорошенькая.

Я попыталась присесть, чтобы вывернуться из-под его руки, но он грубо прижал меня к стене.

— Ты знаешь на кого похожа? — спросил он. — На модель из каталога одежды, на который я подписался.

В иной ситуации я бы от души расхохоталась, узнай я, что Наг заказывает себе тряпки по каталогу.

— Что-то вроде «Сиэrsa»?

— «Сиэрса»? — Наг рассмеялся. — Нет, одной голливудской фирмы. Название уже не помню. Фридман или Фредерик или что-то в этом роде. Знаешь, бабы там будут даже посмазливее, чем в «Хастлере».

— Наг, мне надо идти.

— Там они еще демонстрируют всякие эротические штучки. — Наг залез мне под юбку и нащупал пояс с резинками. — Что-то вроде этого.

Я оттолкнула его руку.

— Прекрати.

— Ты даже не представляешь, какие на них прикиды. Сплошные кружева и джи-стринги, искусственная кожа. Я даже понятия не имел, во что одеваются нормальные бабы.

Наг сдернул у меня с плеча сумочку, потянул мне руки вверх и прижал запястья к стене.

— Будь со мной поласковее... Ты даже не представляешь, на что способен папочка, если его крошка вдруг начнет брыкаться.

— Прекрати!

— Я же сказал, поласковее! — Он резко отпустил мои руки. — Мне ведь про тебя кое-что известно.

— И что именно?

В его голосе чувствовалось нетерпение.

— Как ты соврала насчет того, сколько тебе лет, чтобы получить работу. Что бумажки, крошка, у тебя липовые и ты здесь нелегалка. И если ты начнешь брыкаться, мне достаточно сказать лишь пару слов кому надо. А что будет дальше, сама знаешь. Тебе ведь не хочется возвращаться в свою вонючую Мексику? Тебе же здесь нравится? Что скажешь, Тина? Это же лучше, чем стать уличной девкой где-нибудь в Тихуане?

— Прекрати. И хватит меня запугивать.

— Черт! — От злости Наг вогнал в стену кулак, и с нее моментально осыпалась краска. — Но почему бы тебе не сказать: «Да, Наг. Как ты скажешь, так и будет!» Ты ведь всегда поступала так, как велел тебе этот говнюк, твой двоюродный брат. Мол, ходи в церковь по воскресеньям. Кто, скажи на милость, таскается в церковь каждое воскресенье? Одни придурки. Но теперь-то его нет. Был и сплыл. И больше тебе не указ. И мамыши твоей тоже нет. И эти твои говнюки, Альконес, сидят и пикнуть не смеют?

Наг схватил меня за плечо и со всей силы встряхнул.

— Я здесь хозяин, крошка. Так что не очень-то задирай нос. А не то сама пожалеешь.

— Нет! — выдохнула, вернее, это он вытряс из меня этот возглас. — Прекрати!

И в этот момент какая-то сила отбросила его прочь от меня. Мгновение назад он тряс меня за плечо, а уже в следующее я была свободна и от неожиданности едва не упала. Кое-как мне все-таки удалось удержаться на ногах, и тогда я увидала, что Наг стоит лицом к лицу с кем-то еще. С Эльтором!

— Что это ты себе позволяешь? — требовательно вопрошал тот. — Неужели ты не чувствуешь, что она напугана?

— А ты кто такой, ублюдок?

Я не стала дослушивать продолжение их диалога. Вместо этого вбежала в дом и с грохотом захлопнула за собой дверь. Внутри я изо всех сил шлепнула ладонью по выключателю. Никакого результата. Мне ничего не оставалось, как выбежать в коридор, нащупывая на ходу ключи.

От досады я даже выругалась. Ключи мои лежали в сумке, а сумка осталась валяться снаружи, там, где ее швырнул на землю Наг.

Я вернулась к двери. Снаружи раздался грохот, словно кто-то рухнул на ступеньки. Эльтор был крупнее Нага, но тот наверняка проворнее. Эльтору еще повезет, если тот не пустит в ход пистолет.

Затем я услышала, как открылась дверца машины, и голос Нага произнес:

— Ты еще пожалеешь, что связался со мной. Потом дверь захлопнулась, и взревел мотор.

Я продолжала стоять, не решаясь пошевелиться. Наг не из тех, кто первым покидает поле боя, если, конечно, бой этот окончательно не проигран. Но ведь поединок был один на один? Где это видано, чтобы Наг с позором уносил ноги? Почему же он предпочел ретироваться? Я слегка приоткрыла дверь — с той стороны кто-то тотчас потянул ее на себя. И столкнулась лицом к лицу с Эльтором.

— Тина, — спросил он, — с тобой все в порядке?

Я попятилась, зацепилась за какую-то кучу мусора в коридоре, стукнулась спиной о стенку и в конце концов шлепнулась на колени. Чтобы сдержать бившую меня дрожь, я едва не засунула себе в рот кулак.

Эльтор подошел и опустил передо мной на колени. Он протянул ко мне руки, но я вся напряглась, и он мгновенно их опустил. На лице его было напряженное выражение, похожее на маску боли, однако я не заметила на нем ни царапин, ни синяков.

— Все в порядке, — произнес он. — Его больше нет. Эльтор поднялся и предложил мне руку.

— Не понимаю, как только брат может с тобой так обращаться.

Я поднялась на ноги и сделала шаг назад.

— Брат?

— А разве это был не твой брат?

— Нет.

— Нет? Тогда все понятно.

— Что понятно?

— Почему он не обратил внимания на твой страх.

— Ему нравится, когда люди его боятся. От этого он чувствует себя настоящим героем.

Эльтор пробежал рукой по волосам. Я заметила, что она у него дрожит. Но не потому, что так он среагировал на случившееся. Я ведь ощущала, что у него внутри. Никакого страха перед Нагом у него не было и в помине. Он дрожал потому, что дрожала я.

— А как ты узнал, что мне нужна помощь? — поинтересовалась я.

— Я принял твой сигнал. Даже с расстояния. Ты всегда посылаешь такие сильные сигналы?

Опять он за свое. Несет какую-то околесицу. Я попятилась к лестнице.

Эльтор обвел взглядом темный обшарпанный коридор.

— Мне кажется, ты должна найти себе безопасное место.

— *Estabien*. Все в порядке.

Господи, как же мне взять мою сумку? Эльтор стоял между мной и дверью.

Он наблюдал за мной с таким видом, словно бился над разрешением какой-то загадки. Затем вышел наружу и вернулся, неся мою сумку. Поставил ее на пол и шагнул в сторону. Я же, не теряя ни минуты, схватила сумку и поспешила прочь. Эльтор не пошел за мной. Просто стоял и наблюдал, как я поднимаюсь по лестнице.

На втором этаже в окошко в конце коридора заглянула луна, освещающая пол и стены. На полу тотчас стали видны кучи мусора, а на стенах уродливые черные пятна — следы пожара, который когда-то едва не уничтожил это убогое строение. Где-то заплакал ребенок, сначала резко и пронзительно, затем чуть тише. Наверху была слышна семейная перебранка — женщина и мужчина орали друг на друга.

Я бегом бросилась к своей двери и отомкнула сначала верхний замок, а затем нижний, затем еще один, посередине, и открыла дверь. Очутившись внутри, заперла дверь и устало прислонилась к стене. Меня всю трясло, и я ничего не могла с этим поделать. Не осталось сил даже доползти до кровати. Я в изнеможении опустилась на пол и легла, упершись головой в дверь. Меня продолжала бить дрожь. От усталости и пережитого страха я лежала трупом и не могла даже пошевелиться.

Глава 2

ГОЛУБЫЕ АЖУРНЫЕ ЧУЛКИ

Открыв глаза, я увидела перед собой залитую солнцем комнату. Выглядела она как и всегда — посередине телевизор, а у южной стены моя кровать. Над кроватью — *huipil*, белый наряд моей матери, украшенный вышивкой и перьями. Кстати, наряд этот закрывал особо неприглядную дырку в стене. На другой стороне комнаты, у восточной стены, располагалась «кухня», отделенная невысокой перегородкой, за которой нашлось место для плиты и холодильника. Окошко над раковиной процеживало солнечные лучи сквозь тонкие голубоватые занавески.

На часах было девять утра. То есть до начала моей смены в «Голубом рыцаре» оставалось еще семь часов. Я переоделась в ночную рубашку и заползла в постель. На этот раз сон укутал меня по-настоящему, словно нежное пуховое одеяло.

В два часа дня меня разбудил лай собаки за окном. Я встала, умылась, посмотрела на себя в зеркало и призадумалась. Было над чем. Выглядела я лет на десять старше своего возраста. До этого дня мне не давала покоя мысль, почему Наг выглядит гораздо старше своих лет — наверняка тот образ жизни, который он вел, отнимал у него жизненные силы.

Наг все-таки прав. В полицию мне лучше не ходить. По крайней мере так я тогда считала. Наша семья перебралась в Штаты в 1981 году, и по закону от 1986 года на нас как на нелегальных иммигрантов распространялась амнистия. Но ни моя мать, ни Мануэль не владели английским настолько хорошо, чтобы во всем этом разобраться. Я пыталась уладить дела сама, но беда в том, что я была несовершеннолетней и нуждалась в официальном опекуне. Поэтому до поры до времени решила подождать, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

Наконец я собралась идти на работу. Я открыла дверь в коридор... и от испуга едва не запрыгнула назад в комнату.

За дверью сидел Эльтор. Он спал.

Вернее, сидел рядом с дверью, подтянув колени к груди и опустив на них голову, словно свалившийся от усталости телохранитель. Увидев его при дневном свете, я разглядела, что он никакой не блондин. Солнце золотило ему волосы, но на самом деле они были фиолетовыми.

Он также был старше, чем мне первоначально показалось, — уже далеко за тридцать. Ночью я приняла его за белого парня, но сейчас не знала, что и думать. Кожа Эльтора имела какой-то металлический оттенок, бронзовый или золотистый. Солнечные лучи на его обнаженных руках искрились золотом.

Я опустилась рядом с ним на колени.

— Эльтор.

Он открыл глаза и заморгал.

От удивления я открыла рот. Нет, мне было прекрасно известно, что у него есть глаза. В этом я имела возможность убедиться еще накануне ночью. Но когда он поднял ресницы, все, что я увидела, было исходившее от них золотистое свечение. Ни зрачков, ни радужной оболочки, ровным счетом ничего. Только это свечение.

— Ой, что это?! — вырвалось у меня.

Он огляделся по сторонам. Свечение померкло, и глаза приобрели нормальный вид. Вернее, почти нормальный, потому что были они ярко-фиолетовыми. Эльтор вытянул ноги и протер глаза. Затем бросил взгляд на окно в конце коридора.

— А уже поздно!

Я все еще таращилась на него.

— Почему кожа у тебя блестит, как металлическая? И глаза тоже?

— А, это у меня в деда, — повернулся ко мне Эльтор. — У него было... не знаю, как это лучше сказать по-английски. Отклонение при рождении.

Врожденный порок? Я поморщилась, но промолчала, чтобы его не обидеть.

— День у вас слишком короткий, — произнес он, зевая. — Придется переустановить внутренние часы.

— Сейчас весна, и дни длинные.

Я потерла пальцем его бицепс. Золотая краска и не думала оттираться.

Эльтор поймал меня за палец.

— У тебя все в порядке?

— Разумеется. Лучше не бывает, — выпалила я. — Спасибо тебе. За прошлую ночь. Даже думать не хочется, что могло произойти, не приди ты мне на помощь.

Эльтор приподнял мою руку и прижал к губам. Нет, он ее не поцеловал, а слегка укусил пальцы. Станный жест, но приятный. Хотя мне с трудом верилось, что это он спас меня ночью. Тогда я даже представить себе не могла, почему, по какой неизвестной мне причине он остался, как верный пес, сторожить мою дверь.

— Ты сторожил меня, — сказала я, — защищал незнакомую тебе девчонку?

— Почему ты называешь себя девчонкой?

Эльтор было протянул ко мне руки, но затем остановился. Убедившись, что я не имею ничего против, привлек меня к себе. Я сжимала его изо всех сил. Локоны у него за ушами приятно щекотали мне нос. Я закрыла глаза, моля судьбу, чтобы эти мгновения продлились вечно. Чтобы я могла, словно в капельке янтаря, сохранить их навсегда и носить повсюду с собой, куда бы ни пошла, и вынимать их, и любоваться ими всякий раз, когда меня охватывали тоска и грусть.

Спустя секунду я оторвала голову.

— Мне пора на работу. Если я опоздаю, меня выгонят.

— Можно я тебя провожу? — спросил Эльтор.

Я рассмеялась — так обычно смеются, когда человек, который вам нравится, оказывает вам знаки внимания.

— Хорошо.

— Я прошу меня извинить. Из-за прошлой ночи. Я должен был спросить у тебя.

— Я в принципе не против.

— Честно? — улыбнулся он, сверкнув зубами. — Я все время думал: она вот-вот что-то скажет. Но нет, ты ничего не сказала. И я решил, что у тебя нет ко мне интереса. Иногда я забываю, что у вас здесь не такие обычаи. Я не знаю, чего ожидать от человека, который испытывает ко мне какие-то чувства.

Честно говоря, и я не знала, что на это сказать. Поэтому промолчала, просто поднялась и встала рядом с ним.

Мы вышли на улицу, и в глаза нам ударило полуденное солнце. Эльтор побледнел.

— Я знаю тебя уже четырнадцать часов, — заметил он.

— И в чем проблема?

— Да нет, ни в чем.

Он пробежал рукой по волосам.

Нет, проблема явно имелась. Эльтор не знал, как себя вести, и от этого вокруг него образовалось нечто вроде бледного серебристого облака. Однако он не желал сдавать завоеванные позиции. Что ж, это вселяло надежду. Надо сказать, я особенно не поверила тем рассказам, что Эльтор пытался сочинять про себя. С какой стати боевой летчик из будущего, потерявшись в пространстве и времени, станет провожать на работу официантку из дешевого ресторана?

Когда мы шли по улице, мимо проехал старый «форд». Эльтор резко обернулся и несколько шагов шел спиной вперед, наблюдая за машиной, пока та не скрылась за углом. Лишь потом он снова повернулся ко мне.

— Ничего не понимаю. Еще один автомобиль!

Меня так и подмывало спросить его, не увлекается ли он старыми автомобилями, но тут я снова заметила у него в руках золотую коробку с закругленными краями. Понятия не имею, откуда она у него взялась. На одежде у Эльтора не было никаких карманов, и я не

заметила, чтобы до этого коробка болталась, подвешенная к поясу. Кстати, она на глазах меняла цвет, и грани становились все резче и резче.

— Это твой транском?

Эльтор посмотрел на волшебную коробку.

— Ах да!

Он сосредоточил на ней все свое внимание. Мы шли рядом, а коробка мигала разными цветами.

— Мой приятель Джош тоже делает разные приборы вроде этого, — заметила я. — Приемники всякие, передатчики.

— Вряд ли он может сделать транском.

— Ты все еще пытаешься уловить сигналы?

— Нет, я сейчас проверять положение моего Джага. — Эльтор сделал паузу и вопросительно посмотрел на меня. — Проверяю положение моего Джага.

— Верно, проверяю положение моего Джага, — улыбнулась я. Его лицо вновь утратило всякое выражение.

— Да, теперь с грамматикой все верно. Проверяю положение моего Джага.

Я вздрогнула. Эльтор произнес это предложение на безупречном английском, практически без акцента. Но затем акцент все-таки вернулся.

— Вообще-то я говорю по-английски неплохо. Просто давно не упражнялся. Чтобы заново запустить программу, требуется время.

Запустить программу?

— Ты хочешь сказать, на твоём самолёте?

— Самолёте?

— Но ведь ты сам сказал, что ты — летчик.

— Это не самолет, а космический корабль.

Я едва не покатила со смеху.

— Ну, знаешь, Эльтор, если у тебя действительно есть корабль, то почему он там, на небе, а ты здесь, на земле?

— Я отослал его назад.

— Это как же?

— При помощи вот этого. — Он поднял транском.

— Как может какая-то коробка заставить взлететь космический корабль?

— Корпус корабля действует как принимающая антенна. Она получает посылаемые транском сигналы, после чего передает их бортовому компьютеру.

— И сейчас эта штукавина управляет полетом твоего корабля?

— Нет. Летать корабль может сам по себе. — Эльтор бросил взгляд на улицу с ее вывороченными канализационными люками. Порыв ветра поднял с тротуара старую газету и закружил в воздухе. — Мне кажется, что на орбите он в большей безопасности.

— Вот уж не думаю. Наши военные наверняка его там обнаружат.

— Нет, — покачал головой Эльтор. — Он снабжен ****.

— Чем-чем?

— По-моему, на английский это переводится как «саван». Такой невидимый защитный экран. Он поляризует молекулярную пленку корпуса, меняя ее таким образом, что поверхность корабля ничего не отражает. А еще он, на разных электромагнитных частотах, отсылает назад неверные данные, для ваших радаров. А еще приводит в действие специальную защитную программу, которая держит под контролем определенное пространство вокруг корабля и изменяет его курс во избежание столкновения с другими телами.

Эльтор умолк, глядя перед собой. От удивления он открыл рот.

Я посмотрела в ту сторону. Мы как раз подошли к перекрестку, за которым отрывался бульвар Сан-Карлос.

— В чем дело?

— Машины. — Он помахал рукой в сторону бульвара. — Я еще ни разу не видел одновременно столько машин на улице. Неудивительно, что у вас воздух пахнет бензином.

— Ты прав.

Я сморщила нос.

— Ваши деревья не имеют ****?

— Чего не имеют?

— Фильтров. Специально созданных молекул, которые пропускают сквозь себя загрязняющие воздух вещества, превращая их в безвредные химические соединения.

— Нет. Хотя идея мне нравится.

Впереди из-за угла выплыл автобус. Я бросилась бегом, и мы едва успели вскочить в салон, когда автобус уже тронулся с места. Я заплатила за нас обоих. У Эльтора не только не было денег, но, кажется, он вообще не имел понятия, что это такое.

Мы прошли в заднюю часть салона. Народ оборачивался нам вслед. Эльтор — при его росте, черном прикиде, фиолетовых волосах и металлическом блеске кожи — привлекал к себе всеобщие взгляды. Вернее, бил в глаза, как неоновая реклама. Свободных мест не нашлось, и мы были вынуждены ехать стоя, покрепче ухватившись за поручни, пока автобус подскакивал по ухабам и колдобинам. Эльтор смотрел в окно, причем таким замороженным взглядом, что от него буквально сыпались искры — такое впечатление, будто салон автобуса пронзали мириады крошечных сияющих стрел. Я еще ни разу не встречала человека, чьи впечатления были бы столь мощными и яркими.

Мы ехали молча. В любом случае разговаривать довольно трудно, пока автобус трясется и подскакивает на ухабах. Кроме того, я опасалась, что Эльтор на людях вновь заведет разговор о космическом корабле. Транскома в руках у него не было видно, и я понятия не имела, куда он его спрятал.

Мы добрались до ресторана «Голубой рыцарь» примерно без десяти четыре. Тент громко хлопал на ветру, и Роберт, швейцар, уже занял свой «боевой пост». Я провела Эльтора через заднюю дверь. Как только мы вошли внутрь, то едва не столкнулись с Брэдом Стейнхэмом, нашим управляющим. Он помогал бармену переносить коробки со всевозможными банками, жестянками и бутылками из одной кладовой в другую.

— Привет, Брэд, — поздоровалась я.

Он посмотрел на меня, начал было улыбаться, но, заметив Эльтора, нахмурился. Правда, не стал его выгонять. Вместо этого перевел взгляд на меня.

— С тобой все в порядке? Вид у тебя не очень.

— Да, все отлично, — улыбнулась я. — Эльтор, это Брэд.

Брэд поставил свою коробку и выпрямился. Эльтор кивнул, окидывая его оценивающим взглядом. Брэд сделал то же самое. Но Эльтор в буквальном смысле посмотрел на него сверху вниз, а вот Брэд на него — снизу вверх. Казалось, его так и подмывало спросить великана, сколько тот способен выжать.

Затем Брэд посмотрел на меня и указал на кладовку, откуда они с барменом таскали коробки.

— Там у нас протекает крыша. Надо все перетащить в надежное место, пока не пошел дождь.

Он снова посмотрел на Эльтора, а тот на него.

— Не хочешь подзаработать? — спросил Брэд. — Есть работенка на весь вечер. Семь долларов за час, если поможешь нам очистить кладовку. Бармен мне нужен в баре.

— Ты хочешь, чтобы я за вознаграждение выполнял физическую работу?

— Верно, парень. — Брэд покосился в мою сторону. — Тина здесь будет занята в течение восьми часов. За все это время получишь шестьдесят зеленых.

— Хорошо, — ответил Эльтор. — И что мне делать?

Брэд указал на кладовую, где бармен как раз поднимал тяжеленный ящик.

— Иди за ним. Он покажет тебе, что куда переносить.

Эльтор пошел в кладовую и заговорил с барменом. Тот кивком указал на штабеля

коробок. Сам он покраснел от напряжения, пытаясь поднять одну из них. Эльтор же без видимых усилий взял сразу две. Он двигался скорее как хорошо отлаженное подъемное устройство, нежели как человек. И, следуя за барменом, без труда перенес коробки на новое место.

— Вот это да, — пробормотал себе под нос Брэд. — И где только берут таких амбалов? — Он повернулся ко мне. — Сегодня мы вряд ли закончим. Так что если у него на завтра нет никаких планов, можешь его приводить. У нас найдется для него работенка.

— Спасибо, — поблагодарила я и вопросительно посмотрела на Брэда. — А как насчет Марио? Ты обещал взять его на полный рабочий день.

Брэд ответил не сразу.

— Не знаю.

— Но ты ведь сам сказал, что с удовольствием взял бы его вышибалой.

— Тина, пойми, за ним такое числится, недели не хватит сосчитать, — вздохнул Брэд. — Незаконное хранение оружия. Кто, как не он, размахивал заряженным пистолетом у всех на виду? И еще один был при нем, только что спрятан. А вооруженное нападение? А драки с тяжкими телесными повреждениями? А покушение на убийство, если тебе всего предыдущего мало!

Спорить с этим было невозможно. Со стороны именно так и выглядело. Но большинство правонарушений на совести Марио так или иначе были связаны с враждой между Альконес и подручными Нага, и все из-за гибели моего двоюродного брата Мануэля. Марио тогда попался на незаконном хранении огнестрельного оружия. Полиция нажимала на это особенно сильно, потому что обвинить его в покушении на убийство было гораздо сложнее. А еще полицейские хотели, чтобы и Марио, и Наг убрались с улицы, потому что неизвестно, до чего доведет их вражда. И тот, и другой отсидели тогда срок в тюрьме «Соледад». А вот за смерть Мануэля никто так и не понес наказания. Полицейским якобы не хватило улик, чтобы посадить кого надо за решетку.

— Но с него сняли почти все обвинения, — слабо возразила я. — А за остальное он отсидел.

— Я подумаю, — тихо произнес Брэд.

Я прекрасно знала, что означает это «я подумаю». Марио здесь не светит никакая работа.

Брэд кивком указал в сторону Эльтора. Тот вместе с барменом как раз направлялся в кладовую.

— Что это он сотворил со своей кожей, что она у него блестит, как медный таз?

— Не знаю.

— А с волосами? Фиолетовые, первый раз такие вижу. — Брэд покачал головой и пошел дальше. — Чего только вы, ребята, не выдумаете!

Я посмотрела на Эльтора. Тот выносил из кладовой две большущие коробки. Слово «ребята» никак к нам не вязалось. Эльтор уж никак не ребенок, да и я, слава Богу, выгляжу старше своих лет. Надо сказать, впервые в жизни я была этому рада.

Ближе к полуночи я отыскала Эльтора в пустой кладовой, где он сидел с Брэдом и двумя официантками, Сами и Делией.

Компания устроилась на полу, попивая кофе и кушая булочки из соседней кондитерской. Брэд сиял, а Сами и Делия то и дело строили Эльтору глазки.

— Привет.

Я переминалась с ноги на ногу в дверях, не зная, входить или нет.

— Привет, — ухмыльнулся Брэд. — Ты только взгляни. — И он развел руками, словно пытался обхватить все пустое пространство кладовой. — Эльтор очистил обе кладовки!

— Замечательно! — согласилась я.

Эльтор молчал, а Сами тем временем продолжала ластиться к нему. Ее светлые волосы упали ему на руку. Но он не обращал на нее ни малейшего внимания, хотя это еще ничего не значило. Сами постарше меня и ужасно хорошенькая. Может, ему хотелось, чтобы я

поскорее слиняла отсюда.

Но он поднялся с места.

— Ты освободилась? — спросил он и направился ко мне, не обращая внимания на остальных.

Даже не попрощался. Кстати, и со мной он не проронил ни слова, пока мы с ним шли к автобусной остановке. Может, разозлился на меня, что я помешала ему развлекаться с Сами и Делией? И лишь потом до меня дошло, что, разгрузив две кладовые, он, по всей видимости, устал.

Подошел автобус, и Эльтор вслед за мной поднялся в салон. И, как и в первый раз, я заплатила за нас обоих. Мы сели сзади. Он положил мне руку на плечо и привлек к себе. Мне это было ужасно приятно, и я положила голову Эльтору на плечо.

— Чуть не забыл. — Он вытащил из-за ремня две зеленые бумажки. — На, возьми.

Это были две банкноты, одна в десять, другая в пятьдесят долларов.

— А почему ты отдаешь их мне?

— А что мне с ними сделать?

— Но это ведь деньги! Или ты не знаешь, что это такое?

— Теоретически — да, — негромко произнес он. — Но с собой их не ношу.

— Но это твои деньги, я не могу их взять! — Я попыталась засунуть их ему обратно в руку. — Это ты их заработал!

— Ну, тогда пусть они пока побудут у тебя.

— Ладно, пока они тебе самому не понадобятся.

— Уговорила.

Эльтор откинул голову назад и закрыл глаза. Но вскоре голова его свесилась набок, и он едва не касался щекой моей макушки. Он все еще обнимал меня, словно маленький мальчик, который ни за что не ляжет спать без любимого мишки. Я была готова рассмеяться, но потом тоже закрыла глаза и задремала рядом с ним.

И едва не проспала нашу остановку, успев в самый последний момент позвонить водителю, чтобы тот открыл дверь. Эльтор, потирая глаза, вышел вслед за мной через заднюю дверь.

Пока мы шли ко мне, мой спутник не проронил ни слова. Сначала я подумала, что ему скучно, что он только потому провожает меня до дома, что считает это своим долгом. Мне было до того не по себе, что я не сразу уловила исходящее от него настроение. Наконец до меня дошло, что, возможно, он тоже чувствует себя неловко. Странная это, однако, была мысль. Ведь на первый взгляд в нем было столько уверенности в себе, столько самонадеянности. Ему было совершенно безразлично, что о нем подумают другие. Все, кроме меня. Но почему?

Я заметила, как он потирает поясницу.

— До сих пор поверить не могу, что ты один перетащил все эти ящики, — сказала я.

— Но мне так велел Брэд, — улыбнулся он. — Рагнар сказал бы, что работа пойдет мне только на пользу.

— Кто-кто?

— Рагнар. Адмирал Рагнар Бладмарк. Друг нашей семьи. — На лице Эльтора читалось умиротворение. — Он был моим наставником с самого детства. Можно сказать, это мой второй отец.

Мне было трудно себе представить одного отца, не говоря уже о двух.

— Тебе повезло.

— Нет, он никогда не мог бы полностью заменить мне отца. Мой отец — бард. Певец. Рагнар — военный человек, а еще врач, специалист в области биомеханики. Он отлично понял и поддержал меня, когда я решил податься в Демоны, но я вообще-то предпочитаю другое название — Джагернаути. Для моего отца это все лишь занятие, связанное с огромным риском. Он боится, что я могу погибнуть.

— Это потому, что он тебя любит, — тихо заметила я. Лицо Эльтора немного

смягчилось. Он погладил меня по волосам. Я тотчас ощутила исходящее от него душевное тепло, словно он пытался что-то сказать, но как — не знал. Я поняла одно — Эльтору хотелось, чтобы я почувствовала хотя бы толику той любви, того тепла, которое дарили ему отец и наставник. Я поймала его пальцы и поцеловала их — точно так же, как он поцеловал мои сегодня утром. Когда же я отпустила его руку, он от удивления слегка приоткрыл рот — я буквально видела, как недоумение засветилось вокруг него легким мерцающим облачком.

Хотя потом мы с ним почти не обмолвились ни словом, это было теплое, дружеское молчание, когда в словах нет особой необходимости. В конце концов он снова принялся вертеть в руках трансом. И, как и прежде, эта игрушка взялась в его руках непонятно откуда.

— Куда ты кладешь его, когда он тебе не нужен? — поинтересовалась я.

— На место.

— Место?

Эльтор не ответил. Стоило ему взять в руки трансом, как настроение его заметно сникло.

— Что-нибудь не так? — спросила я.

— Джаг, — ответил он. — С ним до сих пор проблемы.

Меня так и подмывало расспросить поподробней, но к этому моменту мы с ним дошли до ступенек моего дома. Я остановилась, вновь почувствовав себя неловко.

— Ну, вот. Мы и пришли. Спасибо, что проводил меня до дома.

Эльтор в упор посмотрел на меня. Я стояла и не знала, что делать дальше. С одной стороны, мне не хотелось, чтобы он уходил, а с другой стороны — чтобы он и дальше шел за мной.

Первым заговорил Эльтор.

— Я провожу тебя до квартиры, — предложил он и вновь умолк, а потом добавил: — Хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

— Хорошо, — выдавила я из себя.

Мы вошли в дом. Я нажала на выключатель. Как и следовало ожидать, свет не загорелся, и нам пришлось преодолевать ступеньки лестницы в темноте. Мы подошли к двери моей квартиры, и единственное, что освещало нам путь, — полоска лунного света из окна в конце коридора. У двери в квартиру я остановилась.

— Ну вот. Пришли.

Эльтор обвел взглядом облупленные стены коридора.

— Ты уверена, что тебе здесь ничего не грозит?

— Не волнуйся.

— А твои братья ждут тебя внутри?

— У меня нет братьев, — призналась я после небольшой паузы.

— А почему ты прошлой ночью сказала мне, что они у тебя есть?

— Потому что не доверяла тебе.

— А теперь доверяешь?

Он коснулся моей щеки.

Инстинкт мне подсказывал «да», здравый смысл нашептывал «нет». Я знала, что должна прислушиваться к здравому смыслу. Но как мне надоело приходить одной в эту ужасную, жалкую квартирку!

— Знаешь, я подумала, а почему бы тебе не зайти?

Эльтор запустил руку мне в волосы и, словно гребнем, провел пальцами вниз по длинным прядям.

— С удовольствием.

Я так нервничала, что постоянно попадала ключами не в те отверстия. Наконец мне удалось открыть дверь. Выключатель внутри тоже не работал, и мне пришлось взять с тумбочки под телевизором фонарик. Теперь я оказалась посреди небольшого круглого пятна света, а остальная комната оставалась в полумраке.

Эльтор переступил порог и запер дверь. Дольше всего он провозился со средним замком — не сразу понял, что нужно одновременно задвинуть перекладину в отверстие в полу и упереть ее в дверь. Я посветила ему, чтобы было лучше видно. Свет я направила на стену, чтобы, когда Эльтор обернется, не слепить ему глаза.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Почему здесь нет электричества?

— Дадут через день-два, — успокоила его я и, вытащив из-под стола подставку, сделанную из старой клетки для птиц, поставила ее на тумбочку рядом с телевизором.

Фонарик я засунула между прутьями лампой вверх, чтобы он светил на потолок.

— Два дня? — ужаснулся Эльтор. — Но почему так нескоро?

— Потому что владельцы дома — жлобы. Вечно тянут резину, если требуется что-то починить.

Я направилась в кухонный уголок и вытащила с полки под перегородкой стеклянную салатницу. Вернувшись к столу, я водрузила салатницу вверх дном на фонарик. Получилось что-то вроде плафона. Теперь свет фонаря пробивался сквозь розоватое стекло. Эффект получился очень даже симпатичный, хотя свет был тусклым — его едва хватало, чтобы разглядеть ближние к столу предметы.

Эльтор окинул взглядом импровизированную лампу.

— Ловко придумано.

— Фонарь слепит глаза, вот я придумала, чем бы смягчить свет.

Эльтор шагнул ко мне. Он был теперь совсем близко. Вернее, слишком близко. Я тотчас почувствовала, как изменился его голос, его движения. Он вообще был какой-то не такой, даже одежда на нем. Кстати, свой коробок он опять куда-то спрятал, только вот куда, я так и не заметила. Никаких карманов, никаких складок на его одежде не было.

— Иногда ночью нужен мягкий свет, — негромко проговорил он.

Его рука сжала прядь моих волос — и тогда я разглядела сочленение. От основания его среднего пальца и до запястья тянулся выступ, что позволяло ему складывать ладонь, словно книжку, пополам — от среднего пальца до запястья.

— Что у тебя с рукой? — спросила я.

— С рукой?

— Ну да, с кистью.

Эльтор весь напрягся. Нет, даже воздух вокруг него напрягся, словно накачанный воздухом шар. Он едва заметно отпрянул от меня, но это движение не ускользнуло от моего внимания — для меня это было все равно как если бы он отошел в другой угол.

— У меня был врожденный дефект, — бесстрастным тоном произнес он. — Мне его таким образом исправили.

Врожденный дефект? Я смутилась и мысленно отругала себя за свою бестактность.

А затем я ощутила нечто необычное. Эльтор переключал настроение, словно нажатием кнопки перезагрузил компьютер. Он заметно расслабился и сложил ладонь пополам, вернее, обернул ее вокруг моей. Склонив голову, второй рукой обнял меня за талию. И поцеловал.

Я отлично понимала, к чему все идет. Правда, события развивались слишком быстро. Вообще-то я всегда была застенчивой, даже с парнями моего возраста. Я сама не могла понять, что это со мной творится, почему я веду себя так, словно это и не я вовсе. Собственно говоря, и он тоже. Я до сих пор не уверена, то ли все дело в феромонах, которые выделяют люди редкого генетического строения, вроде нас с ним, то ли в инстинкте — кстати, это тоже продукт все тех же самых генов. Ведь лососи не рассуждают, когда приходит время нереста, а просто плывут против течения, чтобы произвести на свет потомство. Просто следуют зову природы. Я могу сказать лишь одно — в том, что произошло той ночью, не было ничего дурного. Просто мы с ним, как две краски, слились, чтобы образовать уже новый цвет.

Я обняла его за талию и тотчас почувствовала, какой он крепкий и сильный. Эльтор носом зарылся мне в волосы.

— Мне нравятся твои духи.

— Я не душилась.

— Значит, это просто твой запах. — Он поднял голову и кивнул в сторону кровати. — Может, мы присядем?

— Давай.

Я не смела посмотреть на него. Я была так молода, так неопытна. Откуда мне было знать, что происходящее между нами — это не просто взаимное притяжение, а нечто большее. В ту минуту меня больше беспокоило другое — как спросить, есть ли у него средства защиты. Эльтор был старше меня и лучше понимал, что происходит, однако его в отличие от меня тревожили галактические последствия его действий. Он стоял перед выбором, который практически не имел права делать, поскольку подобные вопросы — нравилось ему это или нет — за него решало правительство.

Эльтор привлек меня к кровати и сам сел, широко расставив обутые в тяжелые ботинки ноги. Я как-то совсем по-глупому продолжала стоять перед ним, зажатая между его колен, держа его за руки.

— Ты не хочешь сесть? — спросил он.

Язык меня не слушался, и я только кивнула. Присев на кровать рядом с ним, я все пыталась набраться смелости, чтобы задать ему мучивший меня вопрос. Эльтор легким движением опрокинул меня на спину, а сам вытянулся рядом и принялся меня гладить. Он начал с бедра, приподняв юбку. Затем его рука, уже поверх одежды, поднялась выше, к талии. Ладонь его была такой огромной, а моя талия такой тонкой, что он вполне мог обнять ее одной рукой. Потом он двинулся дальше, к моей груди. Та тоже легко поместилась в его ладони, вместе с рюшами на блузке. Эльтор действовал так, словно получил от меня согласие. На самом же деле мне хотелось сказать ему совсем другое: «Не торопись».

— Ты такая красивая, — прошептал он. — Ну кто мог предположить, что сегодня я окажусь с тобой в постели?

Спросить его? Но как? И не будет ли это выглядеть глупо? Ну и пусть, какая, собственно, разница? Уж лучше выглядеть глупо, чем подцепить что-нибудь или подзалететь.

— Тина? — Он оторвал руку от моей груди. — Что-то не так?

— У тебя есть с собой эта штука?

— Какая штука?

— Ну, сам знаешь. Презерватив.

Ну наконец-то. Сказала что хотела.

Его лицо на мгновение утратило выражение, превратившись в маску. Затем вновь вернулось в нормальное состояние.

— Не могу отыскать это слово. Что оно значит?

— Ну, это такая штука... для того, чтобы... в общем, чтобы не...

— Что, чтобы не?

— Чтобы не заразиться.

— Но я не заразный.

— Понимаешь, мы не можем рисковать. К тому же мне ни к чему беременность.

— Но ты не забеременеешь.

— Это почему же?

— Мои предки были людьми, — произнес он. — Но они покинули Землю так давно, что мы с тобой вряд ли сумеем произвести на свет потомство.

Услышав такое, я едва сдержала улыбку. Не думаю, чтобы нашелся кто-то еще, из чьих уст можно услышать нечто подобное.

— Послушай, Эльтор, если у тебя его с собой нет, то нам его надо где-то раздобыть. Я вовсе не пытаюсь тебя разыгрывать. Но без презерватива я не согласна. Даже не надейся.

— Что ж, возможно, ты и права. Может, действительно есть вероятность того, что ты забеременеешь, — согласился он.

— Вот именно. Есть такая вероятность.

— И тебе это не нравится?

— Эльтор!

— Значит, я должен это понимать как «нет». Ты не хочешь от меня ребенка.

— Нет, конечно!

Откуда мне было знать, что среди его соплеменников то, что я сейчас сказала ему, было равносильно тому, как если бы земной мужчина заявил женщине: «Я хочу тебя трахнуть, но не потому, что ты мне нравишься, а просто потому, что мне сейчас жуть как хочется бабу».

Я почувствовала, что сказала что-то не то.

— Понимаешь, моя мать вырастила меня одна, без отца, — пояснила я. — И я не хочу ребенка, пока не буду точно уверена, что его отец останется со мной.

Его лицо утратило напряженность, и все снова стало хорошо. Тогда я еще не знала, что к этому моменту он уже уяснил для себя различия между нашими цивилизациями. Правда, сказал он одно:

— У меня с собой нет «защиты». А у тебя есть?

— Тоже нет.

Эльтор мотнул головой в сторону телевизора.

— А мы не можем заказать ее через твою консоль?

— Это же телевизор. По нему ничего нельзя заказать.

— Телевизор?

— Подожди, я, кажется, кое-что придумала. Сейчас вернусь.

Я встала с постели и направилась двери.

— Тина, куда ты?

Обернувшись, я увидела, что он опять сел — расставив ноги и опершись на колени локтями.

— Ты вернешься ко мне? — спросил он.

Такого вопроса я никак не ожидала. Неужели он и впрямь решил, что я могу улигнуть, бросив его сидеть здесь одного?

Что за странная мысль — такое скорее могло прийти в голову мне, но никак не ему.

— Не волнуйся, я сейчас. Обещаю.

Я расправилась с замками и вышла в коридор.

Квартира Бониты и Гарри располагалась на этом же этаже, через три двери по коридору. Я постучала, моля Бога, чтобы дверь отрыла Бонита, а не ее муж.

Дверь слегка приоткрылась — на тонкую щелочку.

— Тина? Что тебе?

Звякнула цепочка, и дверь открылась шире. Из-за нее на меня смотрела заспанная Бонита в ночной рубашке, поверх которой была надета пушистая розовая кофта с перламутровыми пуговицами. На плече лежала тяжелая черная коса.

Мы с ней не были подругами. Просто здоровались, когда встречались на лестнице, но если учесть, что работали мы в разное время суток, то это случалось не так уж и часто. Но мне почему-то казалось, что она относится ко мне с симпатией.

— Дело в том, что я хотела попросить... в общем, мне нужен...

Бонита взяла меня за руку и затащила внутрь.

— В чем дело, Тина?

— Ни в чем. Со мной все в порядке. Я только хотела кое о чем попросить.

— Попросить?

— Ну да. Я подумала, что у Гарри найдется...

— Что у него найдется? — Бонита зевнула. — Тина, уже поздно.

— Презерватив, — выдавила я и залилась краской.

— А-а-а. — Бонита наконец проснулась. — Ты серьезно?

— Да, ведь уж лучше с ним, чем без него.

— Я не то имела в виду. — Бонита окинула меня с головы до ног. — У тебя Джейк? Ты не слишком ему позволяй.

— Это не Джейк.

Джейк на тот момент был моим первым и единственным ухажером, но мы расстались с ним за несколько месяцев до этого.

— Извини, Бонита, зря я тебя побеспокоила. — Чувствуя себя круглой идиоткой, я попятилась к двери. — Извини, иди спать. Я не...

— погоди, — Бонита положила мне на плечо руку. — Одну минутку. Сейчас принесу.

Она исчезла в спальне, а когда вернулась, то несла небольшую коробочку. Она дала ее мне в руку и согнула мне пальцы.

— Тина, подумай хорошенько, — сказала она, — пока не поздно. Может, тебе лучше остаться здесь, у нас. Можешь переспать на диване.

Но я отрицательно покачала головой.

— Спасибо, Нита. Но я пойду к себе. — И я попятилась вон. — *Muchasgracias*.

Очутившись в коридоре, я со всех ног бросилась к своей двери. В следующий миг я услышала, как хлопнула ее дверь, и у меня отлегло от сердца.

Эльтор все так же сидел на кровати. Я ощутила переполнявшее его любопытство — оно щекотало мне ноздри, словно перец. Я села рядом с ним, и он вытащил у меня из сжатых пальцев коробочку. Открыл ее и извлек небольшой квадратик фольги. Повертел его так и сяк.

— И что с этим делают? — поинтересовался он.

— Ну, в общем, когда наступает время. Ну, сам понимаешь. Когда мы с тобой и все такое прочее. Тогда ты это и делаешь.

Эльтор рассмеялся.

— Что-то я сегодня медленно соображаю. Я ничего не понял из того, что ты мне только что сказала.

Я залилась краской.

— Хорошо, в нужный момент я все тебе покажу.

— Ладно.

И он положил квадратик назад в коробочку, а ее поставил на пол рядом с кроватью. Затем повернулся ко мне, и ощущение любопытства, та перечная щекотка, исчезло. Зато ей на смену пришла настоящая — это Эльтор провел пальцами мне по руке до самого плеча, а оттуда — вниз по шее.

Затем он нежно повалил меня на кровать и, прижимая меня к себе, начал развязывать шнуровку на моей форме. Тянул ее и дергал и так, и эдак, нащупывал пальцами петли. Но ничего не мог поделать. В конце концов он издал полный отчаяния вздох.

— Интересно, а к этому прилагается инструкция по использованию?

Я тихо рассмеялась и, запустив руку между нашими телами, расшнуровала корсет. Эльтору осталось только завершить начатое и стащить его с меня вместе с лифчиком. От холода по моему телу побежали мурашки. Но потом мне вновь стало тепло — это Эльтор прижал меня к себе. Пока он занимался моей юбкой, я пыталась расстегнуть на нем жилет — с тем же результатом, вернее, отсутствием такового, что и он с моей шнуровкой. Я не обнаружила ни пуговиц, ни петель, ни крючков, ни вообще никаких застежек. Моя рука просто скользила по кожаной поверхности, вернее, по тому материалу, который я приняла за кожу. На самом деле это была синтетика, призванная защищать тело как от холода, так и от перегрева.

Эльтор приподнялся на локте и пробежал пальцами по груди. Жилетка моментально расстегнулась. Понятия не имею, как он это сделал, — но результат был налицо. Правда, застежек я так и не увидела. Грудь его была прекрасна — мышцы такие рельефные, такие упругие, слегка поросшие золотистыми волосками. Странно, подумала я. Соски и ареолы тоже светились каким-то металлическим блеском, даже еще более металлическим, чем все остальное тело. Я потрогала один, ожидая, что он окажется холодным на ощупь. Но нет, он оказался теплым. Просто они выглядели как металлические.

Эльтор стащил с меня всю одежду за исключением чулок и пояса с резинками. Он все

время играл с ними — и не потому, что никогда не видел ничего подобного, а скорее потому, что никак не ожидал увидеть их на мне. Для меня это были всего лишь дурацкие голубые ажурные чулки — составная часть рабочей формы официантки в ресторане «Голубой рыцарь». Тогда я не знала, что для него это было белье фасона трехсотлетней давности.

Я наблюдала, как он раздевается, и на мгновение почти позабыла о том, что совсем недавно меня била дрожь. Его тело было сплошным клубком мускулов — широкое в плечах и узкое в бедрах. Когда Эльтор лег рядом со мной, я мысленно сказала себе, что в этом нет ничего постыдного. В действительности же мне было ужасно неловко, а мысли путались в голове.

— Что-то не так? — прошептал он мне на ухо.

— Нет, все нормально, — ответила я и покраснела. Обхватив его, я провела рукой ему по спине — от шеи до талии, нащупывая его мышцы, его позвоночник, его розетку, его... Розетку?

Да, розетку. У него на спине, чуть ниже талии, имелась самая настоящая розетка. Я пощупала ее кончиками пальцев. Отверстие было меньше чем полдюйма в диаметре.

— Это для псифонной вилки, — пояснил Эльтор и поцеловал мне ухо.

У меня в голове тотчас возникла комичная картина — заправщик на бензоколонке накачивает внутрь его тела бензин. Нет, это какой-то бред. Затем, где-то посреди моих спутанных мыслей, я почувствовала, что Эльтор пытается войти в меня.

— погоди! — Я тотчас позабыла про розетку. — Эльтор, погоди. Ты забыл про это самое.

— Вот это? — Он поднял с пола пакетик с презервативом. — Объясни, что я должен я этим делать. В моей памяти нет никакой информации по этому вопросу.

В его памяти? Неужели я оказалась в одной постели с типом, который вообразил себя компьютером? Интересно, а как у других девушек, когда они теряют невинность? Им тоже приходится иметь дело с ненормальными? Кстати, эта мысль до сих пор не дает мне покоя. Но нечасто случается такое, что становишься женщиной в объятиях Имперского Демона. Имперского Джагернаута.

Я оттолкнула Эльтора от себя. Он явно не понял почему — в полумраке комнаты недоумение так и плясало вокруг него золотистыми светлячками. Затем он, кажется, понял, чего я от него хочу, и присел. Я тоже села, хотя от смущения старалась не смотреть на него. Затем я взяла пакетик и вскрыла.

— Надень.

— Надеть?

— Угу, вот на это. — Я дотронулась до той самой части его тела.

— А, понятно, — тихо произнес он. — Но лучше ты сама.

Каким-то образом я справилась с этой задачей. Мне даже понравилось. Было в этом нечто возбуждающее. Затем мы снова легли и заключили друг друга в объятия. Тем не менее то, что произошло между нами, оказалось далеко не таким, как я себе представляла. Более того, у Эльтора не сразу получилось войти в меня. Наконец он помог себе рукой — и, Господи, до чего же больно! Я вся напряглась, и он немного замедлил темп, его движения стали нежнее, какими-то убаюкивающими. И хотя я все еще ужасно нервничала, мне это ужасно нравилось. Я наслаждалась движением его тела, ровным и сильным ритмом. Искры, порождаемые его настроением, становились все ярче, переливаясь то красным, то оранжевым, то золотым светом. Эти безумные светлячки то и дело сталкивались с моими собственными мыслями, мешая думать. И хотя я всегда всеми своими чувствами ощущала эмоции других людей, обычно это происходило само собой. Эльтор же направлял свои искры в мою сторону, словно они были солдатами, беспрекословно подчинявшимися его командам, а он — их генералом.

— Тина, — хрипло прошептал он мне на ухо, —пусти меня.

Впустить его? А разве он еще не вошел?

Искры стали еще ярче.

Установлен интеллектуальный контакт.

Эти слова словно молния пронзили мое сознание.

Начата загрузка.

Я дернулась, с трудом подавив крик. Эльтор поцеловал меня, словно успокаивая, и что-то прошептал на непонятном мне языке. Я, разумеется, ничего не поняла.

Перекачка данных — высветилось в моем сознании.

Он тоже «впустил меня в себя», чтобы я прочувствовала его ощущения, как если бы те были моими собственными. Пик его наслаждения был таким сильным, что сравнить его можно было разве что с океанской волной во время шторма — она нарастала все выше и выше, пока наконец не накрыла его с головой. Эльтор весь передернулся и со всей силой вжал меня в матрац. У меня перехватило дыхание. Затем волна рассыпалась на мелкие брызги, ударяясь с одинаковой силой о нас обоих, и светлячки-искры слились, превратившись в мерцающее облако.

Затем я очнулась, обнаружив, что нахожусь у себя в комнате. Искры одна за другой гасли — волна отступала, а светлячки улетали с пляжа. Эльтор лежал рядом со мной, тяжело дыша. Мысли его были спокойны, а само побережье купалось в тихом лунном свете.

— Я не слишком тяжелый? — наконец спросил он.

— Нет, Тор.

В тот момент мои чувства были обострены до предела, словно это была не я, а инструмент, который настроили, но так ничего на нем и не сыграли.

— Тор? — сонно улыбнулся он. — Меня так еще никто не называл.

— Тор — это бог грома. У него есть волшебный молот. С его помощью он обрушивает на Землю раскаты грома.

Эльтор перекатился на бок и лег рядом так, что наши тела прекрасно вписались друг в друга.

— Обещаю, что не буду обрушивать на тебя раскаты грома.

— А что ты только что сделал? — поддразнила я его.

— И теперь должен за это превратиться в лягушку?

— Да нет, можешь оставаться принцем!

— Ты меня освежаешь! — рассмеялся он.

— Неужели? *Porque?*

Большинство передо мной заискивают.

Нетрудно было догадаться почему. Правда, многое в нем оставалось для меня уму непостижимым. Я обняла его за талию и потрогала отверстие в спине.

— Это псифонная розетка, — пояснил он. — С ее помощью я подключаюсь к Джагу.

— Подключаешься? Обычно подключают приборы, но не людей.

— Через нее происходит подсоединение к биомеханической сети, — пояснил Эльтор. — У меня еще такие же на шее, запястьях и щиколотках. С их помощью я подключаюсь к моему Джагу и через его разум — к псиберсети.

Я понятия не имела, как на это реагировать.

— Такое дано не многим.

— Именно поэтому нас, пилотов, так мало, — зевнул Эльтор. — Сама знаешь.

— Что знаю?

— Таких, как ты. — Он закрыл глаза. — Как я. Немногие ведь изучали подобные вещи. Изучали? Я не была уверена, что правильно его поняла.

— Я нигде не учусь. Я пока что коплю деньги на университет. Эльтор вытаращил глаза.

— То есть как это нигде не учишься?

— В данный момент нигде.

— Ты хочешь сказать, что не прошла курс нейроподготовки?

— Понятия не имею, что это такое.

Он уставился на меня, широко открыв глаза. Его сон как рукой сняло.

— Тогда кто научил тебя так хорошо контролировать твои нервные функции? Или

манипулировать нейросетями других людей, как это ты проделала со мной? Вчера на улице и здесь сегодня?

— Никто меня ничему не учил.

— То есть ты сама научилась?

— Значит, сама научилась. — Я уже было подумала, что он сейчас скажет что-нибудь насчет «милой глупышки Тины». Такое мне приходилось слышать, и не раз. — Или ты не догадывался, что у меня есть мозги?

— Не говори так. У многих операторов Кайла высокий уровень интеллектуального развития, как следствие высокой концентрации нейронных структур в их мозгу.

— Операторов чего?

— Ты — одновременно приемник и передатчик Кайла.

— Ну да, как это я забыла!

— Тина, я ничего не придумываю!

Я не знала, что на это сказать. Вдруг, если я начну задавать вопросы, это окажется какой-то сверхсложной игрой, и я буду иметь глупый вид. А может, все-таки у Эльтора не все в порядке с головой. Хотя нет, говорит он как нормальный человек. Все дело в том, что он слишком настроен на окружающий мир, слишком чутко воспринимает присутствие других людей, проявляет к ним повышенный интерес. А еще он относится к себе с юмором. Правда, это мало что объясняет насчет розеток.

— А что ты имел в виду под «перекачкой данных»?

— А, так ты это прочла? По-английски? Я кивнула, и он пояснил:

— Наверное, это моя сеть перевела для тебя.

Эльтор потер мне пальцами шею, затем перевернул мне руку ладонью вверх.

— Странно, я не нахожу на тебе никаких биомеханических усилителей.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Боги, — прошептал он, опуская мою руку, — это преступление!

— Я не совершила ничего дурного, — возразила я. — Ровным счетом ничего.

— Я имею в виду, что это просто преступление, что такой человек, как ты, с твоими удивительными способностями, живет, никем не замеченный.

— Я такая же, как все. Ничем не отличаюсь от остальных.

Тогда мне было почему-то страшно признаться, что я все-таки немного другая. Я не хотела, чтобы от меня все отшатнулись, чтобы я провела всю мою жизнь в полном одиночестве. Кому захочется иметь рядом с собой ненормальную с обостренными чувствами, не способную выносить контакт с другими людьми?

— Нет, не такая, — возразил Эльтор. — Ты одновременно и приемник, и передатчик Кайла.

— Что-что?

И он рассказал мне о том, что у операторов Кайла имеются в мозгу два микрочипа — так называемое Принимающее и Излучающее Тело Кайла, или ПТК и ИТК. Кроме того, в коре головного мозга у нас имеются паратела — специальные нейронные образования, отсутствующие у людей иного генного типа. Уникальные рецепторы, находящиеся в глубине этих образований, реагируют на нейротрансмиттер, так называемый псиамин, — его выделяют только операторы Кайла.

И если вы — оператор Кайла, то ваш ПТК улавливает электрические сигналы, поступающие из мозга других людей, и передает их дальше, в парателу. То, в свою очередь, интерпретирует их для вашего сознания. Ваш ИТК усиливает мощность и насыщенность сигналов, исходящих из вашего мозга, и посылает их дальше. Или, если быть более точным, квантовая дистрибуция вашего мозга сильнее, чем то считается нормой, реагирует на такую же дистрибуцию у других людей.

— Твое ПТК принимает сигналы, — продолжал Эльтор, — твое ИТК посылает их.

— И что это за сигналы?

— Что угодно, что находится в твоём мозгу. Большинство операторов Кайла не

способны декодировать такую сложную информацию, как человеческая мысль. Разве что самую простую, если она очень сильна и поступает от кого-то рядом с вами. Чаще же всего воспринимаются и передаются эмоции.

Я задумалась.

— Знаешь, иногда я *вижу* чувства других людей. Это что-то вроде тумана. Или искр. А иногда слышу или воспринимаю как запах. Или вкус. Или же ощущаю кожей. То есть не головой, а именно кожей.

— Странно.

— Вот и я о том же. А все, что ты мне рассказал, это нормально?

Эльтор улыбнулся.

— Я хотел сказать, что для оператора Кайла достаточно странно взаимодействовать с сенсорным восприятием. Нейронные пути к твоим сенсорным центрам у тебя, должно быть, сплелись и перепутались с подводками к твоим парателям. Вот почему поступающая тебе в мозг эмоциональная информация запускает в действие сенсорную реакцию.

Вот и все. Словно тем самым он объяснил мне загадку, не дававшую мне покоя всю мою жизнь.

— И каким образом тебе все это обо мне известно?

— Сама знаешь каким, — ответил он. — Ведь ты сама это чувствовала. Ну почему ты не хочешь признаться? — Его голос смягчился. — Ты такая красивая. Как свет. Ты вся сияешь, ты такая милая, такая яркая, светлая — не знаю, какими словами мне это описать. Когда я рядом с тобой, мне легко и спокойно. Я словно чувствую себя исцеленным. Я даже не знал, что у меня есть раны, и вот теперь я исцелен.

Я сжала ему руку.

— Знаешь, с тобой все в порядке.

— Наверное, я не слишком постарался ради тебя, чтобы и тебе было так же хорошо, как и мне. — Его рука скользнула мне между ног. — Но я могу исправить положение. Скажи, что тебе нравится.

Вот этого я сказать ему не могла.

— Да нет, все и так хорошо. Честное слово.

— Но ты так напряжена. — Эльтор провел рукой мне по щеке. — Я не... — Он осекся на полуслове. — Что это?

— Что, что?

— Я дотронулся до твоего лица — и там осталась темная полоса. — Он посмотрел на свои пальцы. — Сейчас твое время?

— Какое время?

— Для месячных?

Ну почему он задает такие вопросы?

— Нет.

— Тогда откуда кровь?

— Кровь?

Было заметно, как он побледнел.

— Тина, ты уже занималась этим раньше?

— Чем занималась?

— Спала с мужчиной?

Ага, вот и самый главный вопрос.

— Нет. — Не успел он спросить меня еще что-нибудь, как я поспешила его успокоить. — Но можешь не волноваться. Через пять месяцев мне исполнится восемнадцать. Честное слово, так что из-за меня полицейских на тебя никто не натравит.

Он в упор посмотрел на меня.

— Тебе всего семнадцать?

— Да.

— Семнадцать земных лет?

— Ну да, земных. А каких же еще?
— О боги. — Он в изнеможении откинулся на спину. — Меня следует высечь!
— Давай помогу, если хочешь, — усмехнулась я. — Но и этого я тоже никогда не делала.
— Надеюсь, что нет, — произнес он, все так же удивленно глядя на меня.
— Эльтор, мне было с тобой хорошо.
— Но у нас не принято, чтобы взрослый человек ложился в постель с ребенком!
— Но я же не ребенок!
— Почему ты мне ничего не сказала? Знай я, сколько тебе лет, никогда бы этого не сделал.
— Именно поэтому я ничего не сказала.
— Ты рассуждаешь старше своих лет. — Эльтор покачал головой. — Когда я тебя впервые увидел, ты показалась мне совсем молоденькой, но тогда я решил, что это из-за невысокого роста. Мне ужасно нравилось, что иногда ты рассуждаешь совсем как девочка. Теперь же мне понятно, что, несмотря на юный возраст, у тебя гораздо чаще бывают куда более зрелые суждения.
— Благодарю, — растерянно отозвалась я.
Эльтор притянул меня к себе.
— Извини, в следующий раз я буду нежнее.
В следующий раз? У меня отлегло от души. Я прильнула к Эльтору и задремала, прислушиваясь к его дыханию. С каждым мгновением оно становилось все ровнее и глубже по мере того, как он сам погружался в сон.

Глава 3 УБИЙЦА

Я приняла душ и, встав у кухонного окна, принялась расчесывать волосы. Во все стороны полетели брызги. Они приятно остывали на коже, зато на стекле оставляли темные пятна. Солнце только что встало, и вдоль пустыря по соседству с моим домом протянулись длинные тени. Смог еще не опустился, и воздух был прозрачен и свеж. По пустырю валялись кучи мусора и какие-то доски — с ними еще любили играть дети с верхнего этажа. По дороге, со скрипом и фырканием, проехал «мустанг», а по тротуару, лая на восходящее солнце, пробежал бездомный пес.

Я обернулась и увидела, что Эльтор спит, раскинувшись на спине и свесив одну ногу с кровати — вернее, поставив ее на пол. Лицо его закрывала подушка, из-под которой виднелся только кончик носа и рот. Я рассмеялась, и не потому, что вид у него действительно был комичный; просто было приятно проснуться с ним в одной комнате.

Я поправила плечо блузки. Это был мой любимый наряд, и я надела ее специально для Эльтора — вся в кружевах, розочках и листьях. Юбку к ней я надела розовую. Обычно Мануэль называл этот цвет «цветом попки хихикающей белой девчонки после того, как ее по ней шлепнули». Когда же я спрашивала его, откуда ему известно, какого цвета попка у хихикающих белых девчонок, и вообще с какой стати им с ним хихикать, и почему ему можно заниматься тем, за что меня, если я начну заниматься подобными вещами — да нет, если только стану думать о них, — он грозился упечь в монастырь, Мануэль говорил мне, чтобы я шла делать уроки.

Свет все еще не дали, и я на спиртовке приготовила две кружки горячего шоколада. Взяв одну себе, другую я поднесла Эльтору в постель. Чтобы разбудить, потянула с него подушку.

— Просыпайся, соня!

Он только фыркнул и потянул подушку назад на себя. Я засмеялась и вновь сдернула с него подушку.

— Пора просыпаться! Я сегодня работаю в дневную смену.

Эльтор издал звук, свидетельствовавший о том, что просыпаться ему никак не хочется, но все-таки открыл глаза. Правда, они вновь словно были затянуты золотистой пленкой.

— Эй, что это у тебя опять с глазами?

— М-м-м?

Эльтор сел на кровати. Золотое облачко на его глазах исчезло, и они вновь приобрели свой естественный цвет.

— Я даже не заметил, что уснул.

— Да ты вырубился как бревно.

— Бревно? — Он посмотрел на кружки. — Пахнет приятно.

Я дала ему кружку.

— Почему у тебя на глазах возникает эта золотистая пленка?

— Это внутреннее веко. Собственно, в нем нет никакой необходимости, — сказал Эльтор, обхватив ладонями кружку. — Просто солнце на планете, колонизированной моими предками, светило слишком ярко. Вот они и изобрели дополнительное веко, чтобы защитить глаза от слепящего света. Когда я сплю, оно опускается. Или же когда я чувствую угрозу.

— Послушай, а ты уже заметно лучше говоришь по-английски.

— Ты так считаешь? — спросил он и кивнул. — Не знаю. Может, мне просто понадобилось время, чтобы приспособиться к архаичным формам.

— Архаичным?

Он улыбнулся.

— Язык, на котором ты говоришь, кажется мне устаревшим. Наверное, пока я спал, мои лингвистические модули каким-то образом лучше интегрировались с остальными системами.

Я заерзала на постели.

— Пожалуйста, не надо.

— Чего не надо?

— Говорить о себе как о компьютере.

— А я и есть компьютер, — сказал он и сделал глоток горячего шоколада. — Если учесть, какая разветвленная и мощная у меня биомеханическая сеть, то чисто технически меня никак не назовешь человеком. Как говорится, из плоти и крови.

Я подумала о том, что произошло между нами накануне ночью.

— Не знаю, мне ты показался самым что ни на есть человеком.

Выражение его лица смягчилось. Мне даже захотелось провести с ним все утро в постели. Чтобы как-то отогнать ненужные мысли, я спросила:

— А что такое биомеханическая сеть?

И он описал мне начинку своего тела. Во-первых, в позвоночник ему вживлены компьютерные чипы, но действовали они скорее на основе оптики, нежели электроники. Световые волокна тянулись от них к розеткам на его теле, и при случае он мог подключаться к внешним системам, например, своему кораблю. Другие волокна были подключены к электродам в клетках больших полушарий — с их помощью чипы «общались» с его мозгом. При сигнале «1» нейрон возбуждался, при сигнале «0» оставался пассивным. Эта схема действовала и в обратном направлении, таким образом, его мысли бинарным кодом передавались чипам. Биокапсулы вокруг электродов защищали нейроны от ненужного воздействия, а нейротрофические соединения держали их под постоянным контролем, предупреждая, а при необходимости устраняя малейшие повреждения.

Скелет и мускулатуру усиливала гидравлическая система сервомоторов из высокопрочного биопластика, что многократно повышало выносливость его организма и позволяло развивать скорость, в два-три раза превосходящую скорость обычного человека. Необходимой энергией его снабжал микротермоядерный реактор. Кожа из специального сплава позволяла избавляться от чрезмерного перегрева. Мощность реактора, однако, была всего в несколько киловатт — большую просто не выдержал бы его организм.

— Иногда, в боевом режиме, мой мозг практически бездействует, — признался Эльтор. — Мои действия контролируются специальными архивами рефлексов, мозгу же

остается лишь роль стороннего наблюдателя, — пояснил он и, помолчав, добавил: — Должен признаться, это малоприятное ощущение.

— Да, звучит почти невероятно, — согласилась я.

Эльтор улыбнулся и затем «шевелинулся».

Единственное, что он сделал, это слегка коснулся моего плеча. Все произошло столь молниеносно, что я едва не выронила из рук поднос. Его движение было плавным, но каким-то неестественным, словно его руку за ниточку дернул невидимый кукловод. Он слегка дотронулся до моей кожи, после чего стремительно убрал руку. Все это длилось буквально мгновение.

— Эй, — улыбнулась я. — Вот это здорово. Попробуй еще раз.

Вжик! Его рука коснулась моего плеча и стремительно вернулась в исходное положение.

— А ты весь можешь двигаться так же быстро? — с улыбкой поинтересовалась я.

— Могу, но это вредно для моего естественного скелета. Вернее, того, что от него осталось. — На него словно наплыло облако, и он покачал головой. — Обычно я стараюсь без надобности не использовать боевой режим. Он предназначен для рукопашной схватки.

— Так ты у меня машина! — Я без всякого стеснения окинула взглядом его прекрасное тело. — Обожаю всякую технику!

— Я рад, — рассмеялся он в ответ.

— И все-таки я никак не могу взять в толк одну вещь. Разве нельзя вложить мозги в обыкновенную машину, такую, которой все равно, какой мощности реактор у нее внутри?

— А кто захочет стать мозгами робота? — усмехнулся Эльтор. — Ты представляешь себе, как бы я вошел, скажем, на дипломатический прием в обличье бронированной машины?

Пришлось признать, что зрелище было бы довольно несуразное.

— Кстати, а народ не начал теряться в догадках, почему ты не появился на этом своем приеме?

— А никто не знает, что я должен был оставить свою часть. Приказ пришел после того, как делегация отбыла. Я даже не в курсе, почему возникла эта задержка. — Эльтор опустил ноги на пол. — Союзный Президент устроил прием в честь визита на Землю моей матери.

— Какой президент?

— Союзный. Президент Союзных Миров Земли.

— Но ведь это не Союзные Миры Земли. Это Америка.

— Только совсем не та, какую я ожидал увидеть, — сухо заметил он и поднял с пола свой напульсник. — У вас тут есть мировое правительство?

— Есть. Организация Объединенных Наций. Только это не правительство, по крайней мере не здесь, в ФША.

— ФША? — Он закрепил напульсник, так что тот оказался присоединен к розетке на запястье. — А это что такое?

— Федеративные Штаты Америки.

— Федеративные? А разве не Соединенные?

— Первый раз слышу такое название.

Эльтор поднял с пола брюки, встал с кровати и надел их.

— А у вас здесь действует порт? Там бы я мог получить интересующую меня информацию.

— У нас тут много разных аэропортов.

— Я имею в виду космический порт.

Мне осталось только развести руками.

— Извини, космических портов у нас здесь нет.

— А разве вы еще не колонизовали Марс? А Луну?

— Нет.

Эльтор сел рядом со мной.

— И сейчас у вас двадцать четвертый век?

— Да нет! Сегодня двадцать третье апреля 1987 года.

— По расчетам моего Джага, сегодня двадцать третье апреля 2328 года.

Внезапно над головой вспыхнула лампа, а телевизор завопил сводкой новостей. Эльтор подпрыгнул как ужаленный и выхватил из ботинка нож. Лезвие сверкнуло подобно молнии, рассыпая по стенам фейерверк искр.

— *Oiga!* — Я подпрыгнула и схватила его за руку. — Успокойся. Все в порядке. Просто снова дали свет.

Не успела я прикоснуться к нему, как Эльтор резко развернулся и занес нож с такой скоростью, что глаз воспринял это движение как расплывчатый образ. Но он столь быстро сумел совладать с собой, что я даже не успела испугаться. Лишь на считанные доли секунды застыл надо мной с занесенным ножом. Затем опустил руку и обернулся к телевизору, где в тот момент дикторша зачитывала прогноз погоды — солнечно, жарко, высока вероятность смога.

— С тобой все в порядке?

— Как ты запустила этот говорящий ящик?

— Наверно, я задела его вчера, когда доставала фонарик. — Я подошла к телевизору и выключила звук, оставив одно изображение. — И случайно нажала кнопку.

Эльтор вновь засунул нож за голенище ботинка.

— Мне пора на корабль.

Я легко догадывалась, что это значит. Несмотря на то что он сказал про «следующий раз», вряд ли он и дальше захочет приходить ко мне. Принимая во внимание его внешность и общественное положение, можно было легко себе представить, что он не имел недостатка в женщинах. Тогда я понятия не имела, насколько верными были мои мысли, но только слепоглухонемой мог оставаться об этом в полном неведении.

После ночи с Эльтором я поняла, что имела в виду моя мать, когда говорила, что они с отцом были одинаковы. Помнится, мать тогда сказала мне, что душа его была сладкой, как маис, и нежной, как легкое дыхание совы. Она узнала его по этому нежному прикосновению, как только увидела. Она называла это *chul'el* и *chanul*, то есть душа и ее спутник, дух какого-нибудь животного. Эльтор использовал такие слова, как «нейрология» и «квантовые волновые функции». Независимо от слов и моя мать, и Эльтор имели в виду одно и то же.

Но мой отец так никогда и не вернулся.

В Набенчауке люди живут большими семьями — старики, молодежь, супружеские пары и их дети, — все вместе, под одной крышей, в домах, сложенных из бревен и веток и крытых соломой. Наверное, точно такие же дома строили там и тысячу лет назад. Эти дома видели всё и всё выстояли — ураганы и засуху, горе и радость. Только вот наша семья по какой-то неведомой причине с каждым новым поколением становилась все меньше и меньше. Я была, по сути, последней представительницей угасшего рода. Обычно мне удавалось побороть ощущение одиночества, но после предыдущей ночи я знала, что мне будет совсем тяжело, если Эльтор оставит меня.

— Тина, я вернусь. — Он притянул меня к себе. — Просто мне надо выяснить, что же все-таки происходит.

Прильнув головой к его груди, я обхватила Эльтора за талию, пытаюсь пробиться в глубины его сознания. Внутри него боролись самые разные эмоции — тревога, желание остаться со мной, воспоминания о прожитой жизни, жизни полной удовольствий, какие мне и не снились. На самом деле Эльтор был гораздо старше, чем выглядел. Ему уже шло к пятидесяти. Но чувство одиночества преследовало его, выжгло пустоты в его душе, словно русла пересохших рек в пустыне — такие сухие, что берега запеклись коркой и растрескались. Немало женщин помогали ему, но он редко отвечал на их заигрывания, разве что из мимолетного интереса. И не потому, что ему не хотелось большего. Просто эти возлюбленные оставляли в его душе точно такую же пустоту, что и Джейк в моей. Эльтор же мечтал встретить кого-то, в ком мог бы обрести родственную душу. Кого-то вроде меня.

Он еще крепче прижал меня к себе и что-то прошептал на непонятном мне языке. Мы постояли с ним какое-то время, прижимаясь друг к другу.

Неожиданно он весь напрягся и застыл.

— Мой корабль!

— Что? — не поняла я.

— Мой корабль!

Эльтор смотрел в телевизор. На экране появилось размытое изображение чего-то похожего на самолет, хотя детали разобрать было невозможно.

Эльтор подошел к столику, опустился на колени и принялся наугад нажимать кнопки. Наконец нашел ту, что регулировала громкость. Комнату наполнил голос диктора:

— ...сегодня утром на околоземной орбите обнаружен летательный аппарат. Первоначально изображение было получено англо-австралийским телескопом, после того как наблюдатели обнаружили сбой в работе космического шаттла «Челленджер». Шаттл осуществил погрузку корабля в грузовой отсек и доставил его в Центр испытаний летательных аппаратов имени генерала Йейгера в Калифорнии. Согласно данным из неподтвержденного источника, обнаруженный на орбите корабль представляет собой сверхзвуковой самолет с возможностями орбитальных полетов, который по неизвестной причине вышел из строя.

— Какого дьявола!

Эльтор схватился за бок, вернее, за талию, и вытащил часть своего тела.

Я едва не закричала от ужаса. На какой-то миг мне почудилось, что он вырвал из себя кусок мяса. Но это оказался лишь кубик с закругленными гранями, и в следующее мгновение я узнала транском. На его правом боку, чуть выше бедра, над отверстием затягивалась мембрана.

— Господи! — вырвалось у меня.

Я была уже по горло сыта его чудесами.

Но Эльтор меня не слышал — он тыкал пальцем в транском, и тот мигал разноцветными огнями.

— У меня нет связи с Джагом!

— Ты уверен, что этот самолет, что сегодня нашли на орбите, — твой?

Эльтор посмотрел на меня.

— Они должна понимать, что никакой это не самолет. Более того, они уже наверняка догадались, что корабль имеет внеземное происхождение. — На лице его возникла гримаса. — Одному Богу известно, что они могут подумать! Мой Джаг несет на себе такой арсенал, что способен стереть Лос-Анджелес с лица Земли в считанные секунды.

— Зачем же тогда ты притащил его на орбиту и там бросил?

— Я же тебе говорил. Я приглашен на прием.

— И что, на приемы ходят вместе с боевыми кораблями?

— Но он *часть* меня. Я не могу его оставить.

— Мне почему-то казалось, что он замаскирован.

— Да, вернее, был. — Эльтор выпрямился. — Судя по всему, он поврежден еще сильнее, чем я предполагал. Иначе он легко ушел бы от столь примитивного преследования. Но почему моя диагностическая система не засекала ничего серьезного? Такое возможно лишь при условии, что кто-то нарочно... — Он задумался. — Представляю, как перепугались ваши военные. Ведь для них я шпион, представитель враждебных сил.

— Но ты ведь не предпринял никаких враждебных действий.

— Я оставил на орбите корабль-шпион, — покачал головой Эльтор. — Но они даже не догадываются, с чем имеют дело.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты представляешь, что может произойти в худшем случае? Стоит им попробовать залезть в его системы, и корабль моментально взорвется. Учитывая запас оружия и антивещества на его борту, он разнесет на мелкие куски большую часть Калифорнии.

— Неужели нельзя ничего сделать?

Я в ужасе уставилась на Эльтора. Тот шагами мерил комнату.

— Я так надеялся, что он сможет замаскировать себя. Что его примут разве что за орбитальный шаттл, а не за межпланетный корабль. Ваши военные вряд ли смогут понять, с какой передовой техникой имеют дело.

— А что, если тебе связаться с базой? Попытаться убедить их, что у тебя нет враждебных намерений.

Эльтор перестал расхаживать по комнате.

— Они только тогда подпустят меня к Джагу, если я соглашусь сотрудничать, делиться с ними всеми секретами.

— А этого ты сделать не можешь?

— Я ни с кем добровольно не стану делиться информацией, ни с военными, ни с кем-либо еще. Кроме того, они меня в любом случае не отпустят. Они не станут мне доверять. С какой стати?

Я наблюдала за Эльтором с тревогой в душе.

— И что, по-твоему, они предпримут?

— Перевезут его на хорошо охраняемую секретную базу. Но это привлечет к нему еще большее внимание. — Эльтор задумался. — Сейчас они, по всей видимости, заняты поисками корабля-носителя. И чем дольше у них уйдет времени, чтобы понять, что такового просто не существует, тем лучше для меня. — Он пробежал пальцами по волосам. — На месте начальника этой базы я бы выведал все, что только мог, об этом корабле, и чем быстрее, тем лучше. И главное, первым делом постарался бы поймать пилота.

Эльтор сел на кровать, уперся локтями в колени, опустил голову на руки и закрыл глаза. Я ощущала, как напряженно работает его мозг. Вернее, видела это в форме полупрозрачного образа, словно лужа на асфальте. Рядом с нами вода была глубже, но чем дальше от нас, тем мельче она становилась, пока не испарялась вовсе.

— Не срабатывает, — с досадой в голосе произнес Эльтор.

— А что ты пытаешься сделать? Он поднял на меня глаза.

— Я летаю на Джаге уже долгие годы. Я могу установить с ним ограниченную связь даже без непосредственного физического контакта. Но чем больше расстояние между нами, тем труднее это сделать. А сейчас он слишком удален от меня, и я не могу установить с ним связь.

— А что с твоим английским?

— Моим английским?

— У тебя вновь появился акцент.

Я буквально глазами видела его внутреннее напряжение.

— Я никогда не отделялся. Я оставил свой мозг работать как подуровень его РИ.

— А это еще что такое? — удивилась я.

— РИ? Расширенный Интеллект. У нас с Джагом один мозг на двоих. Мы мыслим вместе. Я предоставляю «человеческий» компонент. Творчество, изобретательность, воображение.

Я видела, как по его виску градом катится пот.

— Когда я оставляю корабль, то могу временно переместить мою программу в свой собственный мозг, как бы вернуть в себя свое «я». Это и есть «отделение» от Джага.

— Но сейчас ты этого не сделал. Да, потому что не ожидал встретить меня.

Эльтор кивнул.

— Верно, значительная часть моего мозга все еще на корабле.

— Но ведь до этого момента с тобой все было в порядке. Ты отлично говорил по-английски.

— Подозреваю, что мое сознание находилось в состоянии критического равновесия.

— А это еще что?

— Ты представляешь, что такое сверхохлажденная жидкость?

Я покачала головой, и Эльтор продолжал:

— Если охладить жидкость ниже температуры замерзания, то она не превратится в твердое тело, а останется жидкостью, только сверхохлажденной. Но стоит только потревожить систему, как она мгновенно замерзнет. Если я вдруг отделюсь от Джага, моя биомеханическая система срабатывает точно так же. Малейшее вмешательство, и она тотчас обрушивается.

— И ты обрушил ее, пытаясь установить связь с Джагом?

— Да.

Я развела руками.

— Даже не знаю, что тебе посоветовать.

— Мне нужна информация. Прежде всего об этой базе.

— Знаешь, я позвоню на работу и скажу, что заболела. А мы с тобой пойдем в библиотеку. Может, что-нибудь и отыщем.

— Надеюсь, — печально вздохнул Эльтор.

Филиал лос-анджелесской публичной библиотеки на бульваре Сан-Карлос располагался в небольшом торговом центре по соседству с химчисткой слева и боулингом справа. Мы с Эльтором пересекли площадь, ощущая, как от плиток у нас под ногами поднимается жар. Солнечный свет утратил утреннюю яркость красок, он скорее угнетал, чем бодрил.

Я еще в окно заметила библиотекаря Мартинелли, немолодого сидящего мужчину в очках. Он протирал прилавок, где посетители брали домой книги. За исключением пожилой четы за соседним столом, в библиотеке было пусто. Когда мы вошли, немолодая пара как раз принялась за чтение газет.

— Привет, Тина, — произнес Мартинелли с улыбкой.

Но стоило ему взглянуть куда-то мимо меня, улыбки его как не бывало — она потухла, как погашенный в пепельнице окуроч. А пожилая чета в срочном порядке засобирались домой. Я посмотрела в сторону, куда были направлены их взгляды, и увидела Эльтора. Он стоял в дверном проеме — настоящая гора мускулов, с головы до ног в черном, на руках черные кожаные напульсники, фиолетовые волосы взлохмачены. Вид у него был как у заправского уличного громилы, по которому плачет федеральная тюрьма.

Я подошла к нему и шепнула на ухо:

— Постарайся принять более дружелюбный вид.

— А как? Это мой обычный вид. Я всегда так выгляжу.

Ну что на это скажешь? Мы шагнули к прилавку. Мартинелли подошел к нам, одарив меня какой-то странной улыбкой.

— Подозреваю, у тебя сегодня поздняя смена в банке, Тина? — спросил он.

Я не поняла, что он имел в виду. Ведь ему прекрасно известно, что я работаю в ресторане. И вообще, с чего это вдруг у него появилась эта дурацкая улыбка? Казалось, лицо его парализовано, но он изо всех сил старался придать ему веселое выражение.

Но потом до меня дошло. Мартинелли испугался за меня. И пытался каким-то образом дать мне понять, что если я попала в беду, а сказать открыто боюсь, то могу каким-то образом сообщить ему об этом. В ответ я одарила его своей самой радостной улыбкой.

— Я сегодня не работаю. А это мой друг Эльтор. Он из... м-м-м... из Фресно.

Мартинелли кивнул Эльтору, тот кивнул ему в ответ. Затем Мартинелли снова обернулся ко мне:

— Чем могу быть полезен?

— У вас есть книги о Центре испытаний летательных аппаратов имени Йейгера? — спросила я.

Мартинелли махнул в сторону каталога.

— Сначала попробуйте поискать там. Если не найдете, что вам надо, я проверю по компьютеру.

— Спасибо.

Я подвела Эльтора к каталогу. Вытащила ящик, поставила его на стол. Эльтор взял стул и сел рядом со мной. Но тотчас обернулся на Мартинелли, который работал за компьютером.

— Почему этот человек отнесся ко мне с подозрением?

— Он принял тебя за одного из дружков Нага, — ответила я и села за стол. — Они приходят сюда и мешают ему работать.

— Нага?

— Нага Кугельмана, — ответила я и добавила: — Того, что убил моего двоюродного брата Мануэля.

— Извини, я не знал.

Эльтор пристально посмотрел на меня.

Всякий раз, когда мне казалось, что я могу спокойно думать о смерти Мануэля, выходило, что это не так. С того момента прошло много лет, и мне помнится лишь то хорошее, чему брат учил меня. Он был строг со мной, как отец: никаких крепких выражений, никаких поздних гулянок, никакого спиртного, никаких сигарет, никаких наркотиков и никаких парней, если те ему не нравились. Он был немногословен и не любил говорить «за жизнь». Но в том, как Мануэль относился ко мне, я читала такие слова, как «уважение» и «долг». Точно так же держал он себя и после того, как умерла мать, хотя это и отдалило его от меня.

— Тина? — произнес Эльтор.

— Все нормально, — отозвалась я.

— Ты постоянно повторяешь эти слова. Нормально жить в домах, в которых недостойно жить даже животным, нормально, когда убивают твоего двоюродного брата. Разве это нормально? Ты заслуживаешь лучшего.

— Я пытаюсь встать на ноги.

— А где твои родители?

— Мне и одной неплохо.

— Тина...

— Тебе повезло. У тебя есть отец, — выпалила я, пытаюсь поменять тему разговора.

Эльтор пристально посмотрел на меня, но не стал задавать вопросов, а только сказал:

— Мы с отцом большую часть времени провели, споря друг с другом с пеной у рта. Рагнар понимал меня куда лучше.

— Это тот самый адмирал, который убедил тебя пойти в армию, хотя твой отец был против?

— Это был мой собственный выбор. — Эльтор пожал плечами. — Мой отец временами относится к Рагнару слишком предвзято.

— Например?

— Например, он выходит из себя, — произнес Эльтор и нахмурился. — Однажды, когда я был еще мальчишкой, ко мне пришел Рагнар. В конце концов он мой личный врач. Когда отец увидел, как Рагнар разговаривает с моей матерью, то моментально вспылil. Обычно он уравновешенный, спокойный человек. Но в обществе своего старого друга порой полностью утрачивает самоконтроль.

Теперь-то мне понятно — не только простые смертные, обитатели Земли, имеют привычку приударить за чужой женой. Но тогда я промолчала. Ведь что я знала тогда, чтобы делать выводы: они всегда могли оказаться неверными.

Поэтому сказала ему следующее:

— Можно тебя кое о чем спросить?

— О чем же?

— Солдаты должны убивать?

— Да.

— А ты убивал?

— Да.

Я поерзала на стуле.

— И скольких же ты убил?

— Не знаю.

— Не знаешь, потому что был в корабле и не видел или потому что убил так много, что сбился со счета?

— И то, и другое.

Он почувствовал, как я застыла на месте, и тихо добавил:

— Тина, пойми, люди всегда гибнут на войне. Наши враги убили моего дядю. Кстати, мои родители дали мне имя в его честь. Это брат моего отца. И мне всегда хотелось отомстить за него.

Я подумала о своем двоюродном брате.

— Мсть — плохая вещь. Они убивают, ты убиваешь, они убивают, ты убиваешь. И так без конца.

— Ну знаешь, будь желание отомстить единственной причиной, почему я пошел в армию, то уже давно вышел бы в отставку. Я же остался, потому что кто-то должен защищать свой народ. Я чувствую себя, — Эльтор на минуту умолк, подбирая слова, — обязанным.

Чем-то он напомнил мне Мануэля.

— Понятно.

— Но прошлой ночью я чувствовал себя так спокойно, — он взял мою руку, — так умиротворенно.

— Со мной? И почему же?

— Не знаю, — улыбнулся Эльтор. — Наверное, потому, что ты хотела превратить меня в лягушку.

— Знаешь, из тебя получилась бы ужасно симпатичная лягушка! — пошутила я и посмотрела на разбросанные вокруг меня карточки. — Кстати, все эти книги по авиатехнике стоят на одной полке. Ты пойди посмотри там, а я еще немного пороюсь в каталоге. — Я взяла со стола карандаш и бумагу и записала несколько шифров. — На, поищи вот эти.

— Карточки, — проворчал Эльтор. — Бумажные книги. Полки.

— А что ты предлагаешь? — улыбнулась я.

— Прийти домой, лечь на диван, дать задание сети, чтобы та доставила тебе необходимую информацию. Подсоединяешься к источнику, выбираешь рисунки и голографию.

Он продолжал что-то дальше ворчать на своем языке, однако взял у меня листок бумаги и отправился к полкам. Я тихонько рассмеялась и вновь склонилась над ящиком. В следующее мгновение кто-то обратился ко мне:

— Привет, Тина. У тебя новый приятель?

Я подняла глаза. Рядом со мной стоял Наг, в джинсах и куртке. С ним были Шнурок и Бочка. Эта парочка на все сто процентов оправдывала свои прозвища. Шнурок высокий и тощий, и Бочка — приземистый и коренастый.

— Он сейчас вернется, — сказала я.

— Похоже, приезжий, — прокомментировал Наг с улыбочкой.

Мне эта улыбка ужасно не понравилась.

— Он из Фресно.

— Из Фресно? — Наг расхохотался. — Ну, приколы. Дыра похуже Кливленда.

— Что тебе надо? — серьезно спросила я.

— Чтобы ты мне не грубила. — Наг шагнул еще ближе. Я попыталась задвинуть стул, но Наг поймал меня за руку. — В чем дело? — Улыбки его как не бывало. — Тебе что, трудно уделить мне пару секунд? Зачем же так задирать нос?

— Оставь ее в покое, Матт, — крикнул ему из-за прилавка Мартинелли.

Наг посмотрел на него, и губы его скривились в нехорошей усмешке. Однако руку он мою отпустил, зато свою засунул за полу куртки. Когда он ее оттуда вытащил, в ней был девятимиллиметровый «люгер».

Мы с Мартинелли буквально окаменели. Наг целился прямо в библиотекаря.

— Заткнись, старый хрен!

Я не верила собственным глазам — поднять руку на безобидного человека, и где, посреди библиотеки! Нет, мне сразу следовало догадаться, что что-то не так, иначе зачем ему являться в библиотеку в куртке, когда на улице такая жара.

Наг покосился на Шнурка.

— Сделай так, чтобы этот дед нам не мешал.

Шнурок подбежал к стойке и перелез через нее. Там он вытащил нож и мотнул головой куда-то к стене, показывая на угол, который не видно из зала. Мартинелли покорно поплелся за книжные полки, Шнурок проследовал за ним.

Наг повернулся ко мне.

— Итак? — Он снова улыбался, однако эта улыбка была ничуть не лучше той, которой он одарил меня в самом начале. — Значит, у тебя новый приятель.

— Он не любит, когда я разговариваю с другими парнями, — пролепетала я.

— Ах вот оно что. — Он шагнул еще ближе. — А что же он любит?

Я отпрянула назад.

— Перестань!

— Перестань! — передразнил меня Наг. Он спрятал пистолет за полу куртки, стащил меня со стула и облапил. — Вот, наверно, что он любит, *chiquita*?

— Прекрати!

Я вывернулась из его объятий и стукнулась о Бочку. Тот схватил меня за руки и удержал на месте.

— Крошка Тина, — процедил Наг сквозь зубы, — нам уже нельзя ее потискать? Она такая чистая, такая правильная. Или ты думаешь, мне ничего не известно?

— А что тебе известно? — с вызовом спросила я его.

— Мне ты никогда ничего подобного не позволяла. — Его раздражение было подобно бешеному вращению черных и красных полос. — Но я к тебе не приставал. Я думал: «Она не такая, как все. Постарайся ее добиться». И я старался, но ты даже не смотрела в мою сторону. Считала, что я тебя недостойн. Даже тогда я к тебе не приставал. Может, этот твой двоюродный брат наговорил тебе про меня кучу всякого дерьма. Да я с тобой цацкался, как ни с одной другой бабой в жизни не цацкался! — Мне казалось, он был готов прибить меня на месте. — Я видел тебя сегодня утром, шлюха поганая. Я видел, как ты выходила с ним. Он ведь спал у тебя, признайся? Вы с ним всю ночь трахались?

— Наг, прекрати, — взмолилась я.

— А что, не так? Можно подумать, у него есть то, чего нет у меня. Может, у меня даже лучше.

Я не сомневалась, что он уже послал своих прихлебателей схватить Эльтора. Может, они уже затащили его в какую-нибудь каморку. Ведь Наг не глуп. Хотя в библиотеке и большое окно, Бочка закрывал нас своими телесами. Так что, случись кому-то заглянуть с улицы, человек бы решил, что в библиотеке лишь Наг и Бочка. Стоят и о чем-то беседуют.

Затем Наг посмотрел на Шнурка и дернул головой. Я услышала глухой удар, словно по человеческому телу стукнули чем-то железным, за ним последовал другой — на этот раз тело явно упало на пол.

— Пойдем, пора отсюда сваливать, — приказал он.

Они потащили меня к боковой двери. Шнурок поспешил следом. Мы вышли в проулок между библиотекой и химчисткой. Стены с обеих сторон были глухие, без единого окна. Здесь никто не увидит, что мне нужна помощь. Вокруг Нага все еще бешено вертелось облако красных искр. Пахло от него уксусом и сажей. В проулке его поджидал еще один из его дружков, противный костлявый тип по кличке Пите.

— В машину, — рявкнул Наг.

Пите тотчас припустился бегом в направлении автостоянки за библиотекой. Я улучила момент и больно вогнала каблук-шпильку в ногу Бочке. Тот взвыл. Хватка ослабла, и я

вывернулась из его лап.

Спотыкаясь на своих шпильках, я бросилась со всех ног к площади перед библиотекой. Господи, главное — выбежать из этого проулка! Сан-Карлос — оживленная улица. Стоит мне оказаться на площади, как меня кто-нибудь да заметит. Не может такого быть, чтобы не заметили. Я могу даже выбежать на проезжую часть, попробую остановить машину.

Но тут впереди меня выросла фигура еще одного из Наговых прихвостней, загородив выход на улицу.

С душераздирающим воплем я замерла перед ним на месте. Позади меня раздался топот бегущих ног. Я обернулась и увидела, что за мной по пятам несутся Наг и Бочка, заходя справа, и Шнурок слева. Все как один изрядно запыхались.

— Что-то меня это притомило, — прошипел Наг.

— Нет! — закричала я. — Люди увидят!

— Заткнись, — рявкнул он и толкнул меня на Бочку.

Я попыталась кричать, но Бочка своей лапищей заткнул мне рот. Заурчал мотор, и в проулок со стороны автостоянки въехала старая машина. За рулем сидел Пите. Он подкатил поближе к нам и остановился всего в нескольких футах.

Наг злобно посмотрел на меня.

— Едем ко мне, крошка. На вечеринку. Приглашена вся компания. — Он оглянулся по сторонам, потом глянул на Шнурка. Тот перегородил мне путь к отступлению. — Иди приведи остальных.

Шнурок живо помчался выполнять поручение, а Бочка потащил меня к машине и отрыл заднюю дверь. Он затолкал меня на заднее сиденье, вернее, завалил на него, все еще зажимая мне одной своей лапищей рот, а второй, как наручниками, сжимая запястья. Затем открылась вторая дверь, и машина наполнилась запахом гаража — запах этот следовал за Нагом неотступно. Бочка наконец убрал мне от лица свою лапищу, но как только я открыла рот, чтобы закричать, Наг сунул туда тряпочный кляп, а рот залепил клейкой лентой.

Шнурок открыл дверь и бросил внутрь кусок веревки.

— Вот все, что мы нашли. Наг поймал веревку.

— Сойдет.

Он склонился надо мной и стащил с моей руки браслет. Я тщетно пыталась высвободиться из его хватки. Браслет этот подарила мне моя мать, в свою очередь она получила его от своей матери, а та от своей — и так из поколения в поколение откуда-то из глубины веков. Как давно, уже никто и не помнил. Второго такого мне нигде не взять.

Бочка показал на браслет.

— Думаешь, он чего-нибудь стоит?

Наг посмотрел на мои отчаянные попытки к сопротивлению.

— Она думает, что да. Может, нам его взять себе? — расхохотался он. — Кажется, мы его заслужили. Это будет наш приз. Кто сможет оттрахать ее больше других, тот его и получит.

— Нет, — закричала я, но получилось лишь невнятное мычание.

Наг бросил браслет на пол. Они с Бочкой бесцеремонно перевернули меня на живот, и Наг связал мои руки за спиной. Затем они снова перевернули меня. И в этот момент я, стиснув зубы, резко поджала колени и затем столь же резко распрямила их — угодив Бочке в пах.

— Твою мать! — завопил Бочка и отпрыгнул, да так резко, что врезался головой в дверь.

Он завалился на нее — злость вытекала из всех пор его тела потоками огненно-красной лавы.

Передо мной на бешеной скорости промелькнул чей-то ботинок. Я сразу даже не поняла, что это кто-то пустил в ход ноги, но в следующее мгновение каблук впился Бочке в грудь, и тот отлетел от машины. После чего и сам Эльтор налетел на Бочку, и они, сцепившись, пропали из виду. Я услышала, как у меня за спиной Наг выругался и открыл

дверь машины.

Я тоже кое-как сумела выбраться наружу. Причем едва не упала, со связанными руками на мгновение потеряв равновесие. В последний момент мне удалось заметить, как Эльтор с Бочкой налетели на стену химчистки. К ним подбежал Шнурок с ножом в руке. Одной рукой держа своего противника за ворот, Эльтор описал пируэт и со смертельной точностью сделал резкий выпад ногой. Его тело подчинялось не ему, а все той же биомеханической сети, словно он был роботом, которым управляют извне. Злость рвалась из него наружу колючими, острыми льдинками, видимыми только мне одной. Правда, тогда я не знала, что это запрограммированная эмоция, своего рода сложный защитный механизм, призванный заглушить его способность к сопереживанию во время боя.

От его удара нож, который до этого сжимал Шнурок, отлетел в сторону. Каблук сапога ударил противника в грудь. Шнурок отлетел спиной к машине, а вслед ему Эльтор швырнул Бочку. Оба приятеля рухнули на землю без сознания. Лишь позднее мне стало известно, что они выжили лишь благодаря тому, что биомеханическая сеть Эльтора сочла ненужным применение летальной силы. То есть, хотя сеть и не могла полностью контролировать действия своего хозяина, она могла их до известной степени сдерживать.

Но только до известной степени.

Где-то вдалеке, но вскоре все ближе и ближе, завывали сирены. В проулке прогремел выстрел, и Эльтор, шатаясь, отлетел к стене химчистки, словно его отбросила туда неведомая сила. С другой стороны машины стоял Наг. Одна рука его была вытянута вперед, а в ней зажат нацеленный в Эльтора «люгер». Пуля попала Эльтору в бок, в просвет между поясом брюк и краем жилета. Второй выстрел не попал в цель — как только Наг нажал на спусковой крючок, в лицо ему ударила вспышка света, и он зажмурился. Это Эльтор вытащил нож. У меня дома нож этот просто блестел, здесь же он, слепя глаза, отражал и преломлял свет всеми цветами радуги, словно гигантский бриллиант.

Эльтор сделал одно молниеносное движение, и нож стрелой прорезал воздух. Наг к этому моменту пришел в себя и не стоял столбом на месте, поэтому лезвие впилось ему не в сердце, а в плечо. Наг вскрикнул и выронил пистолет. Эльтор бросился, огибая машину, ему навстречу. Он схватил Нага и с силой вмял его в корпус автомобиля. Надо сказать, что Наг оказался сообразительней своих дружков. Вместо того чтобы пытаться противостоять силе и ловкости Эльтора, он схватил его за жилет и, используя свое тело как противовес, завалил его на капот. Эльтор ловко скатился с машины и уже в следующее мгновение снова стоял на ногах.

Сирена раздавалась все ближе, завывая то на более высоких, то более низких нотах, то резкой трелью, то протяжно. Эльтор бросился на Нага, и они сошлись в рукопашной, двигаясь так быстро, что трудно было понять, кто есть кто и в чьих руках нож. Лезвие сверкало вокруг их тел, посылая во все стороны огненные стрелы.

Сирена теперь завывала совсем рядом, на площади перед библиотекой. Пите никак не мог вывести свою машину из проулка — в этом случае он задел бы соперников. Так что он прибегнул к старому, испытанному способу — выскочил из машины и бросился наутёк, только пятки засверкали. Я толком не поняла, от кого это он так улепetyвает — от полиции или от Эльтора.

Эльтор застыл на месте. Наг же тяжело повалился на землю. Без признаков жизни.

— Бросить нож, — раздался чей-то резкий голос.

Я подняла глаза и в конце проулка увидела полицейского. В руках у него был нацеленный в нашу сторону пистолет. Эльтор застыл над поверженным телом Нага. Он стоял, широко расставив ноги по бокам своего противника. В занесенной вверх руке сверкал нож. С играющего слепящими искрами лезвия стекала кровь, кадая прямо на закрытые веки Нага.

— Бросить нож, — повторил полицейский. — Немедленно.

В какой-то момент я испугалась, что Эльтор не послушается его. Но он разжал руку, и нож со звоном упал на асфальт.

Позади меня раздались шаги. Я обернулась и увидела еще одного полицейского. Он шел ко мне с другой стороны проулка. Послышалось завывание еще одной сирены, сначала негромко, но с каждой минутой все явственнее. Затем открылась боковая дверь библиотеки, и оттуда в сопровождении женщины-полицейского вышел Мартинелли. Одежда на нем была помята, а на лбу красовался злобещий синяк.

Женщина подошла ко мне и осторожно освободила мне рот.

— С вами все в порядке?

Я кивнула. И солгала. Я впервые стала свидетельницей убийства.

— Это самооборона, — воскликнула я, как только вновь получила возможность говорить. — Мой друг встал на мою защиту.

— Показания будете давать в участке, — сказала женщина-полисмен и кивнула на Мартинелли:

— Садитесь вместе с ним на заднее сиденье, — после чего направилась к остальным.

Я выхватила из машины свой браслет, и в этот момент до меня донеслись слова:

— Встать лицом к стене.

Выпрямившись, я увидела, что на Эльтора уставились трое полисменов. Он тоже смотрел на них, словно это были его враги. Он, как робот, механическим движением поворачивал голову то к одному, то к другому, то к третьему.

— Пошевеливайся, — рявкнул один из офицеров. — Живо. Мне не понравилось, как держали себя полицейские. Вид у них был такой, будто они уверовали, что им придется стрелять.

Эльтор! подумала я. *Делай то, что тебе велено.*

Мысленно я представила его стоящим лицом к стене, а полицейские его обыскивают.

Эльтор бросил на меня один-единственный взгляд, но такой, словно я вопила ему прямо в ухо, а не пыталась мысленно дать совет. В моем мозгу промелькнула мысль, холодная и какая-то автоматическая:

Отключить боевой режим.

Не спуская глаз с полисменов, Эльтор медленно попятился к стене библиотеки.

— Повернись, — приказал один из них.

Эльтор не сводил с него глаз. Он молчал и словно ждал подвоха. Однако повернулся, прижал ладони к стене и расставил ноги.

Полицейские зря времени не теряли. Один быстро подобрал нож — правда, ему пришлось сощуриться, чтобы ослепительное сияние не так больно било в глаза. Второй заломил Эльтору за спину руки и надел ему наручники — чуть ниже запястий. Тогда еще никто не догадывался, что он ранен. Хотя его одежда была в крови, можно было подумать, что это кровь Нага. Раны же просто не было видно из-под жилета. Когда же полицейский обыскивал его, Эльтор даже не поморщился.

Я сделала шаг вперед — мне хотелось сказать им, что он ранен. Но Эльтор посмотрел на меня в упор:

Нет, Тина, не надо.

Его «внутренний» голос напугал меня, и я растерялась, не зная, что делать. Я застыла на месте и молила Бога, чтобы тот помог мне принять правильное решение. Далекая сирена теперь звучала громко, совсем рядом, и в следующее мгновение в проулок въехала карета «скорой помощи». Из нее выскочили люди. Кто-то подбежал к бездыханному телу Нага, кто-то бросился в библиотеку.

— Иди вперед, — приказал Эльтору первый полисмен. Затем он обернулся на меня и кивнул в сторону второго полицейского: — А вы, мисс, можете пойти со Стивенсом.

Не проронив ни слова, мы тронулись с места. Где-то на бульваре Сан-Карлос слышался гул проносящихся мимо машин. Но мы словно оказались внутри мыльного пузыря и все ожидали, когда же тот лопнет. На площади перед библиотекой были припаркованы две полицейские машины. Мы подошли к первой, и Стивенс вытащил ключи.

Внезапно Эльтор юлой развернулся на месте. Я заметила, как на глаза ему золотистой

пленкой, опустилось внутреннее веко. Стивенс тотчас схватился за пистолет, но Эльтор в то же мгновение резко ударил его ногой, а затем прыжком бросился на другого офицера. Каблуком его ботинка больно ударил Стивенса в грудь, и тот рухнул навзничь. Одновременно раздался хлопок — это выстрелил его пистолет.

В тот момент, когда Эльтор набросился на другого полицейского, он потерял равновесие и полетел на машину. Было в этом нечто невообразимое — словно Эльтор одновременно падал в двух разных направлениях: боком на полицейского и спиной на машину. Напарник Стивенса никак не мог бросить его туда. Эльтор набросился на него слишком сильно и к тому же молниеносно. Полицейский ударился головой о машину и без сознания рухнул на землю.

У Эльтора из груди вырвался всхлип.

— Тина, в машину.

Он не то упал, не то просто опустился на одно колено. Руки его все еще были скованы за спиной, но он исхитрился выхватить пистолет Стивенса. Пот ручьями стекал по его лицу. Несмотря на металлический блеск, было заметно, что он бледен. Эльтор, шатаясь, поднялся на ноги и каким-то образом подвинул руки — так, что пистолет теперь оказался у него на боку.

— Ты умеешь водить? — спросил он.

— Предлагаешь угнать полицейскую машину? Ты в своем уме?

Затем я увидела, как из плеча Эльтора хлещет кровь, и мне стало понятно, что откинуло его к машине. Это выстрелил пистолет Стивенса.

Из проулка выбежала женщина-полицейский.

— Только попробуй похитить ее, тебе же будет хуже!

Полисменша застыла за углом, целясь в нашу сторону. Еще один полицейский занял позицию за дверью библиотеки. Никто не осмеливался стрелять — был велик риск попасть в меня.

— Тина, быстрее, — приказал Эльтор. — И подбери мой нож. Я могу держать в руках лишь пистолет.

Схватив нож и ключи Стивенса, я прыгнула в машину. Эльтор тотчас последовал за мной и захлопнул дверь. Я бросила ему на колени нож, после чего включила зажигание и до упора нажала на акселератор. У меня не было никакого плана действий. Я знала только одно — нельзя, чтобы полиция пустилась за нами в погоню. И тогда меня осенило — я описала дугу и на полной скорости врезалась в бок другой машине. После этого откатилась назад и, невзирая на протестующий визг шин, пулей вылетела с площади.

Когда мы неслись по бульвару Сан-Карлос, я обернулась на Эльтора. Из него струилась кровь — из плеча, там, где в него впиалась пуля, и из раны в боку.

— Нам надо срочно доставить тебя в больницу.

— Нет. Там поймут, что я... не человек. — Он сглотнул застрявший в горле комок. — Если нас поймают, иди с ними. Скажи, что это я тебя вынудил.

— Нет!

— Тина!

— Нет!

Казалось, мы несемся на какой-то бешеной карусели. Но у меня и в мыслях не было бросать его одного. Я была ему столь многим обязана. Трудно сказать, собирались ли Наг и его прихлебатели порешить меня, после того как надругаются надо мной. Но даже если и нет, вряд ли мне самой захотелось бы жить дальше.

Я быстро свернула на ближайшую заправку и остановилась за зданием магазинчика. Теперь нас от трассы отделял просторный газон.

— Нам надо срочно вылезать из машины. Ее могут в два счета засечь.

— Положи на место нож, — выдохнул Эльтор.

Нож плавно лег на место за голенище его ботинка. Я выпрямилась и увидела, что у меня по руке бежит струйка крови. Только не красной, а какой-то синеватой.

— Эльтор, что у тебя с кровью?

— Она вытекает из меня.

Он поморщился от боли.

— Я не это имею в виду, а ее цвет.

— Все нормально.

— Вот уж нет, — возразила я и вновь положила руки на руль. — Ты как хочешь, а я отвезу тебя в больницу.

— Со мной все в порядке.

Я вновь завела мотор.

— Пусть уж лучше они поймут, что ты не человек, чем ты умрешь.

— Тина, не надо!

Я уже приготовилась нажать на педаль, когда в моем мозгу зажглось предупреждение:

Приготовиться к загрузке данных.

Информационный поток обрушился на меня как из ведра. В считанные секунды я узнала все, что хотела знать. У Эльтора был врожденный дефект крови, что-то вроде серповидной анемии. Серповидные клетки возникают в результате мутации одного из двух генов, ответственных за гемоглобин — соединение, которое переносит по нашему телу кислород. В случае Эльтора мутированными оказались оба гена. В результате каждая из молекул гемоглобина в его крови содержала по два неправильных отрезка аминокислот. Это можно сравнить с тем, как если бы вы пытались вставить в мозаику два неправильных кусочка. Силой вдавите их на место, и вся картинка исказится. Если этот дефект не лечить, то такой неправильный гемоглобин сворачивается и тем самым деформирует красные кровяные тельца. Селезенка удаляет их из обращения, словно фальшивые банкноты, в результате чего развивается острая анемия. Чтобы устранить этот порок, врачи извлекли у него из костного мозга стволовые клетки эритроцитов и снабдили их правильным генным кодом аминокислот. Кровяные клетки производятся костным мозгом, поэтому когда «исправленные» клетки попадают в систему кровообращения, они начинают вырабатывать «правильный» гемоглобин. Но врачи исправили только один из мутированных генов. Второй не только оказывает пагубное воздействие на гемоглобин, но и самым непосредственным образом влияет на функционирование клеток Кайла. Стоит его «исправить», и человек теряет часть своих эмпатических способностей.

Поэтому врачи, вместо того чтобы исправлять второй ген, снабдили организм Эльтора наномониторами: белковыми цепочками с прикрепленной к ним сферической молекулой. В сфере находится пико-чип, особый молекулярный компьютер, действующий по принципу квантовых переходов. Он управляет деятельностью и воспроизводством наномедикаментов. Белковая цепочка крепится к молекуле гемоглобина, отчего та меняет свою форму, приспособляясь переносить кислород правильным образом.

Но у этой лечебной методики есть и побочный эффект: при соприкосновении с ультрафиолетовым излучением или азотом наномолекулы приобретают синий цвет. Внутри кровеносных сосудов лишь малая их часть бывает синей. Без постоянной бомбардировки фотонами и без соприкосновения с азотом они тотчас становятся бесцветными. Однако, попав на воздух и солнечный свет, все большее их число синее, придавая крови синеватый оттенок.

— Хорошо, я не повезу тебя в больницу, — сказала я, когда все поняла. — Но вся машина забрызгана твоей кровью. Стоит взять анализ, как тотчас станет понятно, что ты не наш.

— И что ты предлагаешь? — спросил он. Пот градом катился по его лицу.

Вопрос застал меня врасплох. То, что Джагернаути в большей степени похожи на людей, чем таковыми являются, изначально задумано Имперскими Космическими Силами. В этом-то и была главная уловка — имея человеческий облик, они служили целям поднятия духа у гражданского населения. Во время схватки с Нагом и полицейскими Эльтор не испытывал практически никакой боли, и все потому, что его биомеханическая сеть

выбрасывала ему в кровь наноанальгетик, нечто вроде морфина, который блокировал болевые сигналы. Правда, в небольших количествах. Стоит хотя бы немного увеличить дозу, как может развиваться привыкание или, что еще хуже, наркозависимость. А здесь недалеко и до летальной сверхдозы. Видя, как Эльтор истекает кровью, когда ничего нельзя предпринять, я неожиданно сделала для себя открытие — он так же уязвим, как и простые смертные. Да, он быстр и силен, но все-таки это человек. А значит, и его возможности небеспретельны.

Я вышла из машины и бросилась к нему. Эльтор открыл дверь со своей стороны, подтащил наружу ноги и кивком указал на пистолет Стивенса.

— Захвати вот это.

— Не могу.

Придерживаясь за машину, он кое-как поднялся на ноги.

— Я сказал, возьми.

— Ненавижу пушки. Из одной такой убили моего двоюродного брата. А сегодня едва не убили тебя. Даже в руки не возьму.

— Нам надо обороняться.

— Я найду нам защиту.

Я обхватила его рукой за талию. Эльтор привалился ко мне, и я чуть не упала. Он был почти на фут выше меня, а весил в два раза больше. Я кивнула в сторону автострады.

— Мы идем туда.

Я повела его вниз по поросшему травой склону, что отделял нас от дорожного полотна. Хотя до дороги было всего несколько сотен ярдов, мне это расстояние показалось длиной в несколько миль. Мы то и дело спотыкались, мои каблуки на каждом шагу погружались в рыхлую землю. Наконец мы достигли туннеля, что пролегал под автострадой. Внутри было темно, стены украшали граффити. Я провела Эльтора до середины — чтобы нас в случае чего не было видно ни с одной стороны дороги. Затем перепробовала почти все ключи из связки Стивенса, пытаясь расстегнуть на нем наручники, и в конце концов нашла. Как только руки Эльтора вновь стали свободными, он прижал одну к ране в плече.

Я вновь обняла его за талию.

— Я знаю, куда нам пойти.

Эльтор, чтобы сохранить равновесие, обхватил меня за плечи здоровой рукой, и мы двинулись дальше по туннелю. Тот вывел нас на пустырь, огороженный металлической сеткой. Пришлось пробираться через кучи мусора: старые шины, обертки от гамбургеров, куски погнутой проволоки, битые бутылки. Я вела Эльтора к тому месту, где в заборе виднелась дыра высотой примерно в мой рост. Пригнувшись, он сумел выбраться на другую сторону. Правда, там ему пришлось схватиться рукой за ограждение, чтобы только удержаться на ногах. Я пролезла вслед за ним.

— Как ты?

Эльтор кивнул. Он заговорил на незнакомом мне языке, совершенно незнакомом, какого я никогда не слышала, даже от него. Мой мозг тотчас взялся играть с ним в игры — менять звуки, подставлять другие окончания, так, чтобы получилась фраза на цоциле, какую шаманы из Зинакантеко произносят на церемонии исцеления:

Ta htsoyanhutuk 'un.

Я вверяю тебе часть моей души.

Я сглотнула комок. Меня почему-то выбила из колеи странная близость звучания слов. Я обхватила Эльтора за талию, и мы, спотыкаясь, поковыляли дальше по дороге. Нетвердые шаги вели нас по разгоряченному асфальту, исходившему жаром под белесым, выцветшим небом.

Наконец мы дошли до домика с облупившимся крыльцом. Незапертая дверь болталась на петлях, словно не могла решить для себя, то ли ей окончательно оторваться, то ли все-таки выпрямиться и встать на место. Внутри дома небольшая гостиная и диван изнывали от зноя, как, впрочем, и стол, и книжная полка, и ковер, некогда яркий и пестрый, а теперь

блеклый и вытертый.

— Где мы?

— Здесь живет Марио и его семья.

Мы опустились на диван. Эльтор устало откинул голову на спинку.

— Подожди, — сказала я ему.

Хотя в доме было тихо и пусто, я знала, что Марио где-то поблизости, ведь он все еще сидел без работы. Мне никто так и не попался, пока я не вошла в кухню. И застыла. Там за столом сидел мой приятель Джейк — жевал сандвич и читал газету. Настоящее его имя Хоакин Рохас, но много лет назад, еще в школе, один учитель все время спотыкался о его имя и вечно произносил его как Джейкен. Так Хоакин стал Джейком. Имя к нему, что называется, прилипло.

Он уставился на меня, не донеся сандвич до рта. Но затем улыбнулся и заговорил по-испански:

— Откуда ты взялась?

Я подумала об Эльторе, который оставался в соседней комнате.

— Да так, отсюда.

Затем его взгляд переместился на мою блузку, и улыбки его как не бывало.

— Тина, это кровь?

Позади меня раздались шаги. Джейк устремил взгляд мне за спину, и последние следы улыбки исчезли с его лица столь же молниеносно, словно дружки Нага, улепетывающие от полиции. Джейк вскочил со стула и нырнул за кухонную стойку. Когда он выпрямился, в руках у него был обрез, причем нацелен он был на дверь.

Я резко обернулась. Эльтор застыл в дверях, глядя на нацеленное на него дуло. Он все еще прижимал руку к раненому плечу.

— Тина, отойди, — приказал Джейк.

— Джейк, не смей! — Я шагнула к двери. — Это Эльтор. Он со мной.

Джейк неприветливо покосился на меня.

— С каких это пор ты водишь дружбу с Наговыми дружками?

— Он убил Нага, — тихо ответила я. — И, возможно, спас мне жизнь.

Джейк не стал опускать оружия. Его враждебное отношение к Эльтору, смешанное с сомнением и растерянностью, наполнило кухню на манер искусственного дыма.

Неожиданно в кухне подобно грому пророкотал чей-то бас. По-испански.

— Так кто спас тебе жизнь?

Я обернулась и в дверях одной из внутренних комнат увидела Марио. Он вошел в кухню, огромный, как гора. Когда-то в школе он играл в футбол и удостоился клички *Destruidor*. Разрушитель.

Марио смерил взглядом Эльтора, затем повернулся ко мне:

— Почему он здесь?

— Нам нужна твоя помощь, — взмолилась я. — Ну пожалуйста, Марио.

Он поманил меня за собой в одну из комнат. Я отрицательно покачала головой — мне было страшно оставлять Эльтора наедине с Джейком и его пушкой. Марио повернулся к Эльтору и указал на стул.

— Садись, — сказал он по-английски.

Эльтор сел, посмотрев на меня так, словно хотел сказать: «Надеюсь, ты знаешь, что делаешь».

Марио снова заговорил со мной по-испански — тоном, не допускающим возражений.

Я пошла за ним в комнату его матери. Когда мы остались наедине, он окинул меня с головы до ног, словно желая удостовериться, что со мной все в порядке. Я тотчас почувствовала себя кем-то вроде его младшей сестры.

— Что Наг и его дружки сделали с тобой?

— Ничего, — ответила я. — Эльтор им не дал ничего сделать.

— Чего сделать?

— Да так, ничего особенного.
— Только не корми меня своими «ничего». Что случилось?
— Они хотели увезти меня на машине, — выдавила я из себя. — Но Эльтор их остановил.

Лицо Марио приняло каменное выражение. Точно такое, как в тот день, когда хоронили моего двоюродного брата. Два дня спустя полиция обнаружила одного из Наговых дружков мертвым в канализации. Именно того, кто, как мы знали, убил Мануэля. Полиции тогда не удалось собрать улики, но у меня не возникло даже малейших сомнений, чьих это рук дело. Я-то видела выражение лица Марио.

— Мы обо всем позаботимся, — тихо сказал он мне.
— Только без разборок, прошу тебя.
Он не ответил, и я повторила просьбу:
— Марио, ну пожалуйста, обещай мне.
— Не могу.
— Марио, прошу тебя. Наг мертв. Кто следующий? — Мой голос дрогнул. — Ты?
— Посмотрим, — проговорил он наконец. Я знала, что это уже почти обещание.
— Я пришла к тебе просить помощи — для меня и моего друга.
— И кто этот тип? — недовольно прищурился Марио.
— Его зовут Эльтор. — И прежде чем Марио смог задать мне следующий вопрос, я принялась гнуть свою линию: — После того как он прикончил Нага, его арестовала полиция. Завязалась драка. Я угнала полицейскую машину.

— Что? Повтори!
— Я угнала полицейскую машину.
— А я-то думал, что ты умнее.
— Нам ничего не оставалось.
— Это почему же?
— Поверь мне. У нас не было иного выхода.
— Но ведь первым делом полицейские нагрянут именно сюда. — Марио покачал головой. — Допустим, я спрячу тебя, а они тут же найдут.
— Нет, мне нужна только машина. А еще рыжий парик твоей сестры и одеяло.
— Зачем?
— Не спрашивай меня ни о чем. — Я потеребила его за рукав. — Когда к тебе придут и начнут задавать вопросы, можешь с чистой совестью отвечать, что ничего не знаешь.

— Но Эльтор — чужак, — нахмурился Марио.
— Пожалуйста, Марио, ради меня.
Он посмотрел на меня, и постепенно лицо его смягчилось.
— Ключи от моей машины на полке в прихожей, — произнес он наконец. — Если машина вдруг пропадет, если ее угонят, я ничего не знаю.

Я притянула к себе его лицо и поцеловала в щеку.
— Ты настоящий кабальеро.
Он слегка улыбнулся мне, что для Марио уже многое.
— Если мою машину угонят, где мне ее искать?
— Помнишь вечеринку в Пасадене, куда мы ездили с тобой вместе. Ищи машину на улице напротив того дома.

— В Пасадене? А что там в Пасадене? Я направила к двери.
— Я никогда не забуду, что ты выручил нас, — сказала я и бросилась в кухню.
Джейк по-прежнему целился в Эльтора, правда, при этом он дал ему кухонное полотенце, чтобы промокнуть кровь на плече.

— Нам с Эльтором пора, — сказала я.
Джейк не шелохнулся. Он даже не посмотрел на меня, потому что пригвоздил взглядом Эльтора. Лицо его ничего не выражало.

— Отпусти их, — раздался голос Марио из другой комнаты. Джейк лишь сильнее сжал

в руке обрез. Но затем все-таки опустил.

Я отвела Эльтора в гостиную и схватила с полки ключи от машины.

— Иди и садись в зеленую машину в конце дорожки.

Эльтор покосился в сторону кухни.

— Тебе там оставаться небезопасно.

— Ничего страшного. Просто мне надо еще кое-что захватить.

Мне не хотелось отправлять его в машину одного, истекающего кровью. Но останься он здесь, в доме, за его жизнь нельзя будет поручиться.

Эльтор нахмурился, но все-таки пошел. Я забежала в комнату Розы. Ее рыжий парик красовался на комодке, на пенопластовой болванке. Я схватила его и на бегу сорвала с кровати одеяло. И только собралась выйти из спальни, как передо мной в дверном проеме вырос Джейк. Обрез все еще был при нем, но опущен.

— Тина, погоди.

Я застыла перед ним, сжимая в руках парик и одеяло.

— Не могу.

— С тобой все в нормально? — Джейк посмотрел на мою забрызганную кровью блузку и поднял обрез. — Пусть только этот тип посмеет...

— Он ничего мне не сделал и не сделает.

Мне хотелось оттолкнуть обрез в сторону. Господи, именно поэтому я перестала встречаться с Джейком. После гибели Мануэля я не могла вынести даже мысли о том, что вновь могу потерять близкого мне человека. И вот теперь Эльтор ранен, и неизвестно, что может произойти буквально в следующую секунду.

— Если этот тип пришел Нага, я бы не советовал тебе с ним водиться. — Джейк погладил меня по щеке. — Давай мы тебе поможем.

— Нет, я все должна сделать сама. — Я прижала ладонь к его груди. — Но все равно спасибо тебе.

— Тина.

В голосе Джейка звучала нежность.

Нет, мне не следовало прикасаться к нему. Это вернуло мне прежнее чувство, ощущение некогда существовавшей между нами близости, взаимного притяжения. В этом не было ничего чувственного, ничего плотского. То же самое я испытывала рядом с Джошуа, а когда-то, еще сильнее, рядом с матерью. Эльтор сказал мне, как это называется: эмпатия.

— Джейк, прошу тебя, извини. Но мне надо идти.

Он смотрел на меня, и за внешней невозмутимостью шла борьба самых разных эмоций. Ему хотелось мне что-то сказать. Что-то очень важное. Нерешительность повисла вокруг него наподобие сероватого тумана. Но слова так и остались невысказанными — неясные очертания посреди серой пелены.

— Если мы тебе понадобится, ты знаешь, где нас искать. Достаточно нам шепнуть. — Вот и все, что он сказал.

— Спасибо, — выдавила я.

Выйдя из дома, я нашла Эльтора уже в машине. Он лежал на заднем сиденье. Я протянула ему одеяло, а сама села вперед. Правда, чтобы достать до педалей, мне пришлось выдвинуть вперед сиденье. Эльтор натянул на себя одеяло, и я нажала на газ. Мы задним ходом отъехали от дома, и я развернула машину прямо навстречу угасающему дню.

Глава 4 ШТОРМОВАЯ ГАВАНЬ

Когда я съехала на обочину, было уже темно. Деревья шумели под порывами обжигающего ветра. Эльтор приподнялся, одеяло сползло с него на пол машины.

— Где мы?

— На горе Вильсон. — Я открыла дверь, и нас тотчас обдало жарой. — Здесь есть одно

место, где ты можешь спрятаться. Я съезжу за другом. Если я привезу тебя к нему в машине Марио, нас может засечь полиция. — Я вышла из машины. — Джош показал мне тут одну пещеру. Собственно, это даже не пещера, а куча камней, под которыми есть место, где спрятаться. Больше никто об этом не знает.

Эльтор, пошатываясь, вышел из машины.

— Ты уверена, что мне хочется встречаться с твоими друзьями?

— Джошуа тебе понравится.

Эльтор хмыкнул. Пока мы между соснами и кустами пробирались к пещере, он молчал. Но затем неожиданно спросил:

— Что в вашем мире не так, если дети носят оружие? Лунный свет слабо пробивался сквозь ветви деревьев, от чего казалось, будто глаза его впали в глазницы.

— Не стоит корить себя из-за Нага, — тихо произнесла я. — Будь в его силах, он бы обязательно тебя убил без малейших колебаний.

— Но это еще не оправдывает того, что произошло, — возразил Эльтор и на минуту задумался. — А этот паренек в доме? Зачем ему ружье?

Я ответила не сразу.

— Марио, Джейк, Мануэль — в некотором роде они тоже сражаются на войне. Как ты. Только их враг невидим. Но он постоянно твердит, что вы ничто, вы никто, вам нет места в этом мире, что вы здесь чужие.

— Твой друг Джейк не такой, как все.

— Что ты имеешь в виду?

— Он эмпат.

— Ты это почувствовал?

Эльтор кивнул.

— Но это не снимает боль, — заметила я, — а лишь сильнее ее обостряет.

— Ее ничто не снимет.

— И все-таки люди должны прекратить убивать друг друга, — с жаром произнесла я. — Должен же быть какой-то иной, лучший способ.

Эльтор ответил не сразу.

— Будем надеяться, что мы его найдем.

Я почувствовала, а чем он промолчал. Он опасался, что способ этот так и останется не найден никем, ни в его мире, ни в этом.

Спустя какое-то время он попросил:

— Расскажи мне что-нибудь. О себе. Только чтобы без боли и озлобленности.

— Хорошо. Я расскажу тебе о самом лучшем дне в моей жизни. О моем празднике *quinceanera*.

— *Quince*... Пятнадцать?

— Верно. Когда девушке исполняется пятнадцать, то устраивают праздник — сначала специальную церемонию в церкви, а потом танцы. Меня сопровождал Джейк. Он был мой *chambelanhonor*. А Мануэль... — Я на секунду умолкла. — У меня нет отца, поэтому Мануэль в церкви прошествовал со мной и матерью по проходу, когда мы шли на мессу. Там собрались все, мои *cortedehonor*, *damas* и *chambelanes*.

— Дамы и кавалеры?

— Верно, всего двадцать восемь. Альконес и мои подруги. — Я улыбнулась. — И еще Джошуа. Ну и вид у него был по сравнению с остальными — соломенные волосы и голубые глаза! Моя мать сшила мне такое красивое белое платье. А парни были в смокингах. Можешь себе представить? Альконес в смокингах, с голубыми лентами через плечо, или как там они называются. Им пришлось сложиться, чтобы взять напрокат эти вещи. Я взяла с них слово, что никаких пистолетов. — У меня дрогнул голос. — Какой чудесный это был день! Казалось, мы с Джейком будем танцевать целую вечность!

— А почему ты говоришь об этом с такой грустью?

— Потому что все это в прошлом. Все. Эльтор привлек меня себе.

Я вспомнила свою мать, как она плакала в тот день. Я чувствовала ее радость, ощущала на языке. Вдыхала ее запах, слышала ее звон. Чтобы объяснить объединяющую нас связь, мама, бывало, рассказывала мне древние предания. Ее слова рисовали перед моим мысленным взором картину *ceiba*, оси, что существует буквально везде и во всем. Это дерево. Корни его уходят глубоко в Олонтик, или подземный мир, ствол тянется вверх, сквозь Срединный мир, где обитаем мы, смертные, а крона простирается еще выше, сквозь все уровни небес. Моя мать верила, что наш разум одновременно сосуществует с другими, точно так же, как духовная и материальная вселенная сосуществуют благодаря связывающему их дереву.

Моя мать была *h'ilol*, святой женщиной. Она молилась за тех, кто болен, но не телом, а душой, на кого ведьма наслала сглаз или порчу. Мало кто из женщин удостоивался этого почетного имени, но никто не сомневался, что моя мать его достойна. Ее умение исцелять превратилось в легенду. Мать учила меня молитвам — стихам, обращенным к Христу и *Calvario*, священной горе. А еще она рассказывала мне про девушку из Чамулы, которая превратилась в яркую Утреннюю звезду, прокладывающую путь самому Солнцу, точно так же, как во время церемонии исцеления помощницы мели земляную тропу перед тем, как по ней пройти *h'ilol*, целительнице.

У меня до сих пор в ушах стоят ее рассказы, я слышу ее негромкий голос, убаюкивающий меня в духоте чиапасской ночи. Лишь позднее я поняла, что церемония исцеления — это не что иное, как древние ритуалы майя, смешанные с христианством, принесенным в наши джунгли испанскими миссионерами.

Слева от нас с Эльтором возвышалась скалистая гора, наполовину спрятанная ночной тьмой и деревьями. Мы принялись карабкаться по ее склону, пока наконец не нашли грудку камней. Два плоских куска скальной породы стояли, привалившись друг к другу. В результате получилось нечто вроде тесной пещеры с узким лазом.

— Залезай, — сказала я.

Эльтор повернулся боком и проскользнул в узкую щель между камнями. Оказавшись внутри, он опустился на каменный пол. Он все еще прижимал к окровавленному плечу полотенце. Лунный свет серебрил его и без того отливавшую металлическим блеском кожу.

Я присела рядом с ним.

— Ну, как ты?

— Ничего. Конечно же, он лгал.

— Я вернусь, как только все улажу.

— Тина...

— Да?

— Ты вернешься?

Господи, сколь велико должно быть его доверие ко мне. Ведь одно дело — оставить его у себя дома и совсем другое — здесь, в полном одиночестве. Ведь что ему обо мне известно? Пожалуй, одно — мои друзья, чуть что не так, хватаются за оружие. И все-таки он верил, что я приведу помощь, что я найду место, где он может отлежаться, вновь прийти в себя. Если, конечно, не опоздаю.

— Я вернусь, — прошептала я. — Клянусь тебе.

Я вылезла из пещеры и, спотыкаясь и ковыляя на каблуках, направилась к машине.

Мне казалось, что я никогда не доеду до Пасадены. Наконец я припарковала машину там, где и обещала Марио, спрятав в багажнике парик и одеяло.

Я огляделась по сторонам. До этого мне приходилось бывать в Пасадене лишь дважды. Один раз на вечеринке и еще прошлым летом, когда я помогала Джошуа переезжать в общежитие.

Над домами высилась башня. Желтые прямоугольники окон светились на ней в ночной тьме, словно огромные глаза. Помнится, Джошуа тогда показал мне ее и назвал Миликанской библиотекой. Я сняла туфли и побежала по улице в ее сторону.

Вскоре я оказалась на газоне перед кампусом. По идее, это был Калтех, но в темноте я

ничего не могла узнать. Потом вспомнила, что общежитие Джошуа расположено как раз позади библиотеки. Я бросилась через газон, мимо какого-то типа с длинными волосами — не иначе, как он решил, что я свалилась с Луны. Университетские общежития представляли собой комплекс зданий в испанском стиле, со всех сторон окруженный лужайками. Перепрыгивая через две ступеньки, я взлетела на крыльцо одного из них. Все это время в моем мозгу словно молотом била одна мысль — что будет, если я не застану Джошуа?

Второй этаж был выкрашен черной краской, с красными языками племени на черном фоне. Джошуа тогда объяснил мне, что пламя означает позор отчисления из университета и причины, по которым могут отчислить. Я со всех ног бросилась к комнате номер 52 и принялась барабаниТЬ в дверь.

Та, к счастью, открылась, и на пороге вырос Джошуа в футболке и джинсах. Взлохмаченные волосы падали на глаза.

— Тина!

По его лицу расползлась радостная улыбка.

— Мне нужна твоя помощь, — выпалила я, как только перевела дыхание.

Джош затащил меня внутрь и закрыл дверь.

— В чем дело?

— Мой друг ранен. Я подумала, может, он немного поживет у тебя.

— Хорошо, — ответил Джошуа, пристально посмотрев на меня.

От благодарности я застыла, закрыв глаза. Как все просто — «хорошо». В этом весь Джошуа. После всего, что случилось с ним, он не так-то легко доверяет людям. Он осторожен в выборе друзей, но стоит подружиться с ним, как можно рассчитывать на его поддержку и помощь.

— У тебя есть машина? — спросил он.

— Есть, но я не могу ею воспользоваться. Почему, объясню позже.

Джошуа выключил настольную лампу. На столе лежала раскрытая книга. Повсюду были раскиданы листки бумаги, испещренные уравнениями.

— Может, наденешь мои кроссовки? — спросил он, глядя на мои ноги. — Да и свитер не помешает.

Я посмотрела на себя. В руках у меня были лодочки на высоком каблуке, а весь перед блузки заляпан кровью.

— Хорошо, давай.

Его свитер болтался на мне, как на вешалке, а кроссовки скорее напоминали шлепанцы. Я сняла чулки и, скомкав, затолкала в мысы. После этого мы прошли по коридору мимо какой-то полураскуроченной электронной техники к другой комнате. На ее двери виднелась табличка «ДЕИ», сделанная из старых компьютерных чипов.

Нам открыл какой-то парень в серой майке с надписью «*Конфедерация. 44-й Всемирный Конгресс писателей-фантастов*». В руках у него был наполовину съеденный батончик «Милки Вей».

— Привет! В чем дело?

— Дэниэл, я подумал, ты не одолжишь мне свой джип? — спросил Джошуа.

Джип был без верха, и пока мы ехали, ветер нещадно трепал мои волосы. Я рассказала Джошуа все. Единственное, чего я не стала делать, так это уверять его, будто Эльтор из Фресно. А еще всю дорогу молилась, что не совершила ошибки, оставив раненого Эльтора в пещере одного. Я думала о том, как мучительно долго тянулись для него минуты, и мое сердце сжималось.

У горы Вильсон Джошуа поднажал на газ. Когда мы наконец съехали с дороги, я выскочила из машины и бросилась к лесу.

— Тина, погоди! — крикнул Джошуа и бросился вслед за мной.

Мы пробирались сквозь заросли кустарника. Невысокие корявые деревья отбрасывали тени, от чего местами ночь казалась еще темнее. Волосы нам шевелил ветер. Дорога казалась бесконечной, я даже подумала, что мы уже прошли мимо.

Наконец я заметила два вертикальных камня. Мы тотчас бросились к ним бегом и протиснулись в щель. Джошуа поводил по полу и стенам фонариком. Луч наткнулся на тело Эльтора. Он лежал на спине, молча и неподвижно.

Я опустилась перед ним на колени. Сердце было готово выскочить из груди.

— Эльтор!

Он не ответил, и у меня внутри все похолодело.

— Ты слышишь меня, Эльтор? Ответа не последовало.

— Эльтор!!!

На этот раз губы его шевельнулись, но самих слов я не расслышала. У меня отлегло от сердца.

— *Que, hijo?*

— Вынул пулю, — прошептал он. — Ножом.

И тогда я ее увидела — окровавленный кусок металла рядом с его рукой — и не поверила собственным глазам. Как такое возможно — собственными руками вырезать пулю из себя самого? У меня не укладывалось в голове, как при этом Эльтор не потерял сознания. А если он потерял еще больше крови, то состояние его более чем серьезное. Но даже если бы мы доставили его в больницу, разве найдется на Земле кровь его типа? Такая, какую можно было бы без опаски ему перелить?

Джошуа опустился на колени рядом со мной.

— Его надо срочно в реанимацию. Что бы он там ни натворил, пусть уж лучше попадет в лапы полиции, чем умрет от потери крови.

— Нет, исключается. — Я положила руку на плечо Джошу. — Поверь мне. Пожалуйста. Никто не должен знать.

Джошуа посмотрел на меня, и я подумала, не захожу ли я слишком далеко в своих просьбах, ведь даже самая верная дружба имеет свои пределы.

— А как мы его передвинем? — вздохнул Джош. — Он такой огромный.

Я с благодарностью пожала ему руку.

— Он пойдет сам.

Эльтор открыл глаза. В лунном свете его внутреннее веко отливало металлическим блеском.

— Ты умеешь очищать раны?

Джош кивнул.

— Мы захватили все необходимое.

Я положила руку Эльтору на лоб. В моем сознании тотчас высветились слова, вернее, целые комплексы слов — это началась перекачка информации из его мозга в мой.

Связь установлена. Соединение стабильное.

Соединение. Это из области техники, а не человеческих отношений. Мы оба, Эльтор и я, были Кайлами, то есть между моим сознанием и его связь устанавливалась легко и прочно. Поток информации сыпал фонтанами искр, разбиваясь, словно безумные барашки волн, о нейтральные берега наших с ним глубинных «я». Каждая система частиц может быть описана с точки зрения ее волновой функции, в том числе и мозг. Его ИТК возбуждал тысячи молекул в моем ПТК — да что там, миллионы, миллиарды. Будь Эльтор не таким мощным Кайлом, связь, которую он установил со мной, могла бы запросто его покалечить. Например, став причиной мощных нейронных выбросов, что, в свою очередь, могло привести к тоническо-клоническому приступу наподобие эпилептического припадка. Но Эльтор перенес все довольно легко.

И я присутствовала при этой борьбе. Эльтор сражался со своей автономной системой — со своим сердцем, легкими, кишечником, железами внутренней секреции и прочими органами, с гладкой мускулатурой, с кровью и лимфой. Воинством ему служили наномедикаменты, специализировавшиеся по восстановлению тканей. Эльтор регулировал движение крови по сосудам, посылал питательные вещества туда, где они были нужнее всего, менял химические концентрации, и все это так стремительно, словно бежал

наперегонки со смертью, которая преследовала его по пятам, во все более истончавшейся дымке сознания. Когда мы с ним соединились, его мозг тотчас заработал на полную мощность, словно сухая губка, которую вновь пропитали водой, а затем резко сжали, так что во все стороны полетели брызги.

Митоз. Деление клеток: профаза, метафаза, анафаза, телофаза. Расщепление клеток: 1, 2, 4, 8. Рост тканей. Образование кровеносных сосудов. Увеличение кровотока. 64, 128, 256. Белые кровяные тельца; антитела; инфекция. Выброс лимфоцитов. Образование фибрина. Сворачивание крови. Паренхимальные клетки: профаза, метафаза, анафаза, телофаза. 16384, 32768, 65536. Кровотечение, строма, кровотечение, фиброз, кровотечение. Кровотечение...

— Тина...

Голос донесся откуда-то издалека.

— Тина, что с тобой?

Я открыла глаза. Джошуа стоял передо мной на коленях, положив мне на плечи руки.

— Что стряслось? — допытывался он.

— Я была с Эльтором. — Но почему Джошуа так и не открыл свою сумку? Она все еще лежала на полу пещеры. — Нам надо срочно обработать ему раны.

— Уже обработал. Я трудился над ним почти целый час. Вы с ним оба были в трансе.

Я вытаращилась на него, затем перевела взгляд на Эльтора. Он открыл глаза и еле слышно прошептал:

— Спасибо.

Мы ехали по университетскому кампусу. Эльтор сидел, привалившись ко мне, на заднем сиденье джипа. Джошуа подрулил к парковке рядом с общежитием. Стоянка была пуста, если не считать полдюжину машин — мне они показались такими хромированными животными, дремлющими в ночи.

Мы с Джошуа помогли Эльтору выйти из джипа и, поддерживая его, вместе медленно двинулись по газону между стоянкой и общежитиями. Пересели дворик в испанском стиле и подошли к крыльцу общежития. С нашей помощью Эльтор медленно преодолел ступеньки. Все это время я прислушивалась, опасаясь услышать чужие голоса. Не дай Бог, какой-нибудь студент-полуночник случайно наткнется на нас.

Мы добрались до второго этажа, и нас никто не засек. Когда мы были почти у цели, Эльтор, пока Джошуа колдовал с кодовым замком, тяжело прислонился к стене. Постепенно на него накатывалось спокойствие — я видела это в образе огромного мыльного пузыря бледно-оранжевого цвета. Господи, неужели мы сумели проскользнуть незамеченными?

В конце коридора скрипнула дверь, и из-за нее показался Дэниэл. Джошуа замер на месте.

— Привет!

Дэниэл посмотрел на Эльтора.

— Джош, могу я тебя на пару слов?

Джошуа повернулся ко мне.

— Скорей прячь его ко мне в комнату, — сказал он и направился по коридору к Дэниэлу.

С замиранием сердца я подтолкнула Эльтора внутрь и закрыла дверь. Комната была на одного, доверху забита какими-то бумагами и лабораторным оборудованием. Возле дальней стены у окна с голубыми занавесками стояла кровать. Слева виднелись полки, уставленные книгами, а справа — раковина и стенной шкаф. На письменном столе стоял компьютер, не один, конечно, а в тесном соседстве с грудой книг и бумаг. Стены были увешаны плакатами с изображением рок-звезд и видных ученых.

Я помогла Эльтору лечь в постель. Не успел он опуститься на кровать, как сон накрыл его подобно тяжелому одеялу, вырезанному из куса звездного неба. Я присела рядом. Интересно, что там делает Джошуа?

Вскоре дверь открылась, и на пороге возник Джош, но не один, а с Дэниэлом. Вид у

обоих был насупленный.

— В чем дело?

Дэниэл закрыл за собой дверь и не выпустил ручки, словно опасался, как бы кто-нибудь из нас не предпринял попытки к бегству. Джош пододвинул к кровати стул и сел напротив меня. Но внимание его было приковано к Эльтору.

— Он спит? — спросил Джошуа.

— Как убитый, — ответила я. Джошуа глубоко вздохнул.

— Дэниэл говорит, что видел в вечерней газете ваши портреты, знаешь, такие карандашные наброски. Полиция утверждает, что твой Эльтор на самом деле рецидивист по имени Рей Колман. Вчера ему удалось бежать из тюрьмы «Сан-Квентин». В газете написано, что он наркоман и страдает галлюцинациями.

— Ложь! — воскликнула я и про себя выругалась.

— Тина, он *убил* Матта Кугельмана.

— В целях самообороны.

— Тогда почему ты отказываешься отвезти его в больницу?

— Если я тебе скажу, ты мне не поверишь.

— Нет, ты уж лучше скажи, — вмешался Дэниэл, — если ты не хочешь, чтобы мы вызвали полицию.

— Ты ведь знаешь, я всегда тебе доверял, — произнес Джошуа, — но сегодня, честное слово, я даже не знаю, что тебе сказать.

Я провела рукой по волосам.

— Ты слышал о самолете, который обнаружили сегодня утром?

— Слышал, — ответил Джошуа.

— Так вот, это не самолет. Это его космический корабль.

— Ну-ну, — съязвил Дэниэл. — Пойми. Мы не шутим.

— А разве я шучу?

— Это он тебе сказал?

— Да.

— И ты ему поверила?

— У меня были на то причины, — ответила я. — К тому же, Джош, ты ведь сам видел его глаза.

— Да, я что-то видел. Но в пещере было темно, и я не ручаюсь, что увиденное — не обман зрения.

Мне ужасно не хотелось будить Эльтора, но выбора у меня не было. Я потрясла его за плечо, но он никак не отреагировал. Я попробовала снова.

— Эльтор!

На этот раз он едва приподнял ресницы, и из-под века блеснуло золотом. Джошуа и Дэниэл смотрели во все глаза. Затем золотистая пленка, словно откатывающаяся волна, скользнула куда-то вверх, под веко.

— Классно! — прокомментировал Дэниэл. Но затем словно стряхнул с себя чары и вновь вернулся к действительности. — Но это еще ничего не доказывает.

Джошуа посмотрел на меня.

— Признайся, это может быть обыкновенным врожденным дефектом.

И хотя внешне приятели не желали сдавать свои позиции, я знала, что оба сомневаются в правдивости полицейской сводки. Иначе бы они ни за что не дали мне возможность объяснить им все как есть. И вообще не стали бы задавать таких вопросов в присутствии Эльтора.

— Подумайте сами, — сказала я. — Как может обыкновенный человек, после всего того, что с ним произошло, находиться в такой относительно неплохой форме?

— Не знаю, — признался Джошуа. — Но должно же быть какое-то разумное объяснение?

И тогда меня осенило.

— У тебя найдутся ножницы?

Джошуа подошел к столу и, порывшись, дал мне то, что я просила.

— И что ты будешь делать?

— Смотрите.

Повязка закрывала Эльтору все тело, от талии до плеча. Я пощупала ему правый бок чуть повыше бедра. К счастью, пулевое ранение было на другой стороне. Наконец я нащупала углубление, где он хранил транском. Я вырезала небольшой квадратный кусочек бинта и нажала кожу. Но ничего не произошло.

Эльтор приподнял руку, поднес ее к правому боку и слегка вжал пальцы. Мембрана тотчас отъехала в сторону, ему на ладонь выскользнул транском. В боку же осталось небольшое отверстие, выстланное поблескивающей золотом кожей.

— Неслабо! — воскликнул Дэниэл.

— Что это? — поинтересовался Джошуа.

— Компьютер.

Эльтор на открытой ладони протянул ему транском.

У нас на глазах округлая золотая коробка стала квадратной. Грани ее мерцали и переливались. Затем Эльтор вновь поднес ее к своему боку и подтолкнул к отверстию. Коробка округлилась и встала на место, слившись по цвету с кожей. В следующее мгновение ее затянула мембрана.

— Ни фиги себе! — воскликнул Джошуа.

— Эта штукавина — что-то вроде нанокompьютера, — предположил Дэниэл. — Нечто такое, что способно меняться на молекулярном уровне. — Дэн щелкнул пальцами. — Она реагирует на изменения окружающей среды, верно я говорю? Стоит только вынуть ее наружу, и она тотчас начнет меняться?

— Верно, — согласился Эльтор.

— И углубление у тебя в боку может быть только при условии, что внутренние органы немного передвинули, чтобы они не мешали, — добавил Джошуа. — А мембрана, по крайней мере на вид, живая.

— Верно, — повторил Эльтор.

— Но такой нанотехники еще нет и в помине! — упирался Дэниэл. — И знаний в области медицины тоже пока недостаточно для таких вещей. Никто не может вживить в организм систему вроде этой. По крайней мере я ни о чем подобном не слышал.

— Ну, теперь вы мне верите? — спросила я. Дэниэл только присвистнул.

— Моя мать работает на Йейгеровской базе. Она говорит, что шаттл привез что-то вроде самолета-шпиона F-29. Это сверхзвуковая машина, которая почему-то вышла из строя.

— А что еще она может тебе сказать? — возразил Джошуа. — На базе заняты несколько тысяч человек. И лишь горстка видела этот самолет своими глазами.

В сердце у меня тотчас зародилась надежда.

— Дэниэл, а ты не мог бы провести нас на базу?

Но он только фыркнул.

— Допустим, я поверил твоему рассказу — кстати, я этого не сказал, допустим, я достал бы для вас пропуск — чего я не могу сделать, я бы все равно никогда не взялся за это дело.

Что ж, неудивительно. Но я-то знала, что там, на базе, спрятан никакой не F-29. Я потеряла глаза, чтобы как-то привести в порядок мысли.

— Джош, можем мы закончить наш разговор завтра? Поверь, нам надо выспаться.

Он кивнул.

— У меня в стенном шкафу есть лишнее одеяло.

— Ты что, разрешаешь им остаться? — ужаснулся Дэниэл.

— А как мы его сдвинем? — ответил Джош. — У него тотчас вновь откроется кровотечение.

— А ты знаешь, что означает укрывание преступника? Укрывание и содействие

ему? — упирался Дэниэл. — Стоит тебе позволить ему остаться, как ты сам совершаешь преступление. А если я промолчу, то превращусь в твоего соучастника.

Я сосредоточилась на Дэниэле. Я пыталась нащупать, что же так пугает его. Затем встала и подошла к нему.

— Полагаю, что Эльтор говорит правду. Подумай сам. Сейчас он полностью в твоих руках. Ты можешь задать ему любые вопросы, какие только тебя мучают, — о космосе, о космических полетах, всем том, о чем ты только мечтаешь. Кто знает, вдруг твои самые смелые мечты окажутся явью?

— Только без романтики, — упирался он.

— Подумай, у тебя может не быть второй такой возможности.

— Ты ненормальная, если веришь ему.

— Ты трус.

— Верно, — согласился он. — Я не хотел бы, чтобы меня вытурили из университета. И упекли за решетку.

— Но если ты никому не скажешь, кто узнает?

— Даже если я никому не скажу, это еще не значит, что полиция не выйдет на ваш след.

Я пожала плечами.

— Ты всегда можешь сказать, что мы силой вынудили тебя помочь нам. Например, что мы взяли Джоша в заложники.

Дэниэл покосился на приятеля.

— Даже если я это скажу, может, это и спасет нас от неприятностей. Но где гарантия, что больше никто, кроме нас, не узнает?

— Дэниэл, я прошу у тебя всего пару дней, — взмолилась я. Дэниэл посмотрел на Джоша.

— Ты ей веришь?

— Верю, — ответил тот. — Всей своей жизнью.

Сначала я не поняла, что он имел в виду. Но затем в моем мозгу возникла картина — воспоминание, но только не мое. Наг и его головорезы выстроились с ружьями на изготовку. Наг, словно генерал, отдает приказы. Его дружки вскидывают ружья и целятся в меня. Ощущение было странным, потому что со мной ни разу не происходило того, о чем я «вспоминала» в эту минуту. И тем не менее я явственно ощущала веревки, которыми были стянуты мои запястья.

Джошуа глубоко вздохнул, и картинка пропала, а на ее месте возникла другая. Эту я узнала, только смотрела я на нее с дивана в комнате Марио. Там собрались все Альконес, в том числе и Мануэль. Они сидели кто вдоль стены, кто на стульях. Некоторые чистили свои пистолеты.

И тогда я все поняла. Это были воспоминания Джошуа. Я даже увидела себя, Тину. Я стояла и разговаривала с Марио.

Разговаривала легко и непринужденно — чего Джошуа никак не ожидал, — словно Марио был моим старшим братом, а не главарем бандитов. Я хотела, чтобы они защитили Джошуа. И, что уж совсем невероятно, в конце концов они согласились.

Затем картинка стала блекнуть. Как раз тогда, когда Джошуа пробежал рукой по волосам. Нет, я догадывалась, что в тот день, когда я привела Джоша к Марио, он чувствовал себя не в своей тарелке. Но мне было невдомек, что ему казалось, будто он вверяет мне целиком свою жизнь.

Дэниэл в упор смотрел на Джошуа. Тот покачал головой. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять смысл этого жеста. Не вмешивайся.

Поэтому Дэниэл повернулся ко мне:

— Даю тебе пару дней на то, чтобы убедить меня.

Слава Богу, облегченно вздохнула я.

— Пару дней. Что ж, согласна.

Глава 5

РЕЖИМЫ ДЖАГЕРНАУТА

...построение новых тканей. Увеличение кровотока. Новые кровеносные сосуды...

— Проснись!

Кто-то звал меня и тряс за плечо. Я попыталась не обращать внимания, но этот кто-то упорно пытался меня разбудить. Наконец-то я высвободилась от сознания Эльтора. Собственно, он сам отпустил меня и погрузился в сон.

Я открыла глаза. На кровати, стоя на коленях, надо мной склонился Джошуа. Это он и тряс меня за плечо.

— Джош, прекрати! Мой голос дрожал.

— Ну, слава Богу!

Он отпустил плечо и немного откинулся назад. В окно косыми лучами струился послеполуденный свет, и поперек кровати лежало желтоватое пятно. Я присела и от неожиданности сощурилась.

— Который час?

— Почти пять. Я уже было заволновался. Никак не мог разбудить ни тебя, ни его. — Джошуа кивнул в сторону стола. — Я уже давно принес тебе ленч.

Стоило мне увидеть поднос из кафетерия, как у меня потекли слюнки. Следующая моя мысль была еще забавней — уж если такой недоросток, как я, проголодалась, то такой великан, как Эльтор, наверняка уже давно умирает с голоду.

Я подтолкнула его в плечо.

— Просыпайся, соня!

Никакой реакции. Я легонько потрясла его. Памятуя о его ранах, я не осмелилась трясти сильнее. И снова ничего.

— Может, нам стоит его посадить? — предложил Джошуа.

— Что ж, давай попробуем.

Опустившись на колени рядом с кроватью, мы подтянули Эльтора в сидячее положение.

— Эльтор, пора просыпаться! — сказала я. Никакого ответа.

Джошуа пристально посмотрел на спящего. Затем легонько шлепнул по лицу. Ничего. Никакой реакции. Джошуа шлепнул сильнее. Эльтор никак не отреагировал, и тогда Джошуа уда...

Рука Эльтора метнулась, словно стрела, и вцепилась ему в запястье. Внешние веки открылись, и Эльтор с силой оттолкнул Джошуа от себя. Бедняга Джош свалился с кровати.

— *Hola!* — Я схватила Эльтора за руку. — Все в порядке. Мы просто пытались разбудить тебя.

Он повернул голову в мою сторону — его глаза застилала золотая пленка — и снова безвольно осел. Он был слишком тяжел, и я не могла его удержать, так что мы с ним оба повалились на кровать.

Джошуа поднялся с пола.

— Он проснулся?

— Не пойму. — Я встала на колени и склонилась над Эльтором. — Эльтор, ты меня слышишь?

Внутреннее веко наполовину обнажило глазное яблоко, от чего Эльтор стал похож на обторчавшуюся черепаху.

— Боюсь, на большее можно не рассчитывать, — сказала я.

— Может, нам стоит попробовать его покормить?

— Давай.

Я с трудом удержалась, чтобы не запихнуть еду себе в рот. Джошуа улыбнулся.

— Я принес еды на целый полк. Ешь, не стесняйся. Я сам его покормлю.

— Ты настоящий друг.

Я была голова его расцеловать.

Джошуа взял поднос и поставил его на кровать. Затем сел рядом с изголовьем Эльтора. Я взяла с подноса тортилью и подняла вверх, зажав между большим и указательным пальцами.

— Что это?

— Можно подумать, ты не знаешь, — ответил Джошуа и взял в руки стакан с апельсиновым соком.

— Кусок жареной картошки?

Джошуа поднес стакан к губам Эльтора.

— Ты не любишь тортильи?

— Нет, просто никто не умеет готовить их так, как умела моя мать.

Ее тортильи были большими и мягкими. Она готовила их на своей *comal*, круглой металлической плитке, которую ставила прямо на огонь — на двух горшках и камне. Я и сейчас слышу, как она снова и снова мнет и колотит маисовое тесто. Как я любила этот звук! Первые восемь лет моей жизни ранним утром я слышала его отовсюду. Из дня в день.

И вот теперь его нет.

Я опустила тортилью и вместо нее взяла сандвич.

Эльтор никак не реагировал на предложенную ему пищу. Тогда Джошуа открыл ему рот и влил туда сок. Сначала ничего не произошло, но потом Эльтор подавился и закашлял. Оранжевые брызги разлетелись по всей комнате. Пока он пил сок, внутренние веки вновь наехали на глаза, и лицо опять превратилось в маску. После того как с соком было покончено, Джошуа взял стакан и повернулся, чтобы поставить его на поднос. Внезапно он застыл, в ужасе глядя на кровать.

Я сама едва не подавилась.

— Что случилось?

Джошуа указывал куда-то на талию Эльтора.

— Ты только посмотри.

Эльтор согнул руку в локте и оторвал кисть от постели. Вид у нее был действительно странный — рука словно застыла в воздухе. Но вряд ли это перепугало Джошуа. Причиной испуга скорее было другое — кисть Эльтора сложилась по всей длине до запястья. Теперь средний палец находился напротив безымянного, а указательный — напротив мизинца. Собственно, мизинец мизинцем было трудно назвать, потому что все пальцы были примерно одинаковой длины. Когда кисть находилась в сложенном состоянии, они выполняли роль двух пар больших пальцев. А сам большой палец при этом одиноко торчал в сторону.

Рука приблизилась к подносу, и пальцы ухватили яблоко. Эльтор поднес его ко рту и принялся есть или, вернее сказать, поглощать какими-то механическими движениями. Съев яблоко, он опустил руку, пока не уперся локтем в кровать. После чего наполовину распрямил кисть.

— Что нам с ним делать?

Джош заморгал от удивления.

— Может, он все еще голоден?

Я протянула Эльтору еще одно яблоко.

Эльтор съел четыре яблока, миску овощного салата и немного кукурузы со сливками. К гамбургеру он даже не притронулся. Если не считать работающих челюстей и руки, все это время он лежал на спине совершенно неподвижно. Поев, опустил руку и полностью распрямил кисть. Еще пара секунд — и он спал как убитый.

— Он всегда так? — поинтересовался ошарашенный Джошуа.

— Не знаю. Не думаю.

— Что, если от нашей еды ему станет плохо?

— Ни разу не слышала, чтобы это было для него проблемой.

Джошуа нахмурился.

- Знаешь, ты говоришь как-то по-другому.
— Это как по-другому?
— Не знаю даже. — Джош призадумался. — Ты стала лучше говорить по-английски.
— Но я же все время практикуюсь, — пожала плечами я.
— Да, наверное.

Больше мы об этом не говорили. Никто из нас не догадывался и даже при большом желании не мог догадаться, какие процессы происходят в моем мозгу.

Чаша с водой. Капли влаги блестят на ее гладкой внутренней поверхности, готовые в любое мгновение скатиться вниз. Сама поверхность окутана облаками — голубыми, серыми, белыми. Они все кружатся и кружатся. Пустая чаша. Женищина верхом на кентавре — четыре ноги у него для того, чтобы скакать. Верхние конечности распростерты в воздухе. Вместо головы у него носик, откуда льется вода, такая прохладная и вкусная, она струится искрящимся ручейком, такая прозрачная, такая журчащая...

Я открыла глаза и увидела потолок. Образ чаши не исчез, когда я проснулась, как обычно это бывало с моими сновидениями, а прочно засел в моем сознании. Нет, мне не хотелось пить, но я по-прежнему видела, как из носика вытекает вода.

Комната была наполнена утренним светом. Я спала на полу, потому что на кровати было тесно. Джошуа накануне вечером дал мне футболку, а я постирала мою окровавленную одежду в раковине. Джошуа в комнате не было. Правда, перед этим он накрыл меня одеялом и оставил записку со своим распорядком дня. Я знала, что он ушел, чтобы не мешать нам. Обычно он занимался по ночам, а по утрам отсыпался. На кровати...

Эльтор лежал на кровати и в упор смотрел на меня. Он не проронил ни слова, но как только я его увидела, тотчас поняла, чего он хочет. Я встала и подошла к шкафу. Порылась немного и отыскала то, что мне надо, — старую чашку из яркого оранжевого пластика. Я наполнила ее водой и поднесла к нему. Эльтор выпил воду залпом. Затем он снова откинулся на кровать и тяжело вздохнул.

Я по-турецки села рядом с ним на кровати.

— Ну, как ты?

— Лучше. — Он обвел глазами комнату. — А где твои друзья?

— Учатся. Джошуа вернется только к вечеру.

Эльтор кивнул и закрыл глаза. Мы накануне сняли с него одежду, чтобы ему было удобнее спать, и накрыли голубым одеялом. Казалось, от талии и ниже его накрывал кусочек неба. Сквозь занавески в комнату струился солнечный свет, и кожа его поблескивала золотом. По руке у Эльтора тянулся шрам, еще один пересекал грудь. Тогда я понятия не имела, что при желании он мог бы легко от них избавиться. Но он не стал этого делать — не видел необходимости.

Сонный и теплый, Эльтор казался мне таким прекрасным, даже со шрамами. Вернее, особенно со шрамами. Таким привлекательным. Я склонилась над ним и поцеловала.

Веки его открылись, оба — и внешнее, и внутреннее. Но затем он оттолкнул меня.

Я покраснела. Я нарушила какой-то неизвестный мне запрет? Или в тот момент ему просто не хотелось, чтобы его целовали? Ведь он только что был, что называется, одной ногой в могиле, и вдруг тут я пристаю к нему со своими ласками.

Но затем Эльтор произнес:

— Нам ведь кое-что нужно? Правда?

— У тебя есть с собой?

— И не один.

Он сложил кисть и потянул мою футболку. Я подняла руки, и он стащил мне ее через голову. Затем я опустила руки и положила их на колени. Странно, однако, подумала я, разглядывая свои запястья — на мне ведь ничего нет, кроме старинного браслета. Я чувствовала себя ужасно неуютно раздетой. Мне было стыдно в таком виде сидеть перед ним, не имея на себе ничего, да еще среди бела дня.

— Ты похожа на рейликанскую богиню, — нежно проговорил Эльтор. Я подняла глаза, и он улыбнулся. — Есть такое древнее племя. Сейчас от него мало кто остался. Ты похожа на их богиню.

Эльтор взял мою грудь в ладонь и произнес что-то на другом непонятном языке. До этого он лишь однажды заговорил на нем, перед тем, как мы пришли домой к Марио. Тогда мне этот язык показался ужасно знакомым.

— Что это за язык? — спросила я.

— Иотический. Он очень древний. Сейчас на нем почти никто не говорит.

— Откуда ты его знаешь?

— Моя бабушка была потомком рейликан.

Эльтор привлек меня к себе на постель, нежно обнимая меня. Я прижалась к нему, а он приподнял одеяло и положил меня себе на грудь и живот. Эльтор показался мне таким сильным и теплым. Я подняла голову, чтобы поцеловать его...

И увидела его лицо.

Он лежал, устремив глаза в потолок. Внутренние веки были опущены, отчего взгляд казался неживым. Собственно говоря, лицо это никак не могло принадлежать живому человеку. У меня было такое чувство, будто я оказалась в одной постели с роботом.

Я скатилась с него, быстро села и завернулась в одеяло. Эльтор механическим движением повернул ко мне голову — словно она вращалась у него не на шее, а на подшипниках.

— Мы не завершили программу.

Голос его звучал ровно и невыразительно, и это звучание показалось мне сродни однообразию пустыни, по которой ветер носит сухие шары перекаати-поля. Эльтор протянул руку, чтобы обхватить меня за талию.

— Нет! — вскрикнула я. — Не прикасайся ко мне!

Его рука вернулась на прежнее место.

— Почему?

— Где Эльтор?

— Я Эльтор.

— Нет, где настоящий Эльтор? Эльтор-человек.

— Я не человек.

Я плотнее закутилась в одеяло.

— Ты — нет, а он человек!

— Я — это он.

— Тогда почему у тебя другой голос? Ты говоришь как машина.

— Я и есть машина.

— Ты можешь вновь выпустить того Эльтора?

— Я и есть Эльтор. Как мне это тебе объяснить? Это всего лишь режим, неполная репрезентация моего эмотивно-механического интерфейса. То, что ты называешь настоящим Эльтором, это просто другой режим. Сейчас он находится в нерабочем состоянии. Таков я, — произнес он. — И если ты не хочешь иметь дела со мной таким, то не можешь рассчитывать на большее.

Вот и все. Принимай меня целиком, каков я есть, и не надейся ни на что другое. Возможно, это кое-что говорит о моей тогдашней жизни. Мне почему-то было легче воспринимать тот факт, что Эльтор убил Нага, нежели то, что, в сущности, он машина. Нет, его способность убивать потрясла меня. Но одновременно она была мне понятна. Это же просто не укладывалось в голове.

Но ведь и я попросила принимать меня такой, какая есть, — сирота без роду и племени. Насколько я понимала, у него не было причин воспринимать меня как-то иначе. Не лицемерь, сказала я себе, нехорошо требовать от него большего, нежели сама требуешь.

— Хорошо, — сказала я после небольшой паузы. — Если мы с тобой займемся *этим*, значит ли это, что я буду заниматься любовью и с «другим» Эльтором тоже?

— Режим не означает другой личности.

— То есть если я буду с тобой, то одновременно и с тем Эльтором, которого я знаю.

— Да.

Я положила руку ему на грудь. На ощупь он был человеком. Я склонилась над Эльтором и заглянула ему в лицо, в золотистые омуты его глаз. Ну хотя бы попробуй, сказала я себе. Если ничего не получится, всегда можно остановиться.

Я легла и поцеловала его в грудь. Эльтор провел ладонями мне по спине. Это были размеренные, механические движения. Затем он произнес:

— Возобновить.

Возобновить? У меня не было времени, чтобы спросить, что это значит. Вместо того чтобы нежно поцеловать, Эльтор жадно и больно впился мне в губы — он явно не соизмерял силу своего порыва с моими возможностями. Затем навалился на меня, и мы с ним скатились к самому краю кровати. Откуда-то из валявшейся на полу одежды Эльтор извлек презерватив, присел, обхватив меня коленями, и принялся вертеть в руках пакетик.

Я не могла оторвать от него глаз. Было в этом зрелище нечто завораживающее — словно кто-то управлял движениями Эльтора при помощи пульта дистанционного управления. В некотором роде так оно и было. Спрятанные внутри него биочипы приводили в движение встроенную в тело гидравлику. Да, Эльтор был машиной, безумно красивой, но все-таки машиной.

— Эльтор! — позвала я.

— Да? — поднял он глаза.

— Когда ты такой, ты все равно будешь чувствовать? Ну, ты понимаешь.

— Да. — Он надорвал пакетик. — Нет причин, почему мои физические ощущения должны стать слабее только потому, что мой эмотивно-механический интерфейс работает не в полном режиме.

Я едва не расхохоталась. Нет, я, конечно, уже давно задумывалась над тем, каким будет мой первый мужчина. Но мне и в голову не могло прийти, что им окажется робот. И что, надевая презерватив, он будет рассуждать о работе какого-то там эмотивно-механического интерфейса.

Он надевал его медленно, аккуратно разглаживая складки — латекс на золото. Я приподнялась на локтях, наблюдая, как Эльтор это делает. Ну кто бы мог подумать, что зрелище это будет полно эротики? Я взяла в ладонь его яички. Из любопытства, чтобы проверить, какими они окажутся на ощупь. По крайней мере такими ли металлическими, какой Эльтор весь на вид. Ничего подобного. Нормальное человеческое тело. Живое и теплое.

Эльтор опустил на меня, и я почувствовала, что мне не хватает воздуха. И даже не оттого, что он был такой огромный и тяжелый, а потому, что этот новый его режим создал в моем сознании ощущение чего-то металлического.

Эльтор приподнялся на локтях.

— Я не слишком тяжелый? — спросил он так, словно добавлял в память новые данные.

Интересно, как он догадался?

— Ты чувствуешь мои эмоции в этом режиме?

— Да. — Он наклонился и поцеловал меня. И еще, и еще, словно проверял базу данных. — Я при всем желании не могу снизить свой вес.

— Все нормально. Не бери в голову.

Он снова опустил на меня, сжав мне руки с такой силой, что я едва не ойкнула от боли. Правда, я сжалась, и он ослабил хватку. Тогда я этого еще не понимала — но поскольку сеть его была повреждена, Эльтор неправильно интерпретировал данные о том, какую силу должен придавать своим мышцам, обнимая такую худышку, как я. Но как только его система уловила мое напряжение, он тотчас произвел переоценку и перерасчет данных.

Большими пальцами он погладил мне грудь, затем его руки скользнули ниже, сначала к талии, затем к бедрам. Я ожидала, что он будет делать то, что ему хотелось, быстро и

эффективно, как и полагается машине. Когда он вошел в меня, было уже не так больно, как в прошлый раз. Я не подозревала, что благодаря биочипу, контролирующему его действия, Эльтор мог менять уровень интенсивности своего желания и, следовательно, степень стремительности своих действий. Я понемногу расслабилась и крепче прижала его к себе. Его мышцы напрягались в такт движению тела, движению ровному и размеренному, словно заданному программой.

Установить связь, подумал он, и в моем мозгу возникло ощущение чего-то металлического.

Эльтор прикоснулся к моей щеке.

Загрузка информации?

— Я не знаю как, — сказала я. До этого все происходило само собой. — Поцелуй меня еще раз, — шепнула я ему на ухо. — Мне нравится, как ты это делаешь. Сильно и жадно, словно не можешь насытиться.

И он меня поцеловал — опять так, словно пополнял базу данных. Я чувствовала, как его новый режим интерпретировал приятные ощущения. Было в этом нечто от мертвой хватки механических тисков. Знать, что кто-то хочет тебя так страстно и жадно, — наверное, нет в мире более эффективного возбуждающего средства. По сравнению с ним даже самое сильное любовное зелье кажется лишь слегка подкрашенной водичкой.

Связь установлена, мелькнуло в моем мозгу.

И в это мгновение мои сенсорные окончания вошли в режим повышенной боевой готовности. Способность моего мозга воспринимать как эмпатическую, так и сенсорную информацию заметно усиливается, если человек, от которого я ее воспринимаю, находится в непосредственной близости, и при этом чувства его обострены до предела. Эльтор накрыл меня лавиной расплавленного металла. Она захлестнула меня с головой, погасив все остальные чувства, и на какое-то мгновение я не видела и не слышала ничего вокруг. Я задыхалась. *Задышалась*.

Погоди!

Я впиалась пальцами ему в спину.

Не так сильно.

Произведена настройка, подумал он в ответ.

Ощущение ослабло до терпимого уровня. Эльтор замедлил движение, контролируя себя. Я закрыла глаза и настроила мои ощущения только на него, стараясь почувствовать близость живого человека. Но двигался он совсем не как человек. Скорее, как хорошо отлаженный автомат.

Ожидание.

Слово возникло в моем мозгу, словно команда. *Ожидание?* удивилась я. *Ожидание*, повторилось в моем сознании. *Ожидание чего?* подумала я. *Задержка последней фазы.*

Напряжение в нем росло и поднималось волной, бьющейся о стены шлюза.

Что значит задержка? — подумала я. Эльтор дышал, но какими-то короткими всхлипами. *Отмена*, подумал он.

Его движения тотчас приобрели мощь и темп. На этот раз он обрушил на меня реку своих чувств всю, без остатка. Он просунул мне под талию руку и приподнял от кровати, прижимая к себе. Мы слились в едином движении. С Эльтора градом катился пот, и струйки соленой влаги просачивались между нашими телами. Когда он достиг вершины, то весь напрягся, и на какое-то мгновение мы с ним застыли, словно окаменев от самой силы наших ощущений.

Постепенно река начала откатываться назад. Объятия его ослабли, и мы, обессилев, опустились на кровать. Эльтор лежал, прижавшись щекой к моей макушке. Дыхание тоже постепенно стало ровнее и спокойнее. Эльтор соскользнул с меня и лег рядом. Тело его на ощупь было теплым. Живым, человеческим. По крайней мере если не смотреть ему в лицо. Так мне было легче поверить, что рядом со мной лежит человек, а не машина.

Возврат, произнес он. Я открыла глаза.

— Что?

Эльтор не ответил. Он спал.

Я закрыла глаза, и мое сознание пустилось в странствования. То там, то здесь в моем мозгу возникали обрывки слов, сказанных им ранее, слов из древнего языка его предков. *Shibalank, shibalan...*

Я открыла глаза. Комнату наполнял солнечный свет, но это был уже не утренний свет, свет нового дня. Откуда-то снаружи доносились голоса. Посмотрев на настенные часы, я увидела, что мы проспали несколько часов, а до прихода Джошуа остается еще пара-тройка.

Я пошевелилась, и Эльтор открыл внешние веки. Я приподнялась на локте.

— Ну, как ты? Лучше?

— Прекращаю связь, — ответил он, и слова его еще заметнее прозвучали как слова машины.

— Что-то не так? — спросила я.

— Мои функции деградируют.

— То есть ты больше не можешь восстанавливать себя?

— Нет. — Он закрыл глаза. — Доступ прекращен.

— Что?

На этот раз он открыл оба века — и внешнее, и внутреннее. Его лицо расслабилось, а в речи чувствовался сильный акцент, такой человеческий и знакомый.

— Доступ прекращен. Это означает, что, если ты задаешь вопрос, я не могу на него ответить.

У меня отлегло от сердца.

— Ты вернулся.

— Я нигде не исчезал, — улыбнулся Эльтор.

— Тебя не смущает, что мы с тобой занимались любовью, пока ты был... тем, другим.

— Он это я. Нет, меня это не смущает.

— Ты все помнишь?

— Каждую секунду, — улыбнулся он. — Могу проигрывать эту сцену в мозгу столько раз, сколько захочу.

— Шутишь.

Я залилась краской.

— А вот и нет. — И тихо добавил: — Извини, если это смущает тебя. Обычно мое соединение с людьми происходит в более скрытой форме.

— А разве ты не человек?

Вместо ответа Эльтор провел рукой вдоль моего тела.

— Я чувствую все то, что чувствует человек, — ответил он, чуть подумав. — Биомеханическая сеть не лишает меня человеческих свойств. Скорее, она их усиливает.

— Ты родился таким? Я имею в виду, с этой сетью?

Его эмоции тотчас погасли, словно кто-то щелкнул выключателем.

— Нет.

— Я что-то не то сказала? Эльтор ответил не сразу.

— У меня с этим... связаны неприятные воспоминания, — сказал он, а потом добавил уже менее скованно: — Нет, я родился без сети, но с кое-какими изменениями на клеточном уровне. Предполагалось, что я передам эти свои качества детям. — Он пожал плечами. — Но мои врачи не уверены, что план сработает. Я первый, на ком проводился эксперимент.

Я в ужасе вытаращила на него глаза.

— Но это ужасно. Как можно на тебе проводить эксперименты!

— Кто-то должен быть первым. Я — вполне подходящий для этого материал.

— Никто не смеет называть тебя материалом!

— А тебе не приходило в голову, что я и сам не против. Что это помогает мне решить проблемы, какие я не хотел бы передавать своим детям?

Ну разумеется. Анемия. Кисти рук. И множество других, о которых я тогда не

догадывалась.

— Нет, не приходило.

— Наверное, я слишком остро реагирую на подобные вопросы, — вздохнул он. — По крайней мере так утверждает Рагнар.

— Ты имеешь в виду адмирала?

— Да. Он же мой личный врач. Он прекрасный хирург, специалист по биомеханике. Он возглавлял команду врачей, снабдивших меня сетью. Когда я был маленьким, он учил меня пользоваться ею. — Эльтор улыбнулся. — Он, бывало, гулял вместе со мной, когда я учился пользоваться ногами. Мы с ним постоянно говорили друг с другом.

Скажу честно, слова Эльтора слегка озадачили меня. Я потрогала розетку у него на запястье.

— Я думала, ты при помощи этого подсоединяешься к Джагу.

— Верно.

— То есть ваши военные подсоединяют детей к боевым кораблям?

Эльтор весь напрягся.

— Разумеется, нет. Джагернауты получают свою биомеханическую сеть уже будучи взрослыми, перед тем, как их произведут в офицеры.

И все равно это плохо укладывалась в голове. Однако я чувствовала, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут. Эльтор просто замолчит. Поэтому сказала:

— А что ты имел в виду, говоря, что прекращаешь связь?

— Моя сеть — это составная часть компьютера Джага. Я... как бы это сказать? Сейчас сеть Джага разрушается. Потому что в нем копаются. Если его сеть разрушится, то разрушится и моя. Я то и дело перехожу из одного режима в другой, гораздо чаще, чем ты себе можешь представить. Просто последний переход был сильнее выражен. Но случались и другие. И я, и мой Джаг, когда мы с ним оказались разорваны, автоматически закрыли программу связи. И все-таки то, что в нем копаются, сказывается и на мне. Мешает ориентироваться. Сбивает с толку.

Было похоже, что на самом деле все обстоит гораздо хуже.

— Но тебе все-таки станет лучше?

— Не знаю. Мне нужен мой корабль.

— А что ты имел в виду, когда сказал, что мы еще не завершили программу?

— Программу режима, — ответил он. — Ты знаешь, что такое субрутинный вызов в программе?

— Что-то проходили в школе.

— Режимный вызов — вещь посложнее, но в принципе это почти одно и то же.

Я от удивления открыла рот.

— Ты хочешь сказать, что занимался любовью в субрутинном режиме?

— Да.

— Эльтор, ты представляешь, как это звучит? Просто извращение какое-то.

— Извращение? — улыбнулся он. — Ты имеешь в виду ненормальность?

— Да нет, странность.

— Тина, но ведь это все равно я! Я никогда не меняюсь, — произнес он смущенно. — Но ты не соглашалась на обмен информацией. Мне кажется, Джаг воспринимает тебя как узел в сети. Возможно, он даже усиливает твое сознание, расширяет базу твоих знаний, увеличивает объем словаря.

В голове у меня возник образ себя самой, но с лицом как у робота. Я посмотрела на свои руки. Вполне нормальные. Человеческие. Нет, они действительно человеческие. Что бы там ни было, но благодаря общению с Эльтором я в большей мере чувствовала себя человеком. Никак не меньше.

Эльтор дотронулся до моей груди, накрыл ее ладонью. Мое тело моментально отреагировало — мне тотчас вновь захотелось его. Однако когда Эльтор попытался притянуть меня к себе, я воспротивилась. У меня в глазах все еще стояла жуткая картина —

он лежит на спине, полузакрыв глаза. Компьютер, занимающийся любовью.

— Я тебе действительно неприятен? — спросил он.

— Нет, Эльтор, что ты.

Господи, как он может быть таким страстным и одновременно при этом — машиной?

Мы с ним занялись любовью еще раз, и все это время в моем сознании стоял образ его «нечеловеческих», подернутых золотистой поволокой глаз. Интересно, сколь долго он еще пробудет человеком?

Глава 6 ХИЗЕР РОУЗ

Тишину комнаты Джошуа нарушало лишь негромкое бормотание телевизора, время от времени прерываемое сиреной — пробой оповещения о чрезвычайной ситуации. Эльтор сел на край кровати, оделся, несколько раз согнул-разогнул руку — ту, где был ранен в плечо.

За дверью послышалось какое-то царапанье — кто-то возился с замком. Затем дверь открылась. Я от неожиданности вскочила со стула.

В комнату, широко улыбаясь, вошел Джошуа.

— Это всего лишь я.

Он закрыл дверь и повернулся к Эльтору. Я ничуть не удивилась, когда заметила, что улыбки на его лице как не бывало. Одно дело, когда Эльтор лежит у тебя в комнате без сознания, совсем беспомощный, и другое — когда он бодрствует и постоянно ждет какого-то подвоха.

— А где твой друг Дэниэл? — поинтересовался Эльтор.

— Сейчас придет, — отвечал Джошуа. — Ему надо кое-что проверить.

— Что конкретно проверить? — спросил Эльтор.

— Йейгеровский испытательный цен...

— Вы связались с базой? — изумился Эльтор.

Джошуа отступил назад, к двери. Лицо его сделалось бледным как мел.

Эльтор, подумала я и нарисовала в голове следующую картину: Наг и его подручные, одетые примерно так же, как и сам Эльтор, связывают Джошуа и делают вид, что готовятся его расстрелять. Затем я нарисовала в голове другую картину — Джошуа перевязывает Эльтору раны, пока тот лежит без сознания.

Эльтор посмотрел на меня. Затем сел на кровать и заговорил уже гораздо спокойнее:

— Зачем Дэниэлу связываться с базой?

На лице Джошуа вновь выступил румянец.

— Он звонил матери.

— Разве это не вызовет у нее подозрений?

— Ты хочешь сказать, — улыбнулся Джошуа, — не врубится ли она, что он и его приятели по студенческой общаге спрятали у себя пришельца?

Эльтор насупил брови. Джошуа моментально залился краской.

— Извини, я пошутил.

Но Эльтор продолжал смотреть на него в упор, и Джошуа добавил:

— Вряд ли ей придет такое в голову. Дэниэл постоянно названивает предкам, если ему что-то нужно. Они у него инженеры по информационным системам, а сам он специализируется по компам. Если Дэн пристанет к маман с расспросами по работе, она ничуть не удивится. Он их постоянно грузит. В этом вся фишка.

— Родители Дэниэла занимаются компьютерными системами? — медленно спросил Эльтор.

— Джош, не трещи с такой скоростью, — сказала я. — И, пожалуйста, поменьше сленга. Эльтор с трудом понимает, что ты хочешь сказать.

— Ах вот в чем дело, — обрадованно произнес Джошуа. — Учтем.

Из телевизора донесся какой-то гул. Он даже заглушил монотонный голос диктора, на

который мы до этого в общем-то не обращали внимания. Джошуа подошел к телику и выключил звук.

— Если они снова скажут, что это всего лишь проба, я точно что-нибудь сделаю. Разобью или сломаю. Можно подумать, мы собираемся с кем-то воевать.

— А вдруг собираемся? — сказала я. — Смотри, что творится в России. Военные сместили Горбачева, и новое правительство постоянно поднимает шум из-за самолетов-шпионов. Неудивительно, что все сидят как на бочке с порохом.

Джошуа подошел ко мне.

— Но какой смысл опять затевать холодную войну? Но тут вмешался Эльтор:

— Быть может, им известно, что на Йейгеровской испытательной базе хранится не просто вражеский самолет. И если они не разгадают его секретов, то равновесие сил в один момент будет нарушено. Но, может, — пожал он плечами, — ваши правительства готовы к сотрудничеству и готовы вместе выдать какую-нибудь правдоподобную версию. Боюсь, у них есть все основания полагать, что следует готовиться к чему-то гораздо более страшному, чем просто планетарная война.

— Тина сказала, что в машине у тебя открылось кровотечение, — заметил Джошуа.

Эльтор кивнул.

— Теперь им уже должно быть известно, что я не человек.

Послышался стук в дверь. Джошуа встрепнулся, затем громко спросил:

— Кто там?

— Дэниэл, — донеслось из-за двери. Джошуа впустил друга и снова запер дверь.

— Ну как, поговорил с матерью?

— Она говорит, что это самолет.

— То есть ты ничего не узнал? — спросил Эльтор.

— Послушай, я ужасно извиняюсь, — ответил Дэниэл, — но боюсь, что ничем не могу тебе помочь. Да, я мечтаю о звездах, Тина сказала правду. Но то, что происходит в этой стране, — не шутки.

— Я попал сюда случайно и не собираюсь ни с кем воевать, — возразил Эльтор. — Мне просто нужен мой корабль, чтобы я мог вернуться домой. Вместе с Тиной.

Мы услышали, как кто-то снаружи пытается открыть замок. На какое-то мгновение нас всех охватила паника, но затем дверь распахнулась, и на пороге выросла девушка.

Она была на пару лет старше Джошуа — высокая, худощавая, с зелеными глазами за стеклами очков в металлической оправе и с великолепной гривой рыжеватых волос, ниспадавших волнами на спину.

— Я, наверное, не вовремя?

— Черт, я забыл! — воскликнул Джошуа и втянул незваную гостью внутрь. — Иногда ко мне... э-э-э... заглядывают друзья. — Он кивнул в сторону девушки. — Знакомьтесь, это Хизер Роуз Макдейн. Она помогает мне с вычислениями.

При иных обстоятельствах я наверняка бы улыбнулась: вот уж не думала, что Джошуа нуждается в помощи! Он был так застенчив, что у него никогда не было девушки.

Хизер повернулась к Джошуа:

— Если хочешь, мы можем позаниматься и позже.

— Да, хорошо, — заикаясь, пробормотал тот. Вид у него был как у нашкодившего кота.

— Ты мне не поможешь отнести наверх кое-какие коробки? — спросила Хизер. — Я оставила их во дворе.

— Да, конечно. — Джошуа покосился на меня. — Сейчас вернусь.

Джошуа ушел вслед за Хизер, а вместе с ним и Дэниэл. Когда мы остались одни, я села на кровать рядом с Эльтором.

— Что ты сказал насчет того, что улетишь вместе со мной?

— Я хочу взять тебя с собой, — ответил он, — если мне удастся вернуть Джага.

— Но почему?

— Мне... нравится твоё общество.

— Ты хочешь, чтобы я оставила все, что у меня здесь есть, все, что мне знакомо, и улетела с тобой во вселенную настолько отличную от этой, что даже трудно представить? И все потому, что тебе «нравится мое общество».

— Да.

— Но это в уме не укладывается. Ты ведь более чем на три десятка лет старше меня! Что будет, когда я тебе надоем? Бросишь меня на произвол судьбы на какой-нибудь планете, где я буду чувствовать себя ходячим анахронизмом?

— Я тебя не брошу.

— Легко сказать. Это ты сейчас так говоришь.

— Да, я это говорю сейчас. И готов повторить завтра или через сто лет. — Эльтор на мгновение умолк. — Тот мальчишка с ружьем, в том доме... Это из-за него ты не хочешь улетать?

Своим вопросом он застал меня врасплох.

— Ты имеешь в виду Джейка?

— Его.

— А почему ты так решил?

— Потому что он любит тебя.

— Откуда тебе это известно?

Я от удивления вытаращила глаза.

— Его сознание буквально кричало об этом!

Я попробовала разобраться с собственными мыслями.

— Одно время он ухаживал за мной. Но мне всегда в нем чего-то не доставало. — Я развела руками. — Даже не знаю, как это тебе объяснить. Чего-то не хватало, и все тут.

— Это как внутренний голод, — тихо заметил Эльтор.

— Но с тобой все по-другому.

— Это потому, Тина, что мы с тобой оба операторы Кайла. Телепаты, эмпаты, целители. Ты представляешь, насколько редкие это качества? Кто знает, может, мы больше никогда не найдем ничего подобного, никого и ничего, что было бы как у нас с тобой. — Он обнял меня за плечи. — Не отказывайся. Улетим со мной.

— Не могу.

Тогда у меня не было слов, чтобы объяснить ему почему. В некотором смысле однажды в жизни я уже поменяла вселенную, когда оставила Чиapas и переехала жить в Лос-Анджелес. Моя мать и Мануэль — они бросили меня. По крайней мере тогда мне так казалось. Они оставили меня один на один с чуждой мне вселенной, которую я не понимала, в которой была чужой и никому не нужной. И вот теперь Эльтор хотел, чтобы я в буквальном смысле оставила знакомый мне мир. Он ждал, что я буду доверять ему — человеку, которого я едва знала, у которого — по крайней мере так могло показаться на первый взгляд — не было причин забрать меня с собой.

Я почувствовала, что Эльтор подумывает о том, как увезти меня отсюда силой. Потом его настроение изменилось. Ощущение угрозы сменилось подавленностью, примирением. Тогда мне не верилось, что он может силой заставить меня улететь вместе с ним. Ну кому нужна девчонка без роду-племени? Откуда мне было знать, чего ему стоило примириться с моим отказом? Ведь при желании компьютер мог провести требуемый анализ ситуации и вынудить меня принять его предложение. Но Эльтор не стал этого делать. Независимо от того, числился ли он в Имперском Космическом Командовании человеком или машиной, решение, принятое Эльтором тогда, было типичным *человеческим* состраданием.

Эльтор обхватил меня, словно то была не я, а какая-то дикая птица — стоит разжать руки, и она улетит. Затем наклонился и поцеловал, и я ощутила безмерное чувство потери — как раз там, где когда-то прятала свое одиночество.

Джошуа был возбужден — я это видела по окутавшей его дымке, ощущала, словно песок на зубах. Не успел он отпереть дверь, как я тотчас опустила ноги на пол и села ровно.

Эльтор рядом со мной все еще спал.

— Что сказала Хизер? — поинтересовалась я.

Джошуа тяжело опустился на стул возле письменного стола.

— Она узнала вас обоих, как только открыла дверь.

— Джош, не может быть! Она хочет донести в полицию?

— Не знаю. — Он убрал со лба непослушные волосы. — Она вернется через пару минут.

— Зачем?

— Откуда мне знать? С ней никогда не угадаешь. У нее особенный стиль мышления. — Его лицо смягчилось. — Она такая умница! Она всегда впереди — всегда там, где большинству за ней просто не поспеть!

Впервые в жизни я слышала, чтобы Джош о ком-то так восторженно отзывался, и не могла сдерживать улыбки.

— Похоже, она для тебя многое значит.

Джош залился краской.

— Она старшекурсница. Можно подумать, ей есть время для такого желторотого первокурсника, как я.

Эльтор отрывая глаза.

— И поэтому она знает шифр твоего замка?

От неожиданности Джошуа подпрыгнул на стуле.

— Я думал, ты спишь.

Эльтор изумленно выгнул брови, и Джошуа поспешил добавить:

— Когда я уезжаю домой, она поливает цветы у меня в комнате. Вот и все.

В дверь постучали.

— Это мы! — раздался голос Дэниэла.

Джошуа впустил их в комнату. Хизер придвинула к кровати стул спинкой вперед. Дэниэл застыл на месте, поглядывая то на нее, то на Джошуа. Наконец по его лицу расплылась улыбка. Мне показалось, что в иных обстоятельствах он непременно отпустил бы какую-нибудь шуточку насчет Джоша и его подружки. Но, посмотрев на Эльтора, Дэн помрачнел.

Хизер уселась на стул, обхватив руками спинку. Я заметила, что она сжимает листки бумаги. Не обращая внимания на ее пристальный взгляд, Эльтор сел на кровати, свесив ноги на пол. И лишь затем посмотрел на незваную гостью.

Я уже в первую нашу встречу узнала о Хизер много разных вещей. Она отличалась внешней суровостью — своего рода защитный механизм тех, кому приходится постоянно вращаться в среде, где мало тебе подобных. Но под этой броней скрывалась душа тонкая, чувствительная и ранимая. И что самое главное, Хизер излучала прямо-таки ненасытное любопытство.

Правда, в данную минуту вид у нее был раздраженный.

— Джош говорит, будто, по вашим словам, вы располагаете космическим кораблем, способным якобы перемещаться в пространстве со скоростью, превышающей скорость света.

— Я не располагаю таким кораблем, — ответил Эльтор. — Им располагает ваша военная база. — На последнем слове он издал какой-то рокочущий звук.

Хизер удивленно выгнула брови и протянула собеседнику листки бумаги.

— Я сейчас изучаю теорию комплексных переменных. Не могли бы вы помочь мне лучше в ней разобраться?

Я посмотрела на Джошуа, как бы спрашивая «что здесь происходит?» В ответ он только развел руками. Эльтор взял листки.

— Не знаю, почему вы решили, что я могу вам помочь.

— Просто так.

Он пробежал глазами по бумаге.

— Но это же инверсионная теория.

— Инверсионная? — Хизер подалась вперед. — Что это такое?

— Она объясняет, что происходит, если вы перемещаетесь в пространстве со скоростью, превосходящей световую. — Эльтор внимательней посмотрел на записи. — Это... я не знаю нужного английского слова. Обработка без ускорения. Нет тензоров.

— Никогда не слышала ни о какой инверсии, — заметила Хизер. — Но вы правы. Если подставить в уравнение специальной теории относительности скорость, превосходящую световую, то в принципе так и получится.

Ага, значит, это проверка.

— Я инженер, — сказал Эльтор, — а не теоретик. Я все это изучал более тридцати лет назад. К тому же не слишком блистал в этой области.

— То есть вы не можете этого решить?

Хизер почему-то ничуть не удивилась.

Эльтор вздохнул и склонился над листками. Он пару раз спросил Хизер, что означает тот или иной знак, а затем какое-то время молча читал. Потом положил первый листок на кровать и перешел ко второму.

— У вас здесь ошибка, — произнес он.

— Где? — удивилась Хизер.

Эльтор указал на уравнение.

— Отношение должно быть обратным.

Теперь воздух, словно нежные духи, наполнило ее самое что ни на есть искреннее удивление. Эльтор продолжал находить и другие ошибки, и букет ароматов становился все сильнее и богаче.

Эльтор указал на последнюю страницу.

— А здесь пропущен фактор.

— Но эта строчка правильная, — возразила Хизер.

— Вы пропустили двойку.

Хизер взяла в руки листок.

— Вы правы. Я действительно ее пропустила.

Я улыбнулась.

— Вот видишь, он знает, о чем говорит.

— Это говорит лишь о том, что он разбирается в математике, — вмешался Дэниэл.

Хизер пристально посмотрела на Эльтора.

— Итак, вы утверждаете, что ваш корабль способен сделать то, что вытекает из этих уравнений?

— В принципе да, — подтвердил Эльтор.

Хизер придвинулась ближе.

— Начиная со скоростей, приближенных к скорости света?

— Разумеется, — согласился тот, — а как иначе?

Хизер нахмурилась.

— Но это же невозможно. Скорость света нельзя преодолеть. Время останавливается. Масса и энергия вырастают до бесконечных величин. Расстояние сжимается до нуля, дырки, пустого места. Допустим, вы прорвались сквозь световой барьер, путешествие в пространстве со скоростью, превышающей световую, порождает массу проблем. Толстого тома не хватит, чтобы их все описать.

— Не надо прорываться сквозь световой барьер, — возразил Эльтор. — Его надо обогнуть.

— Верно, — не удержался и съязвил Дэниэл, — космический гиперобъезд, напрямик на тот свет.

— Куда? — удивленно заморгал Эльтор.

— Он просто хочет сказать, что не верит, — пояснил Джошуа.

— Скорость света это всего лишь полюс в сложной плоскости, — пояснил Эльтор. — Стоит ее обогнуть, и вы оставляете реальную ось.

— С математической точки зрения такое, по всей видимости, возможно, — согласилась Хизер. — Но с физической исключено.

— Почему же? — возразил Эльтор. — Очень даже возможно. Если добавить определение **** к вашей скорости.

— Какое определение? — поинтересовался Джошуа.

— Оно означает... — Эльтор задумался, подбирая слова. — Не знаю, как это по-английски. Скажем, «ортореальная».

— Воображаемая? — переспросила Хизер.

— Да-да, это добавляет воображаемую скорость к вашей реальной.

— А что здесь воображаемого? — не поняла я.

— Корень из отрицательного числа, — пояснил Джошуа.

— Да перестаньте! — не выдержал Дэниэл. — Воображаемые числа иррациональны. Нельзя прибавить к скорости воображаемый компонент.

— Скажите это миллионам космических кораблей, которые это делают, — огрызнулся Эльтор.

— И как им это удастся? — поинтересовалась Хизер. Было видно, что слова Эльтора ее не убедили.

— Вы вращаетесь сквозь сложное пространство.

— Разумеется, — буркнул Дэниэл, — вращение сквозь сложное пространство. И как это я забыл!

Хизер покачала головой.

— Возможно, то, что вы делаете скоростью сложной, каким-то образом решает проблему скорости света. Но даже если вы прорветесь в сверхсветовое пространство, все равно не избежать неприятностей. Например, можно попасть в прошлое.

— Это не проблема, — возразил Эльтор. — Это то же самое, что и путешествовать вперед во времени. С той единственной разницей, что ваш корабль должен состоять из античастиц, которые перемещаются из точки вашего назначения к точке отлета.

— Да, объясненьице-то явно хромает! — не удержался от комментария Дэниэл.

Реакция Эльтора застала нас всех до единого врасплох. Он встал в полный рост, возвышаясь над Дэном на добрый фут, и сжал кулаки.

— Ты хочешь сказать, что я хромым?

Дэниэл попятился.

— Да нет, ты меня не так понял.

Эльтор застыл на месте со сжатыми кулаками. Мы все уставились на него и ждали, что произойдет дальше. Затем у меня возникло ощущение, будто Эльтор производит перезагрузку — точно так же, как в ту ночь, когда я заметила у него на руке сочленение. Он набрал полную грудь воздуха, вновь уселся на кровать и разжал кулаки.

Все молчали. Я почти слышала мысли в головах остальных присутствующих: «Этот человек — убийца». Нет, я понимала, что у Эльтора и в мыслях не было причинить боль любому из них. Но откуда им это было знать?

Затем Эльтор обратился к Дэниэлу:

— Мое извинение.

— А-а, — не сразу понял тот. — Конечно.

— Эльтор, — наконец решилась заговорить Хизер, — то, что ты сказал о путешествии в прошлое... Это было написано в ранних исследованиях по тахионам. Это так называемая ре-интерпретация. По этому вопросу есть работы Биланюк, Дешпанде и Сударшана. Да, еще Файнберга.

— Тогда почему тебя удивляет все то, о чем я говорю?

— Потому что ни одна из этих теорий еще не доказана экспериментально.

Несмотря на всю ее осторожность, любопытство Хизер напоминало мне букет цветов с неопишуемым разнообразием ароматов.

— Стоит попасть в прошлое, как сразу сталкиваешься с парадоксами. Например, можно

помешать собственному рождению.

Эльтор покачал головой.

— Что происходит в одной временной рамке, должно произойти и во всех остальных. Если я помешаю собственному рождению, то сей факт должен наблюдаться повсюду. Так записано в трансформациях Лоренца. И это включает и *мою* рамку. Поскольку эта рамка строится относительно меня, то я всегда наблюдаю себя, когда отправляюсь в будущее, даже если я переносусь в прошлое относительно планеты, на которой родился. Поэтому если я помешаю собственному рождению, то я уже должен был это наблюдать. А этого не было.

— Знаю, — вздохнула Хизер. — В этом и парадокс.

— Нет здесь никакого парадокса, — возразил Эльтор. — Нельзя сделать одно в одной рамке и другое в другой. Просто не надо воспринимать время как нечто линейное. Оно существует все сразу, целиком, точно так же, как и пространство. Если я переносусь в прошлое в пространстве относительно одного наблюдателя и в будущее относительно другого, то тот, кто видит меня путешествующим назад, не может наблюдать ничего такого, что бы противоречило тому, что видит наблюдатель, по отношению которому я переносусь вперед. То же самое верно и о времени. Если бы я помешал собственному рождению, то это можно было бы наблюдать в каждой временной рамке. Но этого не наблюдалось. Тем более в моей. Так что я могу перенестись в прошлое, однако бессилён сделать то, чего бы уже не было с моими предками.

— Получается, все наше существование предопределено, — покачала головой Хизер. — С трудом верится.

Эльтор только пожал плечами.

— Если учесть все первоначальные условия и действие сил, то классическое уравнение движения определяет ваше положение в любой момент времени. Как это может быть иначе?

— У классической механики свои правила, — согласился Дэниэл, — впрочем, у квантовой тоже, как и у любого другого описания вселенной. И эти правила вполне логичны. Если вы движетесь со скоростью, превосходящей световую, то можете попасть куда угодно. Или в когда угодно.

Эльтор подался вперед.

— Эти правила логичны, потому что наш ежедневный опыт включает в себя перемещение в пространстве, но не во времени. Движение со сверхсветовой скоростью — это не какая-то там волшебная машина времени. Для наблюдателя, по отношению к которому вы движетесь в прошлое, ваша и его скорость должны подчиняться определенной математической закономерности. К тому же вы движетесь *быстро*. К тому времени, когда вы вернетесь к моменту своего рождения, вы окажетесь на громадном расстоянии от Земли. Как же вы попадете домой? Стоит поменять знак своей скорости, как вы прекратите движение в прошлое относительно Земли. Получается неразбериха.

— Но ты сейчас в этой вселенной еще до своего рождения, — напомнила я.

Эльтор растерянно заморгал.

— Собственно говоря, я здесь до того, как появился на свет Эльтор этой вселенной. Но он — не я.

Хизер по-прежнему источала любопытство, оно вилось вокруг Эльтора подобно лианам.

— Может, вы попали не в то пространство Римана?

— Куда-куда? — удивился Джошуа.

— Пространство Римана, — повторила Хизер. — Это математическое представление, призванное осуществлять перевод сложных величин в простые функции.

— Опять ты за свое, — не выдержал Дэниэл.

— За что свое?

— Начинаешь нести никому не понятные вещи.

Хизер задумалась.

— Пространство Римана это что-то вроде часов. Причем на циферблате вырезана

прорезь, скажем, от центра к двенадцати. Стрелки ходят по кругу от полночи к полудню, после чего проваливаются на второй циферблат, тот, что спрятан под первым. Как и в случае с первым циферблатом, стрелки пройдут круг, но на этот раз от полудня к полуночи. В полночь вы вернетесь назад, на первый циферблат. Чем сложнее функция, тем больше циферблатов спрятано один под другим.

— Пространства Римана — это чистой воды математика, — возразил Эльтор. — Они не существуют.

— А откуда ты это знаешь? — поинтересовался Дэниэл. — Ты же утверждаешь, что существуют воображаемые вселенные.

И тут вмешался Джошуа:

— Послушай, Эльтор. Может, когда ты осуществил эту свою, как ее там, инверсию, то провалился в такую прорезь и вынырнул не в том пространстве? Как сказала Хизер, провалился на второй циферблат. Время вроде то же самое, но фаза другая.

— У тебя найдется учебник истории? — спросил его Эльтор.

Джошуа вытащил с полки толстую зеленую книгу и протянул ему. Эльтор полистал страницы, остановился то на одной, то на другой. Время от времени его лицо переключалось в ничего не выражающий компьютерный режим.

— Нашел что-нибудь? — поинтересовалась Хизер.

— Я пытаюсь сопоставить то, что написано здесь, с историческими файлами в моей сети. — Эльтор пробежал глазами страницу. — Многое совпадает, вплоть до мельчайших деталей. Между нашими вселенными существует известная параллельность. Но они не идентичны. Вот, например, на этой Земле греки мигрировали на юг гораздо позже. Далее, в моих файлах нет совершенно никакого упоминания о вашем египетском Завоевании Пустыни. — Эльтор полистал дальше. — Заратустра родился здесь гораздо позже.

— Кто? — переспросил Джошуа.

— Заратустра. Основатель персидской религии, предшествовавшей исламу. — Эльтор снова углубился в чтение. — Развитие мессианских религий также имело место позднее. — Эльтор оторвал глаза от книги. — Вы ведь ведете свое летосчисление от Иисуса Христа?

Джошуа кивнул.

— Так вот, в вашей вселенной он родился на 339 лет позднее, чем в моей.

Хизер вновь обратила его внимание на свои листки.

— Эти уравнения требуют два пространства Римана. Может, твоя вселенная — это первая. А мы находимся во второй.

— Собственно говоря, эти уравнения требуют бесконечного количества пространств, — сказал Эльтор, поднимая листки. — Так что эти уравнения неполные. Они не содержат поправок Джеймса.

— Поправок Джеймса? — переспросила Хизер. — Наверное, в этой вселенной он еще не додумался до них.

— Кажется, в будущем тебя ждет слава, — сказала я Джошу с улыбкой. Эльтор вопросительно посмотрел на меня, и я пояснила: — Джеймс — это фамилия нашего Джоша.

— Нет, тот Джеймс не Джошуа. Это я помню точно.

— Ах вот как. — Джош явно расстроился.

— Ты ждешь от нас, чтобы мы поверили, что все это не игра, — заявила Хизер Эльтору. Сады ее любопытства все еще продолжали цвести пышным цветом.

Джошуа обнял ее за плечи.

— Подумай о том, сколько нового мы можем узнать.

Стоило ему прикоснуться к ней, как я поняла, сколь сильно Джош ошибался, говоря, что он ей неинтересен. Ее ароматы тотчас закружились туманом в его волосах под аккомпанемент барабанного ритма и протяжных звуков гобоя. Впервые мне бросилось в глаза, как футболка облегает ему грудь, как джинсы обтягивают бедра...

Я вздрогнула, отпрянув от мыслей в голове Хизер. Ни она, ни Джош ничего не заметили. Хизер улыбнулась ему, и лицо ее было сама нежность. Так она не смотрела ни на

кого из нас. Джошуа застыл, ожидая, что она скажет в ответ, совсем не замечая при этом, какой эффект производит на нее.

— Хорошо, Джош, — вздохнула Хизер. — Давай посмотрим, что еще мы можем сделать.

Глава 7 КОЛИБРИ

— Тина? — Голос доносился откуда-то из темноты, низкий и настоятельный. — *Erestuaqui?*

Я приподняла голову. Эльтор спал рядом со мной. Джошуа похрапывал на полу.

— *Tina! Puedesoirme?*

Я выглянула из окна. Там внизу стоял Джейк Рохас. Я едва сумела сдержать изумленный взглас.

— Джейк, как ты узнал, где я?

— А к кому еще ты могла сбежать в Пасадену, как не к Джошу?

За моей спиной вырос Эльтор и обнял меня за талию. Затем на полу раздался какой-то шорох. Я обернулась и увидела Джошуа. Он стоял, протирая глаза. Затем обошел кровать и выглянул в окно.

— Джейк? Одну секунду. Сейчас впусти тебя.

Джошуа накинул куртку и вышел из комнаты. Спустя минуту он появился во дворе. Они с Джейком обменялись рукопожатием. Еще мгновение, и я услышала, как хлопнула входная дверь. А спустя еще секунду они выросли на пороге. Джейк обвел глазами комнату, словно не знал, что ему подумать.

Я посмотрела на него.

— У тебя все нормально?

— Мы ужасно за тебя беспокоились.

Джейк посмотрел на Эльтора, затем вновь на меня.

— Сначала пришли легавые. Начали задавать разные вопросы. Затем ФБР. Потом еще какие-то типы, которые вообще не сказали, откуда они. Знала бы ты, чего мне стоило проскочить мимо них. С нас ведь не спускают глаз.

— Тот самолет, который нашли, — это корабль Эльтора, — пояснила я.

Джейк смерил Эльтора презрительным взглядом. Он явно не поверил моим словам. Затем посмотрел на меня.

— Вчера хоронили Нага.

Я попыталась взгрустнуть по этому поводу. Но из головы не выходил мой двоюродный брат Мануэль. Как он смеялся, как играл со мной, когда я была совсем маленькой. У Эльтора же я ощутила раскаяние — чего Наг совершенно не заслуживал.

Молчание становилось неловким. Первым его нарушил Джейк.

— Мне надо поговорить с тобой наедине, — нежно обратился он ко мне.

Я не была уверена, что здесь найдется такое «наедине». Не знаю, что сказали Джошуа и Дэниэл соседям по коридору, но я подозревала, что уже весь этаж знает, что Джошуа кого-то прячет у себя в комнате. В таком месте, как общежитие, трудно удержать что-либо в секрете. В коридоре ощущалось некое братство. И Джошуа с Дэниэлом принадлежали к нему. Так что пока мы здесь с их разрешения, другие тоже не станут возражать.

— Мы можем выйти в коридор, — сказала я. Эльтор схватил меня за руку.

— Нет!

— Эльтор, мне надо с ним поговорить.

— Я пойду с тобой.

Джейк весь напрягся.

— Черта с два.

Эльтор зло посмотрел на него.

— Это не твое дело.

Джейк посмотрел на него таким взглядом, от которого наверняка вспламенилась бы автопокрышка.

— Она сказала тебе, что пойдет со мной, *cabron*. Живо отпусти ее.

Если Эльтор и понял, как Джейк обозвал его, то не подал виду. Наверное, все-таки понял, ведь его биомеханическая сеть способна перевести слово «ублюдок» на десятки языков.

— Эльтор, со мной ничего не случится, — успокоила я его. Жилы у него на шее напряглись. Но он кивнул и отпустил мою руку.

Мы с Джейком вышли в коридор. Там было тихо. Я закрыла дверь. Джейк знакомым жестом поднял руки, приготовившись обнять меня. Но внезапно остановился и опустил.

— Я уже с ног сбил, все искал тебя.

У меня к горлу подступил комок — не ожидала, что его появление так взволнует меня. Судя по всему, я ошибалась, полагая, что утратила к нему всякие чувства.

— Со мной все в порядке. Поверь.

— Хочу тебя предупредить, — произнес он. — И сказать «прощай».

— Ты уезжаешь?

— Я хотел сказать тебе еще тогда, у Марио. — Было слышно, что его душит злость. — Но ты была с ним.

— И куда ты собрался?

— В Аризону. После того, как легавые выпустят меня из города. Хочу махнуть к отчиму. Он говорит, что для меня найдется работа в гараже.

Я понимала, что это лучшее для него решение. Мать Джейка жила в маленьком городке, где почти не было людей, не говоря уже о бандитах.

— И почему ты решил уехать?

— Я устал, Тина. Устал, что с каждым разом все ближе и ближе... да ты сама знаешь. — Джейк надрывно вздохнул. — Я ходил на похороны Нага.

— Зачем?

— Сам не знаю. — Джейк задумался и добавил: — Наверное, потому что это не мои похороны. — Он погладил меня по щеке. — Все, я завязал с пушками, крошка. И если это вернет мне тебя, то навсегда.

Я почувствовала, что загнана в угол — между двумя вселенными, как в прямом, так и в переносном смысле. Джейк предлагал мне все, что у него было в этом знакомом и предсказуемом мире, предлагал мне то, в чем я так остро нуждалась — стабильности, спутнике жизни, близком мне человеке. По крайней мере в огромном Лос-Анджелесе Джейк был мне ближе всех. Эльтор же предлагал хаос, выбор, какой я едва могла понять и уж тем более желать самостоятельно.

— Я не знаю, что будет, — призналась я.

— Поэтому я и пришел предупредить тебя, — покачал головой Джейк. — Эти люди, они постоянно задают вопросы. Я с ними еще не говорил. Но они не собираются отступаться. Они в два счета выяснят, что вы с Джошем приятели. И нагрянут сюда.

Мне казалось, что комната в калтеховской общаге совсем не то место, каким может заинтересоваться полиция. И по сей день мне становится не по себе, когда я думаю о том, как нас едва не погубила эта наивность, эта детская уверенность в собственной безопасности.

— Спасибо. Мы стольким тебе обязаны.

— Я пришел, чтобы помочь только тебе. А не вам.

— Я этого не забуду. — Я перевела дыхание. — Но мне придется пройти через все испытания вместе с Эльтором.

Джейк ответил не сразу. Когда он заговорил, голос его был исполнен нежности:

— Понимаю. В этом вся ты. Но когда все будет позади... когда он или ты... — Он на минуту умолк. — В общем, ты знаешь телефон моей матери в Аризоне.

— Я позвоню, Джейк. Если я, конечно, все еще...

Что все еще? Буду свободна? Жива? Я понятия не имела, как будут дальше развиваться события. Куда нас заведет судьба.

— Если сможешь. — Он наклонился и поцеловал меня. — *Adios, mi hija*.

И он ушел, вернее, сбежал вниз по лестнице в темноту ночи.

— Взломать чужую компьютерную сеть — за такое недолго и сесть, — сказала Хизер.

Мы все стояли в комнате Джошуа — Эльтор, я, Джош, Хизер и Дэниэл, — уставясь друг на друга, словно боксеры перед поединком.

— Но ведь ты можешь это сделать. — Эльтор скорее констатировал факт, нежели задал вопрос. Он мотнул головой в сторону Дэна: — Ему ведь известен пароль.

Дэниэл весь напрягся.

— Я же уже сказал, что нет.

— Ты лжешь, — произнес Эльтор.

— Ты что, копаешься у меня в мозгах? — потребовал ответа Дэниэл. — Я, кажется, уже сказал, что не знаю никакого пароля.

Ложь повисла вокруг него в воздухе оранжевой дымкой и гудела, как надоедливый шмель.

— Это не имеет значения, — заявила Хизер. — Я не собираюсь играть в кошки-мышки с сетью секретной авиабазы.

И тогда вновь заговорил Эльтор. Как-то непривычно тихо и вкрадчиво:

— Но мне нужна ваша помощь.

Я переступила с ноги на ногу. Я уже видела однажды, в библиотеке, что произошло, когда Эльтор почувствовал, что загнан в угол.

Хизер побледнела, но продолжала стоять на своем:

— Ты утверждаешь, будто ты космический странник из будущего, пилот боевого корабля. Из того, что ты рассказал Тине, следует, что ты привел сюда корабль, способный сровнять всю Калифорнию с землей. После этого ты требуешь, чтобы я взломала компьютерную сеть военной базы и фальсифицировала данные, чтобы ты мог туда пробраться. В лучшем случае ты требуешь, чтобы я посягнула на безопасность собственной страны и помогла проникнуть на территорию базы бежавшему из тюрьмы убийце. Но если ты говоришь правду, то на карту поставлена безопасность целой планеты.

— У кого еще я могу просить помощи? — спросил Эльтор.

Хизер отбросила со лба волосы. Подошла к окну и выглянула наружу. Я посмотрела на Дэниэла. Тот поспешил отвести глаза. Даже Джошуа, и тот не осмеливался смотреть на меня.

Неожиданно голос Эльтора зазвенел надеждой:

— Вы только помогите мне попасть туда. Остальное я сделаю сам.

— И что же сделаешь? — обернулась к нему Хизер.

— Улечу отсюда и никогда не вернусь, если, конечно, смогу.

— Что ты хочешь этим сказать, — спросил Джошуа, — «если, конечно, сможешь»?

— Мой корабль могли повредить. Или же то, что привело меня сюда, не имеет обратного действия. — Эльтор поморщился. — Если это так, что мне остается одно — либо погибнуть в космосе, либо вернуться на Землю. Эту Землю.

В какой-то момент, когда Эльтор говорил, его внутренняя броня словно соскользнула с него, и я почувствовала, что ему страшно. Нет, он тотчас снова возвел барьеры, но поздно. Я уже знала, какой страх поселился в его душе. Для Эльтора эта Земля была примитивной, едва ли не варварской. Ему было страшно, что он умрет мучительной смертью вдали от дома. Собственно говоря, Эльтор уже умирал, хотя тогда я об этом не догадывалась. Чем дольше спецы на Йейгеровской базе копались во внутренностях Джага, тем более значительным повреждениям подвергался его мозг.

Даже Джошуа и Дцзер уловили его внутреннее напряжение. Джошуа нахмурил лоб — складки разлетелись в обе стороны, словно пронзенные незамеченной им пулей. У Хизер был такой вид, словно она что было сил напрягала слух, пытаясь уловить едва различимый

шепот. И тогда я поняла, что так влечет ее и Джошуа друг к другу. То же самое, что сдружило с ним и меня. Что сдружило меня с Джейком и в особенности с Эльтором. Эмпатия. Каждый искал партнера сродни себе.

Хизер первой нарушила молчание, обратившись к Эльтору:

— Если я соглашусь помочь тебе, то кое-что попрошу взамен. Полет на твоём корабле.

— Точно! — расплылся в улыбке Дэниэл.

— Но это же не игра, — возразил Эльтор. — Если вы погибнете, никакое чудо не вернет вас назад к жизни.

— Если ты говоришь правду, — ответила Хизер, — второй такой возможности никогда не будет.

— Но инверсионные двигатели иногда выходят из строя, — настаивал Эльтор. — И если я вернусь к себе, у меня нет ни малейшего желания возвращаться сюда. Вдруг я не попаду домой во второй раз?

— А ты нас прокати до Марса и назад, — предложил Дэн.

— Нет!

— Не прокатишь — не получишь доступа на базу, — упиралась Хизер.

Эльтор что-то пробормотал на своём языке. Мне не надо было знать, что он сказал. И без того было понятно, что он выругался себе под нос. А ещё я видела, как за внешней бравадой Дэна и Хизер все ещё скрываются сомнения. Я положила руку на плечо Эльтору.

— Это твой единственный шанс.

Эльтор отрешенно вздохнул и обратился к Хизер:

— Если мы сможем попасть к кораблю, обещаю прокатить вас вокруг Земли.

— Идет! — радостно откликнулась та.

Лунный свет просачивался сквозь шторы, заливая комнату серебристым сиянием. Снаружи, в тишине ночи, повсюду стрекотали сверчки. Я сидела с Эльтором на краю кровати. Не спалось. Остальные ушли готовить наш «визит» на Йейгеровскую базу, оставив нас одних. Мы не стали включать свет — предполагалось, что в комнате никого нет. Эльтор молчал, впав в задумчивость. Оглядываясь назад, я вижу — он прекрасно понимал, что легко мог погибнуть во время захвата Джага.

— Расскажи мне что-нибудь, — произнес он наконец.

— А что бы ты хотел услышать? — спросила я.

— Не знаю. — Он лег и положил голову мне на колени. — Что захочешь.

Мой голос тотчас приобрел напевность, которой я научилась у лучших наших сказителей.

— Это древнее предание. Мне его рассказала моя мать, Мануэла Сантис Пуливок, а ей — её брат, Лукарто Сантис Пуливок, который, в свою очередь, слышал его от одного путешественника в Санта-Томас Чичикастенанго. Это предание о Героях-Близнецах. — Ради пущего эффекта я выдержала паузу. — Ещё до рождения близнецов их отец и дядя оскорбили Властителей Смерти. Эти двое подняли невероятный шум, играя в мяч во дворе как раз над Шибальбой, или подземным миром, где обитали властелины преисподней. Вот почему властелины лишили их жизни, принесли за оскорбление в жертву. Дядю они похоронили под двором для игры в мяч. Голову отца повесили на дерево — в назидание смертным, что тем следует всячески остерегаться гнева богов и не оскорблять их. Это случилось ещё до того, как на свет появились сыновья покойного — Шбаланке и Хун-Ахпу.

— Где ты слышала эти имена? — Эльтор присел на кровати. — Шибаланк и Кванахпа.

— Нет, они произносятся Шбаланке и Хун-Ахпу.

— Так где ты их слышала?

— Собственно говоря, они упоминаются в Пополь-Вух, древней священной книге племени Киче Майя.

— А почему ты сегодня о них вспомнила?

— Но ты же попросил меня рассказать тебе историю.

— Но почему ты решила рассказать именно эту?

— Не знаю. Она тебе не нравится?

Эльтор внимательно посмотрел на меня.

— Просто вчера, перед тем, как нам с тобой заняться любовью, я произнес фразу на иотическом наречии. О великой красоте женщины по имени Шибаланк.

— Шибаланке — мужчина, — возразила я. — Но теперь я вспомнила. Некоторые слова действительно показались мне знакомыми. Наверное, именно поэтому мне и пришла на ум эта история.

— Рассказывай дальше.

— Дочь одного властелина преисподней увидела голову игрока в мяч висящей на дереве. И забеременела, потому что голова плюнула ей в руку.

— Ну, знаешь ли, есть куда более приятные способы обзаведения потомством, — язвительно заметил Эльтор.

— Как в твоей истории?

— Шибаланк и Кванахпа были сестрами-близнецами. От них пошли две древние рейликанские династии.

— Шибаланке и Хун-Ахпу были братьями-близнецами.

Эльтор слушал меня, склонив голову, и по лицу его играли ночные тени.

— Этому преданию моего народа более шести тысяч лет. В земном измерении.

— Тогда это лишь совпадение. Цивилизация майя не такая древняя.

— Так вот ты кто! Майя?

— Нет, моя мать была майя. — Я запнулась. — Отца я никогда не знала.

Эльтор пристально посмотрел на меня.

— Наши ученые полагают, что мои предки прилетели откуда-то с Земли. Иначе почему наши ДНК почти идентичны человеческим?

— Понятия не имею.

— Расскажи мне еще какую-нибудь историю.

— Бог Шбалбан страшно разгневался, когда узнал, что его дочь беременна. — Кстати, ничего удивительного, особенно если принять во внимание жизнь моей матери. — Спасаясь от отцовского гнева, девушка была вынуждена бежать в Срединный Мир, где ее приютила у себя бабка будущих близнецов. Там она разрешилась от бремени, родив Хун-Ахпу и Шибаланке. Они выросли и сделались заядлыми игроками в мяч. Однажды они играли в мяч во дворе, где когда-то играли их отец и дядя, и потревожили богов смерти. Но им удавалось выстоять каждое испытание, какое только устраивали властелины преисподней. Они даже возвращались к жизни после того, как те их убивали. Наконец, желая узнать, как это братьям удастся, властелины преисподней потребовали, чтобы те их убили, а затем вновь воскресили. Братья выполнили их приказ. Они убили властелинов преисподней, но вот вернуть к жизни так и не смогли.

— Да, глупо, однако, со стороны этих самых властелинов, — заметил Эльтор, — настаивать, чтобы их убили, а затем воскресили вновь.

— Что верно, то верно, — рассмеялась я.

— А еще ты мне что-нибудь расскажешь? Другую историю?

— Могу про колибри. Я ее ужасно любила, когда была маленькой.

Я сосредоточилась на словах, мысленно переводя их с тцотцильского наречия на английский.

*Колибри — такая большая и славная.
Именно вот такая.
Люди работали в жаркой стране,
Они жарили бобовые стручки.
Огонь был виден хорошо, ибо был велик.
И появилась колибри.*

*Прилетела с небес и увидела огонь.
Глаза ей выжгло дымом,
И она рухнула вниз, рухнула вниз.
Она рухнула вниз, и все увидели, какая она большая.
Не верь, что колибри маленькая, она большая.
Как у голубя белы ее крылья,
Она вся бела.
Говорю тебе, люди лгут, когда утверждают, что колибри
мала.
Те, кто видел, говорят, она большая.
Они поняли, какова она.
Ведь никто из нас ее не видел,
Мы не знаем, какой она была.
Да, она щебечет «тцон-тцон» по вечерам.
Но мы не знаем, как велика она была.
Те, кто видел, говорят, она размером с коршуна,
И она близка к отцу-матери.
Одноногой мы ее называем.*

Я вспоминала слова, и мне тотчас взгрустнулось о матери. До сего дня я вижу ее внутренним взором. Мать декламирует строки, и ее лицо светится радостью. Она любила рассказывать древние предания и легенды, иногда для выразительности помогая себе жестами.

Эльтор в изумлении уставился на меня.
— Сколько лет этой легенде?
— Не знаю, — пожала плечами я. — Это миф из Зинакан-теко.
— А что такое отец-мать?
— Наверное, — я попыталась как можно точнее перевести слово «Тотильмеиль», — что-то вроде «боги-предки».
— То есть колибри — это бог?
— Нет, скорее посланница богов.
— Эта легенда не о птице, — сказал Эльтор.
— Разве нет? О чем же она тогда?
— О космическом корабле.
— Ну ты скажешь! — рассмеялась я.
— Но ведь птица прилетела с небес? Белая и большая? И что, колибри действительно такие?
— В общем-то нет, — вынуждена была признать я. — Они маленькие и темные.
— И они производят этот звук «тцон-тцон»? Они стоят на одной ноге?
— Да нет.
Эльтор пристально посмотрел на меня.
— Цивилизация должна иметь корни. Каковы корни цивилизации майя шесть тысяч лет назад?
— Индейцы каменного века, а какие еще?
— Может ли этой песне о колибри быть шесть тысяч лет?
— Сомневаюсь.
И вновь Эльтор посмотрел на меня.
— В наших преданиях говорится, что сестры попали на Рейликон по Звездному Пути. Это такое темное ущелье между звездами.
— У майя есть похожая легенда.
— Наши ученые полагают, что в этом предании говорится о перелете, который наши предки совершили с Земли на Рейликон.

— А кто их туда увез? И почему?

В ответ Эльтор только развел руками.

— Если предположить, что шесть тысяч лет назад существовала раса космических странников, то ее представители вполне могли переселить жителей одной планеты на другую. Но с тех пор, судя по всему, эта раса вымерла.

Сказанное Эльтором плохо укладывалось у меня в голове.

— С какой стати кому-то перевозить горстку среднеамериканских индейцев на другую планету?

— Древние рейликаны несли в себе чистые гены Кайла. — Эльтор говорил, и лунный свет мерцал металлическим блеском на его коже. — Возможно, раса, которая их переселила, хотела усилить имевшийся у нее генофонд. Чистые формы сейчас почти не встречаются. За исключением потомков рейликанских аристократических фамилий.

— Вроде тебя?

— Да. Вроде меня.

— И ты думаешь, что твоими предками были майя?

— Возможно.

— Эльтор, ты такой же индеец, как я белая.

Собственно говоря, это было не совсем так. Но его металлическая кожа была гораздо светлее моей.

— Индеец? — удивился он. — Ах вот ты, выходит, кто!

Что касается меня, то я никогда не говорила о себе как об индейской женщине. Не нравилось мне и слово «латина». Уж очень оно походило на другое — «Ladina». Так у нас называли потомков испанцев — покорителей майя. Может, «мексикана»? В разного рода официальных документах я обычно писала «чикана».

— Наверное, я метиска, — заметила я.

Эльтор на мгновение переключился в машинный режим, а затем произнес:

— А, смешанных кровей.

— Да, наполовину испанского происхождения, наполовину — майя.

— Ты ужасно похожа на мою бабу. Я же больше пошел в отца.

Ага, в отца. Я до сих пор мучаюсь вопросом, а похожа ли я на своего? Такая же у меня манера говорить, смеяться, мыслить, как у него? Интересно, а он, когда покидал Чиapas, просил мою мать уехать с ним? Возможно, она ответила ему отказом, точно так же, как и я Эльтору? Как и я, боясь неизвестности?

У меня пересохло в горле.

— Ладно, не будем, все это пустые мечтания.

Я сняла браслет и протянула Эльтору.

— Вот единственное, что у меня есть. Матери передавали его своим дочерям на протяжении нескольких поколений. Если не было дочерей, он переходил к сыну. Но тот снова отдавал его дочке. В конце, концов он попал ко мне. В один прекрасный день я подарю его своей дочери.

Эльтор притянул меня к себе.

— Улетим со мной, Тина. Зачем тебе здесь оставаться? Тебе не вынести одиночества.

— Нет, — покачала я головой и зарылась лицом ему в грудь. — Не могу.

Он оттолкнул меня, взял за плечо. И принялся трясти браслетом у меня перед носом.

— Неужели это для тебя так важно? Подумаешь, круглая железяка!

— Это все, что осталось у меня от моей семьи.

Ну как мне было объяснить ему, что значил для меня этот браслет. Покуда я знала, что у меня где-то есть отец, я не теряла надежды в один прекрасный день его найти, чтобы вновь обрести семью, предков, чувство принадлежности. И вот теперь Эльтор просил меня отказаться от моей мечты. И чего ради? Ради неизвестности, которая таила в себе нечто, что было страшно представить.

Но Эльтор почему-то смотрел не на меня. Его взгляд был прикован к браслету.

— Что-то не так? — спросила я.

— Мне нужен свет.

Эльтор подошел к столу Джошуа и взял оттуда настольную лампу. Он поставил ее на пол и склонился над ней, закрывая своим телом. Стоило ему щелкнуть выключателем, как вокруг тотчас возникло золотистое сияние, словно источаемое самой тьмой. Я подошла и села рядом. Эльтор держал браслет под лампой, водя пальцами по едва заметным иероглифам, выгравированным на его внутренней поверхности.

— Что это за символы? — спросил он.

— Иероглифы майя. Но это подделка. Вряд ли браслет настоящий, хотя бы потому, что уж слишком хорошо он сохранился. К тому же майя не делали ничего подобного.

— Тогда почему ты его носишь? — спросил он. — И как он попал к твоей матери? Или бабке? Ведь на Земле наследство передается от отца к сыну, не так ли?

— Не обязательно. Почему браслет переходит от матери к дочери? Так уж повелось исстари.

Эльтор указал на надпись по внутреннему краю.

— А эти иероглифы? Ведь они на иотическом.

Я в изумлении уставилась на него.

— Но как на моем браслете могут быть надписи на твоём языке?

— Наверное, потому, — тихо произнес Эльтор, — что твои предки говорили на иотическом наречии, прежде чем на нем заговорили на Рейликоне.

— Да нет же, такого не может быть!

— Это не браслет.

— Не браслет? А что?

— Это крепежное кольцо выхлопной трубы рейликонского транспортного шаттла.

От удивления я разинула рот.

— Что?

— Сейчас эти шаттлы — руины на берегу Исчезнувшего озера посреди Спящей пустыни. — Лицо Эльтора поблескивало в неярком свете лампы. — Это самые древние артефакты на Рейликоне, им по шесть тысяч лет. К тому же они вряд ли построены людьми. Не те пропорции. — Эльтор повертел в руке браслет. — Я уже видел кое-что похожее. На этих шаттлах.

— Но бронзовому браслету в таком хорошем состоянии никак не может быть шесть тысяч лет.

— Он не бронзовый, — покачал головой Эльтор. — Это сплав, так называемый кордонум. Он создается при помощи нанороботов, которые атом за атомом ставят его частицы на нужное место. Оттого он гораздо прочнее и выносливее, чем бронза.

— Но шесть тысяч лет назад у майя не было никаких иероглифов.

— Не знаю. Но это точно иотическое письмо. Мои предки привезли его с собой на Рейликон как воспоминание об утраченной родине. — Голос его осекся. — До сегодняшней ночи у меня не было прошлого. Понимаешь, что это значит? До этого наша родословная обрывалась шесть тысяч лет назад. И вот теперь я узнал нашу предысторию. — Эльтор сглотнул комок. — Сейчас, когда мне уже, возможно, никогда не вернуться домой.

— Эльтор, не говори так! — воскликнула я, обнимая его. Он отвернулся от лампы и обнял меня. Так мы и сидели, сжимая друг друга в объятиях, и слегка раскачивались в мерцающем лунном сиянии.

Глава 8

МОЛНИЯ ДЖАГЕРНАУТА

Дэниэл вел джип вдоль дороги №14. Мимо нас пролетала пустыня Мохаве. Выжженное пространство тянулось на многие мили — то серовато-зеленое, то тускло-желтое. То здесь, то там на охристом фоне иссушенной зноем земли колыхались

султанчики окотилью, тянулись вверх колючие пальцы мескита. Вдоль дороги ветер носил сухие шары перекасти-поля. Небо у нас над головой было выцветшим, линияло-голубым, без единого облачка. Хотя часы показывали лишь восемь утра, асфальт уже начинал блестеть испариной от жары.

На голове у меня была шляпа, но ветер то и дело выхватывал из-под нее светлые пряди моего парика и трепал их. А еще мне постоянно приходилось поправлять на носу съехавшие очки. В строгом деловом костюме я чувствовала себя круглой душой. Любой мало-мальски здравомыслящий человек тотчас определил бы, что я разыгрываю маскарад.

Хизер одолжила мне свой костюм и парик. Джошуа раздобыл для Эльтора фальшивую бороду, оставшуюся после самодеятельного спектакля выпускников химического факультета. Дэниэл порылся в своих чемоданах и извлек оттуда для него парадный синий костюм. Волосы Эльтору мы высветлили. И вот теперь он сидел в джипе, положив на колени синий пиджак и расстегнув ворот рубашки. Ветер играл его блондинистыми локонами. Эльтор сощурился и поднес руку к глазам, словно хотел их потереть, однако вовремя остановился.

— Тебе мешают линзы? — спросила я. Он не расслышал и приложил руку к уху. — Линзы? Тебе мешают линзы? — почти что крикнула я.

Хизер одолжила Эльтору свои контактные линзы. Ее зеленые глаза они превращали из зеленых в голубые, глаза Эльтора скорее казались фиолетовыми.

— Все расплывается, — пожаловался он.

Хизер обернулась с переднего сиденья на нашу троицу — Эльтора, Джошуа и меня, плотно прижатых друг к другу на заднем сиденье.

— Но ты хоть немного видишь перед собой? — спросила она.

Эльтор потер под глазом.

— Вижу.

— Только, пожалуйста, не три лица, — напомнила я. — Чтобы не просвечивалась кожа.

Я выудила из сумки бутылочку жидкой пудры и аккуратно замаскировала участок кожи у него под глазом. Мне приходилось быть осторожной. Стоит только наложить слишком толстый слой, как пудра станет видна. И тогда народ начнет задаваться вопросом, с какой это стати солидный джентльмен в деловом костюме пудрит лицо. Если же наложить слишком тонкий слой, то будет просвечивать металлическая кожа. Дэниэл указал на дорожный щит:

Бульвар Розамонд Центр испытаний летательных аппаратов им. генерала Йейгера Исследовательский Центр НАСА

И ниже второй указатель, уже порядком подвыцветший:

Военно-воздушная база им. генерала Эдвардса

— А, база имени Эдвардса, узнаю. — Эльтор даже прищелкнул пальцами. — Они что, переименовали ее?

— Да, в честь Чака Йейгера, — пояснил Дэн. — После его смерти.

— В моей вселенной генерал Йейгер в восьмидесятые годы еще жил и здоровствовал, — возразил Эльтор.

Дэниэл приготовился съехать с главной дороги. За нами следовали и другие машины, и немалое количество было впереди. Теперь мы катили по дороге, по обеим сторонам которой пестрели голубые и желтые цветы и оранжевые калифорнийские маки. Потом мы проехали высохшее озеро и оказались среди какой-то изрезанной сморщенными складками равнины, сплошь заросшей желтыми цветами — такое впечатление, будто кто-то пролил на нее желтой краски.

Проехав миль шесть, мы оказались у контрольно-пропускного пункта. К нему уже тянулась вереница машин. Обе полосы были перегорожены, так же как и третья, которой

обычно пользовались выезжающие с базы машины. Пока мы ждали, к нам обернулся Дэниэл:

— Это Западные ворота.

— Здесь всегда так много полиции безопасности? — поинтересовался Эльтор.

— Полиции безопасности? — переспросил Дэн.

Эльтор указал в сторону будки, где измученные охранники пытались справиться с наплывом машин.

— Охранников. Их там никак не меньше шести.

— Это военкопы, — объяснил Дэниэл. — Военизированная охрана. Обычно их здесь двое. В обычные дни достаточно прилепить пропуск к ветровому стеклу, чтобы они вас пропустили.

С этими словами он немного проехал вперед — военкопы только что пропустили на территорию базы очередную машину.

— И сколько народу здесь работает? — поинтересовался Джошуа.

— Около пяти тысяч военных. Не менее шести тысяч гражданских и еще тысяч восемь контрактников.

— Да это настоящий город в пустыне, — присвистнула Хизер.

— Как по-твоему, охранники знают, почему меры безопасности были усилены? — спросила я.

— Сомневаюсь, — пожал плечами Дэниэл. — Зачем им это знать.

Мы вновь продвинулись на пару метров вперед, затем еще раз и еще и, наконец, оказались у шлагбаума. Дэниэл остановился напротив военкопа и протянул ему удостоверение. Джошуа ткнул меня локтем в ребро. Я тотчас открыла сумочку и извлекла из нее значок Массачусетского технологического института, которым меня снабдили. Я буквально окаменела у себя на заднем сиденье. Мне было страшно, что охранники догадаются, что мы самозванцы.

Нашему визиту на базу предшествовали тщательные приготовления. Хизер обнаружила в Йейгеровской системе файл о планируемом на базу визите группы спецов по самолету «пробной модели» — они должны были прибыть на базу в тот же день, но только позже. Мы же опередили их на несколько часов. Несмотря на все предпринятые меры предосторожности, мы не были застрахованы от разоблачения и провала. По крайней мере меня мучило такое предчувствие. Состояние Эльтора было невозможно понять. Позднее я узнала, что он переключился в режим боевых операций. Остальные тоже были напряжены. И снедаемы любопытством. Прошлой ночью, когда мы только планировали нашу дерзкую вылазку, Дэниэл заметил, что, если мы сумеем повернуть нашу авантюру, это будет во сто крат прикольнее, чем все их прочие студенческие проделки, вместе взятые.

Военкоп воззрился на наши удостоверения, затем поинтересовался, кто нас здесь ждет. Дэниэл назвал номер. У меня перехватило дыхание. Военкоп отошел в будку и снял телефонную трубку. Я наблюдала за ним сквозь затемненное стекло, изо всех сил пытаясь сохранять спокойствие, пока он разговаривал со своим невидимым собеседником на том конце провода.

Затем охранник снова вышел к нам.

— Вас ждут на Северной базе, — сказал он и приподнял шлагбаум.

Наш джип въехал на территорию центра. Как только мы оказались на достаточном расстоянии от охраны, Джош облегченно присвистнул, а Хизер закрыла глаза. Теперь мы катили среди пологих холмов, направляясь на запад вместе с вереницей других машин. Еще несколько минут, и мы достигли главной базы. Размерами она была с небольшой, но какой-то уж слишком правильный город — слишком функциональный для университетского и слишком тихий для промышленного центра. Машины потихоньку сворачивали с главной дороги, но наш джип по-прежнему катил вперед. Вскоре база осталась позади, и мы вновь оказались посреди пустыни.

Эльтор произвел какой-то странный звук, словно из груди его вырвался сдавленный возглас. Я посмотрела в сторону, куда был устремлен его взгляд. Вдали посреди пустыни я

разглядела какую-то конструкцию, нечто вроде недостроенного здания в лесах высотой в восемь этажей. В другой стороне на высоком пьедестале на солнце серебром отливали очертания самолета. Нет, скорее он напоминал толстую ракету с короткими крыльями и заостренным, как игла, носом.

Эльтор смотрел на него во все глаза.

— Это же «Х-1»!

Хизер обернулась ему с переднего сиденья.

— Что?

— «Х-1», и притом настоящий! — Эльтор указал на самолет.

— Верно, это «Х-1», — подтвердил Дэн.

— А это что такое? — Эльтор махнул рукой в сторону недостроенного сооружения. — Пусковая установка шаттла?

— Угу, — подтвердил Дэниэл.

— «Приз в шесть миллионов долларов», — добавила я.

— Что-что? — не понял Эльтор.

— Было такое телешоу, — пояснила я. — Там в начальных кадрах показывают аварию самолета, ужасно похожего на «Х-1».

— Это были настоящие кадры, предоставленные НАСА, — уточнил Дэниэл. — Правда, пилот в действительности остался жив.

Хизер наблюдала за Эльтором.

— Как это, должно быть, неинтересно по сравнению с тем, что ты видел в жизни.

— Любой самолет интересен, — рассмеялся Эльтор. — У меня к ним слабость, сколько себя помню. Еще мальчишкой любил запускать в воздух ракеты и наблюдать, как они упадут на землю.

Хизер улыбнулась, а от Джошуа желтыми кругами во все стороны начало исходить удивление. Они впервые увидели, как Эльтор смеется. Им с трудом в это верилось.

Дэниэл свернул на дорогу, ведущую к северной базе. Впереди виднелся еще один КПП, а через дорогу от него — трейлер. Мы остановились. Военкоп проверил наши документы, сравнил их со списком запланированных на этот день визитеров. Затем указал на небольшую площадку рядом с дорогой. Там уже стояли две машины. Военкопы производили их обыск.

— Сюда. — Он кивнул в сторону трейлера. — Пока мы проверяем вашу машину, вам там выдадут временные удостоверения.

— Пожалуйста, — пожал печами Дэниэл.

Внешне он был само спокойствие. До сих пор удивляюсь, как это ему удалось. Нет, конечно, он и раньше бывал на базе вместе с матерью, и все же. Сказать же, что обстоятельства нашего визита были особенные, — значит ничего не сказать.

Дэниэл припарковал джип. Мы вышли на дорогу, приглаживая взъерошенные ветром волосы и примятую во время поездки одежду. Жара стояла нестерпимая. Ни Эльтор, ни Дэниэл не стали надевать пиджаков, но Эльтор позволил мне поправить на нем галстук. Когда я завязывала ему узел, он пробормотал что-то насчет «удавки на шее». Я улыбнулась. Думаю, с ним согласился бы не один представитель нашего времени.

Внутри трейлера человек за столом проверил наши удостоверения. Эльтор предпочитал держаться сзади. Высокий и молчаливый, в своем подчеркнуто консервативном костюме, он явно старался не выделяться. Чтобы соответствовать выбранным ролям, остальные, хотя бы внешне, прибавили себе по несколько лет. Мы с Хизер умудрились втиснуться в деловые костюмы и даже воспользовались косметикой. Дэниэл тоже выглядел вполне rispetабельно в костюме и при галстуке. Но никакие уловки не могли хоть как-то изменить внешность Джошуа. В конце концов Хизер поменяла его возраст на двадцать два, и мы всю дорогу держали скрещенными пальцы, лишь бы только эта наша хитрость удалась и его приняли за такого вундеркинда, защитившего диссертацию еще едва ли не в пеленках. Собственно говоря, это было не столь уж далеко от истины.

Человек за столом кончил разговаривать с Дэниэлом и обратился ко мне:

— Ваше удостоверение.

Я протянула ему удостоверение Массачусетского технологического, почти в полной уверенности, что он обнаружит подделку. Но тот лишь вбил номер в компьютер и вернул его мне. Затем настала очередь Джошуа. Человек за столом снова пробежал пальцами по клавиатуре. Неожиданно он остановился и, нахмурясь, уставился на Джоша.

Мы все как один напряглись. Я ощущала это напряжение кожей, оно все туже оборачивалось вокруг нас пластиковым саваном.

Охранник пристально рассматривал Джошуа.

— Чакрабарты? Но ведь это, если не ошибаюсь, индийская фамилия?

В ответ Джошуа посмотрел на него самым что ни на есть невинным взглядом.

— Да, сэр. Но мать у меня шведка.

Охранник вернул Джошуа удостоверение и помахал в сторону выхода.

— Марджори сфотографирует вас и выдаст новые удостоверения.

Пока нас фотографировали, я старалась держаться как можно спокойнее. И все-таки мне не давал покоя вопрос, что испытывает человек, когда его фотографируют для полицейского досье. Как ни странно, эта Марджори всего лишь выдала нам внутренние удостоверения Йейгеровской базы, и наша компания вновь была свободна. Мы вышли на улицу под палящий зной. Вокруг, сколько хватал глаз, расстилалась пустыня Мохаве.

Военкоп помахал в сторону нашего джипа.

— Можете ехать.

Дэниэл в ответ поднял руку — мол, спасибо, вас понял. Все шло как по маслу. До того момента, пока Эльтор не застыл на месте, прижав пальцы к виску.

Мы остановились рядом с ним.

— Что-то не так? — спросил его Джошуа. Эльтор не ответил, и тогда я потянула его за рукав.

— Пойдем.

Впервые за все это время Дэниэл проявил признаки беспокойства.

— Здесь нельзя останавливаться, — прошептал он.

Эльтор опустил руку.

— *****.

— Что ты сказал? — Я уставилась на него, ничего не понимая.

— *****.

Хизер негромко выругалась.

— Что с ним такое?

К нам подошел военкоп.

— У вас возникли проблемы?

Хизер моментально вытащила из сумки бумажный носовой платок и громко высморкалась. Я было подумала, что у нее не все в порядке с головой. Пока мне не стало ясно, что эта уловка призвана отвлечь внимание от Эльтора.

— Что у вас стряслось? — еще раз поинтересовался военкоп.

— Ничего, просто аллергия на цветочную пыльцу. — Хизер похлопала носом. — Приходится всякий раз мучиться.

— Не вы одна. От этой напасти у нас страдает добрая половины народу, — покачал головой охранник. — Некоторым помогают самые обыкновенные средства, каких полно в любой аптеке. Но если вам совсем худо, лучше проконсультироваться с врачом. Весной сенная лихорадка у нас здесь сродни чуме.

— Спасибо, как-нибудь потерплю.

Хизер изобразила вымученную улыбку.

Военкоп кивнул и пошел назад на свой пост. Мы тоже двинулись к машине.

— Откуда тебе известно про аллергию? — шепотом поинтересовался Дэн. — У тебя был вид настоящей страдальцы.

— А я и так ею мучаюсь, — поморщилась Хизер. — Охранник ничуть не преувеличил,

назвав ее чумой.

— А ты как? — обратился Джошуа к Эльтору. — Все нормально?

— Да.

— А что случилось? — не унималась я.

— Джаг, — ответил Эльтор. Его акцент стал снова заметен. — Он совсем близко. Я попытался установить с ним связь. Он поврежден. Повреждения разные — одни старые, другие новей. — Эльтор говорил, и пот градом катился у него со лба. — Что они творят с моим мозгом? Я не могу... я теряю способность интегрировать мои функции.

— А что будет, если они не прекратят свое занятие? — поинтересовался Дэниэл.

— Не знаю. — Эльтор прибавил шаг. — Не хочу даже думать об этом.

Мы сели в джип и поехали на Северную базу. Когда мы уже почти были на месте, посреди пустыни выросли три огромных ангара. Они были словно из сказки — громадные цилиндры с круглыми куполами, каждый выкрашен в свой цвет — один голубой, другой зеленый, третий желтый. Но прежде всего бросались в глаза нарисованные на них картины — взмывающие ввысь самолеты.

— Эй, — Джошуа даже присвистнул от восторга, — вот это да!

— Ваши военные всегда украшают свои ангары рисунками? — поинтересовался Эльтор.

— А что в этом такого? — пожал плечами Дэн.

— Первый раз вижу, — пояснил Эльтор.

Мы припарковали джип у служебного помещения. На другой стороне в сетке забора виднелся контрольно-пропускной пункт. Туда мы и направились. Обжигающий ветер пустыни трепал наши волосы. Хизер расчихалась и громко высморкалась.

Дэниэл прошел через контроль первым, гордо демонстрируя свое удостоверение. Военкоп взял его у него из рук, посмотрел на Дэна, затем на фотографию, сравнил их между собой и кивнул — мол, проходи.

Следующей была моя очередь. Я протянула удостоверение. Охранник посмотрел на него, затем испытующим взглядом окинул меня.

— И давно вы работаете в Массачусетском технологическом?

Держи себя в руках, мысленно скомандовала я и с невинным видом произнесла:

— Три года.

— Что такое байт? — ни с того ни с сего спросил охранник. Я никак не могла понять, к чему он клонит. Скорее всего он не поверил, что я этаким гением от информатики, иначе зачем ему задавать такие дурацкие вопросы.

— Байт — это часть компьютера, — ляпнула я наобум.

Он помахал мне рукой — мол, проходите, после чего проверил удостоверения остальных. Итак, мы все прошли контроль и оказались на территории Северной базы. Смотреть здесь было особо не на что — несколько зданий под палящим солнцем. Дальше тянулось высохшее озеро. От жары сухое дно запеклось коркой.

— Тебе крупно повезло, что этот чувак не разбирается в компьютерах, — буркнул мне Дэниэл.

— С чего ты это взял? — не поняла я.

— Байт это не часть компьютера. Это восемь битов. Нулей или единиц.

— Но он ей поверил, — вступился за меня Джошуа. — А это самое главное.

Пока мы шли, Эльтор то и дело оглядывался по сторонам. По территории базы расхаживали военкопы в камуфляже, и не одни, а с собаками. Мимо нас тарахтели какие-то приземистые транспортные средства, нечто среднее между танками и гигантскими тараканами-вездеходами.

— Да, тут у них и муравей не проползет, — прокомментировал Эльтор.

— Состояние боеготовности «Чарли», — пояснил Дэниэл.

— «Чарли»? Что это значит? — обернулся к нему Эльтор.

— Состояние боеготовности на случай террористического акта. Первая ступень

«Альфа», значит, все тихо. «Браво» — следующая ступень, затем «Чарли», состояние повышенной боеготовности. И последняя «Дельта». Но тогда базу просто бы закрыли для посторонних. Так что, если вернешь себе свой самолет, «Дельта» здесь обеспечена однозначно, — пояснил Дэн и сделал выразительное лицо.

Хизер просматривала бумаги, выданные нам в трейлере.

— Сначала нам надо пройти брифинг. Нет, подождите, это потом. Сейчас нас ждет Доктор Роберт Л. Форвард.

— Ого! — воскликнул Джошуа. — Это тот самый, кому в 1981 году была присуждена Годдардовская премия!

— Годдардовская премия? — удивился Эльтор. — А это еще что такое?

— Награда в области ракетостроения. Форвард предложил использовать в ракетных двигателях антивещество.

— Но если они обнаружат, что Джаг использует тот же самый принцип, — заметил Эльтор, — им тотчас станет ясно, что перед ними межзвездный корабль.

— А это так важно? — поинтересовалась Хизер.

— Рано или поздно они поймут, что никакого корабля-базы не было и нет. — Эльтор поморщился. — Хотя я бы предпочел, чтобы они думали, что меня кто-то ждет или ищет.

Мы обогнули угол здания, и нашим глазам вновь предстали ангары. Вблизи они производили еще более сильное впечатление. Картины на них были нарисованы ярко и смело — летчики, покоряющие воздушное пространство, полосы перистых облаков над зелеными холмами или выжженной пустыней. Желтый и зеленый ангары были закрыты. Голубой стоял открытым, но вход был завешен куском холста, края которого были придавлены чем-то тяжелым, чтобы внутрь не нанесло песка. Сам ангар был обнесен забором, а у единственного турникета застыл вооруженный охранник. Рядом с ангаром высились строительные леса.

— Странно, — произнесла Хизер, показывая в сторону охранников с собаками внутри огражденного пространства. — У них нет оружия.

— Это из соображений безопасности, — пояснил Эльтор. — Они не уверены, что может произойти с кораблем, если в него попадут пули.

— Ты уверен, что он не взорвется? — спросила его Хизер.

— Нет, — вздохнул Эльтор.

И тогда мы увидели Его. Из ангара кто-то вышел, и порыв ветра поднял вверх холщовую занавеску. Внутри стояло прекраснейшее творение человеческих рук. Джаг походил скорее на алебастровую скульптуру. В косых солнечных лучах, пробивавшихся внутрь ангара, он казался белоснежно-белым. Его очертания были ясными и чистыми. Казалось, он вот-вот сорвется с места и взмлет в небо, один, сам по себе.

В следующее мгновение занавес опустился на место.

— Да, впечатляет.

Хизер даже присвистнула. На лицах Дэниэла и Джоша читалось то же восхищение.

— Он совсем близко, — прошептал Эльтор. — Если бы я только мог попасть к нему!

У входа в ангар дежурили двое охранников — мужчина и коренастая женщина, оба вооружены. Мы в который раз предъявили удостоверения. Первым шел Дэниэл. Женщина посмотрела на его значок и кивнула — можно проходить. Дэн прошел к воротам и остановился, поджидая нас. После этого мужчина повернулся к Хизер, а женщина проверила мое удостоверение. Я стояла, не шелохнувшись, тщаь изобразить полнейшую невинность.

— Проходите, — кивнула мне женщина.

Эльтором занимался охранник-мужчина. Пока он рассматривал его фото, сравнивал изображение с оригиналом, мне казалось, что прошла вечность. Женщина к этому моменту уже пропустила Джошуа. Я подошла к турникету, где нас уже поджидали Дэниэл с Хизер, и перевела дух.

Наконец охранник пропустил и Эльтора. Дэниэл вынул карточку-ключ, которой нас снабдили в трейлере, и повернулся к турникету. Там на столбе была прикреплена коробка с кнопками, наподобие телефона автомата. Под пристальными взглядами охраны Дэн вставил

в прорезь карточку и набрал код. После чего толкнул воротца. Мы стояли и ждали, обдуваемые жарким ветром пустыни.

Стояли и ждали.

Дэниэл выругался себе под нос.

— Наверное, набрал не тот код.

— Попробуй еще раз, — спокойно произнесла Хизер. — Вроде бы ошибаться можно лишь трижды, после чего сработает сирена.

Дэниэл снова сунул карточку в прорезь и набрал код. На этот раз воротца открылись.

Уф-ф, мы внутри. Лицо Эльтора оставалось бесстрастным. Но сердце в его груди колотилось столь сильно, что в моем мозгу это биение отзывалось лязганьем гонга, по которому ударяли молотом.

Мы уже было направились к ангару, когда нас окликнул один из охранников:

— Подождите!

Мы застыли на месте. Хизер, правда, нашла в себе силы обернуться и с невинным видом спросить:

— В чем дело?

К нам подошли оба — мужчина и женщина.

— Не забудьте переодеться в защитные комбинезоны, прежде чем идти к самолету, — обратился к нам охранник. — Вы найдете их в шкафчике. — Он на минуту умолк, разглядывая Эльтора. — Сами понимаете, надо поддерживать стерильность.

— Разумеется, — кинул тот.

— Что ж, — охранник еще раз обвел нас всех взглядом, — можете идти.

Обрадованные тем, что нашим испытаниям, кажется, настал конец, мы повернулись к ангару. Еще несколько мгновений, и...

— Стойте, — раздался женский голос.

Мы обернулись. Женщина-охранник недобрым взглядом смотрела на Эльтора.

— Что у вас с лицом?

— С лицом? — переспросил он.

— Да, вот здесь. — И она указала на его висок, там, где пот смочил ему кожу и волосы. — Да-да, здесь. Похоже на пудру.

— Это лосьон, — вмешалась Хизер. — У него аллергия.

Женщина пристально впиалась в Эльтора глазами.

— Не вижу никакой сыпи.

— Она замазана.

Настырная особа потянулась и провела пальцем по его виску. На пальце тотчас осталась жидкая пудра. А на виске проступила полоска золотистой кожи.

И тогда она нас узнала, я почувствовала это, как если бы рядом прогремел взрыв. Не думаю, чтобы она видела наши изображения по телевидению. Вряд ли можно было найти что-то общее между затянутым в кожу бандитом и бородатым ученым в элегантном костюме. Скорее всего охрану ангара проинструктировали куда более подробно, снабдив деталями, которые не стали разглашать для широкой публики, например, о том, какая необычная у него кожа.

Охранница тотчас схватилась за пистолет, но Эльтор оказался куда проворнее. С молниеносной скоростью он пружинистым движением оттолкнулся от земли и метнулся вперед. Мы не успели моргнуть, как оба охранника оказались на земле, недвижимые и без сознания. Но в этот момент на территории ангара раздался чей-то крик.

Схватив Дэниэла за рукав, Эльтор ринулся к ангару, буквально волоча парня за собой. Мы бросились им вдогонку. Что еще нам оставалось делать? Эльтор, судя по всему, решил воспользоваться Дэниэлом как заложником, что в общем-то не входило в наш уговор, но иного выхода у нас не было. Если мы, конечно, не хотели бросить товарища на произвол судьбы и вдаться в руки охране. Волей-неволей пришлось следовать за Эльтором.

Мы обогнули леса, и в этот момент нам навстречу из ангара выбежали трое

охранников. Оружия у них не было, но зато их сопровождали два пса, один черный, другой — рыжий и поджарый. Один из охранников что-то крикнул, и собаки бросились на нас.

Эльтор отбросил Дэниэла в сторону. Собаки прыжком кинулись на Эльтора, и все вместе они повалились на землю. Псы в озлоблении рвали на нем костюм, пытаясь подобраться к шее. Эльтор отчаянно отбивался. Они катались по земле, и было невозможно понять, где здесь Эльтор, а где псы. Наконец ему удалось сбросить их с себя. Собаки рухнули на асфальт. Черный пес так и остался лежать, закрыв глаза и тяжело дыша. Рыжий поднял было голову и даже попытался встать на лапы.

Не успел Эльтор прыжком подняться на ноги, как Дэн испуганно попятился к строительным лесам. Но ему не удалось уйти далеко. Эльтор схватил его за руку и рывком развернул лицом к охранникам. В следующее мгновение у горла Дэниэла сверкнул нож. От его полированной поверхности в разные стороны тотчас брызнули разноцветные лучи. Рыжий пес зарычал и снова встал на ноги, но кто-то из охранников цыкнул на него, и он остался на месте. Дэниэл застыл как вкопанный. По его лицу струился пот. Схватив меня другой рукой, Эльтор попятился в сторону ангара, увлекая нас с Дэниэлом за собой.

Мы бросились к строительным лесам. Джаг находился от нас всего в нескольких ярдах, но это мало чем могло нам помочь. С таким же успехом он мог находиться и на другом конце базы. Неожиданно холщовый занавес на дальнем конце ангара отлетел в сторону, и оттуда высыпали несколько людей в белых комбинезонах и с ними еще один охранник. Вместо того чтобы направиться к турникету, он оттянул в сторону сетку и выпустил в образовавшийся проход персонал.

Охранники, преградившие нам путь, щурили глаза, не в силах выдержать ослепительного блеска лезвия.

— Мы не хотим причинять вам вреда, — наконец произнес один из них.

Волосы у него были подстрижены так коротко, что казалось, будто его голова посыпана желтой пылью.

— Отойдите от корабля, — рявкнул Эльтор, — не то я убью его!

— Повторяю, мы не хотим причинять вам вреда, — вновь произнес военкоп, как-то подозрительно вкрадчиво. Что-то мне не нравилось в его манере. Ага, он смотрит не на нас, а куда-то дальше, за спину Эльтора.

Я оглянулась и увидела, как из-за лесов к нам приближается человек с автоматической винтовкой М-16 в руках. Заметив, что я смотрю на него, он кивнул мне, видимо, полагая, что я заложница. В принципе он был недалеко от истины, хотя тогда я это плохо понимала. Я отвернулась, притворившись, что жду не дождусь, когда нам придут на помощь. Но на самом деле еле слышно шепнула Эльтору:

— Позади нас вооруженный охранник. До него всего лишь пара шагов...

Эльтор резко развернулся и выбросил ногу, попав охраннику прямо в грудь с такой поразительной точностью, будто видел каким-то задним зрением, что тот собрался на него напасть. Охранник рухнул на землю, а Эльтор, все еще увлекая за собой меня и Дэна, нырнул через барьер в леса. Нам ничего не оставалось, как устремиться за ним следом. Не успели Хизер и Джошуа последовать нашему примеру, как что-то просвистело рядом с моей головой, слегка задев волосы. Мы тотчас бросились плашмя на землю рядом с поверженным охранником. Пуля попала в бетонную стойку, отчего во все стороны разлетелись куски бетона, а сама стойка покрылась паутиной трещин.

— Не стрелять! — крикнул чей-то голос. — Можете попасть в корабль!

Эльтор схватил брошенную охранником винтовку, пару секунд разглядывал ее, после чего выпустил очередь, поливая леса свинцовым огнем. Охранники бросились врассыпную, большинство предпочли найти укрытие внутри ангара. Зато они выпустили на нас еще трех псов. И пока мы ползли на брюхе под прикрытием бетонных стоек, псы, ощерив клыки, с дьявольским рычанием прыгнули на нас. Эльтор выстрелил, и один из псов рухнул на землю, за ним второй, третий. Я прикусила губу, лишь бы только не расплакаться — мне было больно видеть, как умирают животные.

Сжимая в одной руке винтовку, Эльтор прикоснулся пальцами другой до розетки с трансомом у себя в боку — там тотчас возникло свечение. А затем раздался душераздирающий вой сирены. Вой этот постоянно менял высоту и громкость — то становясь едва слышим на высоких частотах, то снова возвращаясь на средние, воспринимаемые человеческим ухом, а затем падал так низко, что скорее ощущался нутром, после чего опять взмывал вверх. Позднее я узнала, что сигнал этот действовал согласованно с телом Эльтора, порождая волны необходимой длины. Леса вокруг нас начали подрагивать, а затем сотрясаться. Казалось, стойки и перекладины едва способны устоять на месте и рвутся куда-то, словно беговые лошади перед стартом. В конце концов одна из них не выдержала и сорвалась с места, устремившись в свободном полете вниз.

Леса ходили ходуном. Мы вскочили на ноги и бросились в ангар, а вокруг нас рушились вниз доски и куски металла. Я не понимала тогда, чего добивается Эльтор. Ведь, рушась, леса угрожали в первую очередь нам, а не нашим преследователям. Вокруг слышались крики. Кто-то пытался объяснить кому-то, что не может взять нас на мушку. Второй голос приказал ему не стрелять, потому что пули внутри ангара могут отскочить рикошетом. И тогда я поняла, что этот хаос скорее нам на руку.

Затем меня что-то стукнуло по голове, и я потеряла равновесие. В глазах у меня потемнело.

— Нет!

Эльтор подхватил меня за талию и устремился дальше. Внезапно перед нами вырос охранник. Я была в полуобморочном состоянии, отчего его движения воспринимались мною как в замедленной съемке: вот он поднимает винтовку, вот ботинок Эльтора ударяет ему в руку, раздается выстрел, над головой Эльтора свистят пули, охранник падает на землю, это Эльтор выпустил в него почти весь заряд. Теперь перед нами только холщовый занавес, закрывающий вход в ангар.

И тут мы замерли как вкопанные...

Потому что там, всего в нескольких ярдах, лицом к нам и спиной к ангару, стояли еще четыре охранника. И все как один держали на прицеле Эльтора. Он уставился на них. Я заметила, как золотистым блеском сверкнуло его внутреннее веко. Он все еще был вооружен, но стоило ему поднять винтовку и прицелиться, как охранники тотчас бы открыли ответный огонь. Нет, возможно, Эльтору бы удалось выпустить одну очередь, но не больше. К тому же охранники были слишком близко и не могли промахнуться.

— Бросай оружие, — обратился к Эльтору человек с коротко стриженными волосами.

Эльтор вновь нащупал трансом у себя в боку, и тот умолк. Лицо его утратило всякое выражение, но я ощущала его внутреннее напряжение, оно сжимало его словно стальные обручи. Но ощутила я и нечто другое, правда что — этого я почти не могла понять. Страх? Наверное, и страх тоже, однако эмоция эта не была страхом. Тоска? Ведь Эльтор стоял всего в нескольких шагах от Джага, но не мог попасть к нему. Что причиняло ему едва ли не физическую боль.

— Мы не хотим причинять вам вреда, — произнес все тот же человек.

От него исходил благоговейный ужас, я ощущала его подобно прикосновению бархата к коже. Нет, при необходимости он застрелил бы Эльтора, но ему не хотелось этого делать. Охранникам не полагалось знать, кто такой Эльтор, но они уже догадались. Этот же человек хотел поговорить с ним, задать ему целую сотню вопросов. Нет, не как на допросе, а просто побеседовать с первым представителем инопланетной цивилизации, ступившим на Землю. Ему хотелось понять, как и почему Эльтор попал сюда, как устроен его корабль. Ему хотелось, чтобы Эльтор помог землянам проторить дорогу к звездам.

Вернее, такие мысли были у двух охранников. Третий же просто выполнял свой долг. Четвертый, тот, что с каменным лицом, вселял в меня смутное беспокойство. Эльтор представлялся ему угрозой для всего человечества. Окажись они с ним один на один, он бы застрелил Эльтора, даже не моргнув, ведь тем самым он защищал бы Землю. От страха его мысли сделались еще ярче: как он возражал против того, чтобы корабль Эльтора не начинать

взрывчаткой. Уж лучше пожертвовать пустыней Мохаве, чем целиком всей планетой.

За нашей спиной раздались голоса. Я оглянулась и увидела позади нас целую цепь военков. Одна из них, женщина, разговаривала с кем-то по рации. Совсем упав духом, я повернулась к Эльтору. Мужчина с короткими волосами продолжал его уговаривать: «Бросай оружие, отпусти заложников, пойдем с нами».

Эльтор выпустил из рук оружие. Я зажмурилась. Все кончено. Мы пойманы. Авантюра провалилась.

— О Господи, — донесся до меня чей-то голос, — ведь он живой!

Я тотчас открыла глаза. Взгляды всех до единого были прикованы к ангару. Ветром снова откинуло в сторону холщовый занавес, и почему-то он все продолжал подниматься, хотя это уже противоречило здравому смыслу и законам физики. Тем более что край его был прижат к земле грузами. И тогда мне стало ясно, что это не ветер. Это Джаг.

Эльтор не мог подойти к нему, поэтому корабль устремился к хозяину сам. Он выкатился из ангара в мгновение ока, прямо на нас. Охранники бросились в разные стороны, опасаясь, как бы их не раздавило. Теперь человек с каменным лицом был свободен в своих действиях. Он резко развернулся и выпустил в корабль всю обойму.

— Не стрелять! — крикнул кто-то.

Эльтор бросился к кораблю, увлекая за собой Дэниэла и меня. Мы были совсем близко, на бегу я даже случайно задела Джага. Корпус его был пупырчатым на ощупь, словно мяч для гольфа. Раздался шуршащий звук — это открылся люк, и Эльтор приподнял меня с земли или, лучше сказать, забросил меня внутрь. Я влетела в отсек и приземлилась на куче компьютерных распечаток. Стены вокруг были облицованы голубой, испускающей свечение плиткой. Мне вслед Эльтор забросил внутрь Дэниэла, а когда тот откатился в сторону, запрыгнул сам. Джошуа и Хизер успели вскарабкаться за считанные секунды до того, как люк захлопнулся вновь — словно створки на объективе фотоаппарата.

Я вскочила на ноги, но уже в следующее мгновение прогремел взрыв, и мы снова повалились на пол. Эльтор задел больным плечом переборку, и я ощутила, как его молнией пронзила боль, такая нестерпимая, что он едва не потерял сознание. Однако ему удалось сохранить самообладание. Эльтор двинулся на капитанский мостик, кое-как протиснувшись между переборкой и креслом. На консоли перед ним валялись разбросанные кем-то бумаги, ручки и калькуляторы. Одним движением руки он смахнул все на пол и опустился в кресло. Оно тотчас выбросило сетчатый экзоскелет, который в мгновение ока коконом покрыл его с ног до головы. Почти одновременно у рук Эльтора, как по мановению волшебной палочки, появились разнообразные кнопки и панели управления.

Затем Джаг дотронулся до его сознания.

Эльтор издал сдавленный стон. По крайней мере звук этот можно было расслышать. Но внутри прозвучал крик. Связь Эльтора с Джагом была нарушена. Я сумела уловить лишь слабый отзвук его боли, но даже отзвук этот едва не поверг меня в шок.

Корабль содрогнулся от второго взрыва, и где-то с внешней стороны прокатился глухой гул. Меня отбросило к Дэниэлу, и мы с ним оба рухнули на пол. От удара у меня из груди вырвался вскрик. Кое-как снова поднявшись на ноги, я схватилась за ручки в переборке и встала, уцепившись за нее вместе с Хизер и Джошуа.

Эльтор пытался восстановить связь с Джагом через свою сеть. Он что-то говорил на родном языке. Экран перед ним зажегся голубым, затем на нем замелькал калейдоскоп линий и точек. После чего возникло изображение того, что творилось снаружи.

Кое-кто из охранников пятился от корабля, глядя на него одновременно с ужасом и восхищением. Другие боролись с охранником, с тем, что с каменным лицом, пытаясь вырвать у него из рук оружие. Он перебросил через себя одного из нападавших, и тот упал навзничь, сбил с ног другого и сумел-таки выпустить в сторону Джага еще одну очередь. Корабль содрогнулся вновь, и я увидела, как человек с короткими волосами ведет огонь, но не по Джагу. Он стрелял в того, что с каменным лицом. Наш основной враг упал, схватившись рукой за колено.

Эльтор все еще разговаривал с Джагом, негромко, но очень быстро. Джаг завис где-то на самом краю его сознания, пробуя достучаться то там, то здесь, восстанавливая на доли секунды связь, снова отдергивал невидимые нити, если Эльтор морщился от боли, либо оставлял их, если не причинял дискомфорта.

На голографическом экране появилась радуга, словно наложенная на картину событий. Теперь охранники казались разноцветными. Почему-то все они как один зажимали уши. Благодаря подсоединению к Джагу я поняла, что произошло. Джаг при помощи мембран в своем корпусе производил звуковые волны, болезненные для человеческого уха. А радуга — это и были те самые волны. Красная часть спектра соответствовала максимальной мощности, фиолетовая — минимальной.

Охрана попятилась прочь, уводя с собой двух раненых. Некоторые уже покинули ангар и теперь со всех ног неслись к служебному зданию, на бегу крича что-то в рацию. Откуда им было знать, что вот-вот произойдет. Взрыв? Нападение?

Достигнув забора, радуга приобрела какой-то грязноватый оттенок. Эта размытая акварель быстро распространилась по всей территории внутри забора. Краски слились и поблекли. Я уловила мысль Джага: корабль никак не мог чего-то понять, ему словно чего-то не хватало — например, дальнейших инструкций, уравнений, призванных задать алгоритм действий при неких пограничных условиях. Поврежденная сеть корабля неправильно интерпретировала помехи, создаваемые забором, воспринимая их как команду отключить звуковую защиту.

Эльтор же не мог сдвинуть его с места. Корабль застыл, наполовину выкатившись из ангара. Эльтор запрашивал о необходимом алгоритме, но что бы там ни требовалось Джагу, чтобы правильно понять команду пилота, функция эта была повреждена. В конце концов Эльтор прикоснулся к диску у себя на экзоскелете, вводя команду вручную. На экране возник алгоритм — трехмерная решетка, наложенная на изображение происходящего снаружи. По картинке, описывая контуры ангара, пронеслась ярко-красная точка.

Совершенно неожиданно стены ангара взлетели в воздух. Обломки фонтаном разлетелись во все стороны. Те охранники, что еще находились внутри, принялись карабкаться через забор, лишь бы только скорее унести ноги. Некоторые упали на землю, прикрывая руками голову, пока на них сверху падали остатки стен ангара. Кусок размером с дверь обрушился на сам Джаг. На голограмме могло показаться, что он летит прямо на Эльтора. Обломок громко стукнул по внешней обшивке корабля. Но для нас, сидящих внутри, впечатление было такое, будто обломок этот разлетелся на куски прямо у его лица.

Все, ангара больше не было. Джаг стоял свободный под куполом неба.

Затем раздался рокот, и по корпусу корабля пробежала дрожь. Снаружи последние из охранников вскочили на ноги и помчались прочь, словно подгоняемые ураганом. Один из них споткнулся о какой-то обломок, другой на бегу поднял товарища на ноги и потащил за собой. Рокот Джага нарастал с каждой минутой.

Эльтор развернулся в кресле и посмотрел на нашу компанию.

— Некоторые из алгоритмов взлета — не знаю, как это называется по-английски. Можете считать, что они отключены.

— Ты можешь их исправить? — спросила Хизер.

— Они сами себя исправят. На это потребуется несколько секунд, — пояснил Эльтор и повернулся ко мне: — Мне нужны заложники. Но не четыре. Если ты хочешь покинуть корабль, — он на минуту замолк, — можешь сделать это прямо сейчас.

Вот, настал момент. Эльтор либо улетит, либо погибнет, но в любом случае он здесь не останется. Ответ застрял у меня в горле. Я не могла выдавить из себя то, что он так надеялся услышать. Как я могла улететь вместе с ним?

Я молчала, и лицо Эльтора превратилось в ничего не выражающую маску. Он вновь повернулся к панели управления. Послышалось шипение. Это открылся люк.

— Только живее, — приказал Эльтор. Урчание двигателей становилось все громче и громче. — Мне надо улетать.

Я подошла к люку. Я делала выбор в пользу того, что мне предлагал Джейк, когда приехал ко мне в Калтех. Я выбирала безопасность и знакомый мне мир, отвергая страх перед неизвестным. Мне казалось, что я смогу жить дальше. Ведь Джейк тоже эмпат, хотя и не такой мощный, как Эльтор. Значит, и он сродни мне.

Но мне никак не удавалось выбросить из головы слова Эльтора «это как внутренний голод». Выбрать Джейка означало выбрать существование, а не полноценную жизнь.

Я обернулась к Эльтору.

— Подожди.

Тот по-прежнему сидел, устремив взгляд на панель управления, вновь превратившись в машину — то ли нарочно, то ли потому, что иначе не мог. В общем, я не знаю почему.

— У меня нет времени ждать. — Голос его прозвучал ровно и плоско, как у робота.

— Тогда возьми с собой и меня, — попросила я. Шлюз закрылся.

— Так ты летишь со мной? — спросил Эльтор.

— Да, только ты должен пообещать мне, — выдавила я из себя, — что не бросишь меня на произвол судьбы где-нибудь посреди чужой вселенной, где я ничего не знаю и не понимаю.

Он снова развернулся ко мне.

— Обещаю, если ты пообещаешь стать моей женой.

Я не понимала, зачем ему это нужно, ведь мы почти не знали друг друга. И тем не менее вот оно.

— Обещаю.

Нет, не совсем не так.

— Поклянись, что ты не присоединишься ни к какой другой сети, — добавил он, — ни местной, ни удаленной.

— Но я не понимаю...

— Поклянись. Или я тебя не возьму.

— Но ведь это ты просил меня...

Он посмотрел на меня через забрало экзоскелета.

— Тогда у меня преобладали эмоциональные функции. В этом режиме я более рационален и критически воспринимаю собственные действия.

Эльтор лгал. Я знала это тогда, как знаю сейчас. От меня не скрылись оранжевые огоньки, что подрагивали вокруг его тела. Но сейчас он действительно контролировал себя и не собирался отступать от задуманного.

— А ты? — спросила я его. — Ты готов пообещать мне то же самое?

— Да, — ответил он, — ты имеешь полный доступ к моим системам. Ты введена в мою сеть, память и файлы. Твое влияние распространяется на все мои процессы. Никакая антивирусная программа не в состоянии удалить тебя из моей системы без того, чтобы не была нарушена моя целостность. Если ты летишь со мной, то уже сам факт твоего присутствия будет постепенно переписывать мой внутренний код, проникать еще глубже в память, менять функции.

«Господи, во что я ввязываюсь?» — мелькнула у меня в голове мысль, но у меня не осталось времени, чтобы хорошенько над ней поразмыслить.

— Даю тебе мое слово — я тебя не предаю.

— Я верю тебе. И беру с собой.

Вот и все. Как будто кто-то нажал в мозгу невидимую кнопку. Наш разговор оборвался, и Эльтор повернулся к экрану, снова переключившись в рабочий режим. Я же вернулась к остальным. Должна признаться, что после этого сугубо личного разговора, происшедшего у них на глазах, чувствовала я себя ужасно неловко.

Связь между Эльтором и Джагом крепла — корабль постепенно восстанавливал, где это было возможно, их общую сеть. Общение между ними происходило молниеносно, и я была не в силах за всем уследить — какая-то безумная пляска словесных, голосовых и других сигналов. Постепенно они сливались в единое целое. Нет, не совсем так, мы

сливались в единое целое, потому что теперь и я была частью общей сети.

Позади нас раздался рокот. Я обернулась и увидела, как в переборке, словно два подъемных моста, сдвинулись с места и опустились две панели, каждая шириною в три фута и четыре в высоту. Каждая была затянута белым материалом, как, впрочем, и углубления, открывшиеся под ними.

— Залезайте в коконы, — приказал Эльтор, — все до единого!

Я шагнула к углублению и в этот момент услышала донесение Джага о том, что «...Неллис поднялся самолет». Нечаянно моя стопа коснулась панели, и материал, которым та была обтянута, выбросил змеевидный отросток, который тотчас обвился вокруг моей ноги. В следующие мгновения я была с головы до пят окутана клубком этих змей. Они втянули меня в углубление, и вскоре я уже сидела, вытянув ноги и глядя прямо перед собой. Похожий на вату материал закрывал все мое тело за исключением носа и глаз. Сама панель опустилась на пол, так что мои ноги покоились в прямоугольном углублении, наполненном мягким шелковистым материалом.

— Какого черта! — воскликнул Дэниэл, когда змеевидный отросток кокона потянул вниз и его.

Дэн плюхнулся мне поперек ног, больно упершись коленями в бедра. И хотя он отбивался что было сил, «змеиный» клубок втянул его в одно со мной углубление. Причем чем отчаяннее он сопротивлялся, тем туже свивали его живые веревки.

— Дэниэл, — выдавила я из себя, задыхаясь под его тяжестью, — мне нечем дышать. Ты не пушинка.

— Извини, — пробормотал Дэниэл.

Просунув руки мне под талию, он сумел-таки немного поменить положение. Теперь я сидела у него на коленях. Ноги у обоих были вытянуты. Дэниэлу явно было неловко как в физическом, так и моральном смысле, и я ощущала это его смущение. В соседнем коконе Джошуа и Хизер тоже было тесновато вдвоем — они сидели, обнявшись, оплетенные веревками-змеями, но, с другой стороны, столь неожиданная близость не была им в тягость.

— Дэниэл, — обратилась я к своему «соседу».

— Ты уж извини, мне ужасно неудобно, но ничего не могу поделать, — попытался оправдываться он.

— Знаю, можешь не объяснять. Я о другом, что такое Неллис? Какой-то самолет поднялся в воздух с Неллис.

— Где ты это услышала?

— Джаг сообщил Эльтору.

— Неллис — это авиабаза возле Лас-Вегаса, — пояснил Дэн. — Судя по всему, в воздух там поднялись самолеты-перехватчики, чтобы раскрыть над нами что-то вроде зонтика. Они будут кружить над Йейгеровской базой и окрестностями, готовые броситься в погоню за любым летательным средством, что пожелает выяснить, что же там вылетело из ангара.

— А заодно, чтобы не дать нам взлететь? — закончила я его мысль.

— Да, — вздохнул Дэн. — Не удивлюсь, если в воздухе постоянно находится целая эскадрилья. Скорее всего это двадцать четыре машины, работающие посменно — шесть садится, шесть взлетает им на смену.

— А может Эльтор проскочить мимо них?

— Сомневаюсь, — признался Дэн.

Из коконов был виден только краешек экрана на капитанском мостике. Однако и его оказалось достаточно, чтобы увидеть, как рядом с кораблем сначала блеснула ослепительная вспышка, а вслед за ней в воздух поднялись клубы дыма, скрыв на мгновение разбросанные по асфальту остатки лесов. Гул все нарастал. Корабль накренился, и нас еще сильнее вжало в коконы.

В следующее мгновение Джаг поднялся в воздух. Внезапно связь между ним и Эльтором ослабла, нет, лопнула. Никто не услышал ни звука, и только я внутренним ухом

ощутила душераздирающий вопль Эльтора. Лишь позднее я узнала, что поврежденные участки их общей сети возбуждали те из нейронов, что несли в мозг сигнал боли. Это не значит, что Эльтору действительно было больно, просто мозг, получая эти сигналы, интерпретировал их как боль.

Джаг завис на высоте нескольких футов над землей, с трудом преодолевая притяжение. На голографическом экране были видны клубы выхлопов. Судя по всему, какая-то из систем корабля не работала. Тем не менее Джаг кое-как сумел, покачиваясь в воздухе, приподняться над забором. Затем он поднялся чуть выше, зависнув над крышей второго ангара. Кстати, тот в мгновение ока ее лишился. Затем мы пролетели немного вперед, над взлетно-посадочной полосой. И на этом все кончилось.

Корабль покачнулся и резко потерял высоту. Двигатели то глохли, то пытались включиться снова. В конце концов мы рухнули на бетон. От удара я едва не потеряла сознание — впечатление было такое, будто мне кто-то под ребра с силой вогнал кулак. Руки Эльтора забегали по консоли, голос беспрестанно отдавал все новые и новые команды. Вместо того чтобы снова попытаться резко оторваться от земли, он с работающими двигателями вырулил на взлетно-посадочную полосу. Теперь мы устремились вперед по бетону. Джаг все время набирал скорость, и вскоре я ощутила, как чья-то невидимая рука вжала меня в кокон. Неожиданно земля ушла вниз, вернее, это мы взмыли в воздух.

С капитанского мостика донесся треск радиопомех.

— ...немедленно, — прорвался сквозь них чей-то бодрый голос, — повторяю, немедленно посадите корабль.

— У меня нет враждебных намерений, — ответил Эльтор. До меня донеслось, как кто-то от удивления ахнул, а потом раздался нестройный хор голосов. Затем снова заговорил все тот же бодрый голос:

— В таком случае немедленно посадите ваш корабль и отпустите заложников. В случае неподчинения мы имеем все основания предположить, что ваши намерения враждебны по отношению к этой стране. Или даже планете.

В моем мозгу замелькали сообщения — это Эльтор обменивался данными с Джагом. Большая их часть была на иотическом, но встречались и отдельные куски на английском. То ли Джаг специально переводил для меня, то ли автоматически приспосабливался к моему мозгу, я не знаю. Но из знакомых мне слов и образов, производимых кораблем, ситуация была более или менее ясной — «зонтик» истребителей упорно не давал нам вырваться на свободу. Мы кружили на небольшой высоте, а Джаг пытался нащупать в этом зонтике слабое место.

— Если я сяду, то окажусь вашим пленником, — возразил Эльтор.

— В наши намерения не входит причинять вам вред, — ответил голос с базы.

— Почему я должен вам доверять?

— Доверие должно иметь отправную точку. Вы настаиваете, что у вас нет враждебных намерений. Докажите.

Эльтора душила злость, я услышала, как он произнес на родном языке: *Я не обязан вам ничего доказывать.* Однако он не дал словам сорваться с языка, а вместо этого произнес:

— Отзовите ваши машины.

— Но вы нарушили наше воздушное пространство, — отвечал ответственный за переговоры, — к тому же на боевой машине. Если вы откажетесь произвести посадку, чтобы остановить вас, мы будем вынуждены применить все необходимые в такой ситуации средства.

— Если вы откроете огонь по моему кораблю, — отвечал Эльтор, — я буду рассматривать это как враждебные действия по отношению к Сколийскому Имперскому Командованию.

Затем в эфире раздался другой голос. Этот второй был возбужден, он едва себя сдерживал:

— Мы не желаем вам зла! Нам бы хотелось вступить с вами в переговоры! Кому вы

подчинены? Следует ли ожидать высадки на Землю ваших представителей? Откуда вы так хорошо владеете английским?

Эльтор отвечал медленно, старательно подбирая слова, то и дело сверяясь с психоберпереводчиком:

— Моему командованию известно мое местонахождение. Если вы будете продолжать удерживать меня, они интерпретируют ваши действия как враждебный акт.

В эфире снова раздался первый голос — холодный и бездушный:

— В околопланетном пространстве нами не обнаружено базового корабля. Ваш корабль был поврежден и брошен на орбите.

— Я уже связался с базовым кораблем, — возразил Эльтор.

— Нами не зафиксировано никаких радиосигналов с борта вашего корабля.

— Это потому, что ваши радиолокационные устройства примитивны, — отвечал Эльтор.

Я понимала, что он тянет время.

— Немедленно садитесь, — настойчиво повторил первый голос, — или мы открываем огонь.

На протяжении всего диалога с землей Джаг посылал Эльтору сообщения о состоянии их дел. Большая часть вооружений и навигационных систем были недоступны психоберсети. Но благодаря помощи Эльтора сеть постепенно восстанавливалась, хотя и с трудом. Пока корабль был не в состоянии отправить куда-либо сигналы связи. И на Йейгеровской базе это понимали.

— Им стоит больше опасаться того, что произойдет, если они тебя добровольно не отпустят.

— А случись им перехватить «МиГ», как, по-твоему, они бы его отпустили? — спросил Дэниэл.

— Но ведь это не самолет Восточного Блока. Он вообще из другой звездной системы.

— И его пилот почему-то говорит по-английски. И вид у него вполне человеческий. Он бросает корабль на орбите, а сам шпионит себе на планете? Где первым делом похищает женщину и совершает убийство. Да они там от страха уже, наверное, обделались.

— Ты согласился помочь.

— Помню. Я просто пытаюсь показать тебе, как это выглядит с их стороны. Почему они готовы открыть по нам огонь.

— Дэниэл, мы ведь можем погибнуть, — тихо проговорила я.

— Знаю, — выдавил он.

— Но ты хотел прокатиться.

— Хотел. Когда еще мне подвернется такая возможность? Кроме того, они приложат все силы, чтобы заполучить его живым.

— Наверное, ты прав, — согласилась я.

На капитанском мостике Эльтор пытался продолжить переговоры.

— Вы повредили мой корабль. Возможно, я не сумею произвести посадку.

— Вы можете катапультироваться? — спросил первый голос.

— Только я. Остальные нет.

Джаг попытался что-то ему передать. В это же самое мгновение что-то больно вдавило мне в грудь, буквально приплюснув к Дэниэлу.

— Ни хрена себе! — вырвалось у кого-то — Джаг определил этот голос как голос пилота одного из истребителей. — Ты только посмотри, что вытворяет этот сукин сын!

Давление сделалось невыносимым, грозя в буквальном смысле раздавить нас. Затем стало темно, затем опять посветлело и потемнело вновь.

Перегрузка прекратилась столь же неожиданно, как и возникла. Дэниэл подался вперед, ударившись об меня лбом, и мимо поплыл красный пузырь наподобие мыльного. Кое-как обернувшись, я увидела, что глаза Дэниэла закрыты, а из носа вытекает струйка крови. Оторвавшись, капли красными сферами невесомо парили в воздухе.

Я обернулась в другую сторону. Эльтор оторвался от кресла и подплывал к нам. В его движениях было нечто жуткое, словно он двигался под водой. Галстук на нем извивался угрем. Я попыталась отдышаться, а затем перевела взгляд на голографический экран — на нем виднелась картина того, что происходило снаружи. И потеряла сознание.

Глава 9 ПСИБЕРПОЛЕТ

— Кажется, она приходит в себя, — донеслись до меня слова Хизер.

Я устремилась из тьмы навстречу ее голосу.

— Тина? — спросил Эльтор. — Ты меня слышишь?

Я открыла глаза: на меня смотрела троица — Хизер, Эльтор и Дэниэл. Они сгрудились вокруг кокона, придерживаясь за поручни в переборке. Волосы извивались вокруг их голов, словно змеи. Нос Дэниэла больше не кровил, Хизер тоже выглядела молодцом. Эльтор сбросил наконец с себя ненавистный галстук и пиджак. Под рубашкой виднелся знакомый мне жилет. Он также успел избавиться от бороды и контактных линз. Правда, рубашка на груди была пропитана кровью. Внешне могло показаться, что ему не больно, но я уловила пульсирующую боль в плече.

Почему-то из моего кокона теперь видна была только одна переборка. Голографический экран куда-то пропал. Я хотела взглянуть еще раз, чтобы убедиться, что та потрясающая картина, что открылась до этого моему взгляду, была настоящей. Земля. Бирюзовый шарик, повисший на фоне звездного неба подобно драгоценному камню в мерцающем ожерелье Млечного Пути.

Возле моего носа проплыл механический карандаш. Волосы, высвободившись из-под парика, колыхались вокруг моей головы подобно темному облаку. Я попыталась встать, но вместо этого выплыла из кокона.

— Мы на орбите? — спросила я. Эльтор обхватил меня за талию.

— Почти.

— Ты включишь снова голоэкранный? — поинтересовалась я.

— Какой-какой экран? — удивилась Хизер.

— Голографический, тот, что на капитанском мостике. На нем можно увидеть Землю.

Эльтор подхватил меня, словно я была пушинкой. Наверное, так оно и было. Он подтолкнул меня к переборке, и мы с ним вместе поплыли в кабину пилота, расталкивая на лету парившие вокруг обломки. Наконец я увидела Джошуа. Бледный как смерть, он сидел с закрытыми глазами в одном из коконов.

— Что с ним? — испугалась я.

— Ничего особенного, — ответил Эльтор.

— Но на него смотреть страшно.

— Ему дурно, — пояснил Эльтор и поплыл дальше. — Такое часто случается в состоянии невесомости. Хизер тоже вырвало. А вы с Дэниэлом вырубались. Просто в кабине была не та пропорция кислорода.

Эльтор подтолкнул меня к сиденью пилота, и оно тотчас свило вокруг меня экзоскелет, а панель управления сжалась в размерах в соответствии с моими параметрами. На лицо мне наехало забрало, по которому тотчас побежали какие-то иероглифы. Ощущение, однако, было малоприятным, словно в капкане, и я оттолкнула забрало вверх. В основание позвоночника и шею мне тотчас потыкались щупы — видимо, в поисках несуществующих разъемов. Даже не имея с Джагом прямой связи, теперь я ощущала его гораздо сильнее. Спокойный. Беспристрастный. И слегка сбитый с толку. Он наверняка не мог понять, кто это попался ему «в лапы».

У меня в голове негромко раздавались его переговоры с Эльтором: мы не могли двинуться дальше, пока не закончатся восстановительные работы навигационного оборудования и двигателей. Нам крупно повезло, что мы сумели-таки выйти на орбиту —

так называемую низкую полярную. Эльтору удалось соорудить временный поглотительный экран, так что с Земли нас пока еще засечь не могли.

Джаг также занимался подслушиванием переговоров на Земле. Власти полагали, что корабль — это наверняка разведчик, посланный впереди более крупного флота. До нас долетали обрывки споров. Кто-то упорно твердил, что нас нельзя сбивать, ведь никто не мог поручиться, что произойдет, если корабль взорвется. Другой голос с пеной у рта доказывал, что сбивать надо, и как можно скорее.

Где-то на заднем плане в моем мозгу жужжал отчет Джага об имеющемся в распоряжении Земли оружии:

...пусковые установки ракет дальнего радиуса действия... баллистические ракеты «Патриот»... ракеты типа «Рантор», «Коготь»...

Джаг продолжал монотонно зачитывать список по мере того, как опознавал все новые и новые элементы оборонительных систем — не сомневаюсь, что для него это было сродни средневековым вооружениям. Возможно также, что в этой вселенной они назывались как-то иначе. Если Эльтор задавал вопрос, Джаг на него отвечал — чаще всего это касалось способности той или иной ракеты сбить нас за пределами атмосферы.

Эльтор «стоял» между командирским креслом и панелью управления, лицом ко мне. Для пилота это было довольно странное положение, но, как оказалось, вполне нормальное. Ведь корабль загружал всю необходимую информацию ему прямо в мозг, независимо от того, в какую сторону он стоял лицом. Процесс, конечно, шел несколько медленнее, чем при непосредственном подключении, однако и так связь работала безотказно. Псиберсеть корабля посылала электромагнитные сигналы, в основном в инфракрасном диапазоне, а разъемы на теле Эльтора исполняли роль принимающих устройств.

Недалеко от нас проплыл желтый блокнот, испещренный какими-то каракулями. Эльтор оттолкнул его, и он поплыл прочь.

— Вы не могли бы убрать отсюда весь этот мусор? — обратился он к кому-то у нас за спиной.

Я обернулась и увидела, что на мостик выплывают остальные трое.

— Нет проблем, — откликнулась Хизер.

— Можете сложить все в коконы, — сказал Эльтор. — Они переправят мусор во временное хранилище.

Мои друзья принялись за работу. Я тоже попыталась встать с командирского кресла.

— Я должна им помочь.

У кресла же на сей счет было особое мнение. Оно отказалось меня выпустить.

Эльтор убрал мне со лба волосы. Там виднелся синяк — след от удара, когда на меня свалились обломки лесов.

— Думаю, тебе лучше посидеть. Ушиб довольно сильный.

— Со мной все нормально.

— Сиди, кому говорят, — повторил он с улыбкой.

— Эльтор, у тебя найдется пакет? — донесся голос Джошуа. Я оглянулась. Джошуа парил посередине кабины, бледный как полотно. Эльтору было достаточно одного взгляда. Он открыл дверцу в переборке и вытащил оттуда что-то вроде трубы. К Джошуа подплыла Хизер. Она что-то шепнула ему на ухо, чтобы никто больше не слышал. Однако Джаг тотчас перехватил ее слова и передал мне в мозг.

— Что с тобой?

— Извини, — пробормотал Джошуа. — Боюсь, что меня сейчас вывернет наизнанку.

— Зачем извиняться, — сказала Хизер и покраснела. — Ты оказался выносливее меня.

Эльтор подлетел к Джошуа и вручил ему конец трубы.

— В космосе вырвать может любого, даже бывалого астронавта. Нечего стесняться.

— Спасибо, — улыбнулся бедолага Джош.

Эльтор вернулся на капитанский мостик и вновь открыл переборку. На сей раз он вынул оттуда вазу, к которой с внутренней поверхности были прикреплены небольшие

полусферы. Один за другим, светясь красным, из каждой такой полусферы вырос щуп.

Эльтор расстегнул манжеты рубашки и закатал рукава, так что снова стали видны его напульсники. Странное, однако, это было зрелище — мужчина в строгом костюме и черных кожаных напульсниках, словно какой-то уличный хулиган. Но имелся в этом и некий высший смысл — как типично это было для Джагернаута: способность убивать, с одной стороны, и высокие моральные принципы — с другой. Редкостные эмпати-ческие способности и не менее редкостные боевые качества. Вместе взятые, они порождали дуализм, который, в свою очередь, предполагал таких офицеров, что предпочитали жить, повинаясь кодексу чести, постоянно балансируя между своей способностью к хладнокровному убийству и высокими этическими принципами. Неслучайно, что процент самоубийц среди Джагернаутов непомерно высок. Такова цена за попытку соединить несоединимое.

Эльтор повернул руку запястьем вниз, прижимая напульсник к одному из щупов.

— А это что такое?

— Сетевые модули.

Эльтор приподнял руку, и полусфера приподнялась вместе с ней. На плоской ее стороне зажегся красноватый огонек.

Эльтор сказал мне, что этот огонек — лазер. Проходя по микросети приборной консоли, он создавал разного рода дифракцию. Программа была задана таким образом, что панель контролировала форму сети, следовательно, и характер дифракции.

Полусферы переводили дифракцию в бинарный код и передавали ее в мини-сеть на запястье Эльтора. Эта мини-сеть исправляла мелкие ошибки, а более крупные передавала дальше в сеть биомеханическую. Мелкие ошибки устранялись при помощи команд, которые посылались полусферам. Те, в свою очередь, переводили команды в дифракцию, непосредственно воспринимаемую панелью управления. Панель реагировала на эти изменения тем, что вносила исправления в соответствующие системы — до тех пор, пока создаваемая ими конфигурация сетки не совпадала полностью с дифракционным образцом.

— В случае более серьезных нарушений, — пояснил Эльтор, — эти полусферы исполняют роль диагностических приборов.

— И что они поведали тебе о состоянии Джага? — спросила я.

— Ничего хорошего, — поморщился Эльтор.

— Ладно, главное, ты прорвался, — ответила я, — а все остальное мелочи.

— Еще бы! — вмешался Дэниэл. — После того, как разнес на мелкие кусочки целую эскадрилью истребителей!

— Но я еще не дома, — заметил Эльтор и вернул на место полусферы.

Джаг продолжал нашептывать у меня в мозг:

...превзойден радиус действия ракеты St-IY, полярная орбита, радиус 500 километров... навигационная система неисправна... предупреждение — включена система слежения, направлен радар... происходит коррекция данных...

И так на протяжении всего времени Джаг только тем и занимался, что потихоньку вторглся ко мне в мозг, исследуя его и так, и этак, словно хозяин на вечеринке, на которую забрел никому не известный гость.

Затем завывла сирена, и капитанский мостик засверкал огнями, словно рождественская елка. Кнопки управления тотчас оторвались от моего тела и перекинулись к Эльтору. Поврежденный компьютер был не в силах их контролировать. Дело кончилось тем, что Эльтор был вынужден опуститься на колени и оказался зажат между моими ногами и командной консолью, ко мне спиной. Он не стал терять понапрасну времени, пытаясь высвободить меня из кресла. Капитанский мостик изменил свои формы и очертания так, что теперь центральное место в нем занимал Эльтор, а я вроде как оказалась у него на плечах. Мне было слышно, как у меня за спиной остальные члены нашего «экипажа» торопились занять места в коконах.

Джаг пытался укрепить связь с Эльтором, но мозг пилота противился этому. Так что

Джагу ничего не оставалось, как бомбардировать своими распоряжениями меня:

Предупреждение — поглотительный экран не работает... предупреждение — приближается боевой самолет ХВ-70 с пусковыми установками на борту... предупреждение — приближается выпущенная самолетом ракета.

Внезапно капитанский мостик пропал. Я же оказалась в космическом пространстве, посреди какой-то огромной золотистой решетки наподобие пчелиных сот, состоящей из ячеек размером с человека. Нет, я чувствовала под собой командирское кресло, но виртуальная реальность была совсем как настоящая, такая яркая и живая. Далеко внизу под мной виднелась Земля, сине-бирюзовая гладь океанских просторов, Америка же едва просматривалась из-за облаков.

Внутри ячейки справа от меня проплыли какие-то значки. Стоило мне переключить на них внимание, как ячейка эта разрослась до гигантских размеров, вытеснив из поля зрения все остальные. Из нее потоком прямо мне в мозг хлынула информация: траектория ракеты, ее тип, система наводки и многое другое, и все в виде каких-то совершенно непонятных мне символов и аббревиатур. Я была просто не в силах воспринимать эти данные — с такой скоростью попадали они ко мне в сознание. И как только Эльтор успевал вовремя ее перерабатывать?

И снова, стоило мне о нем подумать, как информационный поток отступил куда-то на второй план, а вместо него в одной из ячеек возникла какая-то фиолетовая пульсация. Джаг вновь принялся забрасывать меня данными, но уже иного рода:

...рост 194 см, вес 114 кг, глаза фиолетовые, класс гуманоидов, гамма...

Ага, это, конечно же, об Эльторе. Джаг информировал меня о его «параметрах».

Затем по решетке словно прошелся луч прожектора и остановился на моей ячейке. Вскоре он замигал, и поступление данных прекратилось. Прямо передо мной пульсирующий фиолетовый пучок начал менять очертания. У него «выросли» руки, ноги и голова. Когда метаморфозы прекратились, там, повернувшись лицом к Земле, стоял Эльтор. Тело его было словно сотворено из фиолетового свечения. Настигающие нас ракеты появились на сетке в виде красных движущихся точек. Оказывается, это Джаг пытался разъяснить мне ситуацию самым доходчивым образом и поэтому все время менял картинки.

Столкновение ожидается через шесть минут, передавал Джаг.

Эльтор метнул в сторону стаи ракет белый шар, и тот полетел по золотой сетке.

Где-то на самом краю поля зрения я заметила какое-то серое расплывшееся пятно. Джаг уловил, что я переключила внимание, и передо мной возникло увеличенное изображение спутника с американской символикой на корпусе. На нем завращалась башня, из которой затем ударил ослепительный луч. Усиленный решеткой, он наверняка казался еще ярче, чем на самом деле. Джаг тотчас предоставил мне статистику:

...когерентное излучение... дальний радиус действия... столкновение через секунду.

Затем моему взору предстало компьютерное изображение лазерного луча. Он бился о нашу решетку подобно мощной струе.

Девяносто процентов энергии столкновения поглощено или отражено лазерным щитом, подумал Джаг.

И тотчас вновь принялся забрасывать меня информацией: щит представлял собой плазменную преграду, отражающую рентгеновское излучение. К сожалению, щит оставался проницаем для электромагнитных волн более низких частот. В одной точке, где плазма пересекалась с корпусом, сквозь защитный экран наружу высунулся щуп — такой, какому были не страшны средние дозы радиации.

Шар, брошенный Эльтором в сторону роя красных точек, достиг своей цели, поразив ракеты в его центре. Правда, те, что располагались по его краям, избежали столкновения. Шар исчез, а вместе с ним и три точки. Было что-то жуткое в том, как они словно растворились в полной тишине — никакого взрыва, никакой вспышки.

В космическом пространстве отсутствует вещество в газообразном состоянии, поэтому здесь невозможно формирование облака раскаленного газа, как то бывает в

воздушной среде, пояснил дотошный Джаг.

И, словно ему этого объяснения показалось мало, добавил:

Восемьдесят девять процентов возникшего в результате попадания рентгеновского излучения поглощено или отражено плазменным щитом.

Что ж, возможно, в космосе бомбы и могут взрываться бесшумно, зато на земле шум поднялся такой, что у меня заложило уши. Пилот самолета-преследователя вопил в микрофон:

— Нет здесь, к чертовой матери, никакого базового корабля. Этот сукин сын щелкает нас, как орехи!

Радары зарегистрировали новые взрывы в околоземном пространстве, вслед за которыми раздались новые, на Земле, — взрывы эмоций и отборных ругательств. Кто-то предлагал прекратить обстрел, другие во всю глотку кричали, что надо проучить незваного гостя, показать ему что почем. Ясно было одно — Земля перепугалась не на шутку. Крошечный кораблик не нуждался ни в какой базе. Зато у этой «детки» имелись зубки, и притом острые.

Эльтор швырнул в сторону ракет еще один шар. Правда, у него возникли трудности с наведением цели. Как только шар пролетел сквозь решетку, стало ясно, что ему никогда не поразить цель. Эльтор попробовал еще раз. Результат оказался еще хуже. Шары пытались приблизиться к рою ракет, но либо система наводки была повреждена, либо ракеты каким-то чудом увертывались в сторону.

Золотая переключательная над головой Эльтора неожиданно стала гибкой, подобно плющу. Еще мгновение — и она обвилась вокруг его запястья. Когда Эльтор в очередной раз замахнулся, чтобы швырнуть еще один шар, плющ своей упругостью скорректировал его движение. Связь между мозгом Эльтора и системами корабля упрочилась. Зато Эльтор вскрикнул от боли. Его крик эхом прокатился по решетке. Плющ, лопнув, тотчас оборвался с его запястья и повис, болтаясь, словно кусок резины. А вскоре его изображение и вообще превратилось в размазанное фиолетовое пятно. Затем он, правда, появился вновь, только вот очертания его на сей раз были не такими резкими.

Ошибка системы наводки в 64 %, информировал меня Джаг.

Джаг!!! — В моем мозгу то и дело раздавался мысленный призыв Эльтора: Переключись на навигацию...

Предупреждение, бесстрастно докладывал компьютер, навигационная система неисправна.

Джаг, ну пожалуйста, подумала я.

От решетки отделилась нить и обвилась у меня вокруг головы.

Слушаю.

Ты не мог бы объяснить мне, что там не так с навигацией?

Решетка под ногами у Эльтора засветилась ярче, освещая переключательные, что образовывали основание куба. Только теперь это были не переключательные, а кольца огромного золотого каната. И он разматывался.

Эльтор выпустил из рук шары и ухватился за конец навигационного «каната», словно пытаясь помешать ему разматываться дальше. Шары отплыли от него и принялись блуждать по ячейкам решетки.

Контроль за навигационной системой восстановлен, констатировал Джаг. Сбой в работе боевого интерфейса.

Эльтор тотчас выпустил из рук конец каната и вновь схватил шары. Стоило одному из них прикоснуться к его ладони, Джаг подумал:

Целостность боевого интерфейса восстановлена на 21 %. Сбои в работе навигационной системы.

Я подалась вперед. Мои руки, светясь каким-то голубым светом, потянулись сквозь решетку. Они становились все длиннее и длиннее, пока наконец не дотянулись до куба, в котором находился Эльтор. Я ухватила за конец каната у его ног.

Целостность навигационной системы восстановлена, доложил Джаг.

Эльтор резко обернулся в мою сторону.

Тина, живо вон из системы/ Это может повредить твой мозг!

Займись бомбами, подумала я в ответ и вернулась в свою ячейку, увлекая вслед за собой конец навигационного каната. Он тянулся до тех пор, наматываясь мне на руку, пока голубая кожа не дала трещину и на решетку не начали капать сгустки электричества.

Эльтор сделал резкое движение, посылая навстречу ракетам еще несколько шаров. Я видела, как они устремились к цели. Ракеты были теперь гораздо ближе к нам, поэтому шары долетели до них быстрее. Большая их часть пролетела мимо, однако они изменили траекторию, обойдя ракеты сзади, и пустились за ними вдогонку. Теперь шары преследовали цели буквально по пятам.

Несколько красных точек исчезли. Остались только две.

Ошибка системы наведения 84 %, доложил Джаг.

Эльтор выругался и, выхватив из решетки над собой перекладину, разломил ее пополам. Одна половина осталась у него в руках, вторая же начала удлиняться, пока не восстановила края куба. Та, которую он держал в руках, постепенно приняла очертания массивного ружья. Оно еще не закончило свои метаморфозы, но Эльтор уже приставил его к плечу.

И выстрелил. Из ствола виртуального ружья вылетел луч, и Джаг вновь начал засыпать меня статистикой:

...фокусированный луч... пучок антипротонов... проникновение частиц в ядро... высвобождение из связанного состояния...

Тем временем луч поразил оставшиеся точки.

Их тотчас не стало. словно не бывало. В безмолвии над пустыней. Эльтор сделал громкий глоток воздуха и опустился на колени.

Произведен пуск ракет в квадранте 16, бесстрастно доложил Джаг.

На решетке возник новый рой красных точек.

Эльтор поднялся на ноги вместе со своим исполинским ружьем. Он двигался медленно, словно это виртуальное ружье было ему неподъем. Изображение Эльтора сначала дрогнуло, но потом вновь стало резким.

Неисправна система наводки, констатировал Джаг.

Нееееет! донесся голос Эльтора.

Переключаюсь в режим поддержки, произнес корабль.

Однако почти тотчас доложил:

Невозможен доступ к соответствующим модулям.

Я попробую сам, подумал Эльтор.

Он потянулся к серым ячейкам позади золотого куба, в котором мы с ним находились. Его рука становилась все длиннее и длиннее.

Рука вытянулась и стала настолько тонкой, что казалось, еще миг — и она оторвется от тела. Веревкой она повисла сквозь решетку, словно под действием груза, и из плеча началась перекачка данных. Изображение исказилось до неузнаваемости, а затем и вообще слилось с решеткой, оплыло, словно воск на свече. Зато по виртуальному кубу разносился крик Эльтора. И по мере того как меркло изображение, крик этот тоже становился тише.

Я осталась один на один с боеголовками.

Джаааааг!!!

Мой мысленный голос мячиком отскакивал от решетки.

Тотчас ко мне навстречу метнулась нить.

Слушаю.

Эльтор погиб?

Связь с командиром Селей прервана.

Господи, что он хочет этим сказать?

Связь с командиром Селей прервана.

И затем:

Мои интеллектуальные функции ослаблены. Я потерял возможность работы в автономном режиме. Введи команды.

Команды?

Увези нас отсюда, подумала я.

Навигационные системы неисправны на 94 %. Аварийные системы недоступны. Не имею возможности выполнить команду.

Тогда взорви бомбы.

Система наведения выведена из строя. Поврежден интерфейс координации действий навигационной и боевой систем. Аварийные системы недоступны. Не имею возможности выполнить команду.

Мне, конечно же, меньше всего хотелось отправить нас всех в мир иной.

Ты можешь сделать нас невидимыми?

Нет. Защитный экран неисправен.

Что с ним?

Коды, задающие его параметры, повреждены.

Покажите мне это так, чтобы я поняла.

Смотри.

И я посмотрела. Небо нависло прямо сквозь решетку.

Что это?

Репрезентация кода.

И тогда я увидела сбои. Они напоминали трещины, целый лабиринт трещин, пересекавший небо во всех направлениях, от чего оно казалось гигантской мозаикой.

Почини небо, мысленно приказала я.

Уточни понятие «починить».

Приготовь штукатурку.

Уточни понятие «штукатурка».

Ну, что-то вроде извести. Затем замажь ею трещины.

Экран представляет собой сочетание энергетических полей, проекций электромагнитных волн различной длины, модуляций физических характеристик корпуса и обманных маневров. В нем нет трещин.

Я указала на потрескавшееся небо у меня над головой.

Приготовь штукатурку и залепи трещины.

Уточни новый код.

Но я не знаю как. А ты?

Повреждения в моей сети привели к переносу информации в неверные адреса памяти и стерли основные связи.

Что ты имеешь в виду?

Что полученные мною повреждения серьезны и не позволяют мне переписать собственный код.

Я задумалась и еще глубже погрузилась в сознание Джага. И хотя я лишь смутно представляла себе, что происходит, в действительности мои способности помогали кораблю восстановить его мозг. В некотором смысле я помогала ему исцелиться, точно так же, как помогла Эльтору. Тогда же мне было ясно одно — Джаг нуждается в подсказках, как ему починить «небо», что позволило бы переписать поврежденный код.

Штукатурка должна быть густой и хорошо заполнять трещины, сказала я ему, но, с другой стороны, не слишком, чтобы не мешать действию «неба».

Джаг призадумался.

Я могу восстановить только часть кода, наконец произнес он. Вероятность успеха поднялась с 0.4 % до 11 %.

Нет, одиннадцати процентов явно недостаточно. Но рой ракет приближался с каждым мгновением. Осталось разве что...

Столкновение ожидается предположительно через 93 секунды, доложил Джаг.

Думай, приказала я себе.

Джаг, ну, пожалуйста, штурматурка должна быть эластичной, она не должна крошиться, когда небо изгибается. Но с другой стороны, она должна прочно держать небо и не давать ему развалиться. А еще она должна быть гладкой, чтобы не мешать работе... этой, как ее... решетки. Она также должна... да-да, что должна? По мере изменения неба она должна менять консистенцию.

Вероятность успешного завершения операции достигла 43 %, отпартовал Джаг.

Трещины на небе побелели, словно их и впрямь замазали алебастром. Ничего другого не произошло.

Столкновение ожидается предположительно через 22 секунды.

Первая из красных точек достигла решетки — той ячейки, где стоял Эльтор.

И?...

Ракета исчезла.

Что случилось? спросила я.

Волновая модуляция снизилась до 13 %.

Что это значит!

Нам не выдержать второго прямого попадания.

Прямого попадания?

Но ведь я ничего не увидела и не почувствовала.

Следующее столкновение ожидается предположительно через 11 секунд, доложил Джаг.

Я сильнее потянула канаты систем управления, подталкивая корабль к изменению курса. Я понятия не имела, в какую сторону мы уклонились. Зато мгновенно почувствовала перегрузку. Тело Эльтора отбросило мне на колени. Ракеты пролетели там, где всего считанные секунды назад находился Джаг.

Я не смогу долго выдерживать перегрузки, доложил Джаг и добавил: *С Европейского квадранта выпущены ракеты типа «воздух-воздух».*

На решетке возник очередной рой красных точек. Он двигался к нам со стороны Западной Европы.

Джаг, мысленно обратилась я к кораблю, возьми наждак и затри эти чертовы трещины, чтобы их не было видно.

Аварийный код восстановлен.

На нас черным бархатом опустилась тьма. Решетка сияла на ее фоне золотом, а навстречу нам мчалась целая стая ослепительных искр — ракет.

Защитный экран восстановлен, доложил Джаг.

Я снова дернула за навигационный канат, в очередной раз меняя курс корабля. Перегрузка тотчас дала о себе знать, но я решительно стиснула зубы.

Ракеты в состоянии нас обнаружить?

Да. По выхлопным газам.

Предупреждение: навигационная система неисправна. Предупреждение: в случае продолжения ускорения перегрузки нанесут моей структуре необратимые повреждения.

Выбери курс и избавься от выхлопных газов.

Изменение курса выполнено, отпартовал Джаг.

Сила, что только что вдавливала Эльтора мне между колен, исчезла, а навигационные канаты перестали рваться. Более того, их поврежденные участки прямо на глазах вновь становились целыми.

Сейчас нам ничего не грозит? мысленно поинтересовалась я.

Нет. Предполагаемая вероятность прямого попадания колеблется в пределах 8—27 %.

Это уже лучше, чем было.

Более точная оценка невозможна.

Я хочу посмотреть на Эльтора.

Командир Селей отключу...

Я хочу сказать, выпусти меня из решетки.

Выпускаю.

Постепенно передо мной снова — возник капитанский мостик. Ощущение было такое, будто весь мозг у меня в синяках. Эльтор тяжело навалился на панель управления. Я обернулась и увидела Дэниэла. Он сидел в одном из коконов. Джошуа и Хизер прижимались друг к другу во второй.

Я отвернулась и положила руки Эльтору на спину.

Джаг, он жив?

Он отключен.

Объясни, что это значит?

Его операционная система временно прекратила функционировать. Его мозг не реагирует на ввод информации.

Ты хочешь сказать, что у него не работает мозг?

Нет, внутримозговая деятельность не прекратилась. Но он без сознания.

Мы можем ему помочь?

Я могу перезагрузить его мозг.

Это ему не повредит?

Каждый раз, когда он перенапрягается, это наносит вред его мозгу. До завершения восстановительных работ его психобинтерфейс должен использоваться лишь для усиления его психосвязи с тобой.

Но почему только со мной?

Взаимодействие между вами не является синтетически созданным, пояснил Джаг. И может осуществляться без непосредственного участия его сети. Усиление этой связи не должно наносить дальнейший вред его системе. Но может способствовать восстановительным работам.

Почему?

Потому что ты целительница. Ты способна осуществлять обратную связь со своим телом и до известной степени посредством твоих центров Кайла делать то же самое у других.

Совсем как моя мать.

Так чем я могу ему помочь?

Я не располагаю достаточной информацией, чтобы дать количественную оценку твоему уровню Кайла.

Моего уровня?

Да, я не в состоянии дать числовой показатель.

А... Интересно, мозг Эльтора пострадал из-за того, что произошло в решетке?

Да, подтвердил Джаг.

И сильно?

Он не в состоянии функционировать. При правильных действиях он исцелится.

Предположим, ты его перезагрузишь, причинит ли это ему новый вред?

— Нет.

— Тогда перезагружай.

И вновь вокруг меня возникла решетка. А затем полностью исчезла. Ни сетки, ни Земли, ни неба, ничего. Одна чернота.

Эльтор застонал и пошевелился. В темной бездне моего сознания побежали какие-то иероглифы — белые по иссиня-черному фону. Джаг что-то промурлыкал на иотическом. Судя по всему, Эльтор использовал его по умолчанию. Решетка появилась вновь, а с ней и Земля. Данные заструились сквозь решетку в виде калейдоскопа символов вместо картинок, которые были мне куда понятнее. Затем прямо напротив моей ячейки возникло подрагивающее изображение Эльтора, на этот раз лицом ко мне.

С тобой все в порядке? спросила я.

Он заговорил на своем языке.

Перенастройка языкового модуля, подумал Джаг.

От неожиданности я заморгала. С кем же все же я беседую, с Эльтором или с кораблем?

Это одно и то же, ответил Эльтор.

Поскольку Джаг переводил, то по-английски он говорил безупречно, вернее, безупречно в том смысле, что это был тот немного странный английский, которым владел Джаг.

Как ты восстановила защитный экран?

Догадалась, мысленно ответила я, *но большую часть работы он сделал сам.*

Знаешь, Тина, это весьма мощная «догадка».

Изображение Эльтора подрагивало фиолетовым светом.

Мне, право, жаль, что тебе пришлось взять на себя это сражение.

А как ты?

Мне не хотелось думать о том, что это такое — сражаться против живых людей, а не против машин. Ощущал ли он их стремление убить его? Чувствовал ли он, как они умирают?

Да.

Изображение слегка померкло.

И как ты это выносишь?

Было время, когда мне ужасно хотелось стать пилотом Джагернаута, так что я физически ощущал это свое желание. Эльтор вздохнул. *Но вскоре я понял, что в этом нет ничего героического. Просто кто-то должен это делать.*

Я положила ему на грудь руки, и мое голубое свечение смешалось с его фиолетовым.

Я верю, что есть лучший способ защитить то, что мы любим, нежели убивать при этом других людей.

Что ж, может, однажды мы его и найдем, негромко ответил Эльтор.

После ракетной атаки все как-то притихли. На протяжении остального полета Хизер, Джошуа и Дэниэл молча парили у голоэкрана, наблюдая, как перед ними разворачивается космическая панорама. Пока Эльтор занимался восстановлением систем корабля, я взяла на себя решетку, чтобы он мог видеть ее посредством моего сознания. Земля продолжала наши поиски, но защитный экран пока что действовал безотказно.

Наконец Эльтор закончил свои труды и отложил инструменты.

— Ну, все починил? — поинтересовалась я. Эльтор покачал головой:

— Нет, мне надо еще кое-что сделать. Правда, сначала я предпочел бы переместиться подальше от Земли, в более безопасное место. Но прежде всего необходимо вернуть заложников.

Эльтор прикоснулся к экзоскелету вокруг моего тела, и тот открылся, выталкивая меня из кресла.

— Пока мы будем садиться, ты можешь посидеть в коконе. Но как только улетим отсюда, я оборудую для тебя кресло второго пилота.

Я встала с кресла. Дэниэл, Джошуа и Хизер парили в кабине, прислушиваясь к нашему разговору.

— Ты наспустишь? — спросил Джош Эльтора. Тот кивнул, и лица моих друзей засветились радостью.

После того как Эльтор в одностороннем порядке был вынужден изменить «условия» договора, у них были все основания не доверять ему.

— Ваши военные наверняка станут вас допрашивать, — добавил Эльтор. — Скажите им, что я угрожал убить вас в случае сопротивления. И что я взял Тину в заложники. Это должно вам помочь.

— Боюсь, у Джошуа это вряд ли получится, — заметил Дэниэл с натянутой улыбкой. — Врун из него никудышный.

Услышав такие слова в свой адрес, Джош бросил на друга испепеляющий взгляд, но спорить не стал. Все прекрасно знали, что это так.

— Это не ложь, — тихо возразил Эльтор, — если бы понадобилось, я бы убил любого из вас.

Нет, у него и в мыслях не было ничего подобного, но они ему поверили. А это самое главное. И если они поверили его словам, то, в свою очередь, любой, кто станет их допрашивать, поверит в сказанное ими.

Когда мы подлетели к Калтеху, солнце уже садилось. Собственно говоря, мы возникли там ниоткуда. Просто вынырнули из красноватого золота заката и зависли над библиотекой. Во время приземления поднялся ужасный ветер, и студенты с криками бросились врассыпную. Обжигающие выхлопы моментально испепелили траву, и вокруг корабля взметнулось гигантское облако пыли. Повсюду валялись брошенные в панике владельцами или вырванные у них из рук мощным ветром книги и тетради.

Как только мы сели, Эльтор выпрыгнул из кресла и подошел к воздушному шлюзу. Времени у нас было в обрез. Даже если нас еще не засекли, все равно истребители могли появиться здесь с минуты на минуту. Пока мы вылезали из коконов, Эльтор открыл шлюз, и внутрь корабля ворвался порыв горячего воздуха. Снаружи, в сотне ярдов от нас, уже собралась внушительных размеров толпа.

Джошуа повернулся ко мне, и мы обнялись, как старые добрые друзья.

— Тина, — произнес он прерывающимся голосом, — прощай. Я почувствовала, как у меня по щеке скатилась слеза.

— Мне будет тебя не хватать.

— Смотри береги себя.

Джош крепко сжал меня, затем резко отпустил и вслед за остальными шагнул к шлюзу.

— Спасибо вам всем, — негромко произнес Эльтор. — Вы спасли мне жизнь.

— Счастливого вам пути, — сказал Дэниэл и добавил: — Обоим.

Хизер и Джошуа кивнули в знак согласия. Затем все трое спрыгнули на землю и бегом бросились прочь.

Мы же снова взмыли в небо. Я наблюдала за ними на голоэкрane. Они смотрели на нас, окруженные толпой любопытных. Постепенно их обращенные в нашу сторону лица слились с наступающими сумерками.

Глава 10 ИНТЕРЛЮДИЯ

Где-то чуть выше нас проплыл Сатурн — золотистый гигант в обрамлении своих знаменитых колец. Их у него было не менее сотни. Мне они показались бронзовыми дорожками гигантской граммофонной пластинки. Эльтор лег на орбиту вокруг одного из спутников Сатурна — Реи. Я подплыла к голоэкрану, чтобы лучше рассмотреть небесный гигант. При этом я машинально принялась вращать на руке свой браслет, и мне вспомнилась мать.

— Ну все, — произнес Эльтор.

В воздухе парили его руки и ноги, а сам он был спрятан за переборкой.

— Нашел наконец, что не так? — спросила я.

— Двигатели, — ответил он и полностью приплыл в кабину, где завис под углом ко мне. — Повреждены оба инверсионных двигателя и защитный экран.

— Ты можешь сам их починить?

— Попробую. — Эльтор улыбнулся, глядя, как я кручу на руке браслет. — Нет более изящного украшения, чем кусок выхлопной трубы.

— Я всегда мечтала передать его по наследству собственной дочери, — робко возразила я.

Эльтор понял все, что осталось недосказанным.

— А я, Тина, уже давно мечтаю о том, как бы мне стать отцом. Но пока не хочу давать никаких обещаний. Верно, у нас с тобой много общего. Но кто знает, вдруг этого окажется

недостаточно?

— Но все-таки можно надеяться?

— Думаю, что можно. Надо будет поговорить с врачами. С этими словами Эльтор прикоснулся к квадратику на переборке, и панель открылась. В нише оказались два скафандра.

— Ты собираешься в открытый космос? — удивилась я.

— У Джага повреждены функции самовосстановления. Придется кое-что чинить вручную.

Эльтор сбросил с себя одежду и повесил ее в нишу. При виде его наготы я покраснела, но он только улыбнулся. Затем он облачился в скафандр, который тотчас принял очертания его тела. Надо сказать, что скафандр этот мало чем походил на космический костюм двадцатого века.

Собственно говоря, это был не скафандр, а вторая кожа. Уж если проводить сравнение дальше, то громоздкий и тяжелый костюм астронавта моего столетия был как телега с лошадью рядом с гоночным автомобилем. В двадцатом веке космический костюм был многослойным, начиная с внутренней нейлоновой подкладки, за которой шел промежуточный слой, удалявший излишки тепла и газы при помощи циркулирующей по тонким трубкам воды. Затем шел слой для поддержания постоянного давления, неопреновый слой для защиты от микрометеоритов, алюминиевый изоляционный и внешний защитный. Шлем же скорее напоминал аквариум. А чего стоили перчатки с силиконовыми пальцами, чтобы можно было при необходимости работать инструментами. Они крепились к скафандру при помощи металлических колец на шарикоподшипниках, что обеспечивало подвижность кисти. На спине у космонавта находилось нечто вроде огромного рюкзака, только это был не рюкзак, а небольшой реактивный двигатель, который позволял маневрировать в открытом космосе. А еще скафандр был снабжен телекамерой, канатами, солнечными батареями, компьютером, микрофоном и ботинками. Даже без заплечного рюкзака весил этот монстр сто тринадцать килограммов!

Костюм Эльтора сидел на нем как влитой. Модули питания были встроены в пояс. Капюшон плотно облегал голову. Лицо закрывал слой прозрачного пластика. Нанороботы пронизывали «кожу», придавая ей прочность и эластичность: множественные связи служили роботам руками, химические группы выполняли роль переключателей, круглые молекулы — подшипников и так далее. Плотная сетка фуллереновых волокон выполняла роль мышц, гораздо более прочных и сильных, чем настоящие. Нанороботы поглощали энергию, выделяемую при их сокращении, и затем использовали ее для растягивания кожи. А пикочипы роботов образовывали сеть, своего рода кожную мыслительную систему. Тонкая пленка на внешней поверхности выполняла роль солнечной батареи и, кроме того, передавала в пикосеть информацию о давлении. К пальцам Эльтора тотчас устремлялись нанороботы. В результате у него возникало ощущение, будто он прикасается к предметам без какого-либо промежуточного защитного слоя. Та же самая пикосеть отвечала за рециркуляцию отходов жизнедеятельности и при необходимости посылала нанороботов на восстановительные работы.

— Скоро вернусь, — произнес Эльтор через стекло.

Взяв с собой диагностическое оборудование, он шагнул к воздушному шлюзу. Внутренняя дверь раскрылась, оставив после себя лишь легкое разноцветное свечение, словно в образовавшемся отверстии повис мыльный пузырь. Затем внутренняя дверь закрылась, зато начала открываться внешняя. Почему-то мне показалось, будто синхронизация нарушена: внешняя дверь начала открываться еще до того, как полностью захлопнулась внутренняя. Правда, я не почувствовала никакого изменения давления.

Когда Эльтор уже был снаружи, я громко позвала Джага.

Слушаю.

Опять-таки я почему-то ожидала, что он заговорит вслух.

Как тебе удалось так быстро установить со мною мысленный контакт?

Распределение квантовой вероятности твоего мозга в настоящий момент maximизировано в тех же пространственных границах, что и мои процессоры. В результате имеет место значительное наложение функций.

Я попробовала мысленно среагировать на его «объяснение».

Что это значит?

Наше влияние друг на друга увеличивается по мере пространственного приближения. В настоящий момент ты находишься внутри меня.

Тогда почему Эльтору необходимо подключаться к тебе? удивилась я.

Его система дает возможность более обширного взаимодействия, чем это может быть достигнуто без наличия физической или электромагнитной связи.

Ему там, снаружи, ничего не грозит? Ничего. Смотри.

На экране возникло голографическое изображение Эльтора — он медленно двигался вдоль корпуса корабля. Стоило ему поменять направление движения, и его костюм начинал мерцать и искриться.

Искры представляют собой отображение реактивных струй, производимых костюмом, пояснил Джаг. Костюм подсоединен к разъемам на его теле. Эльтор направляет его посредством мысли. Я вспомнила, что мне сказал Джаг об использовании Эльтором биомеханической сети. А это не опасно?

Это может усугубить повреждения в его нервной системе. Мануальный и аудиоконтроль были выведены из строя специалистами Йейгеровской базы. Нервные связи работают только потому, что на базе не подозревали об их существовании.

В золотом сиянии Сатурна Эльтор прикрепил свои инструменты к кораблю и принялся за работу. Сосредоточившись, я уловила мысленные переговоры Джага с его костюмом. Впечатление было такое, будто для корабля пилот — это какое-то особо ценное и дорогостоящее оборудование. *Верно, подумал Джаг, он принадлежит мне. Кому? Джагу?* Я даже не знала, как к этому отнестись. Интересно, а не видит ли корабль во мне соперника?

Слово «соперник» в этом контексте лишено смысла, отвечал корабль. У него есть потребность в тебе. В твоих интересах обращаться с ним так, как у людей принято обращаться с теми, с кем у них установлена взаимная приязнь в целях продолжения рода.

Не волнуйся. Буду.

Хорошо. Мы понимаем друг друга.

Время, проведенное Эльтором в открытом космосе, показалось мне вечностью. Наконец он вернулся. Я проплыла через кабину, чтобы обнять его, и мы с ним закружились на месте. Эльтор обхватил меня за талию. Смеясь, он стащил с себя капюшон и отбросил на спину.

— А что смешного? — спросила я.

Эльтор ухватился за поручень, и мы прекратили вращаться.

— Интересно, станет ли это моей обычной реакцией всякий раз после того, как я поработаю в открытом космосе?

Я прижалась к его груди.

— Ты больше туда не выходи.

— Если я все правильно сделал, то мне больше не понадобится.

Эльтор переоделся, после чего сел в командирское кресло, чтобы проверить, все ли в порядке. Я осталась плавать поблизости.

Джаг, ты не мог бы оборудовать кресло второго пилота!

Могу.

Из пола капитанского мостика выросло второе кресло и встало рядом с креслом Эльтора. Переборка при этом слегка отъехала в сторону, уступая место. Экзоскелет уже лежал открытым, подобно раскинувшей крылья бабочке. Не успела я опуститься в кресло, как он обернулся вокруг меня, принимая очертания тела и давая мне полную свободу движений.

— Ты случайно не знаешь, какая у Хизер фамилия? — спросил Эльтор.

— Вроде бы Макдейн.

На плоской полке напротив Эльтора возник голографический экранчик размером не больше двенадцати дюймов. На нем была изображена женщина лет пятидесяти. Ее волосы уже кое-где тронула седина. По низу экрана бежала полоска иероглифов.

— Читаю, — произнес Эльтор. — Хизер Роуз Макдейн Джеймс. Лауреат Нобелевской премии в области физики за 2027 год. Разработала так называемые Джеймсовы реформулировки теории относительности, что позднее сделало возможным создание инверсионного двигателя.

— Эй, — воскликнула я, — так ведь это Хизер!

— Ввожу полный текст статьи.

На экране появились изображения: худощавый мужчина с до боли знакомыми чертами лица и три девочки, от четырех до двенадцати лет. Джаг прокрутил информацию, касающуюся даты рождения Хизер, образования и работы. После чего пояснил: муж — Джошуа Джеймс. Дети — Кэтлин Макдейн Джеймс, Тина Пуливок Джеймс, Сара Роуз Джеймс.

Я даже ахнула от изумления и поспешила прикрыть рот рукой.

— Хорошее имя они дали дочери! — улыбнулся Эльтор. Он сосредоточенно наклонился вперед, и мне показалось, будто он хочет поднять еще один экран. Но по его лицу пробежало лукавое выражение, словно вылетел из бутылки джинн.

— В чем дело? — не выдержала я.

— Что ты сказала? — посмотрел он на меня. — Да так, ничего. Просто нам надо отправляться в путь.

Ах вот оно что. Раз надо — значит надо.

Мы отлетели от Сатурна. Эльтор включил голоэкранный, и я с любопытством наблюдала за нашим перемещением в пространстве. Правда, мы не могли видеть свой корабль, поэтому Джаг создал изображение, основанное на данных о самом себе. Надо сказать, оно получилось таким убедительным, что я не почувствовала особой разницы.

Затем я обратила внимание на одну весьма странную вещь. Очертания Джага почему-то сделались не такими обтекаемыми, как раньше.

— Какие-то мы сплюснутые.

Эльтор сосредоточился на панели управления и поэтому ответил на родном языке. Но Джаг перевел для меня:

Так удобнее для инверсии.

Мне хотелось расспросить его поподробнее, но, с другой стороны, я не хотела отвлекать его в такие важные минуты.

— Можешь спрашивать, — отозвался Эльтор. — Сейчас происходит обмен информацией.

Нет, я, конечно, чувствовала, как его мозг ведет интенсивный диалог с различными узлами в сети Джага, но тогда мне еще было неизвестно, что и я сама превратилась в такой узел, и он подключался ко мне, когда иссякали его собственные пси-берресурсы. Эльтор объяснил мне, что, если бы кто-то мог наблюдать наш полет на скорости, приближенной к световой, им бы казалось, что по мере приближения к скорости света Джаг словно становился короче. После инверсии он снова вытянется, а при движении со скоростью в 1,41 световой его длина станет для внешних наблюдателей такой же, как и в состоянии покоя. При скорости, превосходящей 1,41 световой, его длина вновь возрастет.

— Во время прыжка, — объяснил Эльтор, — она, возможно, достигнет нескольких тысяч километров.

— Ого, — я даже присвистнула, — ты хочешь сказать, что я увижу Эльтора длиною в тысячи километров?

В ответ Эльтор лишь улыбнулся. За него ответил Джаг:

— По отношению ко мне ты находишься в состоянии покоя. Поэтому ты не заметишь никаких изменений. Я для того и меняю свою форму, чтобы минимизировать искажения,

возникающие в других референциальных рамках.

Интересно, удивилась я, с какой стати Джаг заговорил вместо того, чтобы воспользоваться психосвязью. Теперь мне известно, что до полного выздоровления Эльтор не мог участвовать в наших с Джагом мысленных беседах. Но тогда мне и в голову не могло прийти, что компьютер запрограммирован — кем-то или самим собой — принимать во внимание чувства и настроения своего основного владельца.

Я показала на голоэкран.

— Такое впечатление, будто созвездия сдвинулись с места.

— Это мы увеличили скорость, — пояснил Эльтор.

— Сорок две секунды назад, — добавил Джаг, — наше ускорение на период в тридцать секунд в сто раз превысило силу тяжести. В данный момент мы перемещаемся в пространстве со скоростью, составляющей 10 % от скорости света.

— Брось шутить, — рассмеялась я.

— Почему я должен шутить? — удивился Джаг.

— Но разве перегрузки не раздавили бы нас?

— Мы перешли в режим квазисостояния.

— Во что?

Джаг пустился в пространные объяснения, что корабль и все, что в нем находится, можно представить в виде скопления элементарных частиц, описанных с точки зрения их квантовых состояний, или волновой функции. Даже если одна-единственная частица изменит свои характеристики — положение в пространстве, момент движения, спин, и так далее, — это значит, что она изменила свое состояние. Режим квазисостояния предотвращает любые из таких изменений. Нет, Джаг не застыл на месте, и в тот самый момент, когда начал действовать этот режим, все элементарные частицы, его составляющие, продолжали вибрировать, вращаться вокруг своей оси и вообще двигаться каким-либо иным способом. Но они не могли осуществить переход. Теоретически в этом режиме система становится бесконечно жесткой на макроскопическом уровне. На практике же процесс никогда не достигает ста процентов. Мощные или быстродействующие силы способны его ослабить.

Мы потому и избежали обширных повреждений во время столкновения с ракетой, потому что Джаг перевел нас в режим квазисостояния. Ракета способна в таких случаях пройти сквозь объект в буквальном смысле, не причинив ему никакого вреда. И все потому, что она преодолевает сложное пространство. Правда, может случиться и такое, что ракета взорвется, и тогда момент ее движения переходит в электромагнитную энергию, сложное пространство или же свои собственные осколки, которые могут либо пройти сквозь объект в режиме квазисостояния, либо не пройти. Иными словами, режим этот имеет свои слабые места. Например, элементарные частицы объекта могут поглотить момент, что приведет к повреждениям.

Эльтор указал на красную звезду на голоэкрane. Вокруг нее возникло золотистое свечение. Это значит, что звезда «прыгнула». Собственно говоря, все звезды поменяли свое местоположение, как бы сдвинувшись к точке точно впереди корабля. Звезда, на которую указал Эльтор, сменила цвет с красного на зеленый.

Эльтор посмотрел на меня.

— Мы только что вышли из квазирежима. Сейчас мы перемещаемся в пространстве со скоростью в 40 % световой.

— Но я ничего не почувствовала.

— В этом состоянии наши нейроны не способны к изменениям на молекулярном уровне. Поэтому, пока мы пребывали в режиме квазисостояния, ты была не в состоянии даже подумать о чем-либо.

Звезды совершили еще один прыжок, и снова по направлению к точке впереди нас. Выделенная Эльтором звезда теперь светила синим-багровым светом. Она стала какой-то темной, почти невидимой. Дисплей показывал 60 % от скорости света.

— На сколько мы должны приблизиться к скорости света, чтобы произвести

инверсию? — поинтересовалась я.

— Это своего рода баланс, — начал Эльтор. — Когда попадаешь в сложное пространство, это все равно что поехать в объезд бесконечно высокого дерева. Причем для этого надо съехать с дороги и углубиться в незнакомый дремучий лес. Чем меньше времени мы проведем в лесу, тем лучше. Желательно, прежде чем съехать с дороги, подъехать к дереву как можно ближе. Иными словами, нам нужно максимально приблизиться к скорости света. Но лишь приблизиться, иначе наша увеличившаяся масса начнет потреблять слишком много топлива. Это все равно как если бы мы пытались въехать вверх по стволу. Вот почему нам надо вовремя остановиться.

Звезды совершили очередной прыжок. Указанная Эльтором звезда теперь была вообще невидна — ее цвет сдвинулся за пределы оптического диапазона.

И тогда Джаг вывернулся наизнанку.

По крайней мере у меня возникло такое чувство. Нет, мы по-прежнему оставались внутри корабля, потому что вместе с нами наизнанку вывернулась и все вселенная. На голоэкране звезды прыгнули снова, но теперь уже прочь друг от друга, и вернули себе свой первоначальный цвет. Сначала я не смогла узнать ни одного созвездия. Лишь через несколько мгновений мне стало понятно, что они там же, где и были, только перевернуты.

— Эй, — воскликнула я. — Теперь мне понятно, почему вы называете это инверсией! Из-за звезд!

— Термин этот берет свое начало в так называемом конформальном картографировании, — пояснил Джаг. — Последнее было предложено в середине двадцатого столетия исследователями Миньяни и Реками для обобщенных трансформаций Лоренца в четырехмерном пространстве.

— Да, это действительно означает инверсию, — подтвердил Эльтор.

— И с какой скоростью мы летим? — спросила я.

— Всего в сто тысяч раз превышающей скорость света, — ответил Эльтор.

Всего лишь?

— Знаешь, для меня жуть как быстро.

— Стоит превысить скорость света, как верхнего порога уже не существует, — пояснил Эльтор. — Есть только нижний — она сама.

— А мы действительно можем попасть в прошлое? На этот вопрос ответил Джаг:

— Согласно Джеймсовой теории, невозможно достичь точки назначения, предварительно не покинув исходную точку. Однако во время инверсии можно путешествовать как в прошлое, так и в будущее. Теоретически я могу оптимизировать нашу траекторию так, чтобы в пространстве, где действуют скорости ниже световой, время остановилось, при условии, конечно, что некоторое время прошло, причем с одинаковой скоростью, как в исходной точке, так и в точке назначения. Однако я не могу избежать погрешностей, которые, накапливаясь, приведут к тому, что в действительности пройдет десять часов и пятьдесят минут.

Мне показалось, что Джаг слегка раздражен тем, что не способен привести реальное положение вещей в гармонию с теорией.

— И куда мы держим путь? — спросила я.

— На эпсилон Эридана, — ответил Эльтор.

— Ты там живешь?

Эльтор отрицательно покачал головой.

— Нет, до него лишь примерно одиннадцать световых лет пути от Земли, то есть фактически всего один прыжок. Это все, что я могу позволить себе при поврежденных двигателях. Там у Союза Миров Земли опорная база. — Эльтор на минуту задумался. — Должен Заранее предупредить тебя. Мы вполне можем оказаться во вселенной, чужой как для тебя, так и для меня. Или же при попытке обратной инверсии наш корабль может взорваться.

Я кивнула, понимая всю безвыходность нашего положения. Мы сбросили скорость, и

созвездия снова сгрудились вокруг одной точки. Затем вселенная вновь вывернулась, но на сей раз обратно, и мы полетели на скорости ниже световой. У меня вырвался вздох облегчения — звезды не только вернули себе нормальные цвета, но и заняли на небе прежнее положение. Впереди нас висело оранжевое светило. На голоэкране оно казалось чуть более тусклым, чем на самом деле.

— Имперский Джаг! — чуть потрескивая, донесся голос. — Говорит станция «Эпсилани». Просим вас представить опознавательные знаки.

Я моментально почувствовала, как у Эльтора словно гора с плеч свалилась. Значит, он действительно не на шутку опасался, что мы никогда не попадем в его вселенную. Он даже не сразу нашелся с ответом, а просто сидел, вцепившись руками в панель перед собой.

— Имперский Джаг, отвечайте! — повторил голос. — С вами говорит гражданская станция. Повторяю, это гражданская станция. Пожалуйста, назовите цель вашего прилета.

Эльтор набрал полную грудь воздуха.

— «Эпсилани», с вами говорит командир Селей, пилот-Джагернаут шестнадцатой эскадры ИКС. Мой корабль поврежден, и я прошу вашего разрешения произвести посадку.

— Командир Селей, у нас имеются необходимые для этого условия. Вам требуется место для проживания?

— Да, проживания и ремонта.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — произнес голос. — Хотя это всего лишь научно-исследовательская станция. Мы никогда еще не принимали у себя Джагернаут.

— Понимаю.

— Вам нужно что-то еще? Эльтор потрогал раненое плечо.

— Врач.

— Врач встретит вас тотчас по завершении стыковки.

— И еще одна вещь.

— Слушаем вас.

Эльтор посмотрел на меня.

— Может кто-нибудь из вас совершить церемонию бракосочетания?

В ответ послышалась тишина.

— Не могли бы вы повторить вопрос? — наконец произнес все тот же голос. — Мы не уверены, что правильно вас поняли.

— Я сказал «бракосочетание». Кто-нибудь из вас может совершить церемонию?

— Да-да, конечно же. Уверен, мы что-нибудь придумаем.

— Отлично, — ответил Эльтор, наблюдая, как на приборной доске вспыхивают и гаснут огни. — «Эпсилани», принимаю ваш сигнал. Идем на стыковку.

Часть II Вселенная II

Глава 11 ЭПСИЛАНИ

На голографическом экране стремительно увеличивалась в размерах планета Афина — газовый гигант, опоясанный голубыми и красными полосами. У Афины было не менее семи лун, а также кольца цвета ириски-тянучки и черничного мороженого. С той стороны, с которой мы подлетали к Афине, космическая станция «Эпсилон Эридаана», или для краткости — «Эпсилани», — смотрелась крошечной полоской станиоля, повисшей над огромным шаром Афины.

По мере того как мы приближались к планете, эта лента постепенно превращалась в колесо. Его малый размер поначалу разочаровал меня — я надеялась увидеть нечто более грандиозное и впечатляющее.

Над станцией парит ослепительно белый, даже скорее серебристый — совсем как зеркало — диск. Он отбрасывал солнечный свет прямо на ее поверхность, где бесчисленные зеркала поглощали лучи, ярко светясь в чернильной темноте бескрайнего космоса. Колесо вращалось с величавой медлительностью, от которой веяло безмятежностью и покоем. Состояло оно из втулки и шести спиц. Из втулки вниз уходил массивный «стебель», от которого, словно из чашелистика цветка, росли лепестки. Колесо стремительно продолжало увеличиваться в размерах, и вскоре «стебель» уже являл собой цепочку плотно прижатых друг к другу сфер, напоминавших исполинские бусины или сросшиеся маковые головки с маленьким бутончиком на конце. Со стороны космическая станция напоминала гигантское вращающееся соцветие.

— Она великолепна, — произнесла я. — А что это там у нее внизу?

— Эта решетка служит в качестве отражателя, — ответил Эльтор. — Она отбрасывает в пространство излишки тепла. Втулка колеса — это то самое место, где мы осуществим стыковку. Сферические сооружения — те, что размером поменьше, — скорее всего производственные отсеки. — Эльтор указал рукой на обод колеса. — А в так называемом цветоложе — если уж сравнивать станцию с цветком — жилой отсек, где обитает персонал станции.

Колесо продолжало неумолимо увеличиваться в размерах и вскоре заполнило собой весь экран. Возле «втулки» мелькнуло какое-то крошечное пятнышко и направилось прямо на нас. До меня дошло, что это космический корабль. Мое восприятие станции изменилось — как будто я столкнулась с оптической иллюзией, своего рода обманом зрения. Только расстояние делало станцию маленькой — на самом же деле колесо имело около мили в диаметре.

Эльтор указал на приближающийся корабль.

— Это беспилотный шаттл «Фарадей». Он переправит нас внутрь плазменного ядра.

— Какого ядра?

— Плазменного. Ядро — источник электронов мощностью около тысячи кулонов. Он поддерживает в жилом отсеке потенциал напряжения до пятнадцати миллиардов вольт. В основе конструкции — типичный образец космической станции НАСА. — Эльтор указал в направлении звезды, эпсилона Эридана. — Плазменный экран защищает станцию от космического излучения и флюктуации звезды. Плазма отталкивает частицы и поддерживает радиацию на нормальном, безопасном для здоровья людей уровне.

Шаттл стремительно приближался к нам и скоро заслонил на экране даже саму космическую станцию. Когда наши скорости сровнялись, ближний к нам край шаттла раскрылся, как цветочный бутон.

— О Боже! — ойкнула я. — Сейчас он нас проглотит!

На голографической карте появилось изображение внутренней части «Фарадея» — металлическая полость, подобная чреву огромного кита с гигантскими подпорками. Не зная, что шаттл движется, то наверняка подумала бы, что мы остановились.

Джаг установил со станцией канал связи. Эльтор ответил — что-то относительно приема информации. На голоэкране показалось изображение шаттла на подлете к «Эпсилани». Скорее всего это была запись, сделанная аппаратурой космической станции. Шаттл снова закрылся, став похожим на нераспустившийся цветочный бутон.

— А вон электронная пушка, — снова пустился в объяснения Эльтор, обращая мое внимание на похожий на перо стебель, ответвлявшийся от бутона. — Она бомбардирует плазменный колодец электронами, с тем чтобы уравновесить потенциал между нами и космической станцией.

Внезапно бутон раскрылся. Установив связь с Джагом, я уловила переданное со станции послание — что-то о необходимости компенсации «ветра», вызванного отталкиванием позитивных зарядов на шаттле и станции. Джаг настроился на волну моих мыслей и принялся перекачивать информацию более «наглядно». Я мысленно «увидела» послание станции — радужное насекомое, летящее по всему внутреннему пространству

решетки. Затем там зажужжал рой мух цвета бутылочного стекла — это Джаг представил информацию о перепадах плотности плазмы. Я сосредоточилась, и моему мысленному зору предстали новые картинки. Блоки информации стремительно летели в направлении решетки и обратно, то сжимаясь в клетки, то с жужжанием выстраиваясь в новые ряды.

Теперь мы находились уже практически рядом с «втулкой» гигантского космического колеса. Шаттл раскрыл лепестки и лег во «втулку» подобно фрагменту гигантской цветочной мозаики. Незнакомый голос объявил:

— Стыковка завершена, командир! Мы готовы.

— Вас понял, — откликнулся Эльтор. Отключившись от линии связи, он повернулся ко мне. — Прежде чем двигаться дальше, давай кое о чем с тобой условимся.

Выражение его лица вызвало у меня тревогу.

— О чем именно?

— Я не вполне уверен, в какой ситуации мы можем с тобой оказаться. Мой корабль получил серьезные повреждения еще на подлете к Земле, причем из-за не совсем понятных мне причин. — Эльтор нервно провел рукой по волосам. — Я не знаю ни этой космической станции, ни ее обитателей. И в данный момент предпочел бы, чтобы никто не узнал, кто я такой. Короче говоря, мне не хотелось бы афишировать тот факт, что мои родители — члены Имперской Ассамблеи.

— Чего же ты хочешь от меня? Эльтор взял меня за руку.

— Постарайся не слишком распространяться о себе. Просто делай то, что и я.

— Хорошо, — сказала я и сжала его руку.

Мы покинули корабль и перебрались из воздушного шлюза в какое-то помещение круглой формы. За исключением вмонтированной в переборку консоли и крышки люка оно было практически пустым. Стены помещения излучали тепло и свет.

— Обнаружено бактериальное загрязнение, — лаконично сообщил чей-то приятный голос. — Просим вашего разрешения на дезинфекцию.

— Не возражаем.

Я удивленно посмотрела на моего спутника:

— Дезинфекция?

— На теле у каждого человека имеются бактерии и всевозможные микроорганизмы, — пояснил Эльтор. — Дезинфекционная служба, видимо, считает, что наши с тобой бактерии могут представлять опасность для экосистемы «Эпсилани».

— Неужели они хотят, чтобы мы поскребли себя мочалкой под душем? — улыбнулась я, представив нас с ним в душевой кабине.

— К сожалению, нет, — ответил мне с улыбкой Эльтор. — Нас просто обработают очередным чудом современной медицинской нанотехники.

— Как у тебя в крови?

— Да, что-то вроде этого. С той разницей, что эти молекулы уничтожают бактерии.

— Дезинфекция закончена, — сообщил все тот же незримый голос. — Добро пожаловать на «Эпсилани».

Напротив нас открылся люк, и в помещение вплыли шесть человек. Мужчина в центре этой группы был примерно такого же роста и сложения, что и Эльтор, правда, чуть шире в талии и с седеющими висками. Его отличала какая-то представительность. Рядом с ним парил в невесомости второй, высокий и весь какой-то угловатый, с иссиня-черными волосами. Их сопровождали четверо охранников — двое мужчин и две женщины, явно из здешней службы безопасности. Все они были высокого роста, и каждый вооружен длинной трубкой с черной рукояткой. Позднее я узнала, что оружие это стреляет усыпляющим веществом. Судя по движениям первого и, видимо, главного из встречавших, невесомость была для него не в новинку.

— Добро пожаловать, командир Селей! — произнес он. Голос его звучал странно, вроде бы как с британским акцентом, хотя такого произношения мне еще не доводилось слышать. — Меня зовут Макс Стоунхедж, я директор космической станции «Эпсилани». А

это, — он указал на своего черноволосого спутника, — Боб Кабату, профессиональный психолог, специалист в области сколийской психологии.

Эльтор приветственно кивнул им обоим, и лицо Кабату озарилось улыбкой.

— Здравствуйте, командир!

У него также чувствовался незнакомый мне акцент. Как впоследствии выяснилось, с таким акцентом говорили в одной из африканских стран, которой в 1987 году еще не существовало. Улыбка, однако, покинула его лицо, стоило ему заметить пропитанную кровью повязку на плече Эльтора и синяки на руках.

Затем Стоунхедж удостоил взглядом и меня.

— Может, вы представите нас вашей...

— Невесте, — торопливо подсказал ему Эльтор.

— Ах. Да, — улыбнулся мне директор космической станции. — Рад приветствовать вас, мисс?...

— Пулинок, — представилась я.

В следующее мгновение в разговор поспешил вступить Кабату:

— Командир Селей, если не ошибаюсь, ваше плечо кровоточит. Смеею предположить, что рана доставляет вам чертовскую боль.

— М-да, — Эльтор явно не знал, что сказать, — немного побаливает.

— Может, стоит прямо сейчас отправиться в медицинский пункт? — спросил Кабату. — Формальные приветствия мы можем и отложить на более подходящее время.

— Хорошо, — с трудом проговорил Эльтор.

В сопровождении сотрудников службы безопасности мы в невесомости проплыли весь отсек. Через люк проникли в просторное помещение сферической формы — как выяснилось, внутреннюю часть «втулки», — и нашему взору предстала презабавнейшая картина. Такое впечатление, что мы попали в гимнастический зал. Находившиеся здесь люди занимались акробатикой. Они парили в воздухе, смеясь, крича, совершая какие-то немыслимые кульбиты и пируэты. В условиях нормальной гравитации подобные экзерсисы неизбежно привели бы к самым серьезным травмам и переломам конечностей. Некоторые из гимнастов шумно приветствовали Стоунхеджа, и тот помахал им рукой. Проплыв еще в один люк, мы оказались в коридоре, кольцом окружавшем втулку. Стена на другой стороне коридора скользнула в сторону. Мы поплыли вместе с ней, обгоняя скорость вращения, пока не достигли движущейся стены с несколькими дверями.

Стоунхедж нажал на несколько разноцветных треугольничков возле дверей. Двери распахнулись, и мы вплыли в лифт. Он оказался, вопреки моим ожиданиям, очень даже уютным. Пол устилал мягкий пушистый ковер. Стены украшали декоративные панели из похожего на медь металла, а прямо под белым потолком, из которого струился неяркий рассеянный свет, проходил изысканный фриз с орнаментом из попугаев и миниатюрных деревьев-бонсай. Лифт пришел в движение, и нас слегка подбросило вверх. Однако через несколько секунд мы поплыли не вверх, а в сторону. Понемногу наш вес начал увеличиваться, и вскоре мы уже стояли на собственных ногах. Казалось, будто мы движемся куда-то вниз, хотя на самом деле перемещались совсем в другом направлении — вдоль «обода» колеса станции. Нас слегка прижимало в сторону, и поэтому приходилось прилагать усилия, чтобы держаться прямо.

Стоунхедж принялся рассказывать нам о станции — исследовательском центре, созданном для изучения системы звезды эпсилон Эрида.

Эпсилон Эрида — звезда класса «К», более оранжевая, чем земное Солнце, однако в три раза уступает ему в яркости. Масса его составляет всего три четверти солнечной, а диаметр на десять процентов меньше диаметра Солнца. Сама станция явилась плодом совместных усилий Европы, Японии, нескольких африканских стран, а также Соединенных Штатов. Соединенных, а не Федеративных. На станции проживало около трех тысяч человек. Подавляющее большинство обитателей составляли взрослые, однако стремительно увеличивалось и число детей. Тем не менее до предполагаемой цифры в десять тысяч было

еще далеко.

Я привыкла к акценту Стоунхеджа и понимала его уже гораздо лучше. Хотя он и употреблял незнакомые мне слова, его английский мало чем отличался от того, на котором говорила я. А вот мой английский вряд ли был похож на тот, на котором за триста лет до меня разговаривали англичане моей Земли. Среди людей Объединенных Миров английский давно стал языком науки, продолжив тенденцию, зародившуюся еще в двадцатом столетии. Переселившись на другие звезды, человечество стандартизировало его в надежде на то, что английский станет главным средством общения многочисленных народов, обитающих на расстоянии многих световых лет друг от друга.

Рассказ директора космической станции был явно хорошо отрепетирован и опробован не на одном десятке слушателей. Не вызывало никаких сомнений и то, что он получает немалое удовольствие от очередного его воспроизведения. Любовь к космической станции — любимому детищу и предмету гордости — сквозила в каждом предложении. Он попытался было, правда, без особого успеха, вызвать на разговор и Эльтора. Тот оживился, лишь когда Стоунхедж принялся излагать технические характеристики станции. Правда, в отличие от разговоров Эльтора с Хизер, когда они с ней обсуждали проблемы теоретических основ физики, на сей раз ситуация приняла совершенно иной оборот. Тогда Эльтор казался вполне хорошо информированным, хотя, оторванный от своего обычного окружения, чувствовал себя не в своей тарелке. Что же касалось практики, то здесь он был в своей стихии. Ведь Эльтор — типичный технарь. Ему ужасно нравится браться за выполнение конкретных проблем, самостоятельно их решать.

«Эпсилани» была сооружена из титана, добываемого на одной из лун Афины. Огромные участки станции построили при посредстве металло-паровых молекулярных лучей — атомами металла обрызгивались, или, точнее сказать, напылялись огромные баллоны. Пар был «населен» молекулярными роботами. Каждый такой робот имел в своей основе углеродную молекулярную цепочку и сферический радикал с пико-чипом внутри. Роботы служили также в качестве основания химической реакции, которая вплетала в титан трубы. После того как роботы заканчивали строительство, они оставались в композитных материалах, образуя пико-сеть, совпадавшую размерами с самой станцией, которая автоматически устраняла возможные неполадки. Когда в корпус станции ударялась пылинка или крошечный метеорит, сеть немедленно посылала нанороботов на устранение повреждений.

Стоунхедж поведал нам о том, что диаметр колеса станции составляет примерно два километра, а вращается она со скоростью один оборот в минуту. Человеческий организм в принципе нормально функционирует и при большей скорости вращения, однако некоторым обитателям станции силы Кориолиса — причиняют неудобства вроде тошноты и дезориентации в пространстве. Эти же силы были причиной того, что в лифте нас — постоянно относил в сторону. В спицах колеса размещались всевозможные кабели и теплообменные устройства, соединявшие жилую зону станции с внешними источниками энергии и отражателем.

Вскоре я почувствовала привычную, почти земную силу тяжести. Лифт остановился. Мы достигли так называемого цветоложа, жилой зоны космической станции. Двери распахнулись, и мы оказались в настоящей сказке, истинной стране чудес. Вокруг спицы исполинского колеса, которую мы только что покинули, вращалась платформа. Сама спица теперь возвышалась позади нас. Крыша цветоложа находилась высоко над нашими головами.

Я почему-то ожидала, что внутренняя поверхность жилой зоны должна быть металлической и напичкана всевозможной техникой. Однако «Эпсилани» скорее напоминала японский чайный сад в Сан-Франциско. Перед нами простирался обширный парк шириной около ста ярдов, плавно изгибаясь вверх и постепенно скрываясь из поля зрения. В самом его центре протекала настоящая река. Зрелище было совершенно непривычным, поскольку полностью опровергало земные представления о привычном порядке вещей —

действительно, разве может река на моей родной планете течь, круто устремляясь вверх. В действительности вращение станции делало каждую точку реки строго перпендикулярной силе тяжести, так что на самом деле река вовсе не текла вверх. Над поверхностью воды изгибались изящные мостики, ветви деревьев сплетались причудливым покрывалом зеленой листвы. Буйная растительность занимала большую часть парка. С обеих сторон он по дуге плавно поднимался вверх, следуя сферической форме цветоложа. По всему склону лепились домики с окнами, террасами, двориками-патио, но без крыш. В конце концов, зачем колонистам крыша? Разве что для уединения и приватности. Ведь дождей здесь не бывает.

По всей верхней поверхности цветоложа шли обширные окна, через которые в этот чудесный парк проникал отраженный зеркалами солнечный свет. По его тропинкам туда-сюда сновали колонисты. Несколько человек катались на велосипедах. Конструкция этих средств передвижения была более хрупкой, чем у привычных мне земных, но все же это были велосипеды. Вокруг кустов бегали собаки. Кстати, животных в парке оказалось много — я увидела и кошек, и зайцев, и птиц красной и синей расцветки. В ближайшем пруду, взбивая вверх брызги воды, плескались рыбы.

Стоунхедж объяснил нам, что, когда станция достигнет запланированных размеров, она станет полностью самодостаточной. Целые участки жилой зоны отведены под сельскохозяйственные комплексы. Искусственные погодно-климатические условия позволяют постоянно получать урожаи сельскохозяйственных культур. В жилой зоне также содержатся животные — как домашние, так и предназначенные для получения мяса. На спутниках Афины колонисты добывают полезные ископаемые — металлические и неметаллические руды. В состав атмосферы станции входят кислород и азот, влажность составляет сорок процентов, азота меньше, чем на моей родной Земле. В результате фотосинтеза регенерируется кислород и удаляются вредные излишки углекислого газа. Кроме того, колонисты полностью утилизируют отходы.

Я посмотрела на удивительный уголок природы, затерявшийся в далеких глубинах космоса.

— Какая красота!

Стоунхедж удостоил меня благосклонной улыбки.

— Абсолютно с вами согласен.

Кабату указал на располагавшиеся выше, примерно в полукилометре от нас, домики:

— Вон там наш медицинский центр. Там же находится мой офис.

— Мы пойдем туда? — спросил Эльтор.

Посмотрев на него, я заметила, что лицо его сделалось совсем бледным, а повязка на плече еще сильнее пропиталась синеватой кровью.

— Нет, поедem, — озабоченно произнес Кабату. Увидев, что Эльтор собрался возразить, предостерегающе вытянул руку. — Даже не думайте спорить, командир! Это приказ, если хотите!

Я еле сдержала улыбку — как быстро Кабату разобрался в том, как следует вести себя с Эльтором. Я-то знала, что Эльтору не хочется идти пешком, но он ни за что не признался бы в своей слабости в присутствии посторонних.

Кабату кивком указал на рельс, тянувшийся через все пространство жилой зоны.

— Поедем на монокличке.

— На чем?

Стоунхедж улыбнулся.

— На магнитной монорельсовой дороге. Кто-то — я уже и не помню кто — сказал: мол, название, которое мы дали этой дороге, Мэгрейл, не название, а какая-та кличка. Так мы теперь и зовем ее — монокличка.

Губы Эльтора скривились в вымученной улыбке. Он не рассмеялся шутке — ему явно было не до веселья. А еще в нем ощущалась настороженность. Мне же с каждой новой минутой нашего пребывания на «Эпсилани» все больше и больше нравились местные жители. Интуитивно я чувствовала, что они именно такие, какими кажутся, —

трудолюбивые, хотя и не прочь похвастаться плодами своего труда.

И все же откуда мне было знать, какие подводные течения зарождаются вокруг нас? Но я уже вошла в воду и понемногу начала барахтаться в море совершенно новых впечатлений.

Офис доктора Кабату был залит солнечным светом и до предела загроможден медицинскими шкафчиками, всевозможными приборными досками и диагностической аппаратурой. Хозяин медицинского центра усадил Эльтора в специальное кресло и снял с его плеча густо пропитанную кровью повязку. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы лицо врача приняло озабоченное выражение. Подавшись вперед, Кабату потянул на себя крепившуюся к стене «руку» механического лекаря. Аппарат негромко зажужжал, готовясь к предстоящей работе. По его «суставам» пробежала цепочка желтых огоньков, достигнув увенчанной семью «пальцами» «кисти». Кабату прикоснулся к третьему «пальцу», и на нем зажглась лампочка индикатора. Направив исходящий от нее луч на плечо моего спутника, Кабату осторожно коснулся медицинским зондом раны.

Эльтор машинально дернулся в сторону.

— Что вы делаете?

— Сидите спокойно! — велел ему Кабату, снова выбрав удивительно верную тональность. — Я сейчас прочищу вашу рану.

— Но для этого не обязательно касаться меня этой штуковиной!

— Зонд позволит подробно ознакомиться с нынешним состоянием вашего организма, и тогда можно будет гораздо быстрее вылечить вас! — произнес Кабату и указал рукой на стену.

Обернувшись, я увидела, как на экране движется голографическое изображение торса Эльтора. Красные полосы мышц. Скелет цвета слоновой кости. Сердечно-сосудистая система — красные артерии, несущие обогащенную кислородом кровь. Синеватые вены и легочные артерии, несущие кровь, бедную кислородом. Нервная система — пучки мельчайших волокон, ответвляющихся от мозга и позвоночного столба. Иммунная система. Внутренние органы — сердце, легкие, участки пищеварительной и эндокринной систем. На экране появилось также изображение сложной разветвленной сети, ее каналы и «органы» — в отличие от настоящих они высвечивались металлическими оттенками.

— Да у вас тут биомеханическая система! — присвистнул Кабату. — Боже святой, да вы просто напичканы всякими штучками!

— Возникла проблема? — поинтересовался Эльтор.

— В жизни не видел ничего подобного! — признался врач. Убрав из раны зонд, он вернул на место своего механического диагноста. — Каким образом вы получили травму плеча?

— Из пистолета.

— Какого такого пистолета?

— С пороховым зарядом. Металлической пулей, — скупой отозвался Эльтор.

Кабату от удивления широко открыл рот.

— Кто же стрелял в вас из такого оружия?

— Вас это не касается.

— Извините. Меня просто очень удивило ваше объяснение. Как же вы извлекли пулю?

— Вырезал.

— Боже праведный! Зачем? — Увидев, что Эльтор недовольно нахмурился, Кабату тут же успокаивающим жестом миротворца протянул вперед руки. — Хорошо. Это действительно не мое дело. — Кабату опустил руки. — Объясняю ситуацию. Я могу сделать перевязку на вашем естественном, органическом теле. А вот что делать с вашей биомеханической системой, ума не приложу.

— У нее есть регенерирующая функция.

Кабату понимающе кивнул:

— Да. Я уже догадался, что она пыталась самостоятельно устранить повреждение.

Сделать это не удалось по причине обширности раны. Послушайте меня, командир Селей. Вам срочно нужны новые компоненты, включая сложные биоинженерные узлы и даже органы. Я здесь ничем не смогу вам помочь. Даже будь у меня все необходимое для трансплантации — а у меня, увы, ничего нет, — сам я никогда не сталкивался с подобными биомеханическими системами и уж тем более не имею никакого практического опыта. Вам требуется специальная медицинская аппаратура и квалифицированный хирург — специалист по биомеханическим операциям.

Слова медика, похоже, не удивили Эльтора.

— Но вы ведь можете вылечить остальную часть моего организма? — спросил он.

Кабату утвердительно кивнул.

— Я введу вам кое-какие мышечные и нервные восстановители и еще анальгетики, чтобы снять боль. Постарайтесь не задействовать ваши биомеханические функции.

— Понял вас.

При помощи раствора, поступавшего по «руке» медицинского робота, Кабату почистил Эльтору раны, после чего побрызгал на них каким-то спреем. Я подумала, что это, видимо, незнакомое мне болеутоляющее средство, однако оказалось, что это смесь наномедикаментов, способствующая ускоренному заживлению. После этого доктор Кабату наложил на израненное плечо Эльтора повязку, которая тут же срослась с его плотью, сделавшись точно такого же цвета и фактуры. Было невозможно понять, где у Эльтора новая кожа, а где старая.

— Потерпите парочку циклов, — сказал Кабату. — И все прекрасно заживет.

— Циклов? — переспросил Эльтор.

— Земных дней, — пояснил доктор. — Тридцать — сорок часов.

Всего лишь два дня? Сначала я просто не поверила своим ушам. Но затем решила, что по сравнению с обманом скорости света срок в два дня для заживления пулевых ранений — просто пустяк. И все же это казалось уму непостижимым и сбивало с толку. Пусть Джаг был за пределами моего предыдущего опыта, но в ранах и их лечении я кое-что понимала. Этот единственный визит к врачу дал мне возможность еще глубже осознать различия между вселенной Эльтора и моей собственной, чем все, что касалось Джага.

Кабату проводил нас до комнаты, где уже поджидал Стоунхедж в обществе сотрудников службы безопасности. Искусственное освещение еще резче подчеркнуло настороженность Эльтора. Она давала о себе знать тусклым свечением, в котором то там, то здесь вспыхивали едва заметные искры. И снова я призадумалась. Мне казалось, обитатели станции имели куда больше причин опасаться Джагернаута, нежели наоборот.

По крайней мере они хотя бы говорили по-английски. Окажись мы у соплеменников Эльтора, я бы не поняла ни слова из того, что они говорят. Я попыталась проникнуть в мысли Эльтора, однако наткнулась на глухую стену. Откуда мне было знать, что он просто заблокировал свои мысли. По команде Эльтора его биомеханическая сеть высвобождала нейротрансмиттеры, которые ослабляли сигналы Излучающего Тела Кайла. Случись так, что его сеть высвободила слишком много химического вещества, или же делала это слишком долго, Эльтор пришел бы в состояние, близкое к обмороку, и в конечном итоге «отключился» или даже умер. Но на какой-то короткий срок он вполне мог затруднить другому эмпату доступ в его сознание. Мы покинули медицинский центр, и Стоунхедж проводил нас до домов с террасами. Он остановился возле одного симпатичного домика — легкого, воздушного, светлого, с двориком-патио.

— Он зарезервирован для гостей — приезжих ученых или высоких официальных лиц. — Стоунхедж посмотрел на меня. — Если вы желаете, мы можем устроить для вас отдельные апартаменты.

— Спасибо, меня устраивают эти, — поблагодарила я.

— Правильно оформленные договоры имеют юридическую силу для моего народа и купцов. У вас здесь найдется человек, уполномоченный официально заверять такие договоры? — спросил Эльтор, пристально глядя на своего собеседника.

— Не вполне уверен, что правильно понял вас, — проговорил Стоунхедж.

— Я имею в виду брачный контракт, — пояснил Эльтор.

— Ах вот оно что! Теперь понял. Вы просите меня найти для вас капеллана-священника, — понимающе закивал директор станции. — У нас этим занимается женщина. Она может в законном порядке регистрировать браки, обязательные для всех обитаемых миров, без различия каких-либо политических границ. Мы можем организовать это завтра. — Глядя на меня, он на несколько секунд замолк. — Если стороны не имеют возражений и достигли законного возраста.

— Мы должны заключить его прямо сейчас, — произнес Эльтор.

— Это невозможно, — вмешался в разговор Кабату. — Вам необходимо сдать анализ крови и пройти генетическое сканирование!

— Вы только что осматривали меня, и наверняка вам известно состояние моего здоровья.

— Вашего — да! А вот состояние здоровья мисс Пуливок — нет!

— Мы можем сдать анализы позже, — заявил Эльтор. — Сейчас нам необходимо подписать контракт.

— Подождите! — воскликнула я.

События развивались с непредсказуемой быстротой.

— Вам не придется делать ничего такого, что кажется вам неприятным, — успокаивающим тоном произнес Стоунхедж.

Я попыталась угадать мысли Эльтора по его мимике, выражению глаз, цвету лица. Мне было непонятно, почему он так упорно настаивает на своем и что имел в виду Стоунхедж под словами «политические границы». Очередная попытка проникнуть в мысли моего спутника вновь не увенчалась успехом. Однако при этом чрезвычайную чувствительность приобрело мое собственное Принимающее Тело Кайла, вызвав у меня обостренное восприятие мыслей окружающих меня людей. Я словно видела происходящее глазами Стоунхеджа или Кабату. До этого момента мне и в голову не приходило, какой пигалицей я смотрюсь рядом с Эльтором. Мы с ним стояли рядом, и уже этого было достаточно, чтобы люди подумали, будто он пытается меня запугать.

— Все в порядке, — ответила я Стоунхеджу. — Я просто не привыкла к тому, что тут у вас происходит.

Директор станции внимательно посмотрел на меня. Затем поднес к губам руку с браслетом и проговорил:

— Нэнси, ответь!

— Слушаю! — откликнулся чей-то мелодичный голос, исходивший из загадочного браслета.

— Мы находимся возле дома. Можешь сейчас подойти сюда?

— Иду, — ответила невидимая женщина.

— Замечательно. Конец связи. — Стоунхедж с улыбкой посмотрел на меня. — Это капеллан Минь. Она охотно ответит на все ваши вопросы.

— Нет, — вступил в разговор Эльтор, крепко сжав мою руку. — Мы будем задавать интересующие нас вопросы вдвоем.

Я попыталась высвободить руку.

Эльтор, не жми так крепко, мне больно!

Эльтор выпустил мою руку.

Извини!

— Пусть будет так, как хочет мисс Пуливок, — заявил Стоунхедж.

За его спиной я увидела стройную женщину, она переходила перекинутый через речушку мостик. Длинные черные волосы схвачены в конский хвост, покачивающийся при ходьбе. Огромные миндалевидные глаза буквально освещают лицо. Высокий рост, стройная спортивная фигура. Возраст — на вид лет тридцать пять.

Сегодня, вспоминая те далекие дни, признаюсь, что тогда все люди, которых я

встречала на родине Эльтора, казались мне одинакового возраста — тридцать — сорок лет. Теперь я понимаю почему. В 1987 году люди жили дольше, чем те, кто жил, скажем, в 1687 году. А три столетия спустя они научились существенно продлевать молодость и отодвигать старость.

Когда женщина приблизилась к нам, директор станции представил нам ее как капеллана Минь.

— Мы подумали, что мисс Пуливок захочет побеседовать с тобой, — сказал Стоунхедж. — Подготовь все для предстоящей церемонии.

Эльтор посмотрел на меня и еле заметно кивнул. Я испытывала нерешительность, поскольку чувствовала его тревогу: ему не хотелось, чтобы нас разлучали. Но я понимала, что это моя последняя возможность пообщаться наедине с человеком, кто говорит на том же языке, что и я.

Минь приветливо улыбнулась мне и заговорила приятным мелодичным голосом:

— Если вы не против, то давайте войдем в дом. Мысленно извинившись перед Эльтором, я ответила:

— Да, конечно, я не против.

Эльтор заметно напрягся, но возражать не стал.

Я последовала за моей новой знакомой в дом и оказалась в просторной гостиной с ширмами вместо стен. Столики, кресла, диваны — все было сделано из керамики светлых оттенков и блестящего металлического кружева. Никакого дерева или пластмассы в комнате я не заметила.

Мы присели на диван, и капеллан Минь начала:

— Мисс Пуливок...

— Тина.

— Тина, — повторила она своим приятным музыкальным голосом. — Почему вы так напуганы?

— С чего вы решили, что я напугана?

— Вы кажетесь неуверенной в себе. Вас что-то беспокоит. Вы чем-то сконфужены.

Предположения моей собеседницы явно преуменьшали серьезность ситуации, в которой я оказалась. Даже если бы Эльтор и не попросил меня держать в тайне наши приключения, я все равно ни за что не призналась бы, что перенеслась в другой мир на целых триста лет вперед. Скажи я правду, и меня обязательно сочтут за сумасшедшую.

— Я просто хотела бы задать вам пару вопросов.

— Разумеется. Я вас слушаю.

— Почему вы все так натянуто держите себя с Эльтором?

Капеллан Минь неожиданно напряглась.

— Его зовут *Эльтор*?

— Почему вас это так насторожило?

— Я понимаю, имя Эльтор сейчас чрезвычайно популярно, особенно после последней войны. А вот имя Селей всегда было довольно редким. Так что такое сочетание, как Эльтор Селей... — Минь мрачновато улыбнулась. — Следует признать, что подобное сочетание способно повергнуть любого в индукционную петлю.

Я удивленно моргнула, смущенная ее непонятными выражениями. Секунду спустя моя собеседница сказала:

— Послушайте, Тина, что же все-таки произошло? Вы находитесь здесь с ним по вашей собственной воле?

Мое лицо, очевидно, приняло встревоженное выражение.

— Конечно. Почему вы спрашиваете об этом?

— Потому что у вас ужасно напуганный вид. Вы явно чем-то напуганы. И еще — вы так молоды.

— Не такая уж я юная. Через несколько месяцев мне исполнится восемнадцать.

Капеллан Минь удивленно посмотрела на меня.

— Всего лишь *восемнадцать*?

До смерти надоело, что меня постоянно принимают за неразумное дитя. Мне было невдомек, что увеличение продолжительности жизни автоматически предполагало и совершенно другие определения детства, зрелости и старости. В конце концов несколько тысячелетий назад люди вступали в брак и заводили детей в возрасте, который в 1987 году считался детским. Впрочем, дело было не только в исторической эпохе. Например, в Зинакантеко девушки выходили замуж в более юном возрасте, чем в Лос-Анджелесе. Представления, бытовавшие на родине Эльтора, не слишком отличались от земных. Одной лишь физической зрелости было недостаточно, чтобы считаться взрослым человеком, — жизнь, как в техническом, так и в общественном плане, очень сильно усложнилась. Впрочем, дело не только в моем возрасте. В 1987 году я была слишком мала ростом по сравнению с американками, но в других уголках моей родной планеты, включая и Зинакантеко, я ничем бы не выделялась среди прочих взрослых людей. Однако со временем стандарты человеческого роста и пропорций существенно изменились, как на Земле, так и на родине Эльтора. В его мире человек моего роста считался ребенком независимо от фактического возраста.

— В моих родных местах, в Мексике, — сказала я, — никто никогда не принял бы меня за ребенка.

Мои слова вызвали явное удивление Минь.

— Так вы с Земли?! — воскликнула она.

Я утвердительно кивнула.

— А мы подумали, что вы рейликанка, — произнесла моя собеседница.

— Нет, я принадлежу к народу майя.

— Сходство с рейликанками просто поразительное! — улыбнулась Минь. — Кто бы мог подумать, что представительница давно исчезнувшего с лица Земли народа удивительно похожа на представительниц вымирающего народа на другом краю галактики!

Я удивленно посмотрела на нее.

— Так народа майя на Земле уже больше не существует?!

— Видите ли, думаю, что да. А вам разве неизвестно об этом?

Я подалась вперед, внезапно почувствовав легкий озноб.

Минь продолжала что-то говорить, но я ее уже не слушала. Не существует. Моего народа больше не существует. Последняя ниточка, связывавшая меня с Землей, оборвалась. От волнения у меня даже перехватило дыхание. Я не могла слышать, не могла дышать...

— ...обморок! — ворвался в мои уши громкий голос доктора Кабату. — Всем отойти!

— Убирайтесь! — Передо мной возник разъяренный Эльтор. — Убирайтесь все!

Когда мои мысли прояснились, я увидела, что комната полна людей: Минь, Эльтор, Стоунхедж, Кабату, агенты службы безопасности. Эльтор сел рядом со мной, и на меня тут же стали накатывать волны озабоченности, излучаемые окружающими. Как известно, Джагернаутам неведомы такие чувства, как нежность и сострадание. Восприятие ими окружающего мира определяется их военным воспитанием и боевыми навыками. Как ни странно, одновременно они эмпаты, хотя их внешность абсолютно опровергает этот факт. Беспокойство, с которым присутствующие смотрели на нас, сменилось нескрываемым удивлением, когда Эльтор обнял меня и шепнул мне на ухо какие-то нежные, успокаивающие слова.

— Послушайте, Макс! — обратилась Минь к Стоунхеджу. — Мне нужно поговорить с вами!

Директор станции кивнул, и они исчезли в соседней комнате. Кабату и охранники остались. Последние не сводили с Эльтора глаз и не снимали рук с оружия.

Эльтор нежно убрал непокорную прядку волос с моего лица.

— Что случилось?

— Минь рассказала мне, что народа майя больше не существует!

Эльтор шумно выдохнул.

— Извини, Тина. По-моему, она сказала правду. Я просто не хотел расстраивать тебя. Прости.

Стоунхедж и Минь вернулись, сопровождаемые полупрозрачной — для меня — аурой тревоги. Минь осталась стоять в дверях, Стоунхедж сел на диван, устроившись так, чтобы находиться на одном уровне с Эльтором, хотя и на расстоянии, чтобы не посягать на его жизненное пространство. Я моментально поняла, что Эльтор воспринимает директора станции как человека, который не несет в себе угрозы для его безопасности.

Стоунхедж осторожно начал:

— Командир Селей, вы должны понимать, что никто из нас не имеет ни малейшего желания вмешиваться в вашу личную жизнь. Однако я призываю вас трезво взглянуть на сложившуюся ситуацию. Получивший ранения неизвестного происхождения Имперский Джагернаут на поврежденном корабле прибывает на одну из отдаленных орбитальных космических станций. Вместе с ним перепуганная до смерти безвестная юная особа. Он настаивает на немедленной регистрации брака — скорее всего вопреки ее желанию. Поймите нас правильно, нам хотелось бы знать, что же все-таки произошло, прежде чем мы приступим к выполнению официальной церемонии.

Все это время Эльтор не спускал с него глаз. Лицо его сохраняло непроницаемое, бесстрастное выражение и было похоже на отлитую из металла маску. Он напряженно думал, высчитывая возможные варианты дальнейшего развития событий. Необходимо срочно решить, в какой степени можно доверять словам директора космической станции.

Раздался сигнал зуммера, доносившийся со стороны браслета на запястье Минь. Та вопросительно посмотрела на Стоунхеджа.

— Что это? — спросил Эльтор.

— Я попросил моих сотрудников разыскать любую имеющуюся информацию о сколийце с вашей внешностью и носящем ваше имя, — пояснил Стоунхедж.

— И что же?

Было видно, что Эльтор весь напрягся.

Минь прикоснулась к какому-то квадратику на стене. Огромный, во всю стену, голоэкрэн ожил. На нем появилось изображение двух людей в натуральную величину. Женщина со стройной фигурой и красивыми зелеными глазами, живыми и яркими, как луч солнца, упавший на лист лесного дерева. У нее были черные длинные прямые волосы, которые при виде сверху казались роскошным каскадом, ниспадавшим ей на спину до самых бедер. Ее красота навевала сравнение одновременно со льдом и изумрудом. Превосходной лепки черты лица — совсем как у мраморной статуи, высеченной умелой рукой гениального скульптора.

При виде мужчины у меня резко перехватило дыхание. Цвет его длинных, до плеч, роскошных локонов был точно такой же, что и у волос Эльтора. Хотя кожа его лица и не имела металлического оттенка, черты были совершенно такими же, как у Эльтора. Больших пальцев на руках не было, все четыре пальца одинаковы по длине, с суставом на тыльной стороне руки.

Минь принялась озвучивать строчки сколийских иероглифов, берущих в нижней части голоэкрэна:

— Голографическое изображение сделано два года назад. Они стоят на возвышении вместе с другими сановниками во время речи, произнесенной Голосом Имперской Ассамблеи. Имя женщины — Дайхьянна Селей. — Минь посмотрела на директора станции. — Это она, Макс. Ключ Ассамблеи.

Стоунхедж внимательно посмотрела на Эльтора:

— Кто этот мужчина?

В комнате повисло неловкое молчание. Эльтор, не произнося ни единого слова, смотрел на директора станции. Молчание нарушила Минь, прочитав ответ с экрана:

— Элдрин Джарак Валдория. Племянник Селей. — Она прикоснулась к панели, выводя на экран меню. Еще одно ее прикосновение, и возник поток новых иероглифов. — Он

старший сын «космической» ветви этого знатного рода. В настоящее время Элдрин Валдория является самым вероятным кандидатом на роль одного из Ключей Триады. Теоретически он должен был стать Ключом Сети сразу же после смерти отца — но Третий Замок попал в руки купцов. Посмотрите сюда — он старший брат Эльтора Валдория, героя войны.

— Выключайте! — потребовал Эльтор.

Минь снова прикоснулась к панели, и голографическое изображение исчезло. Присутствующие не сводили глаз с Эльтора. Излучаемые ими эмоции струились настоящими океаническими течениями: удивление, недоверие, восхищение. Время, казалось, остановило свой неумолимый бег и превратилось в бесконечную конфетку-тянучку. Тишину нарушало лишь приглушенное гудение работающих где-то вдалеке механизмов.

Молчание нарушил Эльтор:

— Дайхьянна Селей и Элдрин Валдория — мои родители.

Со временем что-то случилось — его прорвало подобно неукротимому потоку воды, вырвавшемуся на волю из шлюза. Стоунхедж удивленно присвистнул.

— Почему вы не захотели сказать нам об этом?

— Вы же видели мой корабль, — ответил Эльтор. — Его повреждения не случайны.

— Наши техники того же мнения, — произнес Стоунхедж.

— С ним не было никаких проблем, пока я не отправился на нем в штаб командования Имперских Космических Сил, — отозвался Эльтор.

Кабату подался немного вперед.

— Вы хотите сказать, что это ваши же военные устроили диверсию?

— Не знаю. — Эльтор на секунду задумался. — Мне надлежало по протоколу посетить дипломатический прием на Земле.

Выражение понимания легкой тенью пробежало по лицу директора станции.

— Именно это и дает вам основание подозревать неизвестных диверсантов в сговоре с Объединенными Мирами Земли, верно?

— Верно. У меня закралось такое подозрение, — ответил Эльтор.

— Смею заверить вас, — заявил Стоунхедж, — что никто из присутствующих здесь не испытывает к вам или к членам вашей семьи ни тени враждебности!

Эльтор смерил его пристальным взглядом.

— Вы должны разрешить нам зарегистрировать наш брак!

В разговор вступила Минь.

— Чем ближе вы будете друг к другу, — вкрадчиво произнесла она, — тем быстрее Тина станет мишенью для ваших недругов. Разве она сейчас находится не в большей безопасности?

— Нет, — упрямо произнес Эльтор.

— Извините, — вмешался Стоунхедж. — Но девушка ее возраста нуждается в согласии опекуна на брак! Пока такого разрешения не будет, мы не сможем ничего сделать!

Эльтор отрицательно покачал головой.

— Тина никому здесь не известна. Ее не найти ни в одной базе данных. Если убийцы отнимут у меня жизнь, с ней все равно ничего не случится. Я дал Тине слово, что ни за что не оставлю ее одну. Вместе с именем Селей она получит и семью, и надежную защиту от всех бед.

Кабату присвистнул:

— Это уж точно!

Только одна я заметила свечение оранжевого оттенка, вспыхнувшее вокруг Эльтора. Оттенок обмана. Дело было не в том, что он солгал, он опасался покушения убийц и намеревался сдержать данное мне слово. Но это было не единственной причиной, побуждавшей его зарегистрировать наши отношения и составить брачный договор. При этом он также защищал и свои личные интересы.

Пришло время говорить мне.

— У меня нет никаких опекунов, — сказала я. — Их давно уже нет в живых.

Уже сотни лет, как нет в живых.

Стоунхедж провел рукой по волосам.

— Если мы можем юридически подтвердить это, то я смогу поставить свою подпись вместо опекуна.

Минь пристально посмотрела на меня.

— Вы уверены в том, что сами этого хотите? До меня тут же долетела мысль Эльтора:

Может быть, мне не надо здесь больше оставаться? Мне кажется, что она хочет убедиться в том, что ты соглашаешься добровольно, а не потому, что мое присутствие вызывает у тебя страх.

Я была не в состоянии проанализировать слова Минь, пока находилась в телепатическом контакте с Эльтором. Я покачала головой, и в ту же секунду Джаг подумал: *Носитель сильно истощен.* К моему великому облегчению обостренная чувствительность, которую я испытывала несколько минут назад, пошла на убыль.

— Послушайте, Тина! — обратилась ко мне Минь. — С вами все в порядке?

Я кивнула:

— Да. И еще я согласна стать женой Эльтора. Именно этого я хочу.

— У вас есть время на приготовления к официальной церемонии? — спросила она. Когда я отрицательно покачала головой, Минь улыбнулась. — У меня, наверное, найдется платье, которое я могла бы вам одолжить. Если оно, конечно, вам понравится.

— Нам не нужно переодеваться для того, чтобы подписать договор, — произнес Эльтор.

— Можно подумать, вы собираетесь продать ей принадлежащую вам недвижимость в туманности Ориона! — саркастически заметил Кабату. — Вы же на ней женитесь!

Мне почему-то вспомнилось подвенечное платье моей мамы, висевшее в шкафу где-то далеко в другой галактике и другом времени.

— Эльтор, мне хотелось бы переодеться в платье! — сказала я. Он обнял меня за плечи.

Мне не хочется расставаться с тобой.

Стоунхедж усмехнулся:

— Командир Селей, пока дамы будут заниматься всеми необходимыми приготовлениями, я мог бы показать вам нашу станцию.

— Что? — повернулся к директору Эльтор.

Растерянность гудела вокруг него наподобие шмеля. Я почти физически ощутила фрагментацию нейроуровня, позволявшего ему общаться с собеседником, одновременно контактируя с другим псионом.

До меня долетела мысль Джага:

Эльтор, что-то неладно с твоим интерфейсом. Нужно, чтобы ты вернулся ко мне. Тебя необходимо подлечить.

— Командир Селей! — позвал Стоунхедж. — С вами все в порядке?

— У меня возникла небольшая проблема с биомеханикой, — отозвался Эльтор. — Ничего серьезного.

Затем он мысленно обратился к Джагу:

Я ничего не смогу сделать, если ты заберешь меня для профилактического ремонта. Я не могу оставить Тину с ними одну.

Согласно проведенному мною анализу вероятность того, что эти люди связаны с убийцами, покушавшимися на твою жизнь, составляет 98,9 процента.

Мне это безразлично, подумал Эльтор. *Я не могу никому доверить ее на то время, пока ты отключишь меня.*

Стоунхедж повернулся к Эльтору:

— Мы можем вам чем-то помочь?

— Нет, — ответил Эльтор. — Я хотел сказать, что со мной все в порядке.

Вокруг меня обвилась мысль Джага, намеренно скрываемая от Эльтора:

Послушай, Тина! Ты можешь уговорить его?

А разве ты еще ничего не сделал с ним? мысленно ответила я.

У меня не было достаточно времени, чтобы привести его в норму. После его ухода сделанные мною заплатки начали приходить в негодность. Нарушения речевой функции и логического мышления пока еще минимальны, однако постепенно увеличиваются. Затем на очереди моторная координация и функции внутренних органов. В конечном итоге все это может привести к летальному исходу.

Неужели он не понимает той опасности, которой подвергает себя? спросила я.

Он просто не желает этого знать.

— Я бы все-таки посоветовал вам немного отдохнуть, — обратился к Эльтору доктор Кабату. — А также поесть. Это нужно вам обоим.

— Мы можем устроить для вас обед, — добавил Стоунхедж.

— Доктор Кабату, вы можете убрать шприц? — ледяным тоном проговорил Эльтор.

Резким движением он оказался на другом конце комнаты. Не успело у меня от неожиданности перехватить дыхание, как он выхватил у доктора из рук голубой медицинский шприц.

Кабату удивленно посмотрел на свою пустую руку, затем перевел взгляд на Эльтора.

— Я, конечно, слышал, что Джагернауты быстры как молния, но и представить не мог, как это выглядит на самом деле! Зачем вы это сделали?

Эльтор тем временем разглядывал шприц.

— Это для введения... перитала. Перитала? — Он сердито посмотрел на Кабату. — И кого вы собирались вырубить этой штуковиной?

— Никого, — ответил доктор и, секунду помолчав, продолжил: — Я заправил шприц сразу после того, как узнал, что вы подлетаете к нашей станции. В качестве меры предосторожности. Я как раз собирался его разрядить.

Объяснение врача ничуть не уменьшило подозрительность Эльтора. Я же не обнаружила в словах Кабату никакого обмана. Правда, никакой гарантии того, что он говорит чистую правду, тоже не было. Эмпаты обладают гипертрофированной способностью улавливать чужие эмоции, однако и они иногда ошибаются. И все же что-то подсказывало мне, что доктор говорит правду.

Джэг тут же послал мне свои мысли.

Вероятность того, что этот человек не солгал, оценивается мною в 98 процентов.

Отлично.

Я встала и подошла к Эльтору.

— Ты можешь спокойно вернуться к Джагу. Со мной все будет в порядке.

Эльтор взглянул на меня с высоты своего роста. Волосы его были забавно взъерошены, на лице все то же выражение беспокойства.

— Тина! — начал было он.

Я взяла его за руки.

— Прошу тебя. Пожалуйста!

Эльтор стиснул меня в объятиях. Внезапно возле моего уха раздался щелчок, и Эльтор выпустил меня. Я подалась назад и увидела, что он растерянно смотрит на обломок шприца у себя в руке. Из ладони торчал осколок.

Эльтор перевел взгляд на Кабату.

— Дайте мне противоядие! Срочно! — потребовал он.

— Оно в другом комплекте, — пояснил доктор.

— Тогда принесите новый!

— Он у меня в кабинете.

— Консоль, — невнятно пробормотал Эльтор. — Или нано... дайте только... секунды...

И начал оседать на пол. Стоунхедж вскочил и, бросившись к Эльтору, подхватил под мышки. В ту же секунду директор пошатнулся под тяжестью ноши и повалился на диван,

резко ударившись ногами о его край. Эльтора ему пришлось опустить на пол.

— Черт побери, — пробормотал доктор Кабату, перешагивая через безвольно вытянутую руку Эльтора.

Присев на корточки, Кабату снял с пояса какой-то цилиндр, который тотчас развернулся, превратившись в диагностическую ленту. Врач приложил ее к шее Эльтора. На ней тут же появились какие-то непонятные значки-символы и, сменяя друг друга, крошечные голографические изображения человеческого тела.

Я опустилась на колени рядом с доктором.

— С ним все будет в порядке?

— Проспит несколько часов. Это только пойдет ему на пользу. Я действительно собирался разрядить шприц, — ответил Кабату.

— Теперь уже ничего не поделаешь, — сказала я и поинтересовалась: — Вы можете переправить его на корабль?

— Отвезите его лучше в больницу! — произнес стоявший у нас за спиной Стоунхедж.

— Нет! — заявила я и встала лицом к директору. Ну почему я не такого же роста, что и он! В эту секунду у меня, наверное, был вид зайца, осмелившегося бросить вызов медведю. — Его обязательно нужно переправить на корабль! Джаг отремонтирует его!

— Отремонтирует? — Стоунхедж улыбнулся. — Забавно вы выражаетесь!

— Макс, она права! — произнес Кабату и тоже выпрямился. — Если в его организме разладились какие-то функции, то корабль лучше нас устранил все неполадки! Я, например, просто не знаю, с чего начинать его лечение.

— Вы говорите о нем так, будто это не человек, а машина, — отозвался Стоунхедж.

— А Джагернауты и есть машины, — сказал Кабату. — Мы о них мало что знаем. Командование Имперских Космических Сил держит в секрете любую информацию о них. Но я еще ни разу не слышал, чтобы весь организм был в буквальном смысле начинен биомеханикой, как у этого. Самое интересное в нем — его ноги. Они *полностью* представляют собой биомеханическое устройство. Даже кости в них ненастоящие.

— Прекрасно, — произнес Стоунхедж. — Пусть техники сообщат кораблю, что его пилот скоро прибудет. — Он сделал паузу. — Может быть, корабль уже знает об этом?

— Сомневаюсь, — сказал Кабату. — Взаимодействие Тела Кайла значительно ослабевает на больших расстояниях. Корабль же находится на «втулке» станции. На такое расстояние даже человек-телепат вряд ли смог бы передать мысль. Не думаю, чтобы такое было под силу Искусственному Интеллекту корабля.

— Но Селей не обычный оператор, — возразил Стоунхедж. — Он рон.

Я с любопытством следила за их разговором. И впервые получила подтверждение моим догадкам, насколько продвинутыми были соотечественники Эльтора в нейрологии.

— А я сомневаюсь, что псион рона способен на это, — произнес Кабату. — Но кто знает хоть что-то о ронах? Если не ошибаюсь, даже за невинную попытку сделать голографический снимок рона можно легко угодить за решетку. — Кабату перевел взгляд на Эльтора. — Думаю, нам всем пришлось бы несладко, узнай Имперские власти о том, что один из ронов валялся на полу без сознания, а мы тем временем обсуждали действие Тела Кайла.

Стоунхедж подмигнул.

— Конечно, какие могут быть сомнения! Все-таки будет лучше, если вы переправите его на корабль.

Вскоре в комнате появились четыре медика. Погрузив Эльтора на аэроносилки, они поспешно удалились, сопровождаемые доктором Кабату.

Тина, донесся до меня безмолвный мысленный зов Джага. Ты должна сделать кое-что еще.

Что же?

Удостоверься в том, что они никому не сообщили о прибытии Эльтора. Никто не должен знать, где он.

А как же его старшие офицеры?

Нет, думаю, не стоит. Я все высчитал — существует вероятность в 99,5 процента, что покушавшиеся на его жизнь убийцы связаны с Командованием Имперских Космических Сил. Согласно моим расчетам, вероятность того, что они имеют доступ наивысшего уровня к галактическим сетям, равна 99,9 процента. Если Эльтор задействует псибер — и пространственно-временную сеть, то тем самым может невольно выдать себя, и его врагам станет известно, что он еще жив. Я переправлю вас обоих на планету, принадлежащую семейству Эльтора. Там мы сможем воспользоваться надежным каналом связи, предусмотренным как раз на случай подобных кризисных ситуаций.

Эта информация не слишком обнадежила меня.

А мы можем быть уверены в том, что никто из его родственников не связан с убийцами?

Я на 99,999 процента уверен, что никто.

Откуда у тебя такая уверенность?

Они все роны, ответил Джаг, как будто эти три коротких слова объясняли все.

— Мисс Пуливок! — вывел меня из состояния мысленного разговора с Джагом голос директора станции. — Почему вы на меня так смотрите?

— Я как раз задумалась о сетях, — ответила я. — Пожалуйста, никому не говорите о том, что Эльтор у вас. Если убийцам станет известно о том, что он жив, они не успокоятся до тех пор, пока снова не доберутся до него!

Стоунхедж понимающе кивнул.

— Не беспокойтесь, не скажем!

Отлично, донеслась до меня мысль Джага. Мне даже показалось, что я уловила в его мысленной интонации чувство облегчения. *А уж я постараюсь привить твоему жениху хорошие манеры!*

В ту же секунду перед моим мысленным взором возникла картинка — Джагернаут, с взъерошенными волосами, в трещащем по швам мундире, рывкает на окружающих.

Может, это, конечно, и безнадежно, но я все-таки постараюсь!

Я рассмеялась, но тут же резко оборвала смех, увидев, что Стоунхедж как-то странно на меня смотрит. После чего капеллан Минь увела меня смотреть свадебное платье.

Минь обитала в домике с террасой. Цветы здесь свешивались со всех карнизов и балкончиков. Стены украшала ажурная металлическая вязь. В спальне я увидела кровать, накрытую шикарным одеялом с изображениями попугаев и деревьев-бонсай. На фоне нежно-розового восхода птицы сияли ослепительно яркими красками — зелеными, голубыми, золотистыми, красными. Голографическая ткань делала орнамент объемным, зрительно увеличивая размеры одеяла. Стены украшали голографические картины пагод, цветников, геометрически подстриженных деревьев. На одной из картин прямо на моих глазах разразился порыв ветра и тут же вихрем пронесся по всей комнате, коснувшись и других картин, на которых были изображены совсем другие сценки.

Капеллан Минь принялась перебирать висевшую в шкафу одежду.

— У меня тут кое-что осталось от кухни моей подруги, вот, пожалуйста!

С этими словами она извлекла на свет божий платье — довольно простого фасона, длиной до колена, но очень красивое, с голографическим рисунком поверх белых кружев. Оно напомнило мне другое, из моей прежней жизни, — платье, которое мама сшила мне пятнадцатилетие.

— Просто прелесть, — обрадовалась я.

Минь улыбнулась:

— Можешь взять его себе. Я его носить не буду.

Ее доброта растрогала меня.

— Огромное вам спасибо!

— Ты не желаешь немного отдохнуть перед регистрацией?

— Скажите, могу я вас кое о чем спросить? — ответила я вопросом на вопрос.

— Конечно. — Она жестом предложила мне присесть за стол. — Надеюсь, что и ты поможешь нам кое в чем разобраться.

— Разобраться? — спросила я, садясь рядом с ней.

— Наследник семейства ронов спасается бегством от наемных убийц и просит зарегистрировать брак с некоей никому не известной юной особой. Вполне естественно, что все это не может не вызывать у нас любопытства. Хотелось бы знать, что же происходит.

— Сама не знаю, — ответила я. Хотя Эльтор и рассказывал мне о своей семье, я мало что поняла из его слов. — Я до сих пор толком не понимаю, кто он на самом деле.

Минь рассказала мне все, что, в свою очередь, было известно ей, поведав древнюю легенду о вымиравшем народе. Пять тысяч лет назад Рубиновая Династия безраздельно властвовала в империи звездоплавателей. Для полетов на звезды они захватили брошенные на берегу Исчезнувшего моря корабли — все, что осталось от загадочной расы, — некогда высадивших людей на Рейликоне. Рубиновая Империя познала свой взлет и падение еще за три тысячелетия до рождения Иисуса Христа. Она была одним из наиболее выдающихся и в то же время наиболее хрупких достижений человечества.

Именно эта империя научилась совершать межзвездные перелеты прежде, чем познала простейшие основы физики. А затем ее представители отправились на поиски своей далекой, затерянной в глубинах космоса родины. Землю они так и не нашли, зато заселили множество других планет. Необходимость заставила их научиться азам генной инженерии, с тем чтобы приспособить колонистов к природным условиям новых миров, а также попытаться разнообразить собственный генофонд. Однако империя оказалась слишком хрупкой и потому нежизнеспособной. Ей не хватало ни научных знаний, ни людей, чтобы и дальше продолжать эту космическую гонку. Империя рухнула, а ее разбросанные в космосе колонии оказались в изоляции на четыре тысячи лет.

В конце концов отчаяние заставило рейликан снова пуститься в межзвездные скитания. Среди них резко возросла смертность — генофонд был слишком мал, и раса не могла сохранять жизнеспособность. Рейликане надеялись, что приток свежих генов из заново обнаруженных колоний будет в состоянии их спасти. Но колонии либо сами погибли по причине близкородственных браков, либо генетический сдвиг слишком отдалил их от бывших соплеменников-эмпатов. Гены Кайла нередко приводили к летальным уродствам. Процветали только те колонии, чей генофонд утратил эмпатические черты.

Однако гены Кайла полностью не исчезли. Родители Эльтора были псионами Рона, в честь генетика Рона. Проект Рона ставил перед собой двоякую цель. Используя ДНК представителей Рубиновой Династии, генетик добился повышенного уровня эмпатии и произвел на свет семейство Эльтора. Используя другую ДНК, Рон искусственно создал так называемых купцов-аристо, которых отличала невосприимчивость к боли.

Аристо являются причиной того, что генетические эксперименты с операторами Кайла объявлены незаконными. В некотором смысле аристо представляют собой противоположность эмпатам. Они способны воспринимать чужие эмоции, однако их «приемное устройство» ненормально: оно настроено лишь на улавливание чужой боли. Сигнал должен поступать от эмпата — того, чей мозг усиливает его до такой степени, чтобы аристо его воспринял. Мозг аристо, пытаясь понизить свою чувствительность к боли, направляет сигналы в нервные центры, воспринимающие боль как удовольствие.

— Так вы считаете, что это аристо пытались убить Эльтора? — спросила я.

— Не думаю, — ответила Минь. — Они бы предпочли схватить его живым. Может, кто-то желает помешать его браку. — Минь развела руками. — Видишь ли, фактически он просит нас заключить договор между нашим и его правительством. Обычно на подготовку такого договора уходят годы.

— А почему его женитьба на мне предполагает подписание договора?

Моя собеседница улыбнулась.

— О, эта история стара как мир! Два государства желают при помощи династического

брака укрепить политический союз!

Рассказ Минь сильно меня удивил. Тогда я не знала, что народ Эльтора считает семью чем-то более важным, чем правительство. Рейликаны шесть тысячелетий боролись за то, чтобы выжить и сохранить себя как расу. За это время их империя достигала величия и распадалась, а затем вознеслась снова. Способность дальнейшего продолжения рода являлась для империи самым прочным символом единения. Двести лет назад Имперская Ассамблея устроила брачный союз между женщиной из Объединенных Миров и матерью Эльтора. Брачный договор составил собой несколько томов. Хотя брак в конечном счете распался, государственный договор оставался в силе до начала войны между сколийцами и купцами, когда Земля изменила интересам Империи.

Было ли это действительно предательством? Все зависит от того, с какой точки зрения рассматривать происходящее. Во время войны Имперским флотом командовала тетка Эльтора, Соскони Валдория. В соответствии с условиями договора она отправила наиболее уязвимых ронов на Землю, где те могли бы чувствовать себя в безопасности. После войны Объединенные Миры отказались отпустить ронов на родину — из опасения, что это снова повлечет за собой уничтожение звездных миров. Еще более осложнило ситуацию то, что купцы согласились выпустить на свободу своего самого ценного военнопленного — отца Эльтора — в обмен на освобождение сына их покойного Императора.

— В конце концов имперская группа, занимавшаяся проведением спецопераций, освободила насильно удерживаемых на Земле ронов, — продолжила свой рассказ Минь. — Но из-за этого мы едва не ввязались в войну. Вполне допустимо, что сами рейликаны вымирают, однако их империя процветает, особенно после того, как их генофонд обновился за счет притока генов иммигрантов из Объединенных Миров. Единственная причина, по которой они не уничтожили нас, состоит в том, что, несмотря на нашу малую численность, мы сильны и помогаем сохранять военно-политическое равновесие, имея в союзниках любое из государств.

Я задумалась.

— Так, значит, родители Эльтора — роны. Оба. Верно? И они, — я попыталась подобрать наиболее тактичное выражение, — в некотором отношении состоят в довольно близком родстве.

— Это называется инбридингом — скрещиванием близкородственных биологических особей, — пояснила Минь. — Впрочем, не мне их осуждать. Ведь для ронов инбридинг — едва ли не единственный способ воспроизводства себе подобных. — Минь смерила меня пристальным взглядом. — Ты знаешь свой рейтинг по эмпатической шкале Кайла?

— Понятия не имею, что это такое.

— Она характеризует способность к восприятию и излучению эмоций. Ее также называют пси-шкалой, и в ней используется система баллов. Девяносто девять процентов людей по этой шкале имеют ноль-два балла. Те, кто при тестировании способен набрать более трех баллов — то есть примерно один человек из тысячи, — являются эмпатами. Шесть баллов по пси-шкале соответствуют понятию «телепат». Телепаты встречаются среди людей редко, лишь один человек из миллиона может оказаться телепатом. Набрать десять баллов способен лишь один человек из десяти миллиардов. Сама шкала обрывается на отметке 11–12 баллов. Рон-операторы, такие как Эльтор, называются просто ронами без всякой привязки к числу баллов, потому что их рейтинг настолько высок, что не поддается точной классификации. Кроме того, число ронов настолько мало, что они, можно считать, находятся на грани вымирания. Мне потребовалось какое-то время, чтобы переварить сказанное моей собеседницей.

— Он считает меня телепатом. Но до встречи с ним я не замечала за собой никаких телепатических способностей.

Минь согласно кивнула:

— Я тоже слышала, что обычно, когда возникает мысленная связь между двумя или более операторами, более сильный из них способен увеличивать способности других. Но

даже если рассматривать ваши способности отдельно от него, ваш рейтинг все равно окажется очень высок — балла четыре или пять.

Четыре. Или даже пять. Вот уж не думала, что я чем-то отличаюсь от остальных людей. После того как Минь оставила меня, чтобы дать мне время отдохнуть, я улеглась прямо на одеяло и обратила мой мысленный зов к Джагу.

Слушаю!

Как там Эльтор?

Спит. Я все еще занимаюсь им.

Мне хотелось бы побольше узнать об операторах Кайла.

Могу предоставить тебе доступ в библиотеку.

А это не отвлечет тебя от твоей работы?

Нет. Предметный указатель — это всего лишь второстепенная автоматическая функция. Он не требует от меня особого внимания.

В моих мыслях возникли строчки меню.

Предметный указатель.

Помощь.

Выход.

Предметный указатель, подумала я.

Я закрыла глаза, и перед моим мысленным взором возникла библиотека — помещение, до самого потолка заставленное полками с множеством книг. Библиотекарь с внешностью Мартинелли усадил меня в кресло. В ответ на мои вопросы он либо приносил книги, либо усаживался рядом со мной и начинал объяснять. Свои слова он подкреплял жестами и вдавался в мельчайшие подробности.

Существует несколько сотен генов Кайла. Это аллели, или альтернативные формы нормальных генов. Мутации. Подобно прочим мутациям они приносят больше вреда, чем пользы. К счастью, они являются полностью рецессивными, то есть никак не обнаруживают себя до тех пор, пока не наследуются от обоих родителей. Люди, несущие одну аллель Кайла и один нормальный ген, являются нормальными. У тех же из них, кто является обладателем парных аллелей, неизменно возникают проблемы. Анемия. Отсутствие конечностей или органов. Болезни легких или сердца. Аномалии в развитии нервов, мышц, кровообращения. Дефекты мозга. Эмбрионы Кайла часто погибают спустя несколько недель после зачатия. Те, кому посчастливилось выжить, редко доживают до полового созревания.

Гены Кайла сохраняются в человеческом генофонде потому, что в случае непарности помогают людям — своим носителям. Именно по этой причине сохраняется серповидная анемия. Носители одной нормальной и одной мутированной аллели, вызывающей серповидную анемию, не только практически не проявляют симптомов заболевания, но и совершенно невосприимчивы к малярии. Люди с непарными генами Кайла редко проявляют вредные мутации, зато их отличают повышенные способности к эмпатии. Это помогает им быть хорошими родителями, а их дети также мечтают о том, чтобы обзавестись семьей. Они становятся родителями чаще, чем их обычные сверстники. Генетические фонды поддерживают равновесие: гены Кайла сохраняются, однако эмпатов на свет появляется все-таки очень мало по причине ослабляющего эффекта, возникающего при спаривании генов.

Все роны несут в себе какую-либо форму каждой аллели Кайла, причем каждая из таких аллелей является парной. Так откуда же им быть здоровыми? Все зависит от многих факторов: особых последовательностей в генах, участков ДНК, именуемых *интронами*, расположением генов в хромосомах, количества представленных аллелей. Одна отдельная аллель может привести к появлению нежелательных черт, присутствие другой аллели может такую черту подавить. Гены имеют также плейотропический характер, то есть выполняют несколько функций. В исключительно редких случаях эмпат может появиться на свет здоровым или почти здоровым, подобно Эльтору. Однако существует и целый ряд проблем. Например, высокий процент самоубийств.

Даже сейчас, когда псибернетики обучают эмпатов тому, как приглушать нескончаемый поток эмоций, поступающих от других людей, эта проблема все равно сохраняет актуальность.

Джагернауты снабжены защитой — их биомеханические сети способны выделять блокиратор, своеобразный наркотик. Он подавляет псиамин, нейротрансмиттер, необходимый для расшифровки чужих эмоций. Иными словами, Джагернауты способны блокировать эмпатические сигналы. Однако из сети поступает лишь ограниченное количество блокиратора, поскольку избыток его отрицательно сказывался бы на основных функциях Джагернаутов.

Эмпаты, не обладающие биомеханикой, также умеют блокировать эмоции, хотя и менее эффективно, при помощи биологических резервов, предназначенных для подавления пси-амин. Я научилась делать это еще в детстве, не понимая механизма этого процесса, просто представляла себе зеркало, в котором отражаются эмоции других людей, снова возвращающиеся к ним. Еще я представляла себе крепостные стены, окружающие мои мысли, или, в роли той же стены, — ослепительно белый свет.

У всех есть Принимающее Тело Кайла (ПТК) и Излучающее Тело Кайла (ИТК). Нормальные гены производят ферменты, ограничивающие рост этих органов. Люди со спаренными генами Кайла не способны производить эти ферменты в нужном количестве. Поэтому их ПТК и ИТК продолжают расти. Вместо нескольких активных молекулярных участков появляются тысячи или даже миллионы. Вероятность появления на свет существа подобного Эльтору — здорового Кайл-оператора с миллиардами активных участков ПТК и ИТК — с точки зрения теории вероятности практически равна нулю.

Однако природа терпелива.

Люди заселили более трех тысяч планет: купцы — полторы тысячи, соотечественники Эльтора — девятьсот, жители Земли — триста. Три триллиона людей. Умножьте это число на сотни лет, в течение которых люди уже знали, как находить Кайл-операторов, и цифры покажутся еще более ошеломляющими. Из всех людей с полным комплектом генов Кайла лишь двое сумели произвести на свет здоровое потомство. Оба были псионами Рона. Один из них, гигант с золотистой кожей, стал отцом матери Эльтора и ее сестры, которая была Эльтору одновременно и теткой, и бабушкой со стороны отца. Вторым был дед Эльтора по линии отца. Бабушка Эльтора по линии матери была результатом рон-проекта. Его дед и бабушка произвели на свет здоровое потомство потому, что сами происходили из разных генофондов, а также потому, что их ДНК методом естественного отбора определила пути подавления вредных черт.

Однако роны являются своего рода генетическими бомбами, которые когда-нибудь дождутся своего часа и взорвутся. Самой жуткой мутацией является СК-комплекс. Он сформировался еще у первых поколений рейликан в результате облучения, которому те подверглись при разборке оборудования поврежденных межзвездных шаттлов. Эльтор как раз и является носителем такого комплекса. Библиотекарь заверил меня, что половая принадлежность сохраняет его жизнеспособность. Кстати, он так и не понял, почему его последние слова вызвали у меня улыбку. Вернее, он сказал что-то про половые хромосомы. Мужской пол определяется наличием одной X и одной Y-хромосомы, женский — двумя X-хромосомами. У женщин только одна X-хромосома полностью активна в каждой клетке, в противном случае женщины бы получали двойную дозу генетической активности. Однако гены проявляют себя — в том числе и, к несчастью, СК-комплексом — и в пассивной, «спящей» X-хромосоме. Это происходит только в X-хромосоме и не имеет гомолога в Y-хромосоме, поэтому ни один мужчина не может быть носителем такой спаренной хромосомы. В неспаренной хромосоме СК-комплекс безвреден и подавляет другие мутации.

В спаренной он убивает эмбрион.

В силу того что СК-комплекс подавляет другие мутации, рейликаны только с одним C K-геном имели более высокий порог выживаемости, чем те, у которых такого гена не было. Поэтому комплекс стал получать все более широкое распространение, несмотря на

многочисленные попытки уничтожить его. Вскоре все рейликаны стали носителями этого комплекса. В результате спаренный СК обнаруживал себя у каждого второго эмбриона женского пола, и девочек, которым удавалось выжить, резко сократилось.

Когда рейликаны поняли, что происходит, женщины без СК-комплекса стали предпринимать попытки клонировать себя, используя свои зиготы, или оплодотворенные яйцеклетки. Одноклеточная зигота «всемогуща»: все ее ДНК отличаются активностью, и она способна привести к появлению человеческого существа. То же самое верно и в отношении двух клеток, образующихся при делении зиготы. Разделив их, можно получить пару внешне похожих близнецов. Два деления приведут к появлению четырех особей, а четыре — восьми. Шестнадцать уже не срабатывают — зигота теряет свое «всемогущество» после трех делений.

Эмбрионы с ДНК Кайла неодинаковы: чем больше генов Кайла, тем меньше шансов искусственного деления зиготы. Большинству рейликан везет — им удается произвести на свет близнецов-клонов. Однако в семье Эльтора не везло и с «близнецами». Даже если клетки и развивались в эмбрионы, получающиеся в конечном итоге клоны утрачивали эмпатические способности и бывали подвержены различным патологиям. Несколько попыток создать ронов-близнецов закончились в семье Эльтора трагедией. Эксперименты с ее членами были объявлены незаконными. Увы, это была запоздавшая попытка со стороны Имперского комитета по этике защитить семью от сомнительных действий правительства.

Однако научные поиски не остались безрезультатными. Ученые научились «пробуждать к жизни» пассивные, «спящие» ДНК в клетках, утративших способность к половому делению. Сегодня — правда, чисто теоретически — они могут создать клон из любой клетки. Ученые извлекают ядро из оплодотворенной яйцеклетки и заменяют его «разбуженным» ядром. «Разбудить» ДНК — дело достаточно сложное, почти такое же, как найти подходящую яйцеклетку. Для создания клон Кайла необходима яйцеклетка женщины со способностями эмпата, поскольку в противном случае эксперимент не увенчается успехом. При помощи женщин-эмпатов из заново открытых колоний рейликаны могут клонировать себя, однако положительных результатов в деле сохранения своей расы они пока добиваются не слишком часто.

У псионов Рона разбуженное ядро является попросту слишком чувствительным к воздействию окружающей среды. Все клоны погибают. После жарких дебатов с комиссиями по этике одна группа ученых попыталась клонировать тетку Эльтора, поместив ядро разбуженной ДНК в яйцеклетку ее матери. Попытка оказалась неудачной. Ученые тщательно воссоздали яйцеклетку, воспроизведя ее ДНК элемент за элементом. Погиб и этот клон. Возможно, когда-нибудь генетики все-таки успешно осуществят поставленную перед собой задачу, однако с тех пор их преследовали неудачи.

Почему же так важно научиться производить новых и новых ронов? Ассамблея использует их в психонет, связывающей воедино Сколийскую Империю. Любой телепат с биомеханической сетью может войти в сеть, однако только телепат-ронов обладает силой, достаточной для того, чтобы приводить ее в действие. Без них психонет попросту прекратила бы свое существование.

Даже если и будет найден способ клонирования ронов, это станет лишь частичным решением проблемы. Психонет подчиняется законам квантовой механики, в том числе и Принципу Исключения Паули, только применительно к кванту мысли, а не света или вещества. Подобно тому как два любые фермиона никогда не могут иметь сходные квантовые числа, так и никакие два разума в звене, управляющем психонетом, не могут оказаться одинаковыми. Поэтому даже десять клонов одного человека не способны решить проблему. Даже близкородственные браки не в состоянии принести пользы после одного или двух поколений. Кроме того, при этом возникают проблемы этического свойства, поскольку чем больше инбридинг, тем больше сходства может возникнуть между потомством.

Библиотека предоставила мне ряд леденящих кровь фактов, которые Имперская Ассамблея никогда еще не делала достоянием гласности. Вопреки широко бытующему

представлению Рон не произвел на свет псиона-рона. Генетик быстро понял, что, пока не найдет способ уничтожать вредоносные эффекты генов Кайла, ему ни за что не создать здоровых телепатов. Именно поэтому он и экспериментировал с терпимостью к боли. Ген, ответственный за распознавание болевых ощущений, также препятствует выделению энзима, который ограничивает рост ИТК и ПТК. Поэтому носители этого гена, как правило, имеют повышенное ПТК и более чувствительны к боли. Рон попытался, повысив толерантность к боли, отделить эти свойства сохранением повышенного развития ПТК. Во избежание каких-либо осложнений он выбрал объектами своего эксперимента лиц — носителей лишь тех генов Кайла, которые вызывали у него особый интерес. Эти люди не имели генов, необходимых для создания операторов Кайла, и поэтому не являлись эмпатами. Поскольку задействован был только один ген, были все основания рассчитывать на положительный результат. Группа Рона работала над проектом несколько долгих лет, причем на каждом этапе их работу контролировала комиссия по этике.

Поначалу проблемы не бросались в глаза. Человеческие особи, которых создавал Рон, выглядели немного странно. У них были красные глаза и блестящие черные волосы, но по сравнению с результатами генетических экспериментов в далеких колониях это не казалось чем-то необычным. Все получалось почти так, как и предполагалось. Все творения Рона отличались именно теми чертами, которых он и надеялся добиться, — повышенной толерантности к боли и увеличенное ПТК. Все омрачалось одним недостатком — ПТК клонов регистрировало лишь сигналы боли. В то же время мозг их получал приказ *усиливать терпимость к боли*, причем таким образом, что болевые сигналы перенаправлялись в центры сексуального наслаждения.

Это изменило всю межзвездную историю.

Когда Рон понял, что произошло, то осознал значение случившегося гораздо лучше, чем всезнающие и всеведающие члены комитетов, контролировавших его работу. Он честно сообщил этим всезнайкам-комитетчикам о том, что созданные им человеческие существа необходимо уничтожить. На фоне разгоревшихся бурных дебатов творения Рона — будущие аристо — убили своего создателя, похитили или уничтожили всю его научную документацию и зажили своей собственной жизнью.

Раса, равнодушная к страданиям других людей, может вызвать настоящий хаос во вселенной, населенной более мирным, способным к состраданию человечеством. Только после того как число аристо достигло нескольких тысяч, когда они стали «наступать друг другу на пятки», их экспансия постепенно пошла на убыль. Эти несколько тысяч вскоре создали свою собственную, brutальную империю.

Они также продолжили работу, начатую Роном, в надежде создать расу суперэмпатов. Зачем? Чем сильнее эмпат, тем сильнее и сигнал от испытывающего боль человека и соответственно тем мощнее наслаждение, которое получают аристо. Аристо клонируют эмпатов во имя достижения удовольствий, цинично называя их Источниками. Они ищут их с той же страстью, которая может сравниться разве что с потребностью в пище и сне.

В конце концов они добились заветной цели: им удалось создать двух телепатов-ронов, мужчину и женщину, которых можно было бы использовать в целях выведения ценного потомства. Юноша, с предельной ясностью осознавая свое будущее, лишил себя жизни. Достигнув взрослого возраста, женщина сбежала, убив собственных создателей — в отместку за смерть своего товарища по несчастью. Она также уничтожила все документы, которые имели отношение к работам, приведшим к ее рождению. В настоящее время она является единственным известным псионом Рона, успешно созданным в лабораторных условиях.

Эта женщина — бабушка Эльтора.

Джаг, мысленно позвала я.

Да, отозвался Джаг.

Родители Эльтора состоят в близком родстве. Ему посчастливилось родиться нормальным, без всяких патологий.

Джаг немного помолчал.

У него есть хромосомная патология. Лишняя Y—хромосома.

Ты хочешь сказать, что его хромосомный набор ХУУ?

Именно.

А разве у людей с лишней половой хромосомой не возникает никаких проблем? Я вспомнила о детях, которых мы с ним мечтали завести. Что-то вроде бесплодия?

Мужчины с дополнительной Y—хромосомой отнюдь не бесплодны. Кроме того, они не передают эту лишнюю Y—хромосому потомству.

И тем не менее?

Их рост часто превышает средний.

И только-то?

Джаг снова умолк.

Их интеллект ниже среднего уровня.

К Эльтору это не относится. Он же ученый в области ракетостроения или ракетный инженер.

Ты права. Большинство Кайл-операторов имеют интеллект выше среднего благодаря своим дополнительным нервным структурам.

Это все его отличия?

Джаг снова сделал паузу.

Значительное количество мужчин, содержащихся в тюрьмах, обычно относятся к генотипу с хромосомным набором ХУУ, особенно те, чей рост превышает шесть футов.

В моей памяти всплыла полузабытая сводка новостей, которую я когда-то слышала на моей далекой, родной Земле.

Потому что они более агрессивны. Более склонны к насилию?

Верно.

Эльтор совсем не такой.

Как только я произнесла эти слова, то поняла, что согрешила против истины. После того как Джаг ничего не ответил, я добавила:

Он не склонен к криминальному насилию.

Ты права, не склонен. Но тут дело не в одной только генетике. На развитие личности влияет ряд факторов: воспитание, сам тип личности, окружение.

Почему ты мне об этом говоришь?

В результате умозаключений, имеющих целью смоделировать твое будущее, прихожу к следующему выводу: ты будешь считать агрессивные наклонности неприемлемыми для себя.

Ты думаешь, что я буду протестовать?

Да.

Тогда твоя информация неверна.

Да, сведений о тебе, которыми я располагаю, недостаточно, согласился Джаг. Я увеличил их за счет поведенческих моделей, полученных из алгоритмов, приложимых к гамма-гуманоидным особям женского пола с близким тебе фенотипом.

Означает ли это, что ты основал свою догадку на моей внешности?

Совершенно верно.

С кем же ты меня сравнивал?

У тебя внешность рейликанки. Поэтому я экстраполировал модели поведения представительниц Рубиновой Династии. Однако модели, которыми я располагаю, становятся нестабильными. Наиболее стабильные же, напротив, совершенно не соответствуют истинному поведению рейликанских женицин. Такая женицина будет обязательно тяготеть к мужчинам с пониженной агрессивностью. Ты же, как мне кажется, стремишься к противоположному.

Я моргнула.

Никогда раньше ни о чем таком не задумывалась.

Учитывая твой небольшой рост и неагрессивный характер в сочетании с субкультурой, сформировавшей твоё ближайшее окружение, твой критерий при выборе партнера вполне логичен.

Тогда тебе известно, что я никогда не брошу Эльтора.

Я введу сказанное сейчас тобой в мои поведенческие модели.

Мне показалось, что мой ответ вызвал у него глубокое удовлетворение. Интересно, как далеко может зайти Джаг в стремлении защитить своего пилота?

Глава 12 ЗВЕЗДНЫЙ СОЮЗ

Минь распахнула дверь, и моему взгляду открылась целая бездна звезд: рубинов, топазов, сапфиров и опалов. Я стояла рядом с ней у входа, ведущего на Палубу Обозрения. Непрозрачной была только стена, оставшаяся за моей спиной. Остальная часть комнаты была из армированного стекла и являла собой пузырь, выдававшийся наружу на «нижней» стороне колеса станции. В центре помещения возвышалась сделанная из хрусталя кафедра, отчетливо выделявшаяся на фоне звездного пейзажа. На ней стояла какая-то лакированная шкатулка, а также ваза с одной-единственной розой. Рядом с ними лежала открытая книга, настоящая книга из бумаги с кожаным переплетом, огромная по нашим временам редкость, настоящий антиквариат. Я попросила у Минь разрешения воспользоваться ею, потому что электронная голокнига явно не соответствовала предстоящей торжественной церемонии.

Помещение постепенно заполнялось людьми — они либо оставались стоять на месте, либо расхаживали из стороны в сторону. Среди присутствующих был и доктор Кабату, одетый в спортивный костюм с наплечными шевронами НАСА и Объединенных Миров. Стоунхедж, облаченный по такому случаю в парадный мундир, стоял возле кафедры. Грудь его украшали медали, а расшитая золотом форма сверкала и переливалась, словно присыпанная звездной пылью.

Я не сразу поняла, что сияние исходит не от звезд. Окружающая обстановка ошеломила меня, а Эльтор был настолько не похож на себя, что я лишь через несколько секунд поняла, что это он стоит рядом со Стоунхеджем. Золотистая голографическая ткань его костюма ярко сияла, от чего казалось, будто свет исходит откуда-то из ее глубины. Покрой был по-спартански простым — свитер с поперечными полосами, от чего его плечи казались еще шире, и брюки с лампасами более темного золотистого оттенка. Брюки заправлены в высокие, по колено, золотистые ботинки, начищенные до зеркального блеска. На поясе искривленный меч в золотых ножнах.

Когда Минь проводила меня в глубь помещения, Эльтор посмотрел в нашу сторону и пожал плечами. Как и у меня, вид у него был сконфуженный — события развивались с молниеносной быстротой, и мы едва поспевали за ними. Минь подвела меня к Эльтору, а сама заняла место за кафедрой.

Эльтор не отрывал от меня глаз, и Стоунхеджу пришлось легким толчком вывести его из состояния легкой задумчивости. Когда Минь откашлялась, мы оторвали друг от друга взгляд и повернулись в ее сторону. У нас с Минь ушло немало времени на поиск соответствующей церемонии. В конце концов нам удалось-таки откопать описание бракосочетания по католическому обряду трехсотпятидесятилетней давности. Меня удивило, что капеллан Минь может прочитать мессу, — в ту пору я еще не знала о хартии Межрелигиозного Совета Объединенных Миров, согласно которой всем желающим в отдаленных колониях, где затруднена возможность отправлять религиозные культы, предоставляются религиозные пастыри, или межзвездные капелланы.

Мы отправили текст церемонии Джагу на одобрение Эльтору. Джаг ответил согласием, но я подозреваю, что Эльтор его даже не видел. У меня было такое чувство, будто его разум спит, ведь Джаг продолжал работать над ним.

Мы с Эльтором заняли место перед кафедрой, пытаясь вникнуть в содержание ритуала,

пока Минь что-то зачитывала вслух. Я в это время думала о доме, о тех людях, с которыми хотела бы разделить радость сегодняшнего дня, — о Мануэле и мой маме.

— Тина! — вывел меня из состояния задумчивости голос Минь.

Мне тут же стало ясно, что церемония приостановилась.

— Да?

Минь повернула голову к Стоунхеджу:

— Он не примет этого условия!

— Это незаконно! — отозвался тот, причем достаточно тихо, чтобы его не услышали присутствующие.

— Тина сама выбрала этот обряд, — произнес Эльтор. — Если Джаг принял такой текст, то это — ее выбор.

Стоунхедж хмуро посмотрел на него.

— Вы не прочитали текст собственной церемонии бракосочетания?

— Я не смог этого сделать, — ответил Эльтор. — Джаг только разбудил меня.

— Послушайте, Макс! Это был ее выбор! — сказала Минь. — Она настояла на этом!

— Но это незаконно! — возразил директор станции. — Мы и так нарушаем закон, выступая в роли ее опекунов. Я не могу дать санкцию на пожизненный срок брачного союза семнадцатилетней девушке.

— А разве у вас не становятся мужем и женой на всю оставшуюся жизнь? — наивно осведомилась я.

— Во всяком случае, не в вашем возрасте! — отрезал Стоунхедж. — Вы можете заключить брачный контракт лишь на десять лет. Это и так максимальный срок. Когда подойдет время его возобновления, вы уже достигнете должного, законного возраста, позволяющего вам решать, хотите ли вы провести остаток жизни вместе с этим человеком, вашим избранником.

— Думаю, мы должны пойти им навстречу, — вмешалась Минь. — Юридические определения никак не подходят к данной ситуации.

Я едва ли не кожей ощущала излучаемое Стоунхеджем отчаяние. Однако когда Минь вопрошающе посмотрела на директора, тот лишь снисходительно махнул рукой:

— Продолжайте! Вернее, заканчивайте!

Минь подсказала нам несколько строчек:

— В горе и в радости.

— В горе и в радости, — повторил Эльтор.

— Пока смерть не разлучит нас.

— Пока смерть не разлучит нас.

После того как я повторила слова брачных обетов, Минь продолжила. Она прочитала вслух отрывок, в котором говорилось об обмене обручальными кольцами, каковых, впрочем, у нас не было. Тогда она открыла лакированную шкатулку и извлекла из нее золотое кольцо. У меня от удивления открылся рот. Минь тем временем протянула его Эльтору. Тот удивленно посмотрел на кольцо.

— Что мне нужно делать? Минь улыбнулась:

— Повторяйте за мной: «Этим кольцом я беру тебя в жены и вверяю себя тебе».

Лицо Эльтора утратило выражение, словно перейдя в компьютерный режим.

— Я не нахожу этой фразы. — Он вернулся в нормальное состояние. — Что означают слова: «вверяю себя тебе»?

— Неплохой вопрос, — пробормотал Стоунхедж. — По крайней мере жених не стал возражать.

Когда Минь смерила его острым взглядом, Эльтор вытянул вперед руку, как будто желал оградить себя от ее недовольства.

— Вверяю себя тебе, — пояснила она Эльтору, — означает ваше обещание стать ее мужем. Наденьте кольцо на безымянный палец руки вашей невесты!

Эльтор надел кольцо мне на палец.

— Этим кольцом я вверяю себя тебе.

Я поспешно прижала руку к губам, стараясь не засмеяться. Минь вручила мне второе кольцо, сделанное из мягкого желтого металла. Как оказалось, золота очень высокой пробы. Меня привели в смятение щедрые дары, которые преподнесли нам обитатели космической станции.

— Благодарю вас, — произнесла я. Эльтор также кивнул в знак благодарности.

Я аккуратно надела ему на палец кольцо. Он покрутил рукой, рассматривая его с разных сторон. Затем Минь отслужила мессу и прочла молитвы, адресованные новобрачным, то есть нам. Станция медленно оборачивалась вокруг своей оси, и вскоре перед нашими взглядами проплыла, подобно величавой богине древности, планета Афина. Мне показалось, что все это я вижу во сне, будто я плыву в безбрежном океане звездной пыли.

Минь приступила к последнему благословению, но Эльтору, видимо, показалось, что она закончила. Не успела капеллан договорить до конца фразу, как он уже обнял меня за талию и поцеловал. Я на какой-то миг замерла от испуга, не зная, что мне сейчас делать. И тогда я ответила на его поцелуй.

— Не обращайтесь на нас внимания, — произнес Стоунхедж.

Минь дружелюбно рассмеялась.

— Видимо, не стоит продолжать далее церемонию. Жених может поцеловать невесту.

Все дальнейшее я воспринимала как в тумане. Директор станции принялся знакомить нас с гостями: учеными, администраторами, колонистами, военными. Все это время звезды продолжали свой удивительный парад вокруг нашего прозрачного «пузырька», гипнотизируя меня своим величием. Сверкающая дымка, излучаемая голографической тканью мундира Эльтора, сливалась с золотистой дымкой, излучаемой моим усталым мозгом. Вскоре мне показалось, что я со всех сторон окружена золотистым туманом.

В конце концов нам на выручку пришел доктор Кабату, любезно проводив в пустое, тихое помещение со скамьей вдоль круглой стены и столиком-консолью посередине. Как только он вышел, мы вместе устало опустились на скамью.

— Наконец-то, — произнес Эльтор. — Никогда не знал, что нужно говорить в подобных случаях.

Я рассмеялась.

— Тебе и не нужно ничего говорить. Им всем просто хотелось посмотреть на тебя.

Голос Эльтора смягчился.

— Когда вы с Нэнси Минь вошли в дверь, у вас за спиной падал свет, и вокруг тебя возник ореол. — Он прикоснулся к атласной ткани моего платья. — Твое платье так удивительно сверкает! В нем ты похожа на ангела!

— Я то же подумала о тебе.

— Что я тоже похож на ангела? — рассмеялся он. — Меня по-всякому называли в моей жизни, но ангелом — ни разу.

— А я подумала, что ты похож на настоящего героя, — улыбнулась я.

— Вряд ли.

— А мне кажется, что да, похож!

— Вот поэтому-то они и заставляют нас надевать эти клоунские наряды! — Эльтор указал на свою форму. — Командование Имперских Космических Сил придумывает фасоны военной формы на основе компьютерных выкладок и рекомендаций психологов.

— Даже это? — Я прикоснулась к его боевому мечу.

— Вообще-то это мое личное оружие. Оно перешло ко мне по наследству. Это церемониальный меч Абаджа Такалика. Мой дед получил его в день своей свадьбы.

Я удивленно посмотрела на него.

— Как ты сказал? Абадж Такалик? Это же город народа майя! Он находился недалеко от границы с Гватемалой. Его развалинам уже более двух тысяч лет.

— Город? — У Эльтора от удивления приоткрылся рот. — Абадж, о котором я веду речь, — это братство, возникшее шесть тысяч лет назад для охраны Рубиновой Династии.

Недавно они поклялись, не щадя своей жизни, защищать мою семью.

— Они телохранители? Эльтор утвердительно кивнул.

— Главная их задача — присутствие на торжественных церемониях. Телохранителями моих родителей являются Джагернауты. Однако защита Рубиновой Династии — священная обязанность Абаджа. — Секунду помолчав, Эльтор сухо добавил: — Впрочем, последние пять тысяч лет властью мы не обладали.

— Джаг рассказал мне о псиберсети, о том, как важна для нее твоя семья.

— Для того чтобы управлять ею, необходимы три Ключа. Моя мать самая старшая, она является связующим звеном с Ассамблеей. Мой дядя Келрик — военный Ключ. Он также командует Имперским флотом. — Эльтор на какое-то мгновение замолчал. — Третий Ключ, мой дед, умер пятьдесят лет назад. Его место должен был занять мой отец. Но купцы похитили Третий Замок.

— А как же можно похитить Замок? Эльтор улыбнулся.

— Видишь ли, замок — это контрольная база. Мой отец присоединялся бы там к энергетическому центру сети. Купцы не могут пользоваться им, потому что у них нет псионов Рона, но и нам его не отдают.

Тогда я еще не связывала то, что мне рассказывал Эльтор, с тем, что Минь сообщила мне чуть раньше об обмене пленными сразу после окончания последней войны, когда освободили отца Эльтора. Этот обмен состоялся до того, как имевшие к нему отношение официальные лица купцов узнали, что их военные держали в плену Ключ. Я часто задумывалась над тем, как бы они повели себя, если бы узнали, что у них в плену и Замок, и Ключ. Отказались бы они выпустить на свободу отца Эльтора, будь им известно, что юноша, на которого они его поменяли, — их будущий Император?

— Вам нужно создать еще один Замок! — сказала я.

— Как? Мои предки обнаружили эту технологию где-то в развалинах Рейликона. Мы поняли, как совершать межзвездные перелеты, но до сих пор не разгадали принципов действия их псибертехнологий.

— Не понимаю. Почему псиберсеть так важна для вас? Эльтор уперся локтями в колени и немного подался вперед.

— Она позволяет нам связываться друг с другом на огромных расстояниях практически мгновенно. Единственная альтернативная возможность связи — отправка межпланетных сообщений при помощи электромагнитных волн, путешествующих со скоростью света, или космического корабля, но тогда вступают в действие законы теории относительности. Имея же дело с этой самой относительностью, никогда нельзя быть до конца уверенным, когда же это самое сообщение достигнет места назначения. Хуже всего инверсия. Во время инверсии сигналы, которые ты посылаешь другим инверсирующим кораблям, могут прийти в любое время, даже еще до того, как ты отправил его, или не достигнуть другого конца вселенной. — Эльтор повернул ко мне руку, демонстрируя пси-разъем. — Псиберсеть позволяет делать это обходным путем. С той же скоростью, с какой я формулирую свою мысль, любой телепат в сети способен ее уловить. Скорость передачи информации играет жизненно важную роль в военном деле. Представь себе огромного неповоротливого воина и его маленького юркого противника. Как ты думаешь, у кого из них больше шансов на победу? Купцы, несомненно, разгромят нас, если им посчастливится нас схватить. Но они слишком неповоротливы. Вот поэтому-то нам и удастся оставаться в живых.

— Давид и Голиаф, — произнесла я и пояснила: — Это такая легенда о юноше, победившем великана.

— Я бы многое отдал, чтобы победить их, — сокрушенно вздохнул Эльтор. — Теперь, когда у них есть Замок, единственное, что им нужно, — это Ключ. Нас, ронов, одиннадцать. Одиннадцать потенциальных Ключей. Четыре женщины и семеро мужчин. — У него неожиданно сделался вид проказливого мальчишки, которого поймали за руку в тот момент, когда он запустил ее в банку с вареньем. — Я — самый младший. Самый малозначительный.

— Малолетка, так сказать? — съехидничала я. — А может быть, тебе и жениться

рановато?

Эльтор рассмеялся моей шутке, и в тот же самый момент раздался стук в дверь. В помещение заглянул доктор Кабату.

— Командир Селей, Макс просил меня узнать, не желаете ли вы, чтобы были сделаны кое-какие уточнения по тексту договора?

— Я сейчас же приду к вам, — ответил Эльтор. После того как Кабату удалился, я спросила:

— Собираешься поработать над договором? Эльтор отрицательно покачал головой.

— Переговоры между Союзным Конгрессом и Имперской Ассамблеей продлятся еще несколько месяцев. Мы с союзниками вот уже несколько десятилетий никак не можем найти общего языка и точек соприкосновения. Все четыре рона женского пола уже замужем, так что обе стороны с нетерпением ждут возможности устроить брак мужчины-рона и женщины из Союзных Миров, имеющей высокий рейтинг Кайла. — Эльтор виновато улыбнулся. — Поскольку у меня скромный статус — по сравнению со статусом моих дядюшек, — мои шансы так и останутся невелики. Меня никогда никто не воспринимал серьезно. Никто и не ожидал, что рон может жениться таким вот образом — без предварительных объявлений, незапланированно, необычно.

До меня понемногу стало доходить, почему он так настаивал на нашем скором, если не сказать поспешном браке. Если Минь действительно не ошиблась, мой рейтинг по пси-шкале составляет не менее пяти баллов. Из этого следует, что для соотечественников Эльтора я, даже несмотря на мое низкое социальное положение, представляю собой довольно большую ценность. Наши будущие дети обязательно станут Кайл-операторами, если даже не телепатами. Мои гены — совсем из другого генофонда, с другого края галактики. Наши с Эльтором аллели Кайла мало похожи, что сведет к минимуму неблагоприятные наследственные черты.

Сегодня, оглядываясь в прошлое, я понимаю, почему он настаивал на том, чтобы я больше ни за кого не выходила замуж: законы Империи разрешают полигамные браки. Шансы же самого Эльтора жениться на Кайл-женщине были весьма невысоки. В некотором смысле он перепрыгнул через несколько ступенек иерархической лестницы и сделал все для того, чтобы убрать соперников.

— Мне хотелось бы прямо сейчас удостовериться, соблюдены ли кое-какие положения договора, — произнес он. — У меня не слишком много земель, совсем мало денег и очень скромный чин. Но все равно это обязательно отойдет по наследству тебе в случае моей... — Эльтор сделал паузу. — В случае если со мной что-нибудь случится. — Лицо его приняло выражение безмерной усталости. — Мне необходимо поставить в известность мою семью. А пока я оставлю тебя под защитой Абаджей на Рейликоне. Тебя там будут надежно охранять.

— Нет! — воскликнула я. — Ты не можешь оставить меня одну!

Он обнял меня за талию.

— Я не хочу подвергать тебя опасности. Я попрошу Стоун-хеджа спрятать наш брачный контракт, чтобы забрать его чуть позже. — Понизив голос, Эльтор добавил: — Если меня убьют, его отправят и в Ассамблею, и в Союзный Конгресс.

— Нет, Эльтор! Не говори так! Никто тебя не убьет!

— Будем надеяться. — Выражение его лица смягчилось. — Особенно сейчас, когда у меня появилось то, о чем я раньше мог только мечтать!

Эльтор ушел, а я вернулась на Палубу Обозрения, чтобы полюбоваться звездами. Теперь здесь было тихо, и ничто не напоминало о только что состоявшейся свадебной церемонии. Осененная сиянием звезд, я стала молиться за Эльтора. Пусть с ним все будет хорошо, пусть смерть обойдет его стороной! Я обратилась с мольбой к божествам и испанским, и индейским, с которыми познакомилась еще в детстве: Отцу, Сыну и Святому Духу вашакам, держащим мир на своих плечах, моим предкам тотиль-меилетикам, богине Луны Иш-Чель и Деве Марии. К сожалению, мне нечем было подкрепить искренность моих чувств, разве что белыми свечами, что все еще горели в помещении. Я попросила духов

простить мне мой скудный ритуал, взывая к ним, чтобы они отвели молнии от души Эльтора.

Гром и молния: именно таким и представлялся мне теперь Эльтор. Поэтому я помолилась и Яхвалю Баламиллю, владыке Земли, хранящему в раковине улитки порох для запуска своих грохочущих ракет. Его сущность обитает в водяных ямах и пещерах, в том числе и неподалеку от Набенчаука, моего родного дома, в Озере Молний. Другую молитву я обратила к Анхелетику, просачивающемуся из пещер наружу в виде тумана, или приходящему в мир людей в виде молнии, а также Анхелу, богу грома и дождя. Чтобы не быть невежливой, я закончила мысленным обращением к Тору, древнегерманскому богу грома и войны. Это было уже явно не к месту, но мысль показалась мне неплохой.

После этого я покинула Палубу Обозрения и немного прогулялась по парку. Расположенные снаружи зеркала повернулись вокруг своей оси, отражая солнечный свет на другие части цветоложа, и эта часть станции перешла в ночную тень. Через окна струился звездный свет, такой же яркий, как сияние драгоценных камней, и такой же резкий, как их грани.

Глава 13 ПОХИЩЕНИЕ БЕЛОГО КРУЖЕВА

Кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидела золотистый туман. Постепенно представшая перед моим взглядом картина приобрела четкие очертания. Это был Эльтор.

За его спиной сияли украшавшие стены голографические картины — красные и золотые пейзажи какой-то пустыни. Когда я леглась спать, они светились слабо и тускло. Снова закрыв глаза, я сонным голосом спросила:

— Ты закончил дела со Стоунхеджем?

— Конечно. В нашем с тобой распоряжении целых шесть часов, прежде чем мы снова отправимся в путь, — сказал Эльтор и лег рядом со мной.

— М-м-м, хорошо, — откликнулась я и придвинулась к нему ближе.

Эльтор потянул завязку у меня на шее.

— Думаю, что справлюсь с этим без всякой инструкции по эксплуатации!

Я рассмеялась, вся еще теплая и полусонная. Сил открыть глаза у меня не было. Ощущая Эльтора рядом с собой, я продолжала дремать. Сначала его щека коснулась моего плеча, затем губы сомкнулись вокруг соска. Я попыталась проснуться, тщетно пытаюсь сфокусировать взгляд. Мне казалось, будто голова моя набита ватой. Поэтому я отпустила мои мысли в беспечное плавание. Как хорошо, что ни о чем не надо думать!

Через несколько секунд Эльтор запустил мне под платье руку и принялся стягивать трусики. Все еще пребывая в полусонном состоянии, я смутно понимала, что он пытается пробудить какие-то чувства у новоиспеченной невесты, вернее сказать — молодой жены.

В конечном итоге Эльтор разразился смехом.

— Просыпайся, Тина! Это же наша брачная ночь!

Я сделала попытку открыть глаза.

— Ты снова переключил режим?

— Я?!

— К тебе вернулся акцент.

— А я-то думал, что Джаг все исправил! — Эльтор поцеловал меня. — Значит, еще не все.

— Может быть... Ой!

В ту же секунду сон как рукой сняло.

Эльтор тотчас приподнялся, опираясь на локоть.

— Что случилось?

— Ты попал мне в живот своим мечом! — Наконец глаза мои открылись по-настоящему. Я тотчас увидела, что Эльтор еще одет. — Ты даже ботинки не снял!

Эльтор усмехнулся и, сев на кровать, принялся стягивать через голову свитер. Он

бросил его на пол, после чего отцепил меч и положил на одежду. Затем лег рядом и принялся целовать меня. Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Но... все-таки что-то было не так. Чего-то не хватало.

И тут до меня дошло! Золотистая дымка, вызванная моей усталостью, куда-то исчезла. Испарилась. Нет, блеск парадной формы ничуть не померк, но, кроме этого, больше ничего не было. Световая феерия моего сознания погасла.

Я прервала поцелуй.

— Эльтор, ты слышишь какой-то странный стук, там, снаружи?

Он тут же поднял голову и с тревогой посмотрел на меня.

— Что?!

— Стук. Снаружи.

— Нет, я не слышу никакого...

Договорить он не успел — мы оба услышали этот самый шум. Кто-то открыл дверь нашего дома.

Эльтор мгновенно вскочил с постели и потянулся за мечом. В гостиной раздались чьи-то шаги, грубые и бесцеремонные. Я поспешно встала и принялась натягивать на себя платье. Эльтор подтолкнул меня к задней стене.

— Стой за моей спиной!

В нашу комнату вела одна-единственная дверь. Вытаскивая из ножен меч, Эльтор шагнул прямо к ней. Шаги приближались с каждой секундой...

...Чья-то рука, обвившись вокруг меня, прижала к моему телу ружье. Оно было огромным, больше обычной штурмовой винтовки, и сделано из отполированного, как зеркало, металла. Приклад давил мне в живот, а ствол уперся в подбородок. За спиной я почувствовала присутствие чего-то похожего на человека, только огромного и твердого, как металл.

— Эльтор! — шепотом позвала я.

Он мгновенно обернулся. Стоило мне увидеть выражение его лица, как я поняла, что на этот раз удача явно изменила ему.

Дверь распахнулась, открыв взгляду четырех гигантов ростом более двух метров. Что-то вроде роботов, очень похожих на людей, но более массивных и мощных как скала. В зеркале брони отражались голографические картины, висевшие на стенах комнаты. На головах незваных пришельцев были рифленые шлемы, а там, где полагалось быть носу, находился небольшой экран. На каждом из гигантов — пояс с блоком питания и ботинки, от которых отходили шестидюймовые нити. Трое из них держали в руках точно такие же винтовки, какая в данный момент была прижата к моему телу.

Они привели с собой и Стоунхеджа. Его лицо было покрыто жуткими кровоподтеками. Кровоподтеки виднелись и сквозь прорехи в порванной одежде. Правый рукав мундира оторван напроць, к внутренней стороне локтя прижата повязка.

Теперь мне известно, что эти зеркальные гиганты были облаченными в броню наемниками, но в те драматические минуты я представления не имела о том, кто это. Единственное, что я испытывала, — это неопиcуемый ужас. Они очень похожи на роботов, отчего их называют боевыми андроидами или бороидами. В отличие от Джагернаутов они не отличались ни быстротой, ни ловкостью, зато были сильными и непробиваемыми. Настоящие ходячие крепости.

Эльтор стоял в самом центре комнаты, сжимая в руке церемониальный меч из мягкого золота. Разве мог он противостоять бронированным монстрам, против которых были бы бессильны и пятьдесят закаленных, боевых мечей? Эльтор посмотрел на бороидов, затем на меня, после чего снова обратил взгляд на железных чудовищ. И бросил меч на пол.

— Командир Селей! — раздался голос бороида у противоположной стены.

Голос этот прозвучал как будто из-под земли, словно был отфильтрован, с тем чтобы невозможно было опознать его хозяина.

— Не смейте трогать ее! — произнес Эльтор.

— Нас не интересует ваша жена, — отозвался бороид. — Не делайте опрометчивых поступков, и она останется целой и невредимой!

— Что вам нужно? — спросил Эльтор.

— Повернитесь! Руки за спину!

Эльтор подчинился, бороид же открыл дверцу в броне и извлек поблескивавший разноцветными огоньками шнур. Робот даже не стал подходить к Эльтору, а просто выпустил шнур из рук. Тот упал на пол, и в следующее мгновение, подобно змее, проворно вскарабкался Эльтору по ногам, к сложенным вместе рукам, стремительно принял форму петли и крепко связал запястья. Могло показаться, будто шнур этот — живое существо. На самом же деле автоматическая петля ничуть не живее, допустим, каменной скалы. Принцип ее действия основан на использовании нанороботов с клейкими молекулами, которые либо скользят, либо приклеиваются к любой поверхности, в зависимости от ее качеств.

Теперь руки Эльтора были крепко связаны за спиной. Бороид подошел ближе и стволом гигантской винтовки подтолкнул пленника вперед. Робот позади меня убрал оружие и, встав рядом со мной, взял за руку. Двигался он бесшумно, без топота, хотя и не совсем так, как остальные.

Он повел меня вперед, вслед за остальными наемниками, охранявшими Эльтора и Стоунхеджа. Тот бороид, что говорил с Эльтором, скорее всего был у них старшим. Не останавливаясь, он на ходу прикоснулся к какой-то панели на бронированном туловище, и его башмаки перестали топтать. Я поняла, что они специально громко топали, выманивая Эльтора к входной двери, а сами тем временем проникли сквозь заднюю стену — скорее всего при помощи купленных на черном рынке нанороботов, растворяющих металл.

Снаружи по-прежнему стояла ночь. Искусственное солнце сейчас освещало другую половину станции. Мы молча шли через залитый звездным светом парк. Ничто не нарушало ночной тишины. Мы прошли мимо распростертых на земле тел мужчины и женщины. Затем увидели спавшую под деревом собаку, а чуть дальше —дохлую мышь. Когда мы добрались до «спицы» космической станции, старший бороид принялся нажимать на кнопки лифта. Безрезультатно. Он попытался вызвать лифт еще раз, и снова ничего. Повернувшись к Стоунхеджу, он сказал:

— Какой код?

Стоунхедж упрямо молчал. Лицо его приняло каменное выражение.

Бороид с размаху ударил его по лицу, и директор отлетел, стукнувшись спиной о другого железного монстра.

— Какой код? Отвечай!

— Идите к черту! — ответил Стоунхедж.

Старший сделал знак своему товарищу. Бронированный монстр приблизился к директору станции, и тот весь напрягся. Однако бороид лишь пощупал «заплату» у него на руке — пальцы наемника словно были затянuty в зеркальную кожу, — после чего выпрямился.

— Попробуй еще раз!

Старший снова приказал директору:

— Отвечай! Какой код? Говори!

Стоунхедж заговорил — с видимой неохотой, как будто преодолая себя:

— Треугольник, квадрат, четверка, круг, круг, красный, четверка, тройка, восьмерка, зеленый.

Старший набрал код, и двери, ведущие в «спицу», отворились. Мы вдевтером втиснулись в кабину лифта, двери захлопнулись, и кабина начала двигаться к «втулке» космической станции.

Впоследствии нам стало известно, что в тот момент, когда Эльтор связался с «Эпсилани», со станции ушло сообщение, посланное дремлющим вирусом, проникшим в ее сеть. Он пробудился лишь после того, как поступило сообщение Эльтора. Выполнив свою неблагоприятную миссию, вирус самоуничтожился. Однако ему не удалось замести все

следы своего существования — ни на «Эпсилани», ни где-либо еще. Он успел заразить все сети — и сколийские, и Союзных Миров, и даже те, которые принадлежали купцам.

Мы двигались к центру станции, и вес наш стремительно уменьшался. Вскоре мы оказались в состоянии невесомости, и в этот момент открылись двери, ведущие в кольцевой коридор. Мы вплыли в дезинфекционную камеру, а затем оказались и в самой «втулке». По пути нам попались тела потерявших сознание колонистов. Я чувствовала, что Джаг где-то рядом, вернее, я ощутила его отсутствие. Он был тих, подобно спящему животному. И мне стало понятно, отчего голова моя совсем как ватная. Бороиды заперли Джага, и тем самым нарушили мою с ним мысленную связь, что не могло не сказаться и на моих мыслительных способностях. Мы оказались в дезинфекционной камере. На голографическом экране виднелось изображение шаттла. Он двигался со стороны большого корабля, который стоял на приколе возле космической станции, по направлению к стыковочному узлу Джага.

У входа в отсек поджидали два бороида, причем они стояли, а не парили в воздухе. Наши конвоиры тоже шагнули на палубу, удерживаясь на ее поверхности намагниченными подошвами массивных башмаков. Те, что конвоировали Эльтора, пока тот парил в пространстве, держали его за руки, напоминая гигантские статуи. Мой стражник тоже прочно стоял на полу, ухватив меня за руку. Я плавала рядом с ним, придерживая подол платья.

Старший бороид внимательно рассматривал голокарту.

— Когда корабль загрузится полностью?

— Потребуется еще несколько минут, — ответил один из наемников.

Голос его прозвучал непривычно — не по-человечески равнодушно и безжизненно, однако мне показалось, будто я уловила какой-то акцент. Тогда я еще не могла узнать сколийский говор, но от меня не скрылось, что Эльтор при этом весь напрягся.

Затем старший бороид обратил внимание на меня.

— Какие у тебя связи?

— Что? — не поняла я.

— Оставьте ее в покое! — бросил ему Эльтор.

Старший повернул голову в его сторону.

— Почему мы не нашли ваш брачный договор?

— Значит, Стоунхедж потерял его, — ответил Эльтор. — Но это лишь дополнительный договор. Приложение.

— Дополнительный? Приложение? Что это значит?

Бороид-сколиец поспешил объяснить:

— Это иносказание. Он хочет сказать, что она — его наложница.

Старший перевел взгляд на меня.

— Ага, теперь мне все понятно. — С этими словами главный наемник стволом винтовки оттянул мне декольте, частично обнажив грудь. — Да-да, теперь мне понятны его соображения.

Эльтор яростно рванулся из «дружеских объятий» стражников.

— Не смейте прикасаться к ней!

Но тут в разговор вмешался еще один бороид. Даже несмотря на пропущенный через фильтр голос, в его манере чувствовалась привычка повелевать. Кстати, фильтр не уничтожил и сколийский акцент.

— Уберите его! — указал он на Стоунхеджа.

Старший послушно кивнул и сделал знак другому бороиду. Тот вытащил из бронированного костюма шприц и выпустил заряд. Директор станции весь напрягся. Его лицо приняло озабоченное выражение, как будто он лихорадочно размышлял о том, умрет ли он, или же смерть все-таки обойдет его стороной. В следующую секунду тело его обмякло, и Стоунхедж безвольно осел на пол. К счастью, он лишь потерял сознание — я едва сдержала вздох облегчения.

Старший повернул голову к бороиду-сколийцу, пожелавшему избавиться от

Стоунхеджа.

— В чем же дело?

— Селей лжет, — ответил сколиец. — Он мог бы иметь столько женщин, сколько пожелает. Но он никогда не брал себе наложниц.

— Потребность в женщине может возникнуть у каждого, — возразил старший.

Сколиец издал какой-то странный звук, должно быть, он рассмеялся.

— И у него тоже, будьте уверены! Когда мы с ним вместе поступали в военную академию, он не прошел психологические тесты. Оказалось, он слишком много времени предавался эротическим фантазиям, что могло отвлечь его от учебы. Правда, экзаменационная комиссия отнеслась к этому довольно снисходительно.

— Тогда почему у вас возникли сомнения по поводу этой девицы?

— Она ему не пара. В любовницы он обычно выбирает женщин, равных ему по статусу. Не наложниц. Не забывайте, он происходит из культуры, в которой царил строгий матриархат.

— Так ведь это было пять тысяч лет назад, — осторожно возразил старший.

— Да, но кое-какие пережитки остались.

Главный бороид повернулся ко мне:

— Эта перепуганная девочка никак ему не ровня. Эльтор внимательно смотрел на бороида-сколийца. Даже не владея эмпатическими способностями, я без труда могла прочесть его мысли: *Кто он такой, это человек, если ему известно то, что неизвестно самому Эльтору?*

— Сэр! — обратился к сколийцу один из бороидов. — Перевалочная капсула находится рядом с Джагом. Мы можем стартовать в любую минуту.

— Оставьте мою жену здесь! — решительно произнес Эльтор. — Забирайте меня одного. У вас есть то, за чем вы пришли сюда.

— Ты хочешь, чтобы мы отпустили ее? — поинтересовался старший.

— Зачем она вам? Кроме того, она не сможет опознать никого из вас.

— А она мне нравится! — заявил старший бороид. — Тебе же она больше не понадобится.

Эльтор сжал кулаки.

— Только посмейте что-нибудь с ней сделать, и вы пожалеете!

Старший обошел его вокруг. Его огромные башмаки при этом издавали шипение.

— В твоём положении бессмысленно угрожать нам!

— За те деньги, которые вы получите за мое похищение, вы купите себе любую женщину, какую только пожелаете, — произнес Эльтор. — Зачем вам эта?

— Наверняка у тебя были основания взять ее в жены, принц ронов!

— А вы посмотрите на нее, и тогда поймете почему!

— Я вам не верю. — Старший обратился к бороиду, державшему меня за руку: — Уведите ее!

Покинув «Эпсилани», мы вошли в инверсию. С нами никто не разговаривал и никто не отвечал на наши вопросы. Когда мы с Эльтором попытались заговорить друг с другом, нам было велено молчать. Бороиды и между собой обменялись всего парой-тройкой слов. Казалось, они хотели побыстрее закончить работу.

Кабина была забита до отказа. Девять бороидов взяли на себя обязанности корабельного экипажа. Не снимая шлемов, они заняли пилотские места. Их тела предохраняли экзоскелеты, более громоздкие, чем тот, что был на Джаге. Эльтор сидел через один ряд впереди от меня, привязанный к креслу целой сетью веревок. Связывать меня всю наемники не стали, привязав к креслу только ноги и руки.

Джаг! мысленно позвала я. *Проснись!*

Ответа не последовало.

Эльтор! Ты слышишь меня?

И вновь никакого ответа. Моя голова была снова плотно набита ватой.

Полет продолжался в молчании и страхе. Эльтор дважды пытался повернуться ко мне, но оба раза пилот приказывал ему сидеть смирно. Спустя какое-то время ожил снабженный забралом шлем на моем кресле. Засветились огоньки, и по его внутренней поверхности поползли нескончаемые строчки иероглифов. Затем, меняя форму и цвет, начали появляться странные узоры. Картины сопровождались непривычными звуками, то резкими, то размытыми, словно эхо. Лицо мне стал обволакивать какой-то туман. Он заполнял мне ноздри, и вскоре я ощутила, что погружаюсь в сон.

Лишь раз я встрепенулась, почти пробудившись от наведенного сна, и вновь передо мной поплыли непонятные значки, запахи и звуки. У меня изо рта тянулась трубка, время от времени наполнявшаяся какой-то жидкостью. Я послушно глотала, не зная, какой она окажется на вкус — кислой или сладкой.

Я окончательно пробудилась, когда мы снова впали в состояние инверсии, и с чувством великого облегчения отметила для себя, что шлем куда-то делся. Бороиды приглушенными голосами о чем-то переговаривались с кораблем. Язык был мне незнаком. Связь между командой и судном была либо визуальной, либо словесной. Похоже, никто не связывался с кораблем так, как контактировали между собой Эльтор и Джаг.

Мы резко набрали скорость, затем на какое-то мгновение наступила невесомость, и снова ускорение. Как только перегрузки ослабли, раздался звонок, за которым последовало несколько толчков.

Бороиды зашевелились, готовясь покинуть корабль. Один из них развязал меня и помог выбраться из кресла. При этом броня его шипела совсем как насос, из которого выходит воздух. Эльтор стоял перед входом в кабину со связанными за спиной руками, по обеим сторонам от него застыли конвоиры. Он молча посмотрел на меня. Его лицо было искажено страданием. Мы спустились на унылую черную равнину — она тянулась во всех направлениях, покуда хватал глаз, теряясь в какой-то зловещей металлической дымке. Вдали виднелись какие-то приземистые здания квадратной формы, черные, как застывшая лава. На высоте сотен футов над равниной, изогнувшись под причудливыми углами, застыли многочисленные краны. С их стрел свешивались гигантские цепи, такие же неподвижные, как и все вокруг. Мы находились внутри какого-то сооружения циклопических размеров, от чего его потолок представлялся мне небом. Высоко над моей головой бесшумно смыкались половинки гигантского купола. В медленно уменьшавшемся просвете между ними виднелась узкая полоска черного неба, но затем не стало и ее.

Пониженная гравитация придавала ходьбе по равнине плавность и легкость, присущую лишь сновидению. Здание, к которому мы приблизились, напоминало гигантский, вытянутый в длину черный пенал. Массивная глыба-плита в одной из стен откатилась в сторону, открыв взгляду мембрану, в которой появилось мерцающее отверстие. Когда мы входили внутрь, у меня возникло ощущение, будто моей кожи коснулась тончайшая пленка мыльного пузыря.

Стены помещения, в котором мы оказались, скорее всего были облицованы черным мрамором с красными прожилками. Столы, скамьи, стены, пол и потолок, короче говоря, все вокруг было высечено из огромного каменного монолита. Бороиды усадили Эльтора на сиденье, высеченное в одной из стен. Один из них задал ему вопрос на каком-то незнакомом мне языке. Старший бороид слушал стоя, широко расставив ноги и скрестив на груди руки. В его броне отражался черно-красный мрамор, от чего он сам напоминал полированный обелиск.

Отвечать Эльтор отказался. Тогда старший сделал знак охранявшему меня стражнику. Тот подтащил меня к начальнику, который, в свою очередь, подтолкнул меня к одному из конвоиров Эльтора.

— Полагаю, что вы не станете упорствовать и начнете сотрудничать с нами, — обратился к Эльтору старший бороид.

Эльтор посмотрел на меня. Его лицо было искажено страданием.

— Да, я буду сотрудничать, — ответил он.

Допрос продолжился. Эльтор отвечал на все том же непонятном мне языке. Его лицо снова приняло бесстрастное выражение. Его словам старший бороид, судя по всему, не верил. Некоторое время спустя он сделал знак бороиду-врачу, «отключившему» Стоунхеджа. «Доктор» шагнул вперед, открыл дверцу в своей броне и извлек из нее металлическую ленту. Эльтор напрягся, а оба охранника крепко схватили его за руки. Однако «доктор» не стал делать ему никаких уколов, а лишь прижал ленту к его шее. По ней мгновенно заскользили буквы, чаще английские, чем сколийские иероглифы. В воздухе повисли голографические изображения человеческого торса. Одно из них являло собой сложную сеть с разрывами в области левого плеча.

Стоявший у нас за спиной бороид неожиданно заговорил:

— Сэр, мы получили сигнал! Они уже состыковались и сейчас осуществляют высадку.

Старший тотчас повернулся к нему:

— Отправляйтесь им навстречу! Немедленно!

— Слушаюсь!

Я посмотрела на шагнувшего к выходу бороида. Что это за сигнал они получили?

Тем временем «доктор» перешел на английский:

— Его биомеханическая сеть серьезно повреждена.

Действуя с максимальной осторожностью, он отодрал от плеча Эльтора лоскут искусственной кожи, открыв взгляду уже успевшую затянуться рану. Затем снял повязку с талии Эльтора, и я увидела розетку транскома. «Доктор» нажал на окружавшую ее кожу, и прибор вывалился ему прямо в натянутую металлической перчаткой руку.

У меня за спиной заскрежетала невидимая дверь. Это вернулся отправленный навстречу прибывшим бороид. Разумеется, не один, а с незнакомыми мне мужчиной и женщиной. Женщина, вне всякого сомнения, была телохранителем. Об этом недвусмысленно свидетельствовал ее рост — не менее семи футов, накачанная стройная фигура, винтовка на плече и блестящий, как зеркало, карабин в руках. Мужчина был более шести футов ростом. Его отличали серебристые волосы и стройная фигура. Когда он подошел ближе, я поняла, что это не простой человек, а какая-то важная персона.

— Ну что, Эльтор, — произнес он. — Вот мы и встретились.

Глава 14 РАГНАРЁК

— Рагнар?

Лицо Эльтора засветилось надеждой, но она тотчас сменилась настороженностью. Я узнала это имя. Адмирал Рагнар Бладмарк. Наставник Эльтора. Его второй отец.

Рагнар внимательно посмотрел на него.

— Боюсь, у нас возникла серьезная проблема.

Лицо Эльтора снова приняло бесстрастное выражение, превратившись в непроницаемую маску.

— Какая проблема?

— По идее, тебя нет в живых.

Хотя внешне Эльтор никак не проявил своих чувств, даже мои ослабленные эмпатические способности не помешали мне заметить его реакцию. Он столкнулся с коварным предательством, которое сотрясло все основы его жизни. Однако ограничился короткой фразой:

— Но я жив.

— Вижу, — так же коротко отозвался Рагнар и повернулся к старшему наемнику. — Я получил предложение и нахожу его приемлемым. Мы передали вашему кораблю координаты для randevu.

— Мне по-прежнему это не нравится, — произнес старший.

— Мы попытались все сделать так, как предлагали вы. — Бладмарк указал на Эльтора. — Он все еще жив, а переговоры между Сколией и Союзными Мирами продолжаются. И вот вам результат.

— Так дело заключается именно в этом? — спросил Эльтор. — В восстановлении дипломатических отношений с Союзными Мирами?

Бладмарк смерил его долгим взглядом.

— Мне действительно очень жаль, Эльтор. Я по-своему восхищаюсь тобой.

Мне показалось, что эти слова немного удивили Эльтора.

— Тогда почему? Почему ты пошел на предательство?

— Среди нас есть такие, — ответил Бладмарк, — кто находит неприемлемым тот факт, что наше существование в роли полноценного, монолитного общества — наши жизни и наши свободы — зависит от прихотей давно утратившего стабильность семейства, которое агонизирует у нас на глазах. — Бладмарк сделал паузу. — Некоторые из нас считают, что существуют некие альтернативные варианты.

Я заметила, как Эльтор напрягся.

— Какие альтернативные варианты?

Адмирал завел руки за спину и прошелся рядом с Эльтором.

— Четыреста пятьдесят лет. — Он резко повернулся кругом. — Это очень долгий срок для того, чтобы продолжать войну.

— Если мы не одолеем купцов, они завоюют нас, — ответил Эльтор.

— Может быть.

— Тогда ты должен понимать, почему нам необходим союз с Союзными Мирами.

— Мы пытались добиться заключения этого союза, — говорил Бладмарк, продолжая расхаживать перед Эльтором. — Наследство твоей дорогой матери двум нашим правительствам. Распавшийся брак и небезупречный военно-политический союз. — Адмирал устремил взгляд на стену комнаты. — Твоя красавица мать. — Затем он снова повернулся к Эльтору. — А когда мы нуждались в них? Они предали нас. Они взяли в заложники самое ценное — твою семью! — Бладмарк поднял вверх руку и показал крошечное расстояние между средним и большим пальцами. — Вот на таком расстоянии. На таком близком расстоянии мы оказались от войны с так называемыми союзниками! Едва закончив воевать с купцами.

— Если, по твоим словам, моя семья представляет ценность, какой смысл убивать меня?

— А разве я сказал, что собираюсь убивать тебя? В конце концов ценные вещи стоят огромных денег. Однако сейчас нам необходимо решить более важный вопрос. Твой загадочный брачный договор. — Бладмарк приветственно помахал мне рукой. — Заключенный с этим очаровательным ребенком, который, насколько я понимаю, родом с далекой Земли.

Эльтор снова напрягся.

— Это дополнительный договор.

Бладмарк насмешливо фыркнул.

— Эльтор Селей, который редко удостаивает своим царственным вниманием роскошных женщин, безрассудно бросающихся ему в постель?! Ведь тебя всегда интересовали лишь равные по положению женщины! С трудом верится, чтобы ты снизошел до обычной наложницы!

Эльтор равнодушно пожал плечами:

— Это ваши проблемы! Хотите — верьте, хотите — нет!

— Почему мы нигде не можем найти этот договор?

— Не знаю! Может быть, Стоунхедж куда-нибудь его засунул!

— Что же, может, мне воспользоваться специальными средствами? — спросил Бладмарк.

— Не поможет. Мне нечего сказать тебе!

— Сэр! — вмешался в разговор «доктор». — Его биомеханическая сеть способна выделять вещества, противодействующие «сыворотке правды». Даже если этих веществ нет, сеть может заглушить сыворотку специальными нейротрансмиттерами, и тогда окажется, что он либо забыл, что знал, либо неправильно запомнил.

— Только не читайте мне лекцию по биомеханическим сетям. Я сам лично разработал тот самый прототип, который командир Селей несет в своем теле, — ответил ему Бладмарк намеренно спокойным тоном.

Даже искаженный фильтром голос «доктора» прозвучал покорно и подобострастно.

— Да, сэр.

Бладмарк повернулся к старшему бороиду:

— Что вы выяснили о ней?

— Ничего, — ответил старший. — Она не может быть уроженкой Земли. В архивах нет описаний женщины с такой внешностью, отпечатком сетчатки глаза, голосом, отпечатками пальцев и рентгенограммой мозга.

— Тогда откуда же она?

— Думаю, что откуда-то из пограничных миров, где не сохранилось никаких архивов.

— А какой у нее рейтинг по пси-шкале Кайла? — поинтересовался Бладмарк.

— Ничего особенного, — последовал ответ. — По пути сюда мы просканировали ее. Вряд ли перед нами эмпат. По пси-шкале она едва ли наберет пару баллов.

Я вряд ли эмпат?! Мне показалось, будто по лицу Эльтора промелькнуло недоумение.

— Ты уверен? — спросил Бладмарк. — Бортовые сканеры космического корабля не рассчитаны на проведение пси-анализов.

— Возможно, бортовая аппаратура и не столь совершенна, как стационарная, однако, обладая эта особа хотя бы мало-мальски выдающимися способностями, мы бы наверняка это заметили.

Бладмарк одобрительно кивнул, затем снова обернулся к старшему бороиду:

— Ваше мнение?

— Сначала я подумал, что Селей лжет, говоря о каком-то дополнительном договоре, — ответил тот. — Однако сделанные нами анализы дают основания полагать, что он говорил правду.

Адмирал повернул к другому бороиду:

— Что вы скажете?

— Я того же мнения. — Судя по всему, это тот самый сколиец, которому было известно об учебе Эльтора. — Не похоже, что она способна на что-то выдающееся.

Бладмарк приблизился ко мне.

— Вы сохраняли все это время удивительное самообладание.

— Я хочу остаться с Эльтором, — ответила я.

Голос адмирала смягчился.

— Вы уверены, что действительно этого хотите? Что не пожалеете о своем решении?

— Почему? — спросил Эльтор.

Адмирал не ответил, и Эльтор вспыл:

— Почему, черт побери? Отвечай мне, Рагнар!

Адмирал медленно повернулся к нему. Лицо его наливалось гневом.

— Долгие десятилетия я служил твоей семье! Кланялся вам! Показывал, что знаю свое место. И это несмотря на то что во всех отношениях — в моральном, физическом, интеллектуальном, эмоциональном — я всегда был выше вас! Нет, Эльтор, я больше никогда не буду «служить» вам!

— Так, значит, ты воспринимал все как унижение?! — удивленно посмотрел на него Эльтор. — Господи, да ведь я в детстве всегда смотрел на тебя снизу вверх, всегда восхищался тобой!

Выражение лица Бладмарка смягчилось.

— Мне действительно жаль, Эльтор, что все это произошло именно с тобой. Ты

гораздо человечнее всех известных мне ронов.

— Не поверю, чтобы ты мог фальшивить, имитировать дружбу! — воскликнул Эльтор. — Мы же телепаты. Мы бы об этом знали!

— Но ведь я-то не телепат!

— Не телепат?

— Именно.

Эльтор моргнул.

— Это имеет для тебя значение?

— Для меня? — переспросил Бладмарк и издал короткий смешок. — Для меня — нет. Только для тебя. Для твоей семьи. — В его голосе послышалась горечь. — Вы считаете себя намного выше других. Хотя на самом деле все наоборот.

Эльтор недоверчиво посмотрел на него.

— Это неправда.

— Неправда?

— Конечно. Ты так не думал, иначе бы мы давно об этом узнали!

— Полагаю, что у твоего отца возникли кое-какие подозрения. Не до конца ясные, но я почувствовал, что его симпатии ко мне несколько поубавились. Тебе надо было больше слушать его, Эльтор, вместо того чтобы огрызаться на каждое сказанное им слово.

— Не верю, что ты кривил душой. Я бы уже давно догадался!

Бладмарк пожал плечами.

— Знал бы ты, на какие уловки способен гений в области биомеханики. В деле маскировки мне нет равных, — усмехнулся Бладмарк и снисходительно посмотрел на Эльтора. — Но вообще-то я горжусь тобой. Из всех систем, которые я когда-либо конструировал, ты — самый совершенный образец. Не может быть никаких сомнений, что биомеханика и биоинженерия требуют огромных расходов и усилий. На эксперименты уходят долгие годы. Всегда остается вероятность ошибок. Ход работ приходится засекречивать. За результат иногда приходится платить, даже человеческими жизнями. Однако все эти усилия в конечном итоге не напрасны. За день до того, как тебе исполнилось восемь — когда ты сделал свой первый шаг, — я понял, что моя работа увенчалась успехом. Мои слезы восторга были столь же искренними, как и слезы радости, которые твои родители попытались скрыть от посторонних глаз.

— Не надо, — тихо произнес Эльтор.

— Ответь мне, ты когда-нибудь задумывался о той цене, которую Сколийская Империя заплатила за твое восстановление? — Бладмарк придвинулся к нему ближе. — В масштабах человеческих жизней? В масштабах, допустим, планеты Дальний Берег? Ты же знаешь, я именно оттуда родом. Это суровый мир. Половина населения голодает. А населяет планету три миллиарда человек. — Голос адмирала сделался жестким. — Тех денег, что на твоей планете стоит чашка сока, на Дальнем Береге хватило бы, чтобы несколько дней подряд кормить целую семью! А денег, потраченных на то, чтобы сделать из тебя полноценное человеческое существо, — на них можно было весь год кормить население целой планеты! Эльтор смерил его долгим взглядом.

— Ты считаешь, что моя семья обязана кормить весь Дальний Берег?

— Разумеется, твоя семья не должна отвечать за поставки продовольствия голодающим планетам. Но мне приходится с глубоким сожалением констатировать, что Ассамблея сочла судьбу одного ребенка с самыми серьезными физическими дефектами более важной, чем судьбы миллионов!

В разговор вмешался старший наемник:

— Что вы имеете в виду под словами «самые серьезные дефекты»? Мы ведь обязались доставить здорового Джагернаута.

— Куда доставить? — поинтересовался Эльтор.

Бладмарк повернулся к старшему:

— Он совершенно здоров, уверяю вас.

— Если имеются проблемы, то лучше обсудить их прямо сейчас, — угрюмо произнес старший наемник.

— Эльтор находится в идеальной физической форме — в той степени, в какой человеческая наука способна создать человека, — пояснил Бладмарк.

— Человеческая наука? — переспросил старший наемник. — Что это означает, черт побери?!

— Рагнар, прекрати! — воскликнул Эльтор.

Бладмарк посмотрел на него взглядом архитектора, любующегося плодом собственного творчества. Затем снова повернулся к старшему бороиду:

— Он родился с этим лицом. Такое вот милое дитя. С его превосходным роновским мозгом. Кстати, это было единственное, чем он располагал. — Бладмарк издал звук, должный означать отвращение. — Двум любым другим людям, состоящим в таком близком родстве, как его родители, и имеющим такую склонность к генетическим дефектам, ни за что не позволили бы дать жизнь новому человеческому существу. Однако для ронов никаких запретов не существует. Для них, желающих увеличить число себе подобных, любая попытка морально оправданна.

— Что же в нем было такого необычного? — поинтересовался старший наемник.

— Хватит!

Эльтор встал. Его руки были все так же связаны за спиной. Стражники грубо усадили его на место.

— Он родился без ног, — ответил Бладмарк. — Левая рука и обе кисти деформированы. Нижняя часть правой руки отсутствовала. Одна почка, да и та с дефектами. Одно неполное легкое. Порок сердца. Нездоровая печень. Отсутствовали отделы скелета. Не было селезенки. Неполная пищеварительная система. Хотя желудок все-таки был. Его можно было увидеть, стоило вам посмотреть на ребенка. С правой стороны тела почти ничего не было. — Бладмарк состроил гримасу. — Это было омерзительно.

— О Боже! — Старший наемник указал на Эльтора. — А теперь он выглядит вот так?

Бладмарк кивнул.

— Мы преждевременно извлекли его из материнской утробы. У него было больше шансов выжить в искусственном окружении, где можно было поработать над ним. Мы изучили его гены с тем, чтобы понять, каким бы он мог стать, не имея он этих дефектов. А после этого буквально вылепили из него настоящего человека. На это ушло целых десять лет. Затем потребовалось еще десять, чтобы убедиться, что вся биомеханическая начинка развивается одновременно с ростом его естественного тела.

Эльтор молчал, не сводя с адмирала глаз. Вид у него был такой, будто его ударили под дых.

— Что-то мне это не нравится, — произнес старший наемник.

— Командир Селей здоров, сэр, — вмешался в разговор «доктор». — Что верно, то верно, биомеханических органов у него больше, чем у кого-либо другого. С детьми так поступают крайне редко, исключительно в тех случаях, когда это последний шанс сохранить им жизнь. Однако сети есть у всех Джагернаутов, поэтому считается, что мы поставим биомеханику. — «Врач» подошел к Эльтору и ткнул пальцем в плечо, словно тот был ценным экспонатом. — Меня беспокоят повреждения его сети. — Он указал на розетку транскома. — Это тоже придется заменить новой деталью, но уже без тактических возможностей. Иначе розетка выйдет из строя. — «Врач» склонился перед адмиралом в поклоне. — Все это может вызвать нехороший резонанс.

Бладмарк понимающе кивнул.

— Мы выступим с предложением возобновить переговоры, чтобы никто не подумал, будто мы хотим их перехитрить, выбить себе более выгодные условия! — произнес он, обращаясь к старшему наемнику.

— Кого перехитрить, черт побери?! — воскликнул Эльтор. Посмотрев на него, я поняла, что он знает *кого*. Я же не имела ни малейшего представления. Однако в одном

сомнений не было: Бладмарк не желал отвечать на этот вопрос. Помедлив, он все-таки повернулся к бывшему воспитаннику:

— Мы хотим продать тебя Криксу Икуару.

Поначалу Эльтор никак не отреагировал на его слова — просто смерил адмирала долгим взглядом. Затем медленно сел.

— Кто такой Крикс Икуар? — не утерпела я.

Эльтор перевел взгляд на меня.

— Эйюбианский министр торговли.

— А кто такие эйюбиане? — задала я следующий вопрос.

— Это те, кого мы называем купцами, — ответил Бладмарк.

— И вы собираетесь *отдать* им Эльтора?

— Мы его не просто отдаем, — вмешался в разговор один из конвоиров. — Это будет сделка. Мы возьмем за него цену, которая превышает годичный валовой продукт всех Союзных Миров!

В следующий миг Эльтора наконец прорвало:

— *О Боже, Рагнар*, почему?

Бладмарк сел рядом с ним и заговорил еще более спокойным тоном. Он как будто решил открыть бывшему воспитаннику всю глубину своего предательства. Моментально ненужным оказался весь тот пафос, которым он пытался маскировать свое предательство.

— Одна мнимая экстремистская группа из Союзных Миров взяла на себя ответственность за твое похищение. После того как состоится сделка, эйюбиане выступят с официальным заявлением о том, что они купили тебя, сообщив также о подробностях состоявшейся сделки. Союзники, конечно же, осудят их действия. Последует поток извинений и разоблачений. Однако урон уже будет нанесен.

Эльтор удивленно посмотрел на адмирала.

— Но ведь это разрушит последние надежды на заключение союзного договора между моим народом и Союзными Мирами?

— Да. Конечно.

— Рагнар, тем самым ты развяжешь новую войну!

— Ничего подобного! Я лишь собираюсь положить конец войне старой!

— Как же так? Ведь в руках купцов уже находится Третий Замок. Меня же они могут использовать в качестве Ключа! Когда у них будет и то, и другое, мы утратим всякое преимущество над ними!

— Преимущество? — Бладмарк презрительно фыркнул. — Мы прожили четыреста пятьдесят лет в атмосфере нескончаемой вражды. Всякий раз, когда она достигает критической массы и выливается в полномасштабную войну, теряются миллиарды человеческих жизней!

— Так что же, по-твоему, будет лучше, если купцы победят нас?!

— В настоящее время оговариваются благоприятные условия, — со вздохом произнес адмирал. — На твоей семье лежит огромная вина, Эльтор. Я по собственному опыту знаю, что такое вверить оборону Империи крошечной кучке людей. Будь твоя семья воплощением человеческого совершенства, она бы уничтожила тебя. Нужно ли нам продолжать эту затяжную кровопролитную войну? Будет лучше, если мы откажемся от будущих потерь. Я уже давно научился играть отступление.

— Неужели ты веришь в то, что говоришь? — воскликнул Эльтор. — Вот уже пять столетий мы обслуживаем Сеть. С каждым годом она делается все сильнее, а вовсе не ослабевает. А с помощью Союзных Миров мы сможем восстановить и Третий Замок!

— Да, Сеть растет, — согласился Бладмарк. — Однако «больше» и «сильнее» не одно и то же. Хорошо управлять Сетью даже при помощи трех Ключей — почти невозможно. Теперь же, когда остались только твоя мать и твой дядя, поддерживать ее им не по силам. Как долго все это может продолжаться? В один прекрасный день психосеть просто рухнет — пусть не сегодня и не завтра, но это произойдет, и причем очень скоро! Я заметила, что

связанные за спиной руки Эльтора сжались в кулаки.

— Ты же хочешь оказаться на стороне победителей! — Бладмарк ничего не ответил, и Эльтор добавил: — Ты дурак. Купцам не нужны никакие условия. Они хотят властвовать над Империей и Союзными Мирами. Безраздельно и всегда.

— «Властвовать» — понятие относительное. Большинству подданных купцов живется вполне неплохо. — Адмирал встал. — А когда Империя станет частью Конкордата, немногие избранные обретут еще более почетный статус. Они будут обладать свободой выбора из самых благоприятных вариантов выбора.

Теперь мне понятно, на что рассчитывал Бладмарк: мать Эльтора и была тем самым максимально удачным выбором из самых благоприятных вариантов выбора. Вряд ли Эльтор тогда понимал это — ведь дело касалось в первую очередь его самого. Зато он прекрасно видел подоплеку всего остального.

— Насколько я понимаю, ты имеешь в виду свободу обладать властью над другими людьми, — холодно произнес он. Адмирал в очередной раз ничего не ответил, и Эльтор продолжил: — А тебе никогда не приходило в голову, что наши граждане не желают выбора, который ты хочешь им навязать?

— Выбор уже сделан, — заговорил наконец Бладмарк. Тон его был более сдержанным. — Если угодно, я объясню — мы планировали, что на пути к Земле твой Джаг взорвется. Ответственность за теракт мы возложили бы на тех, кто предположительно организовал твоё похищение. У нас были сомнения, что это окажется столь же эффективно, что и вариант с Криксом Икуаром, который мы также прорабатывали. Кстати, уничтожить тебя было для нас, мягко говоря, и не слишком выгодно. — Бладмарк на какое-то время замолчал. — Но имелось и преимущество — в этом случае ты бы не попал живьем в лапы к купцам.

— Как я понимаю, ты пытаешься меня немного взбодрить? — саркастически осведомился Эльтор.

Бладмарк вздохнул.

— Послушай, Эльтор, я бы предпочел, чтобы на твоём месте оказался кто-то другой из твоей семьи. Просто по сравнению с другими ронами тебя охраняют хуже всех.

Эльтор отвернулся. Бладмарк какое-то время смотрел на него, затем подошел к старшему наемнику.

— Свяжитесь с людьми Икуара! Сообщите ему о проблемах, которые возникли у командира Селей, и о том, что возобновляются переговоры по условиям сделки. Повреждения, которые получил Селей, относительно незначительны. Соглашайтесь лишь на малосущественные уступки по условиям соглашения.

— А что, если они не пойдут ни на какие уступки? — спросил старший наемник.

— Пойдут, — уверенно ответил адмирал. — Он им нужен. Но будьте осторожны. Нельзя допустить, чтобы они затаили против нас злобу.

— Понял вас, сэр!

— И вот еще что — избавьтесь от девчонки! Ей теперь слишком многое известно.

— Нет! — воскликнул Эльтор и вскочил с места. — Клянусь вам, она не предпримет попытки к бегству!

— Свяжитесь с моим кораблем, когда обговорите все условия, — приказал адмирал старшему наемнику.

— Слушаюсь, сэр!

С этими словами Бладмарк направился к воздушному шлюзу, где его ожидали телохранители. Я не спускала с него глаз. Мне было мутно. Последние же слова адмирала совершенно сбили меня с толку.

— Рагнар! — крикнул ему в спину Эльтор — на сей раз самообладание оставило его. — О Господи, пощади ее!

Бладмарк остановился у входа в воздушный шлюз и, не оборачиваясь к бывшему воспитаннику, бросил старшему наемнику:

— Пусть девчонка останется с ним до нашего возвращения!

С этими словами он шагнул в шлюз.

Я закрыла глаза, чувствуя, как гулко стучит в груди сердце. К моему локтю прикоснулась закованная в броню рука. Я открыла глаза, и наемник легонько подтолкнул меня к выходу. Каменная глыба плавно отодвинулась вперед, открыв взгляду коридор с каменными стенами.

Нас провели по лабиринту туннелей, вырубленных в толще мрамора. Наше путешествие закончилось в совершенно пустой комнате, напоминавшей внутренность отполированной шкатулки, в которой не было ни единого шва. После того как бороиды вернулись в коридор, старший наемник встал у входа. В зеркальной поверхности его брони отражались черные мраморные стены с красными прожилками. Он произнес что-то на своем родном языке, и на сетке, опутывавшей запястья Эльтора, засветились огоньки. Снова превратившись в шнур, пути упали с рук Эльтора. Пробежав по полу прямо к старшему наемнику, веревка вернулась в открытую ее хозяином дверку бронекостюма.

— У вас есть несколько часов свободного времени, — произнес старший наемник. — Вы можете провести их со своей женой.

Он сделал шаг назад, и стена закрылась.

Эльтор немного постоял, потирая онемевшие запястья и разглядывая совершенно гладкую стену. Затем нежно меня обнял.

— О Господи, Тина! Прости меня. Извини, что я втянул тебя в эту историю!

Обхватив Эльтора за талию, я спрятала лицо у него на груди. Стоило ему склонить ко мне голову, как мне почудилось, будто он стучится ко мне в сознание.

Тина?

Громче! мысленно попросила я. Я тебя почти не слышу!

Нас здесь наверняка подслушивают.

Его мысль на секунду куда-то пропала.

...не должны узнать... только Стоунхеджу известно... договор... твой рейтинг по шкале Кайла? Я не понимаю...

Это все Джаг.

Я попыталась эту выкрикнуть мысль.

Он что-то сделал со мной.

Эльтор приподнял мою голову, и я увидела его лицо. Нет, я по-прежнему ничего не понимала. Он поцеловал меня, и мы еще крепче прижались друг к другу.

...и йо те амо, 'Акуштина.

И я тебя люблю, прошептала я.

Те амо. Я люблю тебя.

И пока смерть не разлучит нас...

Глава 15 ЦИЛИНДР

Наша темница абсолютно соответствовала своему названию: полый куб без каких-либо признаков дверей. По крайней мере мы не нашли в ней ничего похожего на выход. Поэтому мы сели обнявшись на пол, прислонившись спиной к одной из стен. В конце концов нам надоело разглядывать голую стену напротив, и я сказала:

— Мне жаль Бладмарка.

— Мне тоже, — отозвался Эльтор.

— Что он там такое говорил? Якобы он что-то переделал в тебе?

— Это правда. Он даже еще не все рассказал.

— Но в это невозможно поверить. Ты такой красивый. Эльтор ответил не сразу.

— В детстве я никогда не забывал о том, насколько уродливо мое тело. — Он снова помолчал. — Тебе это неприятно?

Я посмотрела на него.

— Нет.

Эльтор прикоснулся к моей щеке.

— Я по-прежнему носитель этих генов. И если женщина с теми же аллелями родит от меня ребенка, он будет таким же, как я. Или еще безобразнее. У меня неповрежденным оставался хотя бы мозг.

— Тогда пусть от тебя родит ребенка женщина с другими аллелями!

— Например, ты! — произнес он дрогнувшим голосом.

Я опустила голову ему на грудь.

— Я не хочу умирать!

— О Господи, Тина, я бы все отдал, чтобы уберечь тебя от страданий!

— Но я не хочу, чтобы ты умер.

— Я тоже.

Какое-то время мы сидели молча, устремив взгляд в пространство. Подняв глаза, я заметила, что по его щекам текут слезы.

— Эльтор! — сказала я и прикоснулась к его лицу.

— Я любил его, как собственного отца! — произнес он сдавленным голосом.

— Успокойся.

Я пыталась утешить его, но все напрасно. Видимо, мои молитвы не достигли ушей тех, кому они предназначались. Нет, Эльтор не должен умереть. Скорее умру я. То, что они собираются с ним сделать, во сто крат хуже смерти.

— Ты веришь в Бога? — спросила я.

— Да, — ответил он и погладил меня по голове. — И даже не в одного. Хотя тот, которого мы почитаем Верховным Творцом всего сущего, вообще-то не бог. Это — существо женского пола.

— Тогда почему ты употребляешь выражение «ради Бога»?

— Так звучит в переводе на английский сколийское выражение. Буквально оно означает «ради любого из верховных духов, которые могут меня заметить». Духи не имеют признаков пола.

— Ты можешь помолиться своей богине? Эльтор прижался щекой к моей голове.

— Я пытался. Но она не слышит меня. А может, ее просто не существует. Может быть, Иша Челия — всего лишь миф погибающего народа.

— Как ты сказал — Иш Чель?

— Нет. Иша Челия.

— У народа майя Иш Чель — это богиня Луны.

— На Рейликоне нет никакой Луны. За исключением той, о которой упоминалось в старинных легендах, придуманных, видимо, нашими далекими предками, когда-то обитавшими на Земле. Иша Челия — богиня плодородия. Огня. Ночи. Богиня жизни.

Жизни. Неудивительно, что она не услышала его молитвы.

Какое-то время спустя мы оба задремали, находясь не то в полусне, не то полубодрствуя. Затем я услышала чьи-то голоса. Открыв глаза, увидела, что комната заполнена сверкающей сталью боевых доспехов. У входа стоял адмирал Бладмарк.

Мы с Эльтором поднялись на ноги. Адмирал заговорил:

— Мы только что связывались с людьми Икуара. Эльтор в ту же секунду напрягся.

— И что?

Бладмарк указал в мою сторону:

— Икуар хочет забрать и ее.

— Нет! — Эльтор крепко прижал меня к себе. — Она даже не является эмпатом. Твои люди проверяли ее.

— Мы отправили ему ваши голографические изображения, — пожал плечами Бладмарк. — Он требует себе вас двоих в качестве компенсации за то, что мы отправляем ему поврежденное оборудование.

— Рагнар, только не ее! Пощади! Сопровождаемый бороидами Бладмарк подошел ближе.

— Но так она по крайней мере останется в живых. Ты даже сможешь видаться с нею. — Адмирал повернулся к стоящему рядом наемнику: — Свяжи его!

Им, конечно же, не следовало так беспечно заходить в помещение, когда руки у Эльтора были свободны, надеясь на то, что они сломили его волю. Эльтор ударил оказавшегося ближе всех к нему бороида. Движение его было столь молниеносным, что отразилось в бронированном одеянии наемника золотистым пятном. Он схватил сверкавшую, как зеркало, руку и заломил ему за спину, от чего наемник отлетел на двух других своих товарищей. Столкнувшись, все разом полетели на пол. В следующее мгновение от полированных каменных стен темницы отразился грохот доспехов.

Затем Эльтор бросился на Бладмарка.

Далее события разворачивались с калейдоскопической быстротой. В некотором роде это было сражение двух живых машин. В условиях пониженной гравитации противники сразу же отлетели к стене. Бладмарку удалось вывернуться и лишить Эльтора равновесия. Однако тот воспользовался этим толчком, чтобы сбить Рагнара с ног. Не выпуская друг друга из объятий, противники врезались в одного из наемников. Тот моментально среагировал, но Эльтор оказался проворнее. Крепко вцепившись за Бладмарка, он отскочил в сторону, и наемник не сумел схватить его. Эльтор и адмирал продолжали борьбу, скользя по гладкому полу.

Бороиды что-то закричали сквозь звуковые фильтры. Трое прицелились в Эльтора из каких-то цилиндров с массивными рукоятками. Однако стрелять не стали. Эльтор и Бладмарк тем временем по-прежнему не выпускали друг друга из отнюдь не дружеских объятий. Ударившись о стену, они тут же отлетали в сторону. Почему-то мне они напомнили блики лунного света на поверхности моря — тьма и серебро — в нескончаемом мерном движении. Один раз они пролетели настолько близко от меня, что я ощутила жар их реакторов. Наконец оба потеряли равновесие, и Эльтор рухнул на Бладмарка, прижимая его к полу. Его руки потянулись к горлу адмирала, готовые удушить.

Выстрел прозвучал неожиданно, словно хлопок сжатого воздуха. Заряд поразил Эльтора в грудь, отбросив его назад, прочь от Бладмарка. Четверо наемников живо схватили Эльтора и, подтащив к стене, крепко прижали к ней его руки и ноги. Сыпя проклятиями, Эльтор пытался вырваться на свободу, однако одолеть четыре живые крепости даже ему было не под силу.

Потирая горло, Бладмарк поднялся на ноги.

— Есть еще какие-нибудь повреждения?

Доктор извлек шприц и приблизился к Эльтору. Один из наемников прижал голову пленника к стене, открыв доктору доступ к его горлу.

— Не отключайте его! — приказал Бладмарк.

— Это сделает его более покладистым, — повернулся к нему доктор.

— Люди Икуара хотят, чтобы ему лишь слегка замедлили реакции, — произнес Бладмарк. — Вряд ли Икуару понравится, если его бесценный приз нуждается в полной отключке, ведь тогда какой от него толк? Лучше воспользоваться нейрорепрессантами-супрессантами. Это замедлит его рефлексы без какого-либо снижения эмпатических способностей. Если в его систему ввести седативные вещества, это может помешать лечению.

— Понимаю, — ответил доктор и убрал шприц. Пока второй наемник продолжал крепко держать Эльтора, он прижал к его шее уже знакомую мне ленту, и в воздухе начали вращаться голографические изображения. — В области предплечья у него разорвано еще несколько оптических волокон. Но повреждение не слишком значительное. Заживет само.

— Отлично, — произнес Бладмарк. — А на этот раз свяжите-ка его понадежнее!

Связав Эльтору руки, наемники повели нас обратно через все помещение. Эльтора охраняли четверо бороидов — по одному спереди и сзади и по одному по бокам. Те из них,

что находились слева и справа, придерживали его за локти. Меня сопровождал один, весь путь хранивший молчание. Время от времени его броня издавала характерное шипение, словно из велосипедного насоса выходил воздух. Мне стало интересно — а какой он без этих громоздких доспехов? Как выглядит? Это мужчина или женщина? Есть ли у него семья или друзья? Впрочем, гадать было бесполезно.

Выйдя из здания, мы зашагали по гладкой как стекло равнине. В условиях пониженной гравитации наши шаги напоминали ходьбу в том ее виде, в каком человек воспринимает ее во сне. Вскоре изменилось освещение, сделавшись более приглушенным, как звездный свет. Высоко над головой медленно раскрывался купол, открывая взгляду черное небо, усыпанное мириадами звезд. Своей яркостью они напоминали драгоценные камни, на Земле таких я ни разу не видела. Они походили на голографические изображения, которые показывал мне Джаг, такие они и есть в условиях, близких к абсолютному вакууму.

— Стойте! — вырвалось у меня. Сердце от страха колотилось в груди. — Нам необходимо вернуться обратно. В помещение. У нас почти не остается воздуха. Нам будет нечем дышать!

Мой конвоир схватил меня за руку и потянул за собой, побуждая двигаться быстрее и не отставать от остальных. Шагавший впереди меня Эльтор попытался оглянуться, чтобы понять, что происходит, но тут же споткнулся, получив тычки в спину от своих конвоиров. Бладмарк приостановился и зашагал рядом со мной.

— Воздуха здесь достаточно, — обронил он.

— А там?! — Я указала на отверстие в куполе.

— Видите переливы света?

Прищурившись, я разглядела уже знакомую радужную пленку, напоминавшую мыльный пузырь.

— А что это?

— Мембрана, — пояснил адмирал. — Она удерживает воздух, точнее — сохраняет герметичность помещения.

Позднее я узнала, что молекулярный шлюз представляет собой двухслойную липидную пленку, начиненную нанороботами. Каждый такой наноробот — это молекула энзима плюс микрочип. Под воздействием электрического потенциала энзимы меняют форму, придавая мембране требуемую проницаемость. Например, один из режимов делает ее непроницаемой для воздуха, газов и особенно для водяного пара. Когда мы проходили через мембрану, наши тела на какой-то миг сделались частью интерфейса. Структура мембраны, имеющая в основе поперечные молекулярные связи, и пико-чипы запомнили ее первичную форму и, как только мы через нее прошли, быстро ее восстановили.

Неожиданно Бладмарк заговорил:

— Если это вам действительно небезразлично, готов признаться: я рад тому, что вы отправитесь вместе с Эльтором. Если Икуар позволит вам видеться, это значительно облегчит Эльтору жизнь.

Я тиснула от гнева кулаки.

— Не понимаю, как вы можете жить в ладу с самим собой!

— В жизни иногда наступают такие времена, когда во избежание большего зла приходится проявлять жестокость.

— А кто дал вам право принимать подобные решения? В голосе адмирала прозвенел металл.

— А кто имеет право втягивать целые планеты в нескончаемые войны?

— Неужели вы не понимаете, что вы для него значили? — Я задала этот вопрос, желая по сильнее уколоть адмирала. — Вы обошлись бы так с собственным сыном?

— Мой сын мертв, — заговорил адмирал неожиданно потухшим голосом, видимо, погружаясь в воспоминания. — Ему было десять лет. Примерно в этом же возрасте Эльтор начал жить нормальной жизнью. Оперативная группа агентов эйюбианских спецслужб высадилась неподалеку от города, где он жил вместе с моей старшей женой. Вражеский

десант не собирался задерживаться там долго. Но их обнаружили. В парке. Где играл мой сын. Он попал под перекрестный огонь. В него угодили пули наших стрелков. Случайность. Трагическая случайность.

— И сейчас вы хотите принести Эльтора в жертву купцам в качестве мести за это злодеяние? — негромко спросила я.

— Мой сын не имеет никакого отношения к судьбе Эльтора! — отрезал Бладмарк.

Шагавшие впереди нас бороиды уже приблизились к кораблю. Мы догнали их, когда они уже ввели Эльтора внутрь.

— О результатах узнаете из сводок новостей, — сказал Бладмарку старший наемник.

— Отлично! — произнес адмирал.

— Вы не полетите вместе с нами? — спросила я.

— Конечно же, нет, — ответил он. — Когда состоится обмен, я буду на заседании Ассамблеи. Затем приму приглашение родителей Эльтора отобедать с ними. — Он на секунду замолчал. — Представляю себе, как мы вместе с ними услышим репортаж о трагическом происшествии. Я постараюсь приложить все усилия для того, чтобы утешить убитых горем родителей.

— Ну и ублюдок же вы, адмирал! — прошипела я сквозь зубы.

— Думайте обо мне все что угодно, но я делаю то, что, по моему мнению, полезно для моего народа!

Один из наемников подтолкнул меня к входу в корабль. Оглянувшись, я увидела Бладмарка. Он стоял на поле в обществе одного лишь телохранителя. Руки сцеплены за спиной, волосы поблескивают серебром на фоне черного ночного ландшафта.

Наемники снова привязали нас к креслам и надели на головы шлемы с забралом. Не знаю, что делал с Эльтором его шлем. Может, усыпил его при помощи биомеханических супрессантов. А вот в моем возник какой-то туман, и я погрузилась в крепкий здоровый сон.

Проснулась я, когда что-то ткнулось мне в губы. Открыв глаза, я увидела наемника — он пытался засунуть мне в рот какую-то трубочку. Конвоир приподнял мне забрало и повис в пространстве прямо передо мной. Оказалось, что это женщина.

— Пей! — сказала она. — Ну давай! Это всего лишь вода.

Я последовала ее совету, ощутив во рту прохладную, освежающую жидкость. Кто-то задал вопрос на незнакомом мне языке. Женщина-бороид ответила:

— Не думаю, чтобы дегидратация была критической. Иначе сработала бы сигнализация.

Утолив жажду, я открыла рот, и трубочка с легким щелчком вернулась на свое прежнее место. Моя надзирательница все еще плавала в воздухе, наблюдая за моим состоянием. А может, ей просто было больше нечем заняться? Однако скорее всего моей конвоирше надлежало внимательно следить за тем, чтобы груз, то есть я, был доставлен к месту назначения в целости и сохранности. Может, ей не хотелось доставить меня в обезвоженном виде. Вариант, так сказать, сухой заморозки. Тина быстрорастворимая! Смех, да и только. Я попыталась рассмеяться, но из моего горла вырвалось что-то вроде рыдания.

— Что случилось? — раздался чей-то незнакомый голос.

— Да откуда я знаю, черт побери! — отозвалась моя надзирательница. — Ни на одном из мониторов ничего не видно.

— Она плачет, вот что это такое! — произнес чей-то голос. — Я иногда просто ненавижу нашу работу!

Женщина-наемник, парившая в воздухе прямо передо мной, фыркнула:

— Ты перестанешь ненавидеть ее, когда придет день получения денег! В один прекрасный день мы станем самыми богатыми людьми на этом свете! Черт возьми, мы станем даже богаче этих гребаных членов планетарного правительства!

Среди других наемников пронесся шепот согласия.

— Приступаем к повторной инверсии! Приготовиться к переходу! — раздался голос пилота.

Наемники принялись устраиваться в креслах. У меня на теле тоже сомкнулся

экзоскелет, а перед глазами возникло голографическое изображение. Звезды то и дело совершали прыжки, стремясь слиться в одной точке, а их цвет сдвигался в голубую часть спектра. Под дисплеем поплыли строчки иероглифов. Я поняла, что сколийские языки имеют три измерения, причем одно из них содержит основную информацию, а два других дополняют смысл всевозможными тонкостями и лингвистическими нюансами.

Мы плавно вышли из инверсии. Звезды приобрели обычные желто-оранжевые цвета, а в углу голокарты появилась крошечная черточка. Она увеличилась в размерах, пока не превратилась во вращающуюся станцию, которая, как я впоследствии узнала, в просторечии называлась «Цилиндр». Вместо втулки из полого центра станции, расширяясь по обоим концам вместительными ангарами, высовывалась неподвижная труба. Каждый ангар окружало массивное кольцо двигателей. Цилиндр с каждой секундой увеличивался в размерах, и вскоре его изображение заполнило весь экран. Поверхность сверкала мозаикой разноцветных огней: зеленых, золотистых, серебристых, голубых и фиолетовых. Вскоре картинка уже не вмещала в себя всю станцию. Пошел крупный план, и стали различимы сооружения на поверхности станции — подъемные краны, башни, шпили. При еще большем увеличении моему взгляду предстал только ближайший к нам конец трубы. Сплошное мерцание огней превратилось в отдельные пятна.

Мобилизовав мысленные усилия, я поняла, что огоньки — это космические корабли. Гигантские корабли, состоящие из множества отсеков, ошестинившиеся башенками и антеннами. До меня постепенно стало доходить циклопическое величие станции — она в тысячи раз была больше «Эпсилани». Находившийся перед нами модуль стал медленно раскрываться подобно огромному цветку с заостренными лепестками. Когда мы проплыли под ними, я поняла, что этот ангар способен разместить в своем исполинском чреве сотню кораблей, подобных нашему.

По линии связи зазвучали незнакомые голоса; говорили уже на другом языке — резком и непонятном. Информация, поступившая на голографическую карту, поступала из точки за пределами Цилиндра. Нам хорошо был виден наш корабль, уже внутри ангара. Мне вспомнилась росянка — растение, способное заглатывать мелких насекомых. Откуда-то со стороны внутренней поверхности ангара протянулась гигантская механическая рука. В вытянутом состоянии ее длина превышала длину корабля, на котором мы прибыли. Рука растопырила скелетообразные пальцы, и у нашего корабля открылось входное отверстие грузового отсека. В условиях абсолютного вакуума, где не было никаких звуков, это напоминало кадры старинного немого кино. Механическая клешня гигантского робота все так же беззвучно проникла внутрь грузового отсека и извлекла из него Джага. Затем в стене ангара беззвучно отошла в сторону исполинская дверь, и в следующий миг рука вместе со своей добычей скрылась внутри. Дверь плавно встала на свое прежнее место. На гладкой поверхности ангара не осталось никаких следов.

Эльтор что-то произнес каким-то совершенно потерянным голосом, как будто только что пробудился от глубокого сна. Пилот ответил ему, видимо, что-то о том, что Джэг экспроприрован.

Наш корабль состыковался со станцией, проникнув в желоб в узкой части ангара. Как только мы оказались внутри и голокарта погасла, по корпусу нашего корабля пробежала дрожь, словно в него вцепилось нечто гигантское и пыталось удержать. Когда вибрация прекратилась, чей-то голос произнес:

— Все в порядке!

Женщина-бороид справа от меня выбралась из своего кресла и встала. Намагниченные башмаки позволяли ей надежно держаться на ногах даже в условиях пониженной гравитации. Она отвязала меня от кресла и помогла подняться, крепко держа за руку, чтобы я не отлетела в сторону. Конечности за время полета онемели, и теперь кровообращение постепенно возвращалось, вызывая ощущение покалывания, словно в кожу впились сотни невидимых иголок. В паре метров от меня несколько бороидов держали Эльтора, в то время как еще один связывал ему за спиной руки. Эльтор не сводил с меня глаз. Лицо его было

искажено гримасой боли и усталости. И хотя голова у меня была по-прежнему как ватная, я уловила, как от него исходит страх.

Мы покинули корабль и оказались в просторном помещении. Пройдя дезинфекцию, мы всплыли в огромный отсек с покачивающимися решетчатыми настилами и палубами из поперечных полос красноватого металла. Через все помещение тянулись рельсы, исчезая в дезинфекционной камере. На них стояли два вагончика, напоминавшие отлитые из бронзы пули. Носы их были направлены в сторону, противоположную кораблю. Наемники поспешно разделили нас с Эльтором, посадив в разные вагончики. Внутреннее убранство моего вагона было совершенно незатейливым — гладкие стены без каких-либо признаков сварных швов, четыре сиденья и сетевой пульт. Два наемника уселись впереди, а один устроился на заднем сиденье рядом со мной. Послышался приглушенный шум, и скоро легкое ускорение вдавило меня в кресло.

Я бы затруднилась сказать, как долго длилась наша поездка, — может, минут двадцать, а может, и час. Мне она показалась бесконечной. Мне сделалось холодно, и я вся дрожала, сожалея о том, что не захватила с собой теплой одежды. Сосредоточившись на мыслях о холоде, я смогла загнать на самые задворки сознания мысли о том, что ждет меня по прибытии на место назначения.

В конце концов вагончик остановился. Дверца распахнулась, и я увидела какую-то женщину. Она с любопытством смотрела на нас. Высокая, широкоплечая, с массивной, выдающейся вперед челюстью, она производила впечатление здорового как бык человеческого существа. Седые волосы зачесаны назад. На ней был простой коричневый комбинезон без каких-либо воинских нашивок или прочих свидетельств, способных подсказать, кто она такая.

Незнакомка стояла в помещении с высоким потолком, похожем на гараж на три автомобиля. Все помещение было заполнено рядами консолей, установленных перпендикулярно рельсам. Когда мы вылезли из автомобиля, притяжение оказалось почти таким же сильным, как и земное. Пол был выложен плитками — черными металлическими ромбами с серебристой окантовкой. Нигде не было видно даже намек на окна — лишь голый потолок и стены насыщенного небесно-голубого цвета. Помещение напоминало обычный центр управления — облаченные в экзоскелеты операторы, светящиеся консоли, вращающиеся в воздухе голографические карты, трехмерные изображения оборудования, Цилиндра, ряды иероглифов.

Между консолями без конца сновали операторы. Некоторые из них были одеты в серые или голубые мундиры, другие — таковых большинство — в коричневые комбинезоны, как встретившая нас женщина. После того как Эльтор выбрался из второго вагончика в сопровождении трех наемников, женщина-аристо провела нас по всему центру управления. Присутствующие разглядывали нас с нескрываемым любопытством. Наибольшего внимания удостоился, конечно же, Эльтор. Позднее мне стало известно, что Крикс Икуар, министр торговли Эйюбы, не делал никакого секрета из своего триумфа. Наконец он заполучил добычу, которую уже давно жаждал, — рона, принца, который являлся одновременно и Ключом псиберсети, и главным Источником.

В дальней части центра управления нас уже ждали. Это был мужчина в мундире эйюбианского флота — серой тунике с красным галуном на обшлагах, серых бриджах с синими лампасами и черных ботинках. Эмблема на его левом плече изображала черную пуму, выпрыгивавшую из красного круга. Передние лапы вытянуты вперед, зубы злобно оскалены. Посмотрев на эмблему, Эльтор состроил гримасу и отвернулся.

По приказу офицера овальный участок стены превратился в выходное отверстие. Это был молекулярный шлюз. Оставаясь плотным и непрозрачным, он служил в качестве надежного барьера; становясь прозрачным и тонким, как мыльный пузырь, шлюз позволял пройти сквозь него, сохраняя герметичность помещения. Мы шагнули наружу и оказались на лесной поляне. Залитая изумрудным светом, она была всего лишь несколько ярдов в ширину и окружена деревьями и кустарниками, смыкавшимися густым пологом у нас над головой.

Откуда-то издалека доносилось пение невидимых птиц. В глаза сразу же бросались яркие пурпурные цветы, напоминавшие земные тигровые лилии.

Под ногами у меня расстился пышный ковер зеленого цвета. Странно. Ковер. Откуда взяться в джунглях ковро?

Я огляделась по сторонам. Овальная дверь за моей стеной куда-то исчезла, и на ее месте возвышались деревья. Среди зарослей я разглядела несколько огромных камней, однако при ближайшем рассмотрении это оказались кресла с экзоскелетами. Мы находились посреди одного из шедевров голографического искусства, наподобие картин в комнате капеллана Минь на станции «Эпсилани», однако еще более впечатляющих. Офицер эйюбианского флота по-прежнему не сводил с Эльтора глаз. Когда тот посмотрел на него, офицер опустил глаза — либо от испуга, либо от отвращения, либо от того и другого вместе. Внешне он казался вполне нормальным. У него были седеющие волосы и голубые глаза. О возрасте свидетельствовали морщины на лбу и вокруг глаз.

На другой стороне поляны деревья вдруг непонятным образом исчезли, и моим глазам предстал еще один выход овальной формы. Там стояли трое — двое мужчин и женщина. Когда они вошли в помещение, за их спиной снова появился лес. У женщины и одного из мужчин были каштановые волосы и голубые глаза. Волосы второго мужчины были темнее — почти черные. Глаза его были неприятного оттенка ржавого железа. Впоследствии я узнала, что это бригадир, представитель высшей касты эйюбианских рабов, скорее всего незаконный сын от брака аристо — мужчины или женщины — со своим Источником.

Эльтор посмотрел черноволосому прямо в глаза, и тот ответил ему спокойным уверенным взглядом. После этого эйюбианин как будто бы мысленно встряхнулся. Посовещавшись о чем-то с офицером, он направился прямо к нам и заговорил на родном языке. Почему-то язык этот показался мне каким-то неприятным.

— Не понимаю, — ответила я по-английски. Посмотрев на наемника, державшего меня за руку, он опять что-то сказал. Бороид склонил ко мне голову и шепнул на ухо:

— Это лейтенант Азез. Он хочет, чтобы ты назвала свое имя.

— Тина, — ответила я, глядя на черноволосого.

— Тии-наа, — по слогам протянул тот и довольно кивнул. Затем подошел к Эльтору и снова уставился на него, как будто Эльтор был чем-то вроде магнита, который постоянно притягивает к себе окружающие предметы.

Эльтор действительно обладал каким-то удивительным природным магнетизмом. Было ли это важно для него, он не показывал виду. А сейчас он по-прежнему стоял между двумя наемниками. Лицо его сохраняло все то же бесстрастное, непроницаемое выражение. Азез заговорил с ним на эйюбианском, и Эльтор ответил ему на том же резком и скрипучем языке.

После этого Азез скрылся в зарослях голографического леса, растворившись словно призрак. Приглядевшись, я заметила в чаще призрачного леса замаскированную консоль и стоявшего за ней черноволосого лейтенанта Азеза. Теперь он говорил на каком-то новом для меня языке, напевном и приятном на слух. Теперь я знаю, что это был хайтонский — язык аристо, высшей касты эйюбиан. Вскоре Азез вернулся к нам на поляну и жестом предложил Эльтору сесть, очевидно, предлагая ему отдохнуть. В ответ Эльтор лишь отрицательно мотнул головой. По его вискам катились капли пота.

Началось ожидание. Довольно долгое. Несколько раз тишину лесной поляны нарушал кто-нибудь из эйюбиан или наемников — нам объявляли, что мы должны оставаться на местах и ждать.

Наконец в противоположной стене вновь открылось овальное отверстие, и в нем возникли незнакомые мне мужчина и женщина. Все находившиеся в помещении люди склонились в низком поклоне — все, кроме нас с Эльтором. Я понятия не имела, следует ли и мне поклониться вошедшим. Эльтор же скорее всего не желал выказывать им почтение.

При виде этих двоих у меня почему-то поползли по коже мурашки. Пару эту отличало то поразительное совершенство, которое возникает из мало кому данной возможности выбирать для себя любые черты лица, любое телосложение, любую жизнь, которую

пожелаешь, — то, что в представлении простых смертных отличает настоящих богов. Они были высоки даже для обитателей родной планеты Эльтора. У женщины невероятно длинные ноги, достойная зависти и восхищения, гармоничных пропорций фигура — все то, что именуется знойной красотой в лучшем смысле этого слова. Мужчину отличало атлетическое телосложение — широкие плечи, узкие бедра, — физическое совершенство, которое редко встретишь в природе. Но более всего меня поразили в этой паре черные волосы, отливавшие алмазным блеском, и красные, похожие на рубины глаза.

Женщина направилась к Эльтору, глядя на него так, как будто он был долгожданной наградой, за обладание которой она готова была убить любого, кто посмел бы посягнуть на него. Незнакомка заговорила с ним на хайтонском. Несмотря на мелодичность языка, у меня возникало недвусмысленное ощущение угрозы, крившейся в словах женщины, как будто она обещала своему собеседнику обтянутую бархатом спальню в самой преисподней. Мужчина оставался стоять возле порога, наблюдая за происходящим с видом элегантно отрешенности. Время от времени по его лицу блуждала легкая улыбка — особенно в те моменты, когда Эльтор явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Женщина повернулась к своему спутнику и кивнула. Тот прошел вперед, спокойный и самоуверенный. В каждом его жесте читалось высокомерие. Присутствующие немедленно склонились в почтительном поклоне. Его взгляд встретился с взглядом Эльтора, и они какое-то время пристально смотрели в глаза друг другу, как будто выполняли одним им известный ритуал. Этот эффект дополняла внешность обоих мужчин — оба были примерно одного роста и телосложения. Один сверкал золотом, другой был красно-черный, подобно двум половинам некоего сверхъестественного существа. Несмотря на то что Эльтор занимал ущемленную позицию — полураздетый узник со связанными за спиной руками, — этот своеобразный поединок выиграл именно он.

Неожиданно женщина заговорила снова, закончив фразу словами «Крикс Икуар».

Вот, значит, как. Это Крикс Икуар, эйюбианский министр торговли. Тот самый, что купил нас.

Эльтор и Крикс Икуар продолжали сверлить друг друга взглядами, как будто вели безмолвную дуэль. В следующий миг мне стало ясно, что что-то не так. Эльтор начал падать, *падать...*

Пол как будто устремился мне навстречу, больно ударив меня. До меня донеслись обрывки чьих-то слов, и я поняла, что пол вовсе не движется, — это я покачнулась и падаю. Эльтор произнес что-то на эйюбианском. В его интонации мне послышалась тревога. Подняв голову, я увидела, что он отчаянно пытается вырваться из «дружеских объятий» наемников. На его лице впервые читалось выражение страха.

Икуар опустился на колени рядом со мной. Заглянув в его рубиново-красные глаза, я содрогнулась. Какое жуткое ощущение я только что пережила при падении на пол. К счастью, это ощущение быстро пошло на убыль — а вместе с ним и мои эмпатические способности. Я приняла сидячее положение и дрожащей рукой убрала упавшие на лицо пряди волос.

— Мне сказали, что вы говорите по-английски, — проговорил Икуар.

Я зажмурила глаза, испытывая облегчение оттого, что слышу привычный мне язык. По моей спине отчего-то пробежали мурашки.

— Посмотри на меня! — услышала я властный голос Икуара. Я открыла глаза, успев заметить, как по безупречному лицу пробежала гримаса неудовольствия. Икуар резко выпрямился.

— Она все еще в шоке! — произнес он на хайтонском языке. Окружающие поспешили откликнуться на его слова. В их голоса закрался страх: как боялись они навлечь на себя гнев того, кому надлежало лишь угождать — причем всегда и любой ценой. Эльтор стоял в стороне, не сводя с меня глаз. Его все так же крепко держали за руки несколько наемников. Когда седовласая женщина помогла мне встать на ноги, к нам приблизилась другая женщина-эйюбианка, заговорившая на непонятном языке. Стоявший рядом наемник взял

меня за руку и подвел к стене, через которую мы вошли в это помещение.

— Нет! — вскричала я и попыталась высвободиться из его железной хватки.

Я поняла, что меня сейчас уведут прочь и я расстанусь с Эльтором, единственным близким мне человеком в этом бесконечно далеком, чужом и жутком мире.

Эльтор тоже рвался на свободу, отталкивая своих стражей.

— Пустите меня к ней! — выкрикивал он.

В самой гуще голографических деревьев показался блестящий овал, и наемник потащил меня прямо к нему. Сопrotивляясь, как могла, я продолжала звать Эльтора. Сзади до меня доносились крики и шум борьбы.

— Отпустите ее! — снова раздался его крик.

Наемник потащил меня к выходу. Ноги мои безвольно волочились по зеленому ковру. Мы проникли внутрь овала, и входное отверстие сомкнулось у меня за спиной. Я оказалась одна. Эльтор же остался с Криксом Икуаром. Оба, он и я, заложники кошмара наяву.

Глава 16 ВЛАСТЕЛИН БОЛИ

Однажды, несколько сотен лет назад, в Лос-Анджелесе, мне приснился сон. Совершенно незамысловатый. Я поступила учиться в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и получила степень бакалавра бухгалтерского дела. Там я подружилась с людьми, которые предпочитали оружию книги. Такой вот сон. Мне хотелось совсем немного.

Получила же я гораздо больше.

Комната была освещена довольно тускло. Я лежала в постели, смутно понимая происходящее, но все-таки осознавая присутствие в помещении уже знакомой мне седовласой женщины.

Некоторое время спустя я, опираясь на локти, приподнялась в постели. Голова тотчас закружилась, и окружающий мир принял расплывчатые очертания. У меня было такое чувство, будто я нахожусь под действием наркотика. Комната была круглая. Пол устлан синим ковром. Кто-то снял с меня платье и накрыл темно-синим одеялом, теплым и нежным, как сладкий детский сон. Напротив моей кровати в кресле дремала женщина-эйюбианка.

Неподалеку находился стол, на котором стоял изящной формы кувшин — в виде цветка, чьи лепестки образовывали носик. Влага из него сбегала вниз к столу, где исчезала. Рядом с кувшином стояла чашка в форме цветка. Я попыталась было дотянуться до чашки, но не смогла. Руки почему-то сильно дрожали и почти не слушались. Я обессиленно опустила на постель, не в состоянии что-либо сделать самостоятельно...

Возле меня тотчас оказалась женщина. Она склонилась надо мной и приложила руку сначала к моей щеке, а затем ко лбу. Хотя выражение ее лица оставалось бесстрастным, прикосновение ее руки было нежным и ласковым, как у добросердечной сиделки. Она поднесла к моим губам чашку, и я торопливо осушила ее содержимое.

Отдав пустую чашку, я спросила:

— А где Эльтор?

Женщина покачала головой, затем потянула меня за руку. Подчиняясь ей, я вылезла из постели, чувствуя головокружение и слабость в ногах. Женщина подвела меня к стене и что-то проговорила, после чего там образовался восьмиугольный портал, затянутый похожей на мыльный пузырь мембраной. Мы прошли сквозь нее. Мембрана как вторая кожа облепила наши тела, а затем снова приняла свою прежнюю форму. По ту сторону стены оказался бассейн, занимавший почти все помещение. Его стены, пол и потолок были выложены мозаичной плиткой. Изящный узор пестрел оттенками золотистого, фиолетового и зеленого. С помощью моей молчаливой сиделки я опустила в благоуханную воду. Я все еще находилась под действием снадобий, и моих сил хватило лишь на то, чтобы устало опуститься в неглубокий бассейн.

Женщина оставила меня одну, но скоро вернулась, неся две чаши. Опустившись на

колени у края бассейна, она попросила меня подняться. Я покорно приняла вертикальное положение, а она вручила мне пригоршню разноцветных полупрозрачных горошин. Я удивленно посмотрела на них, но не удержала в руке, и они упали в воду. Сделав две безуспешные попытки дать мне в руку горошины, женщина издала возглас, в котором слышалось раздражение. Сбросив с себя одежду, она залезла в бассейн и встала рядом со мной. Увиденное действовало даже на мой притуплённый наркотиком разум. Еще бы! Все вокруг было сродни сюрреалистической картине. У моей сиделки оказалось сразу два пупка! Значит, и с чревом матери ее когда-то связывали две пуповины! Если это родовая травма, то Икуар не посчитал нужным ее исправить!

Женщина извлекла из одной чаши новую пригоршню горошин, сжала их в руке, а затем раскрыла ладонь, показывая мне, что они превратились в густую разноцветную пену. Моющее средство издавало приятный сладковатый запах, смешивавшийся с ароматом, исходящим от воды. Женщина вымыла меня с головы до ног, не забыв и волосы. Горошины, которые она извлекла из второй, более крупной чаши, оказались чем-то вроде крема-депилятора. Она удалила с моего тела всю растительность, оставив лишь волосы на голове, а также брови и ресницы. Тогда происходящее казалось мне забавной процедурой. Но, с другой стороны, женщине, жившей на Земле лет триста назад, забавным показалось бы и то, что я сама регулярно брею волосы на ногах и под мышками.

Женщина помогла мне доплыть до противоположной стороны бассейна. Когда мы с ней уже почти приблизились к бортику, совершенно неожиданно вверх забил фонтан. Женщина поставила меня на какое-то возвышение под струи фонтана. На мое тело обрушились потоки воды, смывая остатки мыльной пены, после чего она помогла мне вылезти из бассейна. Мы стояли рядом с настенной мозаикой, изображавшей раскачивающиеся ветви. Откуда-то из невидимых труб вырвался поток теплого воздуха, нежный и приятный, и обсушил мне кожу. Моя сиделка оделась и отвела меня обратно в спальню.

Тем временем кто-то уже успел постирать мою одежду. Теперь от нее исходил медово-сладкий аромат. Так, наверное, пахнет амброзия. Я попыталась выразить женщине свою благодарность, однако та ничего не поняла из моих слов и не обратила никакого внимания на мою бурную жестикуляцию. Вместо этого подошла к настенной консоли и, вероятно, кого-то вызвала. Я же снова легла в постель и незаметно задремала под аккомпанемент ее голоса.

Спустя какое-то время сиделка снова разбудила меня, и мы вышли из комнаты. Наш путь лежал через восьмиугольный коридор с полом из поперечных бронзовых полос, которые приятно холодили мои босые ступни. Через равные интервалы нам попадались восьмиугольные арки, сиявшие золотистым светом. Я пыталась разглядеть в коридоре окно, дверь или что-то, что хотя бы отдаленно напоминало выход наружу, в мир, где есть деревья и дома, цветы и животные, — хотя бы что-то знакомое и привычное, наподобие маяка в этом безбрежном океане неизвестности. Лос-Анджелес теперь казался мне далеким и нереальным. Он остался в той, другой жизни.

Никакого окна я так и не увидела. В конце концов мы оказались в тупике. Женщина что-то произнесла, и перед нами появилось уже ставшее привычным сияние — на этот раз в проеме восьмиугольной формы. Сиделка провела меня сквозь него в какое-то небольшое помещение, а оттуда к еще одной двери. Мы оказались в огромном зале, настолько огромном, что я даже задалась вопросом, к чему такая расточительность. Хотя, по правде говоря, бассейн тоже был шикарным, ведь меня вполне могли помыть более незамысловатым образом, при по-моши тех же нанороботов. Подобно мылу они удалили бы с моего тела частички грязи, собрав их липидными мицеллиями.

В комнате, в которой я оказалась, абсолютно все — пол, стены, потолок — было украшено орнаментом из блестящих восьмиугольных пластинок, бронзовых, медных и янтарных. В центре стоял диван, а перед ним столик. Позади него вверх к потолку уходили колонны, задрапированные бронзового цвета занавесями. Полупрозрачная ткань трепетала

под невидимыми потоками воздуха.

На диване восседал Крикс Икуар.

Он не удостоил вниманием мою спутницу, которая поклонилась ему и вышла. Когда мы остались одни, Икуар по-английски обратился ко мне:

— Садись!

Я собралась было опуститься в кресло, стоявшее возле столика, но Икуар отрицательно покачал головой. Я растерялась, не зная, как мне быть. Однако в следующее мгновение поняла, чего он хочет. Стиснув зубы, я обошла столик и села рядом с ним на диван. Полупрозрачная занавесь коснулась моего лица, а затем отлетела в сторону.

Икуар взял меня за подбородок и приподнял вверх лицо.

— Хороша! — прокомментировал он.

— Где мой муж? — потребовала я у него ответ.

Икуар взял меня за плечи и повернул сначала вправо, а затем влево.

— Твои голографические портреты не слишком хороши, в жизни ты гораздо красивее! Ты действительно похожа на рейликанку! Разве что нос у тебя поменьше! Это твоя настоящая внешность?

— Настоящая? — переспросила я.

— Ты не меняла свою внешность, чтобы выглядеть так, как выглядишь сейчас?

— Нет, — ответила я.

В ту минуту мне больше всего на свете хотелось, чтобы он прекратил прикасаться ко мне.

Однако Икуар и не думал прекращать. Вместо этого он опустил руку ниже и провел по моей груди, нащупывая сквозь ткань сосок.

— Не смейте! — воскликнула я и отбросила его руку. Бить его было просто глупо. Как можно ударить одну из самых могущественных личностей трех межзвездных цивилизаций? В ответ Икуар лишь рассмеялся. Откинувшись на спинку дивана, он обхватил меня за талию и резко увлек за собой. Я упала на него, распластавшись на животе. Мои волосы разметались черным шелковым покрывалом по поверхности дивана, вернее, кровати, как я это только сейчас поняла. Кое-как поднявшись на колени, я попыталась соскочить на пол. Икуар, смеясь, снова притянул меня к себе, опрокинув на этот раз на спину.

— Тебе ведь не удалось завершить свою первую брачную ночь! — прошипел он. — Может, сейчас самое время сделать это?

— Нет! — крикнула я, отчаянно отбиваясь от него. Он занес надо мной руку.

— Не двигайся!

Я словно окаменела, глядя на его руку.

— Дариус, приготовься! — выкрикнул Икуар, обращаясь к невидимому собеседнику.

— Готов! — отозвался незримый голос.

Он напомнил мне голос Джага, только звучал более резко.

— Начать стимулирующий цикл, лабораторный отсек номер пять!

— Начат! — ответил все тот же голос.

Ничего не произошло. Ничего, за исключением того, что Икуар закрыл глаза и приоткрыл рот, словно сосредоточившись на чем-то слышимом и видимом только ему. Он еле слышно выдохнул, и звук этот показался мне до боли знаком.

Да он наркоман! Какие могут быть сомнения! Вылитый торчок в кокаиновом раю. Теплый лучик надежды затеплился в моем сердце. Сейчас Икуар погрузится в свой наркотический кайф и забудет обо мне. И тогда у меня появится шанс ускользнуть от него.

Увы, надежды мои оказались напрасны.

Годы спустя я пыталась понять, почему так долго не исцелялись душевные травмы той далекой, драматической ночи. Причиной могло быть все что угодно — страх, стыд, боль. А может быть, даже то, как, достигнув пика физического блаженства, Икуар долго лежал на диване в каком-то забытии, издавая протяжные звуки, словно занимался сексом где-то в другой реальности. Он продолжал крепко сжимать меня, словно хотел убедиться, что я здесь,

в этом физическом мире, пока сам он пребывал где-то еще, занимаясь тем, о чем я не имела ни малейшего представления.

Чуть позже Икуар произнес:

— Дариус, приготовься!

— Готов!

— Прекратить стимулирующий цикл в лабораторном отсеке номер пять!

— Прекратил! — отпортовал незримый Дариус.

Икуар вздохнул и закрыл глаза. Через считанные мгновения он уже спал. Когда я попыталась устроиться на диване поудобнее, он проснулся и снова занес надо мной руку.

— Не шевелись!

Я замерла. Он какое-то время смотрел на меня, видимо, удовлетворенный моей покорностью. Затем лег и вновь погрузился в сон.

Устремив взгляд на полупрозрачную занавесь над кроватью, я тревожно вслушивалась в дыхание Икуара и, пока он спал, старалась не шевелиться, боясь разбудить его. Я открыла для себя еще одну сторону психологического состояния, когда ты находишься в полной власти другого человека. Помимо страха, гнева и одиночества, оно означает еще и смертельную скуку.

Проснувшись, я обнаружила, что нахожусь у себя в комнате в обществе седовласой сиделки. Мне плохо запомнилось мое пробуждение, видимо, меня снова напичкали наркотиками. Смутно помню, что билась в истерике, плакала и звала Эльтора. Сиделка обработала мои синяки, бормоча что-то успокаивающее, и я в конце концов уснула. А когда проснулась, женщина дала мне какие-то таблетки и стакан воды, после чего я снова погрузилась в сон...

Очнувшись в следующий раз, я почувствовала себя почти нормально. Последние несколько дней показались мне бредом помутненного сознания. Седовласая эйюбианка сидела в кресле и смотрела на голоэкранный фильм. Там показывали что-то вроде приключенческого фильма. Люди в нем скакали на каких-то странных животных и говорили на резком эйюбианском языке.

Я села в постели, и сиделка выключила голопроектор. Затем задала мне какой-то вопрос. Я в ответ непонимающе развела руками. Склонившись над консолью, она куда-то позвонила и поговорила с незримым собеседником. После этого женщина помогла мне одеться, и мы вышли из комнаты, снова зашагав по тому же самому восьмиугольному коридору.

На этот раз мы пришли в центр управления станцией. Помещение было гигантских размеров. Сотни людей работали за консолями, торопливо сновали туда-сюда или, затаившись в экзоскелеты, сидели за пультами управления. В зале стоял гул голосов, как человеческих, так и машинных. Повсюду высились горы аппаратуры непонятного назначения, вращались голографические изображения — самого Цилиндра, космических кораблей на полете к нему, далеких и близких звезд. В глубине комнаты я увидела возвышение с креслами. Два из них оставались пустыми.

На третьем восседал Икуар.

Сиделка подвела меня к нему, поклонилась и вышла из зала. Икуар жестом указал мне на место рядом с собой.

— Сегодня ты выглядишь гораздо более оптимизированной!

Я села в кресло. Оптимизированной? Теперь мне понятен смысл этого слова. Во вселенной, где компьютерные сети играют первостепенную роль, люди не в состоянии представить себе, каким образом «примитивный человек» мог выжить без них. Однако тогда подобный комментарий меня ошарашил. Я даже не нашла, что на это ответить.

Икуар улыбнулся и, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза. На его лице снова появилось выражение наркотического «улета».

— Эльтор просит о встрече с тобой.

От удивления я чуть не подскочила на месте.

— Что с ним? — торопливо поинтересовалась я.

— Мы забираем его на нашу базу в секторе Зет. Там уже находится Замок.

— Я смогу увидеться с ним?

Икуар не ответил. Осознав, что он намеренно не обращает на меня внимания, я стиснула зубы и, откинувшись в кресле, принялась наблюдать за тем, что происходит вокруг.

— Мне сообщили, что ваш брак заключен в дополнительном договоре, — наконец нарушил молчание Икуар.

— Совершенно верно, — ответила я.

— Прекрасно.

До этого момента я пребывала как во сне, плохо осознавая ситуацию. Однако мало-помалу до меня стало доходить истинное значение происходящего. В самое ближайшее время должна была разразиться война между Империей и Эйюбой. В распоряжении купцов имелись и Ключ, и Замок. Образно говоря, Голиаф постепенно набирал скорость. Хуже того, как только станет известно о похищении Эльтора, непрочный союз между Империей и Союзными Мирами неизбежно распадется. Это уже второе предательство в дополнение к первому, и ущерб на этот раз может оказаться невосполним.

Однако не следует кое о чем забывать. Договор существует. Спрятанный в сети «Эпсилани» наш брачный контракт станет тем самым цементом, который позволит надежно скрепить бреши в треснувшей крепости.

В ту пору я еще не понимала символической мощи нашего брака. Я принесла свежую кровь в семейство рона и тем самым в кровь всего народа, к которому принадлежал Эльтор. Это было чем-то вроде дара Земли, он как бы компенсировал Империи предыдущую «измену» землян. Еще большую пикантность этому символическому акту придавала моя молодость.

Рейликане — старая раса. Раса, уставшая бороться за свое существование. Раса вымирающая. Для них, а также и для всех сколийцев символ жизненной силы означал больше, чем любая политика. Наш брачный контракт шел дальше, чем любой договор, — он мог способствовать улучшению отношений между двумя цивилизациями. Но только при том условии, если Стоунхедж передал его в надежные руки.

— Тина, тебе известно, что такое сухая розетка? — произнес Икуар.

— Нет, — удивленно ответила я.

— Представь, что тебе удалили коренной зуб. Сухая розетка — это что-то вроде дырки в десне, в которой торчит обнаженный нерв.

— Это должно быть очень больно!

— Верно. — Икуар какое-то время помолчал. — А теперь представь себе, что при этом чувствует тело, а не только ротовая полость. Все тело покрыто сетью датчиков, которые соединены с нервной системой. Их включают, и возникает эффект сухой розетки.

Я уставилась на него, ни жива ни мертва от страха. Неужели, если я рассержу его, он способен обречь меня на мучения? Немного помолчав, он добавил:

— Тебе известно, над каким количеством людей я властвую?

— Нет.

— Попробуй угадать.

Этот разговор начинал раздражать меня.

— Сто.

Икуар расхохотался.

— Сто! Забавно!

— Десять тысяч?

— Нет.

— Тогда не знаю.

— Около ста миллиардов!

Не представляю, как можно властвовать над ста миллиардами человеческих душ? Что

же он с ними такое делает, что они ему подчиняются?

— Дариусу придется заглянуть в архивы, чтобы назвать точное количество, — произнес Икуар. — Одно могу сказать точно — я владею ста тремя планетами. Население каждой из них в среднем около миллиарда человек, так что общее число моих подданных — сто миллиардов! В большинстве своем они живут самой обычной жизнью. Пожалуй, это — самое главное. Люди редко устраивают восстания, если им хорошо живется.

— А что же произойдет, если они все-таки восстанут?

— Я избавлюсь от них!

— А почему вы мне обо всем этом рассказываете?

— Взгляни на народ твоего мужа! Сколийская Империя! — язвительно произнес Икуар. — Она даже названа в честь его семьи, Рубиновой Династии. Он этого тебе не говорил? Его полное имя Эльтор Виан Селей Кья Сколия. Но мы гораздо сильнее их, Тина! — Голос Икуара внезапно окреп. — Когда время уравновесит чаши власти, именно мы станем владыками всего космоса! Хорошенько запомни это!

У меня не нашлось никакого ответа на его слова. Икуар еще какое-то время пристально смотрел на меня, после чего откинулся в кресле и закрыл глаза. Лицо его приняло все то же дремотное выражение. Я сидела молча, чувствуя, что мое тело натянуто как струна.

Немного позже я переключила внимание на людей за пультами управления. Время от времени они бросали на меня быстрые взгляды, но тотчас спешили отвернуться. Было несложно прочесть выражения их лиц. Я бы не удивилась, если бы все они вдруг вскочили за своими консолями и закричали во весь голос:

— *Слава Богу, что там сидишь именно ты, а не я!*

Их работа в большинстве своем состояла в обслуживании Цилиндра. Тот ускорялся, готовясь к инверсии. Но то, что Джаг выполнял в считанные секунды, на Цилиндре занимало недели. Инженеры за другими консолями моделировали конструкции космических станций — новых миров, над которыми предстояло властвовать Икуару. Большинство моделей оказывалось нестабильными. У меня на глазах одна такая модель, длинная труба с глухими концами, сначала вела себя согласно расчетам, однако вскоре ее вращение сбилось с нужного ритма. Станция заколыхалась, и в конечном итоге вся конструкция завертелась волчком.

— Ты, конечно, понимаешь, что юридически, в соответствии с любыми законами, я буду обладать тобой и Эльтором до конца ваших дней. — Я посмотрела на Икуара. Он вновь открыл глаза и продолжил: — Это я говорю на тот случай, если вам в голову придет мысль совершить попытку бегства.

— В Империи и Союзных Мирах рабство считается незаконным! — воскликнула я.

Об этом мне никто не говорил, но почему-то я была уверена, что это именно так. Икуар улыбнулся.

— Может быть, и так. Однако условия Парижского договора требуют от вашего правительства возврата нашей собственности. У меня имеются все юридически обоснованные документы, связанные с покупкой вас обоих. В случае — скажем так — потери принца-рона отказ вернуть собственность может считаться деянием, приравненным к объявлению войны.

Я не поверила, что Империя или Союзные Миры могли подписать соглашение, требовавшее от них возвращать эйюбианам беглых рабов.

— А что это за договор?

— Ты что, действительно недоразвитая? — рассмеялся Икуар. — Да ты и впрямь безмозглая наложница! Экзотическая штучка, ослепительно красивая, скандально юная и глупая как пробка!

От злости я крепко стиснула зубы. Мне было наплевать на то, насколько он могуществен или генетически совершенен. Единственная разница между ним и Нагом заключалась в том, что Икуар жил во вселенной, в которой никто не мог положить конец его безумствам.

— Может быть, я разрешу тебе увидеться с Эльтором, — произнес Икуар. — Что ты на это скажешь?

Я едва не подскочила с кресла.

— Да!

— Отлично. Дариус, приостанови стимулирующий цикл в лабораторном отсеке номер пять!

— Приостановил! — ответил Дариус. Икуар поднялся.

— Пойдем!

Икуар повел меня по восьмиугольному коридору, но, пройдя всего лишь несколько шагов, остановился и открыл портал. Мы прошли сквозь блестящую мембрану и оказались в беспорядочно загроможденной лаборатории. Вдоль стен и на открытых пространствах высились горы аппаратуры. Все это я заметила лишь мельком, боковым зрением, потому что сразу же увидела Эльтора.

— Нет! — Мне показалось, будто пол уходит у меня из-под ног. — Боже, нет! Пожалуйста! Только не это!

При помощи специального каркаса Эльтор был подвешен над поверхностью пола примерно на высоте пяти футов. Он был полностью обнажен, и все его тело — с головы до ног — было опутано какой-то сетью. Взгляд его был устремлен в потолок. Дыхание было прерывистым, как у тяжелобольного, и скорее напоминало скрежет. Казалось, будто у него перерезано горло. Пот крупными каплями струился по его телу, стекая на пол.

Нашего прихода Эльтор не заметил. Когда Икуар втащил меня в помещение, его надрывное дыхание перекрыло звук наших шагов. Икуар прикоснулся к панели управления на одной из консолей. Каркас, удерживавший Эльтора, пришел в движение, и в следующее мгновение он уже был повернут ко мне лицом.

— Икуар! Не надо! Я не хочу, чтобы она видела меня таким!

Владыка эйюбиан приблизился к каркасу и улыбнулся.

— Я привел тебе подарок!

По лицу Эльтора ручьями струился пот.

— Не делай этого! — умоляюще посмотрел он на своего мучителя.

— Ты хотел увидеть ее. Ты ведь сам просил меня об этом.

— Хотел, но не так.

Окружающий мир поплыл вокруг меня. Сухие розетки! Я вспомнила, как Икуар совсем недавно находился в состоянии наркотической эйфории и прямо-таки корчился от наслаждения, которое ему поставляли согласно его воле. Мне захотелось сию же минуту пронзить его насмерть. Не раздумывая, я бросилась на него с кулаками.

— Как ты смеешь мучить его, ублюдок! Негодяй!

Икуар без труда схватил меня за руки. Улыбки его как не бывало.

— Посмотри, могучий принц! То, что было твоим, теперь мое! — Он резко развернул меня к Эльтору.

Мне показалось, что слова моего мучителя сопровождались зубовным скрежетом.

— Пять столетий твоя семья делала из нас посмешище! — продолжил он. — Хватит! Теперь пришло наше время!

— Мы не делали вам ничего плохого, — прохрипел Эльтор.

— Неужели? Нас вывели как особую породу для вас. Твоя семья, уступающая нам по развитию, призванная по праву обслуживать нас, аристо, сделала таких, как я, всеобщим посмешищем в твоей Сколийской Империи! — Икуар встряхнул меня с такой силой, что зрение мое слегка помутилось. — Вот, смотри! Вот она, твоя новая, свежая жизнь! Символ новых начинаний, по крайней мере для одного человека! Твоя обожаемая наложница! Так что умолкни, несчастный! Сейчас ты увидишь, как я использую ее, выпью ее до последней капли, а потом выброшу за ненужностью!

В ответ Эльтор принялся изрыгать в адрес Икуара жуткие проклятия, отчаянно пытаясь вырваться из каркаса, но тот крепко держал его в подвешенном состоянии.

Выражение лица Икуара снова изменилось, сделавшись нежным, как у влюбленного. Его голос прозвучал негромко и ласково.

— Дариус, возобнови стимулирующий цикл!

«Нет!» — готово было сорваться с губ Эльтора короткое слово.

Но не сорвалось. Вместо этого все его могучее тело буквально окаменело.

А затем он закричал.

Мне показалось, будто вся вселенная превратилась в хаос, в ней стоял только этот крик, крик моего любимого Эльтора. Я бросилась к нему, желая освободить, но Икуар безжалостно отшвырнул меня в сторону. Затем схватил меня за руки, опрокинув на лабораторную скамью, прижал спиной к ее поверхности и принялся срывать с меня платье.

Мое сознание наполнили крики Эльтора, сливавшиеся в один безумный вопль:

— *Нет!*

У Икуара был такой вид, словно он, вколов себе самый мощный из всех наркотиков, воспарил в своей дикой эйфории в такую немыслимую высь, что казалось, будто уже никогда не вернется на грешную землю. Каждый новый крик Эльтора исторгал из его груди вопль восторга и похотливого наслаждения.

ДЖ-А-А-А-А-Г!

Ментальный крик острой сталью пронзил вату, которой был туго набит мой вялый разум.

ЗАЩИТИ!

Включаю систему аварийного пробуждения! отозвался Джаг.

Глава 17 МЕСТЬ МОЛНИИ

Мой разум широко распахнулся. Вернулись эмоции и ощущения. Я почувствовала, что падаю — не иначе, как в ту дыру, где, должно быть, находилась способность Икуара к состраданию. Меня со всех сторон ударяло и подбрасывало, как пробку в водовороте, омывавшем зловонную сточную трубу его разума.

Нейроны мозга Эльтора подобно сигнальным лампочкам высвечивали одно и то же: боль. Его Излучающее Тело Кайла усиливало и передавало это ощущение дальше. Патологически чувствительное Принимающее Тело Кайла Икуара жадно впитывало сигнал, а таламус пересылал его дальше, в оргастические центры мозга. Эльтор и Икуар оказались замкнутыми в кошмарное неразрывное кольцо, симбиоз рона и аристо, эмпата и антиэмпата, Источника и садиста.

Я поймала на себе магнетический взгляд Икуара — его лицо было искажено экстазом.

— Ты! Ты одна из них!

Я едва расслышала его крик. Лабораторию неожиданно наполнил шум: крики Эльтора, рев сирены, прочие звуки, которые мой мозг различил в этом хаосе. Приборные доски и стены вспыхнули, замигав яркими огнями — красными и янтарными, словно пробил час какого-то безумного карнавала. Вскоре я уже не могла различить, что происходит в действительности, а что лишь плод моего воображения.

— Дариус! — взревел Икуар. — Прекратить цикл!

Крики Эльтора неожиданно оборвались. Однако шум в лаборатории не утихал. Икуар что-то крикнул в микрофон на наручном браслете, и ему ответил чей-то невидимый голос. Затем и он оборвался, и Икуар на какое-то мгновение застыл на месте, удивленно глядя на браслет. Было вовсе не обязательно знать чужой язык, чтобы понять: где-то в Цилиндре по какой-то неведомой причине произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Это все ты! — рявкнул на меня Икуар, почти перекрывая воцарившийся в лаборатории шум.

Он сдернул меня со стола и потащил к приборной доске. Оторвав от лабораторной раковины трубу, Икуар привязал меня за запястья к петле на консоли.

— Ты мне заплатишь за это! — Икуар вытянул вперед руку, указывая на каркас, в котором был заключен Эльтор. В подрагивавшем свете его лицо приняло зловещее выражение. — Испытаешь на собственной шкуре! Будешь болтаться часами!

С этими словами он поспешил на выход и вскоре скрылся в восьмиугольном проеме. Мембрана сомкнулась за ним, и мы с Эльтором оказались запертыми в лабораторном отсеке.

— Тина! — прохрипел Эльтор. — Помоги мне освободиться! Я рванулась к нему, но пути не пускали меня.

— Не могу. Он привязал меня к консоли!

В следующее мгновение до меня долетела его мысль, исполненная физическим страданием.

Ты связана с Джагом?

Да!

Он вышел из-под контроля! Он открыл огонь внутри станции из всех видов своего оружия, предназначенного для релятивистского боя! Ты должна заставить его прекратить огонь, иначе вся станция будет разрушена! Мы погибнем вместе со всеми!

Я представила себе гнев Джага, холодную ярость, не сравнимую ни с одним из человеческих чувств.

Джаг! позвала я его. Остановись! Ты погубишь нас всех! Ты погубишь Пилота!

И тогда перед моим мысленным взором вновь появилась решетка. Джаг вошел в контакт с моим оптическим нервом, и решетка заполнила собой всю лабораторию, наполняя ее золотистым сиянием.

Вы с Эльтором должны прийти ко мне, сказал Джаг.

Он по-прежнему заперт в машине Икуара, мысленно ответила я ему.

Зондирую веб-систему Цилиндра.

Я была уверена, что ему не удастся взломать веб-систему станции. Нетрудно было догадаться, что в системе должна быть предусмотрена вероятность несанкционированного доступа и разработаны варианты отражения таких попыток. Однако подобно остальным я недооценила способности Джага. Охваченный яростью, он проник гораздо глубже, чем можно было предположить, и взломал веб-сеть Цилиндра. Она буквально затрещала по швам.

Сетка, опутывавшая тело Эльтора, мгновенно упала на пол. Каркас разжал свою хватку, Эльтор опустил ноги и, чтобы не упасть, ухватился за стойку. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, пристально глядя на меня. Затем доковылял до стены и, открыв шкафчик, извлек оттуда свою одежду — ботинки и золотистые форменные брюки. Все то время, пока он одевался, в лаборатории стоял надрывный вой сирен и беспорядочное мигание огней.

Одевшись, Эльтор подошел ко мне. И пока он развязывал мне руки, беспрестанно повторял шепотом мое имя. Освободив меня, он опустился на колени.

Я в изнеможении присела рядом с ним.

Нам нужно пробиваться к Джагу!

Я не смогу передвигаться собственными силами, подумал он в ответ. *Придется задействовать биомеханическую сеть.*

Нет! Это повредит тебе! Джаг мне говорил...

Тина, другой возможности просто нет! Гидравлика позволит моему телу двигаться. До тех пор, пока я буду в сознании, я буду двигаться. Эльтор коснулся моего лица. *Ты только не бойся! Я могу показаться тебе совершенно не похожим на человека.*

Я верю тебе!

Эльтор поцеловал меня. И изменился до неузнаваемости. Лицо его снова сделалось бесстрастным, похожим на маску.

Включаю боевой режим!

Мысль его показалась мне какой-то холодной, словно металлической.

Эльтор встал. Он двигался с какой-то сюрреалистической плавностью, напоминая хорошо смазанный механизм. Решетка Джага была привязана к моему зрению и

перемещалась вместе со мной. Однако я совершенно не представляла себе, как нужно управлять ею.

Передай мне контроль! прозвучала в моем мозгу мысль Эльтора.

Передача контроля усугубит твою нейротравму, мысленно ответил ему Джаг.

Безопасность отвергаю! отозвался Эльтор.

Контроль передан!

Контроль над решеткой перешел к Эльтору, она почти растаяла у меня в сознании, превратившись в неясный размытый образ. Эльтор схватил меня за руку, и мы бросились к двери. Открыть ее нам не удалось. Через решетку устремился поток информации. Джаг тотчас начал превращать ее в причудливые образы, которые виделись мне призраками, стремительно перекрывавшими друг друга, — роем светлячков, жужжащих или стрекочущих, то ярко-красных, то бутыльно-зеленых. У меня на глазах их ножки превратились в острые как бритва диски и принялись вращаться под брюшками. Затем рой разметало во все стороны, и он устремился в лабораторную сеть. Еще мгновение — и жужжащий рой насекомых разнес ее в клочья, и через решетку начала поступать новая информация.

Перед нами снова предстал дверной проем. Мы вбежали в него, и решетка исчезла, а на ее месте появилось схематическое изображение Цилиндра — труба с расширяющимися выступами и спицами. Обугленный, словно головешка или кусок металла, на который плеснули кислотой. Изображение заполнило собой весь коридор и продолжало двигаться вместе с нами. Две мелкие точки обозначали наше движение, а третья, ярко-красная, показывала местонахождение Джага. Он находился в пятидесяти километрах от нас, в одном из ангаров в трюме Цилиндра.

Из этой точки, рассекая всю внутреннюю часть Цилиндра, неожиданно вырвался ослепительный луч, пропахав на поверхности станции еще одну обугленную борозду.

Аннигилятор нанес удар по оборонительной платформе ВДТ-2! сообщил Джаг.

Решетка следовала за нами все время, пока мы бежали по коридору. Каждый раз, когда мы пробегали под аркой, та приобретала красный цвет и раздавался рев сигнализации. А еще мы несколько раз пробегали через участки, заполненные облаками каких-то газов, видимых только на решетке. И тогда мы с Эльтором на несколько секунд теряли сознание, и его биомеханическая сеть давала сбой. Еще немного — и она бы окончательно вышла из строя. Нас спасало то, что Эльтор теперь значительно увеличил скорость, и мы вовремя добежали до чистого воздуха. Когда мы оба теряли сознание, он держал меня за талию, не давая упасть.

Затем мы налетели на какую-то преграду. Подобно пружине она натянулась и отбросила нас назад, на пол. Никто из нас не заметил радужного сияния, заполнявшего арку. Похоже, что молекулярные шлюзы могут делаться непроницаемыми...

Когда мы поднялись на ноги, из коридора позади мембраны выскочил робот — металлокерамический скелет с установленными на нем приборами. Мы развернулись, приготовившись броситься обратно — в направлении, откуда только что прибежали, но увидели трех бороидов. Они неслись прямо на нас. В зеркальной поверхности их бронекостюмов отражался жутковатый свет, отбрасываемый арками.

Сеть безопасности Цилиндра прорвана, донесся до меня мысленный голос Джага.
Начаты изменения мембраны.

Бороиды натолкнулись на препятствие, и оно отбросило их обратно, так же как и нас. Наемники с грохотом полетели на пол, а Эльтор подтолкнул меня в стене, чтобы те не сразу меня заметили. Затем развернулся на сто восемьдесят градусов, лицом к преградившему нам путь препятствию. Робот успел отключить его и мчался прямо на нас. Эльтор резко вскинул ногу вверх, угодив механическому противнику в грудь. Тот выронил свой инструментальный ящик, который тут же разлетелся на мелкие осколки керамики и стекла. К этому моменту бороиды уже успели подняться на ноги... Двое из них изо всех сил давили на разделявшую нас мембрану. Третий их товарищ колдовал над какой-то стеной панелью.

В стене рядом со мной неожиданно появился восьмиугольный портал, и мы увидели в

дверном проеме рыжеволосого человека. Это был один из военных Икуара, раб, волею судеб вознесшийся до офицера космофлота. Сей высокий пост он занимал лишь постольку, поскольку из кожи вон лез, стараясь угодить начальству, а то, в свою очередь, — Икуару. В руках у него я заметила лазерный карабин такого же типа, что и блестящие, как зеркало, ружья наемников.

Офицер что-то крикнул Эльтору и нацелил в меня карабин. В следующее мгновение Эльтор выбросил ногу, вложив в удар всю свою недюжинную силу. Была в этом движении грация хищника, одним прыжком преодолевающего расстояние между собой и жертвой. Удар пришелся прямо по карабину. Тот вылетел из рук рыжеволосого и, стукнувшись о стену, отскочил прямо на меня. Я едва успела прикрыть голову руками.

К счастью, удар пришелся в плечо. Мои пальцы рефлексным движением сомкнулись вокруг ствола.

Скелетоподобный робот выбросил вперед руку, и из большого пальца со щелчком выскочила длинная игла. Пока Эльтор разворачивался в его сторону, эйюбианский офицер набросился на меня. Времени для размышлений не было. Направив на врага карабин, я нажала на спусковой крючок, поливая эйюбианина смертоносным огнем. Помещение озарилось слепящей вспышкой. Кто-то резко выдернул карабин у меня из рук и, обхватив за талию, заставил бегом броситься дальше по коридору.

Когда взгляд мой прояснился, я поняла, что это Эльтор. Я все-таки вывернулась и оглянулась. Посреди коридора на полу валялась грудa обугленной брони. В стене зияло отверстие с рваными краями. Выстрел карабина, судя по всему, прожег стены еще нескольких соседних помещений. Останков же того человека, в которого я только что выстрелила, нигде не было видно.

— О Боже! — продолжала я повторять, пока бежала по коридору. — Я его убила!

Эльтор забросил карабин себе на плечо и свободной рукой поддерживал меня за талию. Он летел со всех ног, так что мне казалось, я вот-вот упаду, не в силах поспевать за ним, и ему придется тащить меня за собой. Пробегая под арками, мы приводили их в действие, и коридор у нас за спиной начинал мигать кроваво-красными вспышками. Время от времени Эльтор поливал огнем восьмиугольный проход, безжалостно разрывая мембраны и прокладывая нам путь дальше.

Из бокового прохода впереди нас выскочила пара вооруженных карабинами бороидов. Они выстрелили справа и слева от нас, явно намереваясь остановить Эльтора, не причинив ему вреда. В отличие от них Эльтор не стал церемониться. Не сбавляя скорости, он выпустил в них заряд, словно консервные банки пронзая их бронекостюмы. Еще мгновение — и мы пробежали мимо груды останков. Когда я увидела, что сделалось с человеческой плотью внутри обломков брони, мне едва не стало дурно.

Переключаюсь на аннигилятор В! доложил Джаг.

На призрачной трехмерной схеме, следовавшей за нами по пятам, из знакомой красной точки вырвался ослепительный луч. Следом появились статистические данные — уже знакомый мне рой насекомых, на сей раз пчел. Рой обозначал нейтрализованный антипротоновый луч. Поражая цель, он уничтожал протоны, создавая мощное излучение и потоки пионов, за которыми следовал каскад убийственных реакций.

Джаг намеренно избегал мест, где могли находиться люди, избрав целью оборонительные системы. Его решение не покидать до поры до времени стыковочный отсек было вполне разумным. Если бы люди Икуара решили нанести по нему удар, им бы пришлось стрелять по самому Цилиндру. Уничтожить станцию им вряд ли хотелось. Вместе взятые, Джаг и Эльтор являли собой совершенное боевое устройство, этакий образчик современной военной техники.

Воспользуйтесь транспортом, чтобы добраться до меня. мысленно услышала я команду Джага.

Эльтор двигался автоматически, повинаясь командам биомеханической сети. На трехмерной решетке, сопровождавшей нас на протяжении нашего бегства, голубоватым

светом высветились путепроводы. Две крошечные точки — мы с Эльтором — неуклонно приближались к одному из них.

Неожиданно решетку осветила пронзительная вспышка фиолетового света. Как только она погасла, мы увидели в теле Цилиндра зияющую рану — от внешнего до внутреннего корпуса. Во всех направлениях от нее тянулись трещины.

Мы находились с одной стороны зоны взрыва, а Джаг — с другой.

Любому, кто попытался бы добраться до противоположной стороны, пришлось бы преодолеть окольным путем несколько сотен километров. Решетки принялась снабжать нас информацией, и стало ясно, что взрыв повсеместно уничтожил транспортные путепроводы. Икуар нанес ответный удар, отрезал нам путь к бегству. То, что это повлекло за собой гибель огромного количества людей и уничтожение значительной части станции, мало что значило для тирана. Куда важнее для него было вернуть себе бесценную собственность.

Вскоре мы добрались до перекрестного прохода, который вел к нужному нам транспортному пути. В самом его конце на платформе нас дожидался вагончик в форме пули. Эльтор остановился. Грудь его высоко вздымалась от долгого бега. До стены из плексигласа, отделявшей платформу от коридора, оставалось несколько сотен ярдов.

Джаг, мы сможем добраться до тебя на этом вагоне?

Нет, ответил Джаг. *Взрыв уничтожил магнитные рельсы дальше на линии его следования.*

Эльтор чертыхнулся.

Ты должен перебраться туда, где нам будет удобнее приблизиться к тебе!

Включаю двигатели!

На решетке красная точка Джага переместилась по направлению к внутренней полый части Цилиндра. Затем мы увидели, как из другой части станции по Джагу ударила ракета. Однако тот как ни в чем не бывало продолжал движение.

Перехожу в квазисостояние, доложил Джаг.

Ты по-прежнему способен защищаться?

Ошибки накапливаются. Я ощущал себя в большей безопасности, находясь в стыковочном отсеке.

На схеме зеленым светом зажглось изображение участка в нескольких тысячах ярдов от нашего нынешнего местонахождения.

Отправляйтесь в отсек 436-Д.

В следующее мгновение неведомая сила мощным рывком отбросила меня от Эльтора. Я отлетела к стене, а Эльтор волчком крутанулся вокруг собственной оси, лишь чудом устояв на ногах. К счастью, мы оба остались целы, не получив никаких травм. Целью нападавшего были не мы, а лазерный карабин. Оружие тут же вылетело из рук Эльтора, рассыпавшись на бесчисленные осколки. Эльтора по инерции развернуло в направлении, откуда был произведен выстрел, — из небольшого прохода рядом с плексигласовой стеной.

Там стоял Крикс Икуар.

Рассуждай мы более трезво, нам бы стало понятно предостережение. Зачем эйюбианскому министру рисковать собственной жизнью, преследуя нас? Ведь в его распоряжении тысячи подвластных ему рабов — и живых, и механических, способных выполнить эту работу. Тогда мне казалось, что Эльтор и Икуар борются за первенство. Икуар желал во что бы то ни стало доказать свое превосходство над пленником, который, даже попав в рабство, отказывался повиноваться. До известной степени так оно и было, однако дело заключалось не только в этом.

Лицо Эльтора перекосилось от ярости. В следующее мгновение он бросился на Икуара — как раз в тот момент, когда эйюбианский министр поднял на него трубку-шприц с седативным препаратом. Расстояние, разделявшее противников, было немалым, однако сеть Эльтора высчитала все с абсолютной точностью. В ту секунду, когда Икуар выстрелил, Эльтор с молниеносной скоростью метнулся в сторону и, перекувырнувшись через голову, вскочил на ноги.

Откуда-то сзади раздался оглушительный хлопок, и Эльтора отшвырнуло к стене, всего в нескольких ярдах от Икуара. Из горла эйюбианина вырвался предостерегающий крик. Даже мне, не знавшей этого языка, все было предельно ясно: Икуар не желал, чтобы его бесценная собственность получила повреждения.

Я стремительно обернулась в направлении, откуда мы только что прибежали. Там, всего в десятке ярдов от меня, стоял офицер. Чуть дальше, в глубине коридора, за его спиной виднелись еще четверо бороидов в блестящей, как зеркале, броне. Они неслись прямо на нас. Офицер по-прежнему не опускал карабина. Однако было видно, что он колеблется, не зная, как поступить, и не рискуя стрелять. Его внимание было почему-то сосредоточено на точке у меня за спиной. Обернувшись, я увидела Эльтора. Он со всей яростью обрушился на Икуара, который пытался что-то сделать с настенной панелью.

В следующее мгновение с потолка вниз опустился огромный мерцающий купол — мембрана, предназначенная специально для поимки живых существ. Она тут же облепила Эльтора, лишив его возможности двигаться. Эльтор по инерции пробежал еще немного вперед и, врезавшись в Икуара, сбил того с ног. Ему удалось кулаком пробить мембрану — его рука высунулась наружу наподобие перископа подводной лодки. Пока Икуар поднимался на ноги, Эльтор уже сорвал с себя липкую пленку. Схватив противника за руку, он развернул его лицом к приближавшимся бороидам и, взяв шею Икуара в замок, прокричал что-то по-эйюбиански. По интонации я безошибочно угадала угрозу.

Икуар повел себя крайне необычно. Оказавшись во власти человека, который страстно его ненавидел и в любую секунду мог свернуть ему шею, эйюбианин сохранял поразительное спокойствие. Эта ледяная отрешенность испугала меня даже больше, чем вооруженный карабином офицер или приближение бороидов.

— Беги, Тина! — прошипел Эльтор. — Быстро к вагону!

Я поспешила выполнить его приказание.

В плексигласовой стене, разделявшей проход от платформы, отразилось то, что происходило за моей спиной: офицер нацелил в Эльтора карабин, не решаясь стрелять, поскольку существовала опасность попасть в Икуара. Эльтор же резко толкнул эйюбианского министра и, пока тот пытался подняться на ноги, бросился в мою сторону. Я кинулась к вагончику. Обернувшись на ходу, увидела, что Эльтор на огромной скорости догоняет меня. Подскочив к вагончику, он с силой ударил по панели на внешней поверхности корпуса. Дверь распахнулась. Мы запрыгнули внутрь, Эльтор что-то крикнул, и вагон с открытой дверью устремился вперед.

Вагончик с каждой секундой набирал скорость, унося нас прочь от места встречи с Джагом.

— Почему ты отпустил Икуара? — спросила я, задыхаясь от бега. — Из него бы получился отличный заложник!

— Даже слишком! — так же задыхаясь, ответил Эльтор. — Икуар прочитал все мои мысли. Это была ловушка! — Эльтор вытянул вперед руку, ту самую, которой только что сжимал шею своего врага. — Икуар нанес себе на кожу седативный препарат, настроенный на мою ДНК. Для него он не представляет никакой опасности, а при контакте с моим телом тотчас активизируется.

— Но ты не потерял сознания, значит, он не сработал, — сказала я.

— Пока еще нет. Я понял, что это ловушка, прежде чем успел хватануть полную дозу. Думаю, скоро он начнет действовать!

Пронзительно взревела сирена. Эльтор метнулся к консоли и принялся изучать изображения дисплеев.

— Мы приближаемся к зоне, где взрывом уничтожило магнитные рельсы. Придется дальше двигаться пешком. Вылезаем!

Я переместился ближе к ваял, — донеслась до меня мысль Джага. — *Отправляйтесь к стыковочному отсеку 412—Q!*

Трехмерная схема над нашими головами изменила форму, и мы увидели увеличенное

изображение поврежденного взрывом участка станции. В одном его месте светился ярко-зеленый квадратик.

Мы не сможем пробраться туда! — уловила я мысль Эльтора. — *Тебе придется подобраться к нам поближе!*

— *Не могу подвергать себя риску,* ответил Джаг. *Нового удара я не переживу. Это неплохое место. Оборона там слабая, и оно находится недалеко от вас. Эльтор, у тебя в запасе всего пять минут. После этого ты не сможешь нормально функционировать. Через шесть минут начнет действовать седативный препарат, и ты потеряешь сознание.*

До моего слуха донесся зуммер панели управления. Вагон остановился, распахнув дверцу.

Выйдя наружу, мы окунулись в хаос. По платформе беспорядочно толпились обитатели станции. Завидев очередной вагон, люди тотчас бросались к нему, и возникала давка. Из невидимых глазу динамиков доносились слова незримого диктора — видимо, какие-то указания, перемежавшиеся просьбами сохранять порядок и спокойствие. Эвакуацией руководили военные в штатском. Им приходилось то и дело повышать голос, чтобы перекрыть толпу.

К нам через толпу проталкивался какой-то офицер. Он что-то крикнул Эльтору, и на какую-то долю секунды я подумала, что мы попались. Однако скоро поняла, что приняла непривычную, режущую слух интонацию незнакомого мне языка за угрозу. Офицер не узнал нас. Он жестом приказал нам вернуться в вагон. Увидев, что Эльтор отрицательно покачал головой, блюститель порядка неприязненно нахмурился, однако настаивать не стал. На платформе царила толчея, и там надо было наводить порядок.

Покинуть терминал оказалось весьма нелегким делом. Нам пришлось протискиваться сквозь плотный людской поток. Восьмиугольный коридор снаружи также оказался забит людьми. Толпа находилась на грани паники, но, к счастью, накаленные до предела эмоции не перехлестывали через край. Напротив, эвакуируемые следовали каким-то правилам, усвоенным, видимо, за счет многократных тренировок. Движение регулировали стоявшие на специальных возвышениях офицеры, содействуя радиопризывам сохранять спокойствие. Мы с трудом прокладывали себе путь против «течения» нескончаемого людского потока к одной из восьмиугольных арок. Трехмерная схема по-прежнему следовала за нами, указывая дорогу к отсеку станции, в котором находился Джаг. Расстояние, отделявшее нас от него, было не слишком велико, но, чтобы добраться до цели, приходилось преодолевать нескончаемый людской поток.

У вас в запасе четыре минуты, — раздался «голос» Джага.

Когда мы оказались под сводами арки, громко взревела сирена. Арка приобрела до боли знакомый мне красный цвет. Эльтор выругался и, схватив меня за руку, попытался преить на бег. Пробившись еще немного вперед, мы достигли новой арки. Вой сирены раздался снова. Вокруг нас начала угрожающе смыкаться толпа. Порядок мог в любую секунду смениться взрывом паники.

Какой-то офицер пытался пробиться к нам сквозь толпу, выкрикивая что-то по-эйюбиански. Еще одного офицера мы увидели в боковом проходе, всего в нескольких ярдах от нас. Толпа с каждым мгновением все больше выходила из-под контроля. Людская масса потащила нас за собой, увлекая обратно в направлении терминала. Если бы не Эльтор, который крепко держал меня за руку, мне была бы уготована участь быть затоптанной взбудораженной толпой. Офицеры продолжали проталкиваться к нам сквозь толпу.

Остается три минуты! — напомнил Джаг.

По громкой связи все тот же невидимый диктор продолжал успокаивать людей, призывая их сохранять порядок. Неожиданно из динамиков зазвучал другой голос. Интонация тоже была другой, твердой и спокойной. Каждое слово произносилось четко и взвешенно, словно кто-то искал понимания у своих лояльных сограждан. В мешанине незнакомых звуков я услышала: Эльтор Виан Селей Кья Сколия.

Я моментально напряглась.

Эльтор, что они говорят?

Лицо моего спутника побледнело.

Называют мои приметы.

Какая-то женщина тотчас пронзительно закричала, указывая на нас. Затем крик подхватил еще один человек, затем второй, третий, четвертый. Толпа заволновалась, пришла в движение, стала притискивать нас к стене. Опасность быть раздавленными под ногами обезумевшей толпы сменилась угрозой быть размазанными по стене все той же жуткой человеческой массой. Внезапно толпа слегка откатилась назад, освободив перед нами пяточок пространства. Скорее всего причиной тому было самое заурядное любопытство, желание воочию увидеть наследника-рона. Любопытство это оказалось сильнее страха, взяв верх над толпой, готовой в любую секунду взорваться массовой паникой.

Однако спокойствие продлилось лишь считанные мгновения. Поток человеческих тел снова устремился в направлении терминала, а к нам подскочила какая-то долговязая сухопарая дама. Она прикоснулась ладонью к груди Эльтора, словно желая удостовериться в том, что он действительно живой. Затем ее подхватила толпа и понесла куда-то дальше.

У вас в запасе две минуты, — напомнил Джаг.

Все новые и новые люди старались приблизиться к нам. Никто из них не додумался предложить нам помощь. Единственным их желанием было прикоснуться к Эльтору, как к какому-то талисману. Эльтор старался оттолкнуть тянущиеся к нему руки, однако это плохо ему удавалось. Его движения на глазах утрачивали координацию. Дело даже не в ослаблении биомеханики — просто Эльтору было не под силу противостоять нескончаемому натиску человеческих тел. Коридор был практически до отказа забит сотнями людей, а сзади напирали все новые и новые любопытные. Все они прибывали оттуда, куда мы с Эльтором должны были пробиться, чтобы встретиться с Джагом.

У вас остается одна минута, — сообщил Джаг.

Джаг, нам не удастся! — мысленно воззвала я к нему. — *Нам не удастся пробиться к тебе!*

Картина окружающего мира с головокружительной скоростью изменилась: неожиданно я оказалась где-то над коридором и, словно птица паря над толпой, обозревала происходящее сверху. Я увидела себя с Эльтором — плотная людская масса все сильнее прижимала нас к стене. Было похоже, что я потеряла сознание, а Эльтор изо всех сил пытался удержать меня и одновременно сам удержаться на ногах.

В мое сознание ворвались какие-то странные механические мысли. Какие все-таки у человеческих существ ненадежные оболочки! Пилот и его спутница! Уязвимые. Хрупкие. Легко ломающиеся конфигурации. Их так трудно чинить! Странные. Чувствительные.

Бесценные.

Джаг! Это ты? — обратилась я к нему.

Я переключил твой мозг на мою сеть, — последовал ответ. — *В настоящее время ты находишься в ячейке наблюдения над коридором.*

Я видела, как к нам приблизилась группа бороидов. Встав вокруг плотной стеной, они отрезали нас от людского моря. Мы с Эльтором оказались в замкнутом пяточке пространства, словно в тихой бухте, надежно укрытой от океанских штормов. Эльтор устало опустился на пол, по-прежнему обнимая меня. Он положил мое тело себе на колени и склонил голову. На платформу терминала из коридора вышла фаланга офицеров. Мне они напомнили лодку, тщетно пытающуюся плыть по поверхности моря — такого вязкого и клейкого, что едва можно было сдвинуться с места. С трудом преодолевая плотную людскую массу, они направлялись в нашу сторону. Мы с Эльтором к этому времени потеряли сознание и безжизненно опустились на пол.

Каким образом мне удастся видеть все это? — мысленно спросила я.

В первую нашу с тобой встречу еще там, на Земле, я скопировал все клетки твоего мозга и их основные функции. Сейчас я задействовал НТК твоего мозга, чтобы загрузить твое сознание в мой симулятор.

Зачем?

Я перезагружу тебя в сеть Эльтора. Ему нужен находящийся в здоровом сознании мозг, способный управлять его телом. Если я загружу в Эльтора себя, то это только усугубит повреждения его мозга. Ты же являешься человеческим существом и уже стала его частью. Кроме того, ты обладаешь способностью симпатического резонанса почти со всеми участками его больших полушарий.

Я не поняла твоих последних слов, — подумала я.

У вас с ним психологическая, личностная совместимость. — Пауза. — Начинаю перенос.

В следующее мгновение я ощутила себя в телесной оболочке Эльтора. Было крайне непривычно чувствовать себя в чужом массивном теле. Мое собственное тело лежало у меня же на руках. Глаза закрыты, черные волосы покрывалом разметались по полу. Окружающий мир я видела через золотистую пленку внутренних век Эльтора. Я встал (встала), держа на руках мое (Тины) обмякшее тело, и бороиды повернули головы в нашу сторону. Увидев, как я поднимаюсь на ноги, они буквально оторопели, от чего воздух вокруг заискрился.

Тина, — донесся до меня мысленный голос Джага. — Сейчас я разрежу коридор лазером.

Нет! Не делай этого! Поднимется дикая паника! Нас просто затопчут!

Согласен, паники не избежать, — отозвался Джаг. — Но вас не затопчут, нет. Мы находимся достаточно близко к внутреннему корпусу, так что можно воспользоваться и лазером. В коридоре, где вы находитесь, останется достаточно воздуха, так что никто не задохнется. Хаос, который возникнет в результате моих действий, будет способствовать вашему бегству.

Дай Бог, чтобы ты оказался прав, Джаг!

Лазерных лучей я не увидела, зато услышала крики и пронзительный вой сирен. В коридоре началось паническое бегство. Через мгновение человеческий поток уже достиг нас. Яркая вспышка заставила меня закрыть глаза. Открыв их снова, я увидела, что трое из четырех бороидов сплывались воедино, прилипнув к полу. Их броня стекала на пол зеркальными лужицами, застывая прямо на глазах. Я с трудом проглотила застрявший в горле комок, меня мутило. Четвертый бороид пятился назад, осторожно держа на весу оплавленную по локоть руку. Охваченная паникой толпа увлекла его за собой в глубь коридора. Нам с Эльтором посчастливилось остаться в живых. Мы избежали жуткой участи быть раздавленными толпой лишь благодаря тому, что обугленные останки бороидов невольно стали преградой на пути обезумевшей человеческой массы.

Бегите! прозвучал в моей голове призыв Джага. *Бегите ко мне!*

Залп лазера проделал в стене огромную дыру с рваными краями. По-прежнему сжимая в руках мое (Тины) тело, я шагнула в нее и оказалась в небольшом проходе.

Джаг, какое оружие у тебя осталось?

Лазеры и аннигиляторы разрядились, дезинтеграторы уничтожены. Кроме того, я использовал весь запас малых ракет. У меня осталось четыре Тау-ракеты, но я не могу выпустить их, находясь внутри Цилиндра. Вам придется преодолеть оставшуюся часть пути самостоятельно.

Я побежала. Нести на руках свое собственное тело было не очень трудно, оно почти ничего не весило. Физическая мощь Эльтора придала мне заряд бодрости. Как это он мог принимать свою силу как данность?

На решетке, которую я теперь видела более отчетливо, путь к Джагу высвечивался голубым светом.

Тебя поняла! — мысленно произнесла я.

Биомеханическая сеть пришла в действие, ведя меня в нужном направлении. Несколько человек, встреченные по пути, бежали в противоположную сторону. Некоторые из них прижимали к лицу какие-то маски. Мы двигались запутанным путем, то и дело ныряя в боковые проходы, и вскоре оказались в восьмиугольном помещении, в котором с разных

сторон сходились семь коридоров. В восьмой стороне имелись две массивные двери с надписью 412-Q.

Джаг! мысленно воскликнула я и бросилась к дверям. *Это мы! Открой нам!*

Не могу. Цилиндр снова взял под контроль этот отсек.

Улыбка сползла с моего лица.

Что ты сказал?

Меня вычистили из сети Цилиндра.

Как же нам тогда открыть эти двери?

Взрывчаткой или лазерами.

Но у тебя же больше не осталось ни того ни другого!

Это верно.

Последняя мысль Джага прозвучала совсем глухо.

Из бокового прохода совершенно неожиданно выскочил какой-то человек и тотчас замер на месте. Пережитое им потрясение было сродни боевому тарану — незнакомец узнал Эльтора. Хлопнув ладонью по браслету, эйюбианин поднес его к лицу и что-то проговорил. Его слов я не расслышала, да и не смогла бы перевести.

Джаг! обратилась я к нашему незримому ангелу-хранителю. *Нам необходимо прорваться в этот стыковочный отсек!*

Пытаюсь преодолеть протокол доступа к сетям Цилиндра!

Из напульсника незнакомца раздался чей-то голос — резкий и неприятный, — он то ли задавал вопросы, то ли отдавал приказания.

Джаг! Нам нельзя снова попасть в руки Икуару! Ты знаешь, что он с нами сделает! Открой эти двери!

Не могу, ответил Джаг и после паузы добавил: *У меня осталось четыре Тау-ракеты.*

Ты можешь воспользоваться ими? — с надеждой спросила я.

Тина, одна Тау-ракета способна уничтожить половину станции!

Какое-то мгновение я была не в состоянии осознать услышанное. Затем до меня все-таки дошел смысл сказанного Джагом — он предлагал нам самоубийство. И возмездие.

В поле моего зрения появилась эйюбианка в офицерской форме, с пистолетом, стреляющим седативными зарядами. Она кивнула мужчине и, не сводя с меня глаз, что-то проговорила в напульсник. Я стоял (стояла), широко расставив ноги, по-прежнему держа на руках свое — Тины — безвольное, обмякшее тело.

Если мы уничтожим Цилиндр, продолжал Джаг, *купцы утратят доступ к любому из Джагов или Джагернаутов. Никакого Ключа у них больше не будет. Крикс Икуар умрет.* Последовала пауза. *Мы же лишимся единственной известной нам женичины-рона, генетически не связанной с Рубиновой Династией.*

Я не хочу, чтобы мы погибли!

Интонацию мысленной речи Джага отличало удивительное спокойствие.

Пока вы оба живы, будет оставаться шанс спастись бегством. Пока ты, Тина, будешь оставаться в живых, не умрет и надежда выжить для семейства Эльтора.

Эйюбиане не сводили с нас глаз, ожидая скорого прибытия подкрепления. Они ничуть не сомневались, что с минуту на минуту их ждет слава. Еще бы! Поймать столь ценную добычу. Они смотрели на нас так, будто перед ними были не люди, а прекрасные животные, сбежавшие из зоопарка, которых все-таки поймали и вот-вот водворят обратно в клетку.

Тина! позвал меня Джаг. *Ты должна принять решение!*

Не могу! Я чувствовала, что мое тело сотрясает дрожь. Хотя на самом деле это было совсем не так — мое, то есть Эльтора тело было неподвижно, как скала. *Я не хочу умирать. Я не хочу, чтобы умер Эльтор. Но, Боже, быть Источником Икуара — это страшнее, чем смерть.*

Ты должна принять решение, Тина.

Не могу!

В следующее мгновение я взбесилась. Более точного определения я, пожалуй, не

смогла бы найти. Я утратила логику и разум. В критических ситуациях человеческое тело способно проявлять невиданную силу. Например, горняку ничего не стоит удержать свод рушащейся шахты. Женщина переворачивает автомобиль, наехавший на ее ребенка. Альпинист удерживает каменную глыбу, вес которой во много раз превышает его собственный. Сделав безумное усилие, я задействовала биомеханическую сеть Эльтора сверх всех мыслимых и немыслимых пределов.

Я резко развернулась и принялась яростно колотить сапогом в дверь. Я молотила в нее без устали, потеряв счет ударам. Сила, которую я вкладывала в них, поразила меня саму. Мне казалось, что в эти мгновения я превратилась в мощную камнедробилку, бездушную, не рассуждающую, хорошо отлаженную. От силы этих сумасшедших ударов, казалось, трещали все кости моего нового тела. Мне представлялось, что прошла целая вечность, однако таймер моей сети показал, что миновала лишь какая-то доля секунды.

Я услышала звук выстрела, почувствовала, как заряд угодил мне в грудь, поняла, что седативные препараты проникают мне в кровь. Это не имело никакого значения — Эльтор уже потерял сознание. Теперь его тело функционировало исключительно на биомеханике. Я продолжала колотить в дверь, и в конце концов мои усилия увенчались успехом — двери подались внутрь. Еще один удар тяжелого ботинка, и в том месте, где смыкались обе створки, образовалось отверстие. Я даже зацепилась ногой за его рваные края. Стараясь не терять ни секунды, я сначала просунула в него свое — Тины — тело, затем втиснулась сама. В спину и ноги мне угодили новые выстрелы, позади продолжали раздаваться крики, эхом прокатываясь по моему сознанию.

Затем мы оказались в небольшом ангаре. Он располагался в большей степени в Цилиндре, а не в стыковочном отсеке, куда прибывало на стоянку большинство космических кораблей. Джаг уже позаботился о том, чтобы воздушный шлюз был открыт. Внешние двери ангара тоже были открыты — причем *настежь*. Оказывается, мы на всех парах мчались навстречу безвоздушному пространству, абсолютному вакууму.

Я громко выругалась, однако в следующую секунду заметила сияние молекулярной мембраны. Я бегом бросилась к Джагу. Сначала засунула внутрь свое — Тины — тело, затем вскарабкалась сама. Шлюз с громким чмоканьем сомкнулся за моей спиной.

Перезагрузить информацию, донесся до меня «голос» Джага.

Пол задрожал от рокота двигателей.

Перезагрузить, повторил Джаг.

Все еще находясь в теле Эльтора, я подняла голову.

Тина, выходи из сети!

Перезагружаюсь, подумала я.

После этого я снова оказалась в своем обычном теле. Джаг набирал скорость, и меня отбросило в сторону. Я пролетела вдоль всей палубы. Из переборки кабины высунулась огромная металлическая рука и подобрала безжизненное тело Эльтора. Я почувствовала прикосновение металла и на своей коже — это вторая рука подняла меня с пола. А в следующее мгновение меня уже обволакивал хорошо знакомый, липкий и приторный туман. *Готовлю к запуску Тау-ракеты!* доложил Джаг. *Не надо, Джаг! Н-е-е-е-т!* Я изо всех сил старалась не потерять сознания. *В Цилиндре обитают миллионы людей! Пусковые установки включены!*

Не-е-е-т... Я попыталась кричать, но сон окутывал меня сладкой пеленой.

Прежде чем потерять сознание, я успела услышать шепот Джага:

Тау-ракеты выпущены.

Тьма и тепло.

Постепенно до моего сознания начали доходить звуки, гул летящего космического корабля. *Джаг!* позвала я. *Где ты?*

Я здесь.

Где мы находимся?

В инверсионном полете.
 Что с Эльтором?
 Предпринимаю попытки починить его, привести в норму.
 С ним все будет в порядке? Пауза.
 Он снова будет функционировать.
 В самом деле?
 Его сеть необходимо перепрограммировать. Нужно восстановить поврежденные файлы его памяти. Возможно, что некоторые из них он утратил навсегда. Необходимо починить его структурные компоненты. Кое-какие придется вырастить заново. Ему также понадобятся хирургические операции.
 Я ощутила исходящую от корабля грусть. Другого слова я просто не нахожу.
 Его душа также нуждается в лечении. В этом я ему помочь не могу.
 Ты можешь заставить его забыть то, что помнить не следует?
 Для этого потребуется стереть огромные информационные массивы его памяти. Вместе с воспоминаниями об Икуаре он лишится и многих других воспоминаний. Помолчав, Джаг добавил проникновенно: Тина, будет неправильно, если мы сотрем из его памяти то, что является частью его «я». Если ему необходимо стать прежним, его нужно лечить.
 Я не хочу, чтобы ему было больно.
 В ответе Джага я почувствовала нежность.
 Я тоже. Мы оба не хотим этого.
 Джаг, послушай...
 Спи, Тина.
 Перед моим лицом снова заструился туман.
 Нет! Подожди! Я изо всех сил боролась со сном. Что ты там сказал, еще на Цилиндре, будто я тоже рон?
 Эльтор понял это, как только встретил тебя.
 Когда мы были на Земле, ты сказал, что тебе неизвестен мой пси-рейтинг.
 Я сказал, что не могу точно определить его в цифрах. Рейтинг ронов порой очень сложно определить — он у них слишком велик.
 Почему Эльтор не сказал мне этого?
 Он опасался, что ты не сможешь скрывать свое истинное знание, если окажешься в ситуации вроде той, в которую ты угодила.
 Он был прав.
 На «Эпсилани» я подсоединил твои Кайл-центры к моему Расширенному Интеллекту, продолжал Джаг. Когда наемники изолировали меня, они тем самым заглушили и твои Кайл-поля.
 Лучшие бы ты защищал Эльтора.
 Я не мог делать два дела одновременно. Это могло бы вызвать перенапряжение моих резервов.
 В следующей мысли корабля прозвучала нескрываемая боль.
 Я оказался перед выбором.
 Но почему я?
 Тебе это было нужнее. А они уже знали, кто он такой.
 Джаг...
 Спи, Тина.
 Перед моим лицом снова закружился туман.
 Джаг, подожди! Эти Тау-ракеты...
 Спи!
 Я погрузилась в сон.

Глава 18 АБАДЖ ТАКАЛИК

Над горизонтом нависло красное рейликонское небо с перистыми розоватыми облаками. Прямо над моей головой оно имело сероватый оттенок, а с противоположной стороны горизонта становилось практически черным.

Мы с Эльтором стояли совершенно одни. Со всех сторон нас окружала бескрайняя пустыня. Во всех направлениях, сколько хватал глаз, тянулись низкие красноватые холмы. Вдали торчали зубья дальних скал, вонзаясь в кровавое небо подобно пальцам скелета. Линия горизонта казалась к нам гораздо ближе, чем на Земле, а сила притяжения была значительно слабее. Хотя Рейликон представлялся мне похожим на Марс, на самом деле он был не таким ярко-красным, как ближний сосед Земли. Его биосфера имела более сложный характер, а насыщенная кислородом воздушная оболочка придавала дневному небу бледно-голубой оттенок.

Эльтор был по-прежнему одет в форменные брюки и ботинки; правда, вместо мундира на нем теперь был черный пуловер ручной вязки. Свою пилотскую куртку он отдал мне. Я набросила ее поверх платья — мне она доходила до бедер. Сшитая из того же изолирующего материала, что и вся форма, куртка имела его собственную сеть.

Мы стояли, устремив взгляд на небо. Бледневшая прямо у нас на глазах звездочка — улетающий от нас Джаг — вскоре совсем растворилась в небесной вышине.

— Как ты думаешь, он сможет вернуться самостоятельно, без пилота? — спросила я.

— Трудно сказать, — ответил Эльтор.

Мне хотелось хоть как-нибудь утешить Эльтора, больно было видеть выражение муки на его лице. Однако после того как Джаг вернул нас обоих к жизни, Эльтор оставался каким-то отстраненным и замкнутым.

— Джаг был прав, — сказала я. — Здесь мы будем в большей безопасности. И ты, и я.

— Ему нужен пилот.

Похоже, Эльтор так и не смог примириться с тем, что его друг и товарищ теперь летает один.

Внезапно до меня донесся какой-то грохот. Когда я окончательно пришла в себя, стало ясно, что дрожит земля. Мне тут же вспомнилось то давнее утро в Чиапасе, когда произошло землетрясение. Когда оно закончилось, мои дядя и тетя были мертвы, наш дом разрушен, наши овцы пропали, наш урожай погиб.

Рокот сделался еще громче. Теперь сотрясалась вся пустыня. В воздух взвивалась пыль. Казалось, гром исходит от самой земли. Я шагнула ближе к Эльтору, но стоило мне прикоснуться к его руке, как он весь напрягся. Я тотчас опустила руку. Он старательно избегал моего взгляда, не сводя глаз с линии горизонта.

На фоне малинового неба неожиданно появились странные силуэты. Их были сотни — причудливые видения, возникшие из-за линии горизонта. Со стороны заходящего солнца в нашем направлении двигались, волна за волной, орды загадочных всадников.

— Уходим, — шепнула я мужу.

— Это друзья, — отозвался Эльтор. — Абаджи.

— Ваши старинные телохранители?

Он кивнул, по-прежнему не сводя глаз с всадников. Они мчались к нам, взметая клубы пыли.

— Если это телохранители, — сказала я, — то где они были, когда Джаг высадил нас здесь?

Эльтор продолжал смотреть на летящих к нам всадников.

— Абадж Такалик контролируют наземные, орбитальные и межпланетные оборонительные системы. В освоенном людьми космическом пространстве они обладают самыми мощными оборонительными комплексами. — Пыль теперь клубилась у наших ног. Всадники были уже совсем близко. — Не имеет никакого значения, в каком месте планеты мы находимся. Они защищают нас с той самой секунды, как мы оказались в этой звездной системе. — Он указал на всадников. — Сейчас ты увидишь традиционный ритуал.

Перед нами возникли высокие фигуры конных телохранителей Рубиновой Династии. Длинные полосы ткани, свисавшие с их головных уборов, громко хлопали на ветру.

На расстоянии их скакуны напомнили мне тираннозавров, однако при близком рассмотрении стали заметны отличия. Животные эти были около девяти футов ростом в холке и передвигались скачками, отталкиваясь от земли мощными задними ногами. Покрытые чешуей передние лапы были длиннее, чем у земных первоящеров, и время от времени животные могли переходить на галоп, используя одновременно все четыре конечности. В свете умирающего дня шкура этих диковинных зверей отливала оттенками золота, небесной лазури и зеленой бутылочного стекла.

Всадники были все до единого стройными и высокими — более семи футов ростом. Их лица скрывали платки, оставляя для обозрения только глаза и защищая нос и рот от песков пустыни. За спиной у абаджей развевались черные плащи, открывая взгляду живописные — золотистые, красные, зеленые и пурпурные — одеяния. В сгущающихся малиновых сумерках абаджи приближались к нам шеренга за шеренгой, словно намереваясь растоптать нас.

Похожие на динозавров скакуны замерли одновременно — самые ближние менее чем в пятидесяти ярдах от нас. Внезапно стало совсем тихо, и было слышно, как у нас в волосах шуршит ветер, приятно овеивая кожу. Тишину лишь изредка нарушало либо негромкое фырканье, либо скрип песка, когда диковинные звери переступали с ноги на ногу. Крики кто-нибудь от самого горизонта, и мы бы наверняка услышали.

Один из всадников соскочил на землю. Он снял с лица платок, и его концы тотчас затрепетали на ветру. Увязая в песке, абадж поспешил к нам. Я узнала его: знакомые черты лица, орлиный нос, темные глаза. Ростом он был гораздо выше мужчин народа майя — пожалуй, единственное различие. Даже я с моим миниатюрным носиком меньше похожа на представительницу этого древнего народа, чем он. Пусть нас разделяли огромные расстояния и многие тысячелетия, я ощутила несомненное родство. Наверное, это был голос крови.

Абадж остановился перед Эльтором, возвышаясь над ним на целую голову, и опустился на одно колено в почтительном поклоне. Эльтор прикоснулся к его плечу и заговорил на иотическом. Этот язык я почти понимала.

Встав, всадник что-то нараспев ответил низким басовитым голосом. Его речь звучала ритмичным речитативом, в ней угадывалась некая ритуальная торжественность. Тогда мне казалось, что Абадж говорит на каком-то неведомом мне диалекте иотического языка, который было гораздо труднее понять. Эльтора я понимала лучше, но только потому, что мы уже успели привыкнуть друг к другу. Из слов незнакомца я поняла только то, что его зовут Узан. Лишь позднее мне стало известно, что *Узан* — это титул вождя абаджей. Даже будь у него собственное имя, он все равно нам его не назвал.

Узан вытащил из ножен на поясе меч — длинную сверкающую полосу стали с искривленным концом. По форме он напоминал кортик, который носил Эльтор, но этот клинок был цельным алмазно-металлическим кристаллом. Выращенный нанороботами атом за атомом, он был острым как бритва. Узан поднял клинок над головой, и тот ярко засверкал в лучах заходящего солнца.

Затем он почтительно протянул его Эльтору. Прежде чем я успела произнести хотя бы слово протеста, клинок, подняв фонтанчик песка, вонзился в землю в одном дюйме справа от ног Эльтора.

Эльтор даже не дрогнул. Узан снова занес клинок, и в ту секунду, когда он опустил его, моей щеки коснулось дуновение ветра. Я изо всех сил старалась стоять тихо. Сердце бешено колотилось в груди. Острие клинка вонзилось в землю между мною и Эльтором, и я ощутила песчинки у себя на лице.

Затем Узан повернулся к своим воинам и воздел вверх меч. В ответ те как по команде обнажили свои клинки, в ритуальном салюте вскинув острие к загоравшимся на небе звездам. Узан опустил меч, и абаджи все как один опустили свои. Уму непостижимо, как только им удавалось проделывать все эти движения с ювелирной точностью.

Эльтор взял меня под руку, и мы зашагали вслед за Узаном. Сумерки сгущались, и становилось все труднее различать окружающий нас мир. Откуда-то из тени возник человек, он вел за собой скакуна — одного, без всадника. Диковинный зверь показался мне великаном, его передние конечности с когтями были вдвое длиннее моих рук. Такому ничего не стоит разорвать на куски взрослого человека.

Эльтор же привычным жестом погладил его по боку. В ответ на его ласку животное послушно опустилось на землю, подобно верблюду подобрав под себя передние и задние ноги. От него исходил запах песка и мускуса, а дыхание отдавало острым и горьковатым ароматом лимона. Голова чудовища оказалась так близко ко мне, что я смогла разглядеть отдельные чешуйки на его морде — голубые ромбики с зеленой каймой, в которых отражались последние отблески заката. Животное внимательно смотрело на меня огромными золотистыми глазами. На затылке у него я увидела длинный костистый гребень. И еще один на спине. Получалось что-то вроде двойного горба с седлом посередине. Ухватившись за шейный гребень ящера, Эльтор ловко вскочил в это самое седло. Как только он устроился в нем поудобнее, животное медленно встало на ноги. Эльтор сказал что-то Узану, и главный абадж поклонился. После этого страж повернулся ко мне, опустился на одно колено и склонил голову.

Я в тревоге посмотрела на Эльтора. Он по-прежнему сидел верхом на ящере и явно не собирался приходить мне на помощь. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как повторить все то, что только что проделал мой муж. Я прикоснулась к плечу Узана. Страж тотчас встал на ноги и слегка подался вперед. Я снова бросила взгляд на Эльтора, но тот продолжал безмолвно смотреть на меня. Лицо его оставалось в тени, и мне было трудно угадать его настроение.

Затем до меня дошло — Узан всего лишь наклонился в сторону своих воинов. Когда я зашагала к ним, Узан поклонился, как будто я ответила на его немой вопрос. Наверное, так оно и было, однако в ту пору я этого просто не понимала. Таким образом, я приняла его приглашение поехать верхом. Главный абадж повел меня к моему скакуну. Животное опустилось на землю, подобрав, как и скакун Эльтора, конечности. Было видно, как на фоне холодного ночного воздуха из его ноздрей вырывается пар.

Узан почтительно обхватил меня за талию и одним движением усадил зверю на спину. От испуга я вцепилась в шейный гребень моего скакуна. Узан уселся позади меня. Земля тут же уплыла куда-то вниз, теряясь в ночной темноте, — это животное выпрямилось во весь свой немалый рост. Я почувствовала, что начинаю соскальзывать со спины ящера. Еще мгновение — и я повалюсь на Узана, и мы оба слетим на землю. Однако вместо этого я оказалась верхом на гребне как раз посередине чешуйчатой спины.

Узан что-то отрывисто произнес, и вся его конная армия синхронно повернулась. Эльтор проехал вдоль колонны. Я попыталась разгадать его теперешнее настроение. Чем оно вызвано? И какое оно? Любопытство ли, продиктованное желанием увидеть, как я поведу себя в незнакомой ситуации? Одобрение ли моего спокойствия? Какие-нибудь глубинные чувства, связанные с нашим пленением и побегом? Я понимала, почему Эльтор и абаджи предпочли, чтобы я ехала в «седле» не одна, а с сопровождающим. Ведь что я знала об этих чудных животных? Однако меня озадачило, что Эльтор, вместо того чтобы ехать вместе со мной, усадил меня с другим человеком.

Затем мы тронулись в путь. Животные бежали или, точнее сказать, скакали легкой рысью, причем гораздо быстрее земных лошадей. Эльтор скакал, чуть подавшись вперед. По его лицу блуждала улыбка. Было видно, что он наслаждается ездой. Чтобы как-то защититься от песка и пыли, летящих из-под ног наших славных скакунов, я натянула на голову капюшон форменной куртки, которую мне дал Эльтор. Не имея в отличие от моих спутников платка, я опасалась, что глаза, ноздри, рот и уши мне все равно занесет пылью и песком. Но ничуть не бывало. Прикоснувшись к лицу, я обнаружила тонкую пленку защитной мембраны. Встроенная в куртку сеть моментально уловила, что я нуждаюсь в защите от внешних инородных частиц, и тотчас снабдила меня ею.

Вскоре вечерние сумерки окончательно уступили место ночи, и окружающий мир погрузился во тьму. Мне почему-то вспомнился Набенчаук. Ни единого огонька во тьме, ни единого звука большого города. Лишь безмолвная темнота на многие мили вокруг. Мы скакали, не имея никаких ориентиров, и мне не давал покоя вопрос, как это животным удастся продолжать движение, ни разу не споткнувшись и не сбившись с пути. Впоследствии выяснилось, что они обладают чем-то вроде инфракрасного видения, и после заката, когда почва все еще хранит дневное тепло, пустыня вовсе не кажется им темной.

Я поняла, что мы добрались до города, лишь когда мы в него въехали, оказавшись среди мирно спящих в ночной тиши домов. Наши «кони» перешли на шаг, осторожно пробираясь через настоящий лес остроконечных башен. Башен разрушенных — это были самые что ни на есть развалины.

Всадники рассеялись по всему безмолвному городу, то здесь, то там занимая группами по пять человек посты — возле башен, пирамид, вдоль дороги. Мы остановились перед конусообразной башней высотой около сорока футов. Основание ее составляло в диаметре футов пятьдесят.

Узан спешился, подняв при этом облако пыли. Прижимаясь к шейному гребню ящера, я перекинула ноги на одну сторону и заскользила по спине животного. Какое-то мгновение висела, болтая ногами в воздухе, а затем, отпустив руки, полетела вниз. Когда мои подошвы коснулись земли, меня подхватил Узан, заключив прямо-таки в медвежьи объятия. Куда только подевались его прежние, исполненные благоговением прикосновения!

Я отпрянула назад и поскользнулась на невидимом камне. Стоило мне пошатнуться, как страж снова обхватил меня своими ручищами. От злости я сжала кулаки, приготовясь как следует ткнуть его локтем в бок. Но в следующее мгновение оказалось, что это вовсе не Узан. Это Эльтор пытался удержать меня от падения. Я обернулась и посмотрела ему в лицо. Мой супруг улыбнулся — впервые после нашей свадебной ночи.

Узан провел нас через прямоугольный дверной проем в какую-то башню с покатой крышей, сходящейся конусом примерно в тридцати футах у нас над головой. На противоположной стене, в верхней ее части, змеилась трещина, расширяясь вверх до размеров зияющей дыры, сквозь которую в помещение проникал серебристый звездный свет. Узан начал снова произносить ритуальные фразы, и Эльтор отвечал ему все тем же певучим речитативом. В те минуты мне казалось, что они просто-напросто поют, однако на самом деле так звучит иотический язык в безупречном произношении рейликан.

Хотя любой сколиец может легко проследить свою родословную, берущую начало среди жителей Рейликона, четыре тысячи лет мутаций и смешения крови, зачастую добровольного, превратили сколийцев в совершенно новую расу, Эльтор на три восьмых рейликанец. Его мать рейликанка наполовину, а отец — на одну четверть. После абаджей его семья единственная, кто несет в своих генах так много первоначальных расовых признаков.

Эльтор и Узан закончили свой ритуальный диалог. После чего страж, поклонившись нам, удалился, волоча за собой по земле длинный плащ. А мы остались одни. Эльтор стоял, скрестив на груди руки и пристально глядя на меня. В свете звезд его могучее тело отливало серебром.

— Ты совершенно правильно вела себя, — наконец произнес он.

Я не нашлась, что на это ответить, лишь легонько кивнула в ответ. Мне почему-то было неловко, что между нами пролегла какая-то эмоциональная преграда.

Эльтор подошел к стене и опустился на колени перед похожим на лежанку выступом. Достав из-под него два серебристых одеяла, он кивком указал на остатки перегородки, некогда разделявшей внутреннюю часть башни на два отдельных помещения.

— Если мы ляжем спать позади нее, она защитит нас от песка, который наносит сюда ветер.

Я оглянулась по сторонам. Странно, однако, что абаджи выбрали именно это место для ночлега принца и его юной жены, особенно если принять во внимание якобы высокий уровень их технологий, как утверждал Эльтор.

— Почему они не подобрали для нас другого места?

— А разве нам нужно нечто большее, чем им самим? — ответил вопросом на вопрос Эльтор.

— Ты хочешь сказать, что они живут в этих развалинах?

— В это время года — да.

— А разве они не в состоянии заново отстроить город?

Эльтор отошел в сторону и разложил одеяло позади полуразрушенной перегородки.

— А зачем? — вновь ответил он вопросом на вопрос.

— Но ведь он рушится.

— Абаджи живут здесь вот уже шесть тысяч лет. Они не станут ничего менять сейчас, на пороге своей гибели.

С этими словами Эльтор уселся на одеяло. Вид у него стал гораздо спокойнее. Он жестом пригласил меня последовать его примеру. Я подошла и уселась рядом. На сей раз он никак не среагировал на то, что моя рука случайно задела его колено.

— Я всегда мечтал совершить то, что совершил этой ночью, — произнес он.

— Ты имеешь в виду наше путешествие через пустыню?

— Это не простое путешествие. — Эльтор на какое-то мгновение умолк. — Пять тысяч лет назад абаджи были исключительно женщинами, такими же рослыми, как и мужчины, которых ты видела сегодня. А также сильными и свирепыми. Когда королева Рубиновой Династии привозила себе из далекой колонии мужа, абаджи приветствовали ее точно так же, как сегодня нас с тобой. Они охраняли ее супруга, пока сама она отправлялась убедиться в том, что ее владения за время ее отсутствия остались в целостности и сохранности.

— А если бы мужу захотелось отправиться вместе с ней?

— У него не было выбора. В ту пору мужчины были совершенно бесправны. — Эльтор усмехнулся. — Мои предки были самыми настоящими варварами.

— Это уже что-то новенькое! Эльтор рассмеялся.

— Не делай вид, что тебе все это интересно!

— Что же стало с ее мужем? — с улыбкой спросила я.

— Абаджи доставляли его в Ицу Яшлан. Он скакал туда вместе с Узаном.

— Ты хочешь сказать — совсем как я этой ночью?

— Видишь ли, предполагалось, что ты должна была скакать позади него. Но я подумал, что, не дай Бог, ты еще свалишься с рулика, вот я и попросил его посадить тебя перед собой.

— А что такое рулик?

— Это скакун.

— И тебе взбрело в голову поменяться ролями с героем древней легенды и стать королем Рубиновой Династии, который привозит домой из неведомых краев жену?

Я думала, что он сейчас улыбнется и скажет «да». Но Эльтор лишь молча устремил взгляд в темноту. Ответил он не сразу.

— Эти королевы властвовали во всех межзвездных империях. Привезти домой мужа было своего рода подтверждением их могущества и власти над жизнями и судьбами других людей. — Эльтор сделал паузу. — Лучшей ночи, чтобы вообразить себя героем старинной легенды, трудно даже представить.

И тогда я поняла. Икуар отнял у него все — больше чем свободу, больше чем право распоряжаться собственным разумом.

— Я опасалась, что ты не поехал рядом со мной, потому что тебе было стыдно, — сказала я.

— Стыдно? Чего же я должен стыдиться?

— Потому что... из-за него. — Я не могла заставить себя произнести вслух имя Икуара. — Потому что он прикасался ко мне.

Эльтор обнял меня за плечи.

— Для меня и моих соотечественников нет большего позора, чем оказаться пленником Икуара. Стыдно должно быть мне, а не тебе.

Я склонила голову ему на грудь.

— Тебе нечего стыдиться!

Эльтор вздохнул и что-то произнес мне в утешение. Немного помолчав, добавил:

— Кажется, я узнал кое-кого из наемников. Я удивленно подняла на него глаза.

— Каким образом?

— Помнишь того, что упомянул о моем послужном списке? Я узнал его голос даже сквозь фильтр бронекостюма. Моя биосеть сейчас обрабатывает информацию. — Эльтор снова сделал паузу. — Тина, когда Джаг разбудил меня, я просканировал его систему вооружения. И не обнаружил ни одной из четырех Тау-ракет.

— Он нанес ими удар по Цилиндру.

— Ты знаешь, что такое Тау-ракеты? — Я отрицательно покачала головой, и Эльтор поспешил объяснить: — Они оснащены инверсионным приводом. Двигателем космического корабля. Поэтому движутся со скоростью, близкой к скорости света, выделяя громадную кинетическую энергию. Четыре Тау-ракеты способны в мгновение ока превратить Цилиндр в звездную пыль.

Я невольно поежилась.

— Может быть, их уничтожили люди Икуара? — высказала я предположение.

— Одну-две — вполне возможно. Но все четыре? Это просто невероятно! — Эльтор провел рукой по волосам. — О Боже, Тина, я и не предполагал, насколько серьезно деградировал его Расширенный Интеллект! Джаг совершенно утратил способность рассуждать логически!

— Он прекрасно понимал, что делает! — возразила я.

— Это невозможно!

— Икуар мучил тебя, вот Джаг и отплатил ему той же монетой! Но дело не в одном только Икуаре! Нам *никто* не пришел на помощь! Я впервые ощущала, что Джаг в гневе! В этом было нечто нечеловеческое!

— Выходит, мой корабль отомстил за меня?!

— Да. Ведь он любит тебя!

Эльтор удивленно уставился на меня.

— Чт-о-о-о?!

— Он любит тебя.

— Корабль никого не может любить!

— А Джаг тебя любит.

— Это невероятно!

— Почему? Ты ведь больше, чем обычный человек. Вот и Джаг больше, чем просто машина.

Эльтор не сразу ответил мне.

— Надо будет хорошенько над этим подумать.

Потом мы сидели молча, вслушиваясь в звуки ночи. Откуда-то слышались мелодичные звуки, словно некий незримый музыкант пощелкивал кастаньетами. Время от времени до моего слуха доносилось шуршание гонимого ветром песка и голоса абаджей на посту близ нашей башни. Их опека представлялась мне чисто символической. На планете с высоким уровнем науки и техники, обитатели которой совершают межзвездные перелеты, какая польза от стражников с саблями? Но все равно было приятно, что нас охраняют. Кто поручится, что нам здесь ничего не грозит?

Из мирных объятий сна меня вырвало чье-то прикосновение. Я лежала на одеяле, прикрытая еще одним. Эльтор спал рядом со мной, лежа на спине. Неожиданно он дернулся всем телом, и его свитер царапнул мне руку.

Эльтор рывком сел на одеяле — глаза его застлало внутреннее веко. Рот открылся в безмолвном крике — из горла не вырвалось ни единого звука. Я тоже села, не решаясь прикоснуться к нему. Кто знает, как он поведет себя, если его слишком быстро пробудить от неведомого ночного кошмара? Вместо этого я принялась успокаивающе нашептывать:

— Все хорошо. Я с тобой.

Наконец Эльтор издал невнятный, сдавленный звук. Внутренние веки поползли вверх, и он посмотрел на меня.

— Все в порядке, — повторила я и, обняв, погладила по волосам. — Все в порядке!

Он притянул меня к себе.

— О Боже, Тина, я не могу... не могу!

Я не знала, что сказать, и продолжала бормотать успокаивающую бессмыслицу. Уняв дрожь, Эльтор снова лег на спину, увлекая меня за собой. Немного помолчав, ласково произнес:

— Наверно, жизнь после смерти все-таки существует. Надеюсь, потусторонние силы будут вечно издеваться над Крик-сом Икуаром, как он всю свою жизнь издевался над Источниками!

Я осторожно склонила голову Эльтору на грудь.

— Все кончено! Все позади! Он никогда больше не будет тебя мучить!

Эльтор перевернулся на бок, оперся на локоть и повернулся ко мне лицом.

— Ты похожа на дождь в пустыне — такая же сладостная и долгожданная!

Я была почти абсолютно уверена в том, что Эльтор солгал насчет нашего договора, но все-таки мне было как-то не по себе.

— Ведь это не дополнительный договор, верно?

Эльтор лукаво улыбнулся.

— А что, если я отвечу на твой вопрос утвердительно?

— Ну знаешь, Эльтор!

Он нежно прикоснулся к моей щеке.

— Это ронский договор. В соответствии с ним ты становишься полноправным членом моей семьи и соответственно наследницей Рубиновой Династии. Всех ее сокровищ, если таковые имеются, — сказал он, а затем сухо добавил: — С точки зрения статистики предполагалось, что ни один из нас никогда не сможет найти себе женщину-рона. Чтобы найти тебя, мне пришлось попасть в другую вселенную! Мне повезло! — Эльтор снова лег и обнял меня. Затем прошептал мне на ухо: — Я тебе не до конца рассказал, что происходит, когда королева Рубиновой Династии привозит себе супруга с далеких звезд.

— Что же? — так же шепотом спросила я.

— Как только она убедится в том, что с ее владениями все в порядке, то ночью отправляется верхом в город, где ждет ее муж. Вот тогда-то они и вступают в брачный союз. — Эльтор легонько укусил меня за мочку уха. — В своих фантазиях я всегда представлял, что жена будет ждать моего возвращения, лежа в постели. Она будет теплой и сонной, готовой принять меня в свои объятия, когда я вернусь в Ицу Яшлан.

Я пальцем провела по его губам.

— Она уже ждет тебя!

В ту ночь, в развалинах древнего города, на умирающей планете с тусклым солнцем, мы наконец вступили в брачный союз, которому предстояло дать новую жизнь угасающему народу.

Глава 19

ОБИТЕЛЬ КРЫЛАТОГО БОГА

Занимался рассвет, принесся в мир то самое волшебство, которое возникает в минуты, предшествующие восходу солнца, когда небо начинает светлеть, а сама пустыня все еще остается в тени. Я лежала рядом с Эльтором, прижимаясь спиной к его груди. Всю ночь его рука обнимала меня за талию. Снаружи доносились звуки зарождающегося дня: приглушенные голоса, шарканье ног, звон клинков. До нашей импровизированной опочивальни долетали благоуханные ароматы фимиама и готовящейся еды. Где-то рядом негромко жужжали насекомые.

Абаджи завесили дверной проем плащом, утяжелив его нижний край застежками из драгоценных камней. Когда порывом ветра его затягивало внутрь, застежки ударялись друг о друга, издавая мелодичное постукивание, которое я слышала минувшей ночью. Откуда-то снаружи донесся чей-то голос. Он прозвучал громче голосов стражников, но в то же время не настолько громко, чтобы потревожить наш сон. Мне было не совсем понятно, к кому обращался говоривший — к стражникам или к нам.

Повернувшись к Эльтору, я увидела, что его глаза открыты.

— Что ты сказал? — спросила я.

— Ничего. Это не я. Это кто-то снаружи.

Эльтор произнес что-то на иотическом, и чей-то голос ответил ему.

Эльтор улыбнулся.

— Они спрашивают, не хотим ли мы какао.

— Шоколаду? Ты шутишь!

— При чем здесь шоколад? — Он приподнялся на локте. — И что такое шоколад?

— Напиток, горячий густой напиток, которым я угощала тебя в Лос-Анджелесе, — пояснила я.

— Он был приятным на вкус. Но это было не какао.

— Скорее всего они сохранили это давнее слово. Шоколад делали из зерен какао. Это был любимый напиток верховных вождей майя. У майя была для него даже специальная посуда, такие особые кувшины.

— Посмотрим, как тебе понравится наш напиток!

С этими словами Эльтор натянул на нас одеяло и что-то сказал стоявшему у входа воину. Абадж вошел внутрь и, опустившись на колени, поставил на пол кувшин и две чашки. На красной глазури кувшина были видны какие-то иероглифы. Я не знала всех символов, но это было не так уж важно. Ведь не знала же я многих элементов древней письменности майя. Однако тот, что был начертан на крышке, все-таки узнала. По форме он напоминал гребень и произносился как «ка». Еще один, в форме рыбы, также озвучивался слогом «ка». Стоявший под ними символ означал слог «ва». Ка-ка-ва. Какао.

Воин задал Эльтору какой-то вопрос. Эльтор что-то сказал в ответ, после чего абадж встал и, поклонившись, вышел.

— О чем он спросил тебя?

— Он спросил, нужны ли нам свидетели.

— Свидетели? Но для чего?

Эльтор жестом указал на нас обоих, вес еще лежавших в постели.

— Вот для этого. Чтобы подтвердить, что мы с тобой вступили в брачный союз.

— Что? — Мне показалось, что я покраснела. — Не нужны нам никакие свидетели!

— А мне кажется, неплохая идея.

— Вечно ты шутишь! Они что, хотят *наблюдать* за нами?

Эльтор усмехнулся.

— Многие тысячи лет назад именно так они и поступали, когда это было необходимо в силу политических причин.

— Ну знаешь, Эльтор!

Моя реакция вызвала у него неподдельное веселье, и он расхохотался.

— Не бойся, в наши дни для освидетельствования хватит того, что они увидели нас вместе в одной постели! Мы скажем им, что все остальное у нас тоже прошло как надо. Они поверят нам на слово.

— Но все-таки скажи мне, для чего это нужно?

— Для подтверждения юридической силы договора, — ответил Эльтор и потянулся за кувшином с какао. — Прошлой ночью я попросил абаджей проверить сеть. Стоунхедж скорее всего сам переправил наш договор в Ассамблею. Думаю, всем уже несколько дней известно о нашем браке, а также об обстоятельствах нашего похищения. Мне бы очень хотелось избежать ненужных разговоров.

— Неужели все-таки так важно — спали мы вместе или нет?

— В юридическом смысле — нет. — Эльтор налил в чашку темную дымящуюся жидкость и поставил передо мной. — Но как символ — да!

Я сделала глоток какао. Вкус его был удивительно приятным и напоминал приправленный малиновым сиропом кофе с добавлением корицы.

— А разве они не страдают от одиночества?

— Кто? Абаджи?

— Да. Разве им не нужны жены?

— Некоторым — да. — Сказав это, Эльтор тоже налил себе какао. — Такие покидают Рейликон. Но большинство остается. Они все — клоны. Исходный генетический материал, что-то вроде шаблона, был отобран у тех мужчин, которых сочли пригодными для подобной жизни. Думается, они привыкли обходиться без женщин. — Покачивая головой, Эльтор продолжил: — Я же просто представить себе подобного не могу!

— А разве женщин они не клонируют?

— Женщин здесь уже не было. Именно поэтому они и научились первым делом клонировать самих себя. Им удалось сберечь немного генетического материала, и в результате усилий Рона на свет появилась моя бабка. — Эльтор на мгновение замолчал, отпивая какао из чашки. — Хотя произвести здорового клона — дело не из легких.

— Джаг мне рассказывал.

Эльтор смерил меня долгим взглядом.

— Ты позволишь генетикам-абаджам сделать анализы твоей ДНК? Здесь, под землей, находится их лаборатория по генной инженерии.

Я снова отпила из чашки.

— Не возражаю.

Невероятно, что где-то глубоко под развалинами древнего города находится современная лаборатория.

Неожиданно Эльтор громким голосом заговорил на иотическом. Стоявший снаружи стражник что-то сказал в ответ. Затем послышались шаги обутой в сапоги ног, удалявшихся прочь от нашей башни.

Когда мы допивали какао, я услышала, как кто-то идет в нашу сторону, и поспешила нырнуть под одеяло.

В помещение вошел Узан в сопровождении пяти воинов в развевающихся одеждах. Они как по команде опустились перед нами на колени, а Узан заговорил. В ответ Эльтор поцеловал меня в щеку. В этом жесте было больше от ритуала, чем от искреннего чувства. Я попыталась вообразить абаджей не мужчинами, а огромного роста женщинами, себя кем-то вроде царицы амазонок, а Эльтора — тем, кому судьбой предначертано делить со мной ложе. Надо сказать, было трудно представить даже нечто отдаленно похожее на это.

Шурша одеждой, Узан и четверо воинов вышли вон. В тот короткий миг, когда импровизированный полог приоткрылся, я успела увидеть омытое рассветом утреннее небо и краешек солнечного диска над горизонтом. Занавес закрылся, и мы остались втроем — я, Эльтор и пятый воин.

— Это — генетик, — пояснил мне Эльтор. — Ему нужен образчик твоей ткани.

Я посмотрела на абаджа, и тот отвел взгляд. Отцепив от пояса какую-то пробирку, он извлек из нее две лопаточки-шпателя размером не больше моего мизинца. Одной из них он провел мне по руке, после чего аккуратно опустил пробу в пробирку.

— А теперь открой рот, — попросил меня Эльтор.

Я выполнила его просьбу, и абадж провел мне шпателем по внутренней стороне щеки. Поместив его во вторую пробирку, генетик спрятал оба соскоба в черный кошель у себя на поясе и выпрямился во весь рост. Затем, поклонившись, вышел.

— Как они все это делают? — спросила я. — Они так быстро двигаются! И всегда так синхронно! Как будто каждый из них отлично знает, что делают все остальные!

— Они же эмпаты! И к тому же клоны! — Эльтор лег рядом со мной и, просунув руку

под одеяло, прикоснулся к моей груди. — Может быть, нам следует повторно убедиться в том, что заключенный нами союз юридически правомочен! — произнес он с улыбкой.

Я рассмеялась и обняла его.

— А ты прав!

Ицу Яшлан. Волшебный, сказочный город.

Когда мы покинули наше убежище и вышли наружу, под красноватые лучи утреннего солнца, мне наконец представилась возможность хорошенько рассмотреть древние развалины. Мы поднялись на ближайшую к нашей башне пирамиду. Ступеньки оказались настолько крутыми, что, стоя на нижней, можно было дотронуться до верхней, даже не нагибаясь. От некогда величественного сооружения осталась лишь платформа, возвышавшаяся над землей на уровне примерно двух этажей. Я вертела головой по сторонам, внимательно разглядывая окрестности. Ветер трепал полы моей одежды.

Примерно в полумиле от нас, прямо посреди пустыни, я заметила скалу, за которой тянулась цепочка гор, лестницей уходивших в небесную высь. У ее подножия раскинулись залитые солнечным светом развалины древнего дворца. Строение когда-то имело гигантские размеры и, видимо, достигало высоты трехэтажного дома, а в длину было раза в три больше. В фасаде когда-то имелось девять входов, которые сейчас зияли пустыми провалами. Если провести линию как раз через центральную часть строения, то обе его половины стали бы зеркальным отражением друг друга. Остатки крыши с угловатыми сводами из плоских камней. Наиболее важные части строения — лестницы, стены, части крыши, башни с обоих концов — покрывала настенная роспись, уже порядком выцветшая.

У подошвы скалы простирался Ицу Яшлан. Широкие улицы связывали друг с другом дома, площади и то, что напоминало бани древних майя. Здания с пустыми дверными проемами в виде разинутой пасти хищных зверей, должно быть, когда-то были храмами. Я даже сумела разглядеть в городе площадки для игры в мяч — совсем такие же, как и в городах древних майя. То там, то тут виднелись развалины пирамид с крутыми ступенями. Назначение других сооружений угадать труднее — чем были когда-то все эти узкие башни со шпильями, вздымавшиеся ввысь на высоту многоэтажного дома, или мосты, повисшие над улицами вровень с верхними этажами зданий? Через весь город тянулись мощеные тротуары, вдоль которых застыли восьмиугольные колонны. Дальше от центра виднелись другие постройки, меньшего размера и хаотично разбросанные, — городская окраина.

— Невероятно! — воскликнула я, обернувшись. — Как же они допустили, что такой прекрасный город пришел в упадок?!

— Сейчас здесь почти никто не живет, — ответил мне Эльтор. — Кроме абаджей, да и они проводят тут лишь несколько месяцев в году.

— Но они могли бы хоть что-то сделать. Прислать сюда роботов или наномашин или, допустим, заселить город людьми с других планет!

— Видно, для них так лучше. После того как из жизни уйдет последний абадж, Ицу Яшлан перейдет к моей семье. Мы непременно исполним их желание оставить город в его нынешнем состоянии.

— Чтобы он постепенно превратился в пустыню? — Я не поверила собственным ушам. — Но почему, Эльтор?

Тот жестом указал в сторону величественных развалин.

— Это Рейликон. Как и сама планета, город постепенно умирает. Абаджи также добровольно согласились на вымирание.

— Но если им так хотелось умереть, зачем же они все-таки выжили?

— Вообще-то они не хотят умирать. Моя семья, вся Сколия, даже эйюбиане — все мы существует исключительно благодаря их воле к жизни. Их привезла сюда какая-то неизвестная раса. Так что у них никогда не было выбора. Сейчас, на закате жизни, они хотят лишь одного: чтобы никто из посторонних — ни люди, ни машины — не вмешивался в их жизнь и не смел навязывать им свою волю. Они умрут так, как жили все эти шесть тысяч лет.

По собственной воле.

— Понимаю, — ответила я. — Это очень напоминает цивилизацию майя. Кто-нибудь из обитателей Земли — кроме меня — уже видел эти руины?

— Очень немногие. Рейликон закрыт для посторонних. Исключения делались крайне редко. А Ицу Яшлан — священное место, запретное для чужих глаз.

— Кто-нибудь когда-нибудь переправлял его фотоснимки на Землю?

— Нет. Это было бы кощунством.

— Но ведь есть какие-то архивные свидетельства о народе майя, — сказала я. — Антропологи любят заниматься исследованием нашей истории, по крайней мере в моем мире. Все эти творения рук человеческих не должны бесследно исчезнуть.

— Думаю, что шесть тысяч лет назад твоего народа еще не было.

— Возможно, твоих предков переселили сюда из другой вселенной, а их история была смещена на целые тысячелетия. — Сказав это, я задумалась, а затем продолжила: — Большинство государств майя прекратили свое существование примерно в десятом веке нашей эры. А вдруг это произошло потому, что наших предков вывезли с Земли? Как знать, может, в разных вселенных подобное происходит время от времени. Какие-то расы увозят обитателей планет в другие миры и бросают их там.

Эльтор удивленно посмотрел на меня.

— Но для чего? С какой целью? Чтобы понаблюдать за тем, сумеют ли те выжить в других мирах? С тем чтобы сконцентрировать Кайл-черты в той расе, которая уже и так в достаточной степени обладает ими?

— Может быть, и так.

Другого объяснения мне в голову не приходило.

— Тогда эта попытка им не удалась.

— Но твоя-то семья существует!

— До какой-то степени. — Выражение его лица смягчилось. — Хотя, возможно, сейчас...

Эльтор протянул мне руку, и я шагнула к нему. Мы обнялись. Ветер трепал мне волосы, закручивая их вокруг нас обоих.

Мы вернулись обратно к лестнице, на ступеньках нас терпеливо дожидались два абаджа. Все это время они старались держаться в тени и вместе с тем вблизи от нас, чтобы в любую секунду поспешить на наш зов. Заслоняя нас словно живым щитом, абаджи спускались по лестнице на несколько ступенек вперед.

Эльтор провел меня по всему городу к скале. Это была каменная стена высотой в несколько тысяч футов, с лестницей по фасаду. Если когда-то лестница и имела перила, то теперь их не осталось. Я разглядела входы в пещеры на поверхности скалы, огромные звериные головы, высеченные в толще горных пород. Ступеньки напомнили мне виденную когда-то давно игрушку — кубик с желобками, направленными в разные стороны. Если в отверстие в верхней его части положить мраморный шарик, то он устремится вниз, перескакивая с одного желобка на другой, то и дело меняя направление в лабиринте, пока не скатится вниз.

— Иди первой, — сказал Эльтор. — Я буду подстраховывать тебя сзади, на случай если ты поскользнешься.

Внутренние переживания Эльтора окрасили мир вокруг нас нежным янтарным светом — светом любви и надежды. Сложив ладонь лодочкой, я даже зачерпнула пригоршню этого мерцающего тумана, а затем, опираясь для надежности рукой о поверхность скалы, начала восхождение вверх. Нас встретили сильные порывы ветра, и чем выше мы поднимались, тем сильнее они становились. За нами следовали два абаджа. Длинноногие стражники без видимых усилий преодолевали ступеньку за ступенькой. Один раз я не выдержала и оглянулась назад, и у меня тотчас закружилась голова. После этого я старалась смотреть лишь себе под ноги и поменьше думать о том, в какую высь мы взбирались. Однако опять не удержалась и посмотрела на раскинувшийся далеко внизу город.

Иду Яшлан простирался мили на четыре в разные стороны — залитый ярким солнечным светом, древний, как сам окружавший его мир, таящий в себе бесконечное множество загадок. Я легко представляла себе древних воинов, ставших легендой Рей-ликона. Мы же продолжали взбираться все выше и выше.

— На какую же высоту мы поднимемся? — Любопытство взяло надо мной верх.

— До дворца Ицам На Кетца! — раздался за моей спиной голос Эльтора.

— Ицам На Кетца? — переспросила я. — Звучит очень похоже на Ицамна и Кецаль! — Я говорила, стараясь не думать о бездне у нас под ногами. — Кецаль — это птица. Природа наградила ее роскошным оперением — длинным хвостом зеленого, красного, белого и желтого цвета. Представители знати и воины носили их в качестве украшения. Перья, как ты сам понимаешь. В некоторых городах за убийство кецаля полагалась смертная казнь. Ибо это навлекало гнев бога Кукулькана. А также тольтекского бога Кецалькоатля. Вообще-то на самом деле это одно и то же божество, пернатый змей, владыка всего сущего на Земле. Хотя иногда Кукулькан принимал облик бога ветра.

— У нас Ицам На Кетца считается богом полета, — пояснил мне Эльтор.

Ветер дул все сильнее. Под его порывами становилось все труднее сохранять равновесие. Поднявшись на вторую площадку, мы посмотрели вниз на город. Сверху Ицу Яшлан являл собой незабываемое зрелище. На верхушку красно-золотой башни опустилась какая-то черная птица и закаркала. Ветер разносил ее хриплые крики по бескрайней пустыне.

Мы зашагали выше. Я поднималась вверх лицом к скале, цепляясь за нее обеими руками. Дело было не в крутизне ступеней. Просто мы вскарабкались на такую головокружительную высоту, что мне для уверенности требовалась опора. Порывы ветра продолжали обрушиваться на каменную громаду, и мои волосы, словно крылья птицы, парили в потоках воздуха. Абаджи все так же следовали за нами, все в том же равномерном ритме. Я живо представила себе нашу процессию — четыре крохотные фигурки на фоне вертикальной каменной стены. Моя рука неожиданно уперлась в пустоту, и я *полетела вниз...*

И упала, приземлившись на одно колено. Эльтор споткнулся о мою ногу и приземлился на четвереньки. Оказалось, что нас едва не поглотила пещера. В буквально смысле — так как вход в нее представлял собой разинутую в грозном рыке звериную пасть. Отверстие сверху и снизу окаймляли огромные каменные клыки.

Поднявшись с каменного пола, мы с Эльтором уселись у входа в пещеру, свесив ноги над нижними зубами исполинского чудовища. Далеко внизу вплоть до самого горизонта тянулись бесконечные барханы. Ключья облаков медленно плыли по гладкому фарфоровому небу. Где-то вдаль невидимый демон пустыни крутил вихри красного песка.

Рядом с нами появились абаджи. Чтобы пройти под каменными клыками внутрь пасти каменного чудовища, им пришлось наклонить головы. Плащи стражей трепетали под порывами ветра, то открывая взгляду яркие одежды с золотой вышивкой, то снова укутывая черным высокие стройные фигуры. Не сбиваясь с шага, оба воина почтительно поклонились нам. Зрелище поразило меня. Оставалось только надеяться, что они не заметили нашего позорного падения в пещеру.

Мы с Эльтором стояли на месте, а один из воинов тем временем подошел к стене. С вбитого в нее крюка он снял нечто вроде пучка сухих веток, перевязанных шнурком. Затем отстегнул с украшенного драгоценными камнями пояса какую-то трубку. Тьму пронзила ослепительная искра, и конец факела занялся огнем. В его желтоватых отблесках и бронзовых лучах солнца пещера стала похожа на старинную фотографию.

В глубь скалы на несколько ярдов тянулся прямоугольной формы коридор, резко изгибаясь влево. Заднюю стену покрывала причудливая вязь иероглифов, начертанных черной, красной и бурой краской. Краска на вид казалась свежей. Позднее я узнала, что храм этот был одним из немногих сооружений Ицу Яшлана, которое абаджи пытались сохранить в первозданном виде.

Стражи провели нас до самого конца туннеля. Возле поворота абаджи вручили Эльтору

факел, поклонились и вернулись обратно ко входу в пещеру. Там они встали, глядя на простиравшуюся внизу пустыню — две неподвижные фигуры в черном, застывшие на фоне неба между каменными клыками неведомого чудовища. До нас доносились лишь жалобные стенания ветра.

Эльтор взял меня за руку, и мы двинули дальше, свернув в ответвление туннеля. Если в самом его начале пещера освещалась солнечным светом, то дальше, куда мы направили наши стопы, нас окутала непроглядная тьма. Через несколько сотен ярдов туннель свернул снова, уводя нас все глубже в толщу скалы. Теперь наш путь освещал лишь свет факела. Сделалось зябко, обжигающий жар пустыни сменился приятным холодком. На стенах снова появились иероглифы. Свет факела отбрасывал на них тени, и казалось, будто древние письмена колыхнутся и пляшут, как живые.

— Здесь! — воскликнул Эльтор и поднял факел выше.

Прямо у наших ног вниз уходила вырубленная в горной породе лестница. Внизу, у ее подножия, мы разглядели какое-то помещение. Из него тянуло застоявшимся воздухом подземелья.

Мы спустились вниз. Сойдя с последней ступеньки, Эльтор засунул факел между когтей каменной лапы неведомого животного. Затем из когтей соседней лапы вытащил еще один, зажег его от горящего факела и сунул в лапу на противоположной стене. Эту процедуру он проделал еще четыре раза. Когда Эльтор закончил, в камере мерцали шесть светильников.

Воспоминание о первом знакомстве с Дворцом Ицам На Кетца до сих пор живо в моей памяти. В этом удивительном месте ощущаешь незримое волшебство, здесь жива память о древних царствах. Овеянные веками легенды живут в его каменных стенах, покрытых резными фризами. Барельефы раскрашены красками столь яркими, что почти неотличимы от пронзительной голубизны рейликонского неба или красных песков пустыни. В тот день они были неподвижны, и лишь когда мы своим вторжением потревожили застоявшийся воздух и язычки пламени начали свой танец, древние скульптуры тоже пришли в движение. В свете факелов инкрустированные драгоценными камнями стены источали сказочное сияние.

Посередине камеры стояла скамья с изображениями каких-то крылатых существ. Одно чудище было с квадратной мордой и спиральными рогами. У него было шесть ног, по три с каждой стороны, и скрученный спиралью хвост. Над спиной зверь распростер могучие крылья. Другая скульптура являла собой женщину. Верхняя часть ее тела — от талии и выше — была женской, нижняя представляла собой кошачье туловище с хвостом как у птицы. Она стояла, воздев над головой копье. Грудь гордо выдавалась вперед, крылья распростерты в полете. Хотя волосы ее были высечены из камня, казалось, будто они трепещут и развеваются на ветру. Вдоль стены тянулся ряд статуй — чудовища с распростертыми крыльями. Головы их запрокинуты назад, от чего казалось, будто они кричат, обратив свой крик к небу. Полет, навечно застывший в камне.

Справа от нас никаких статуй не было. Зато в скале было высечено мужское лицо высотой примерно в девять футов. Вместо глаз у него виднелись концентрические круги, придавая лицу мягкое, нежное выражение. Крючковатый нос выступал вперед. Вместо рта высокий прямоугольник с квадратными зубами. Подбородок выдавался вперед параллельно полу и представлял собой выступ шести футов в длину и один в ширину, который покоился на каменных колоннах. Передние зубы, выгибаясь, торчали изо рта, образуя что-то вроде каменных подлокотников. К каменной личине вели несколько ступенек, причем верхняя находилась как раз на уровне подбородка. Эльтор вопрошающе посмотрел на меня.

— Ну, что скажешь?

— Потрясающе, — ответила я. — Вот только черты лица грубоваты.

— Так же как и пустыня.

— Да, так же как и пустыня.

Эльтор подвел меня к скамье в центре святилища. Я опустилась на нее.

— Сколько лет этому храму? — спросила я.

— Более пяти тысяч лет, — сказал Эльтор и показал на крылатые статуи. — Ицам На — наше божество, бог полета и вечности. Он выше всех недугов, что поражают нас, простых смертных. Он кормилец. Абаджи приходят сюда после битвы, в поисках исцеления. Причем не только телесных ран, но и душевных недугов — такое случается часто, когда люди убивают других друга.

Я провела рукой по барельефу.

— А что это?

— Духи-спутники бога или богини, — ответил Эльтор и указал на крылатую женщину. — Вот это — «Чак».

Я удивилась его произношению. Он произнес это слово с превосходным твердым приступом, а закончил глоттализированным «к». Хотя большинство сколийских языков не слишком богаты такими звуками, в иотическом и эйюбианском их много. В этом отношении они даже богаче цоциля, на котором говорил народ майя. Именно поэтому эйюбианский кажется на слух резким и грубым. Однако благодаря музыкальности их голосов горловые звуки рейликан не режут слух. Кстати, это одна из причин, почему иотический так сложен для изучения. Чтобы правильно говорить на нем, необходимо уметь воспроизводить музыкальные тоны, для чего, в свою очередь, надо обладать особыми голосовыми связками.

— Кто это — «Чак»? — спросила я.

— Это она, дух-спутник богини плодородия Иша Челии, — пояснил Эльтор. — В руках она держит топор-молнию. Она также приносит в пустыню дождь. И еще считается богиней войны.

— У народа майя также было божество по имени Чак, владыка дождя и бог войны, — сказала я и прикоснулась к винторогому животному. — А кто это?

— Ацу Буллом. Дух-спутник Ицама. У вас есть кто-то похожий?

— Не думаю. Правда, на языке майя слово «балам» означает «ягуар». А вообще-то у нас тоже есть духи-спутники. Животные. Самый сильный и могущественный из них — ягуар.

— Буллом тоже могущественное божество.

— Для тебя ведь все это не просто миф, верно? Ты веришь, что все эти духи на самом деле существуют?

Эльтор ответил не сразу.

— Джагернаут, с которым я составляю единое целое, сказал бы, что это мифология. В глубине души, вопреки всякой логике, какая-то часть моего существа верит, что это нечто большее, чем миф.

— Но ведь ты пожелал, чтобы наше бракосочетание было проведено по католическому обряду!

Тон Эльтора немного смягчился.

— Твоя духовность — это часть тебя. То, что мы выражаем нашу веру по-разному, в моем понимании сближает нас, а не отдаляет друг от друга. — Эльтор провел рукой по моим волосам до самых их кончиков. — Я женился на тебе в соответствии с привычным для тебя ритуалом. И теперь прошу тебя исполнить брачный ритуал так, как это принято у моих предков.

— Где? Здесь?

— Да. — Эльтор указал на стены храма. — Мои предки не умели лечить генетические заболевания. Сначала они даже не понимали, почему умирают. Вот и придумали ритуал в виде жертвоприношения Иша Челии, богине плодородия, а также Ицаму На Кетцу, богу-врачевателю. Молодожены приходят сюда с просьбой даровать им здоровое потомство.

Я взяла Эльтора за руки.

— Значит, и нам следует сделать то же самое!

Эльтор заговорил на иотическом языке. Его распевный речитатив наполнил подземелье гулким рокотом. Слова его заклинания волной накатывались на стены, а затем гулкой волной откатывались обратно до нас. Затем он умолк, а моя кожа напряглась как барабан, готовый к

тому, чтобы по нему ударили. Эльтор отпустил мои руки и прикоснулся к вороту моего платья. Он провел пальцем вдоль шва сверху вниз, и платье раскрылось на две половинки.

Избавленная таким странным образом от одежды, я смутилась и отвела взгляд в сторону. В конце концов мне все-таки удалось побороть смущение. Я несмело подняла на Эльтора глаза, и он прикоснулся к моим волосам.

Затем мой муж встал и направился к нише в дальней стене. Раздался удар кремня о камень, и ниша осветилась неярким огнем бронзовой лампы. Затем он прошел через весь храм к лестнице и погасил все факелы. Теперь единственным источником света оставалась лампа.

Эльтор вернулся к скамье, я по-прежнему сидела там, свесив ноги. В руках он держал что-то, что достал из ниши в стене. Наконец я разглядела что. Это было ожерелье из рубинов и изумрудов, два браслета и какая-то маленькая бутылочка. Положив бутылочку и браслеты на скамью, он надел мне на шею ожерелье. Самый большой рубин Эльтор уложил в ложбинку между грудей и провел пальцами вокруг сосков, отчего они немедленно отвердели. Затем он опустился на колени на выступ перед скамьей, и наши лица оказались на одном уровне. Эльтор протянул ко мне руки и обнял меня. Я обняла его в ответ и обхватила ногами за талию.

Затем он потянулся и взял в руки браслет — кольцо, украшенное зелеными и голубыми камнями. Открыв застежку, Эльтор взял мое запястье и защелкнул на руке браслет — чуть ниже моего старого, который мне подарила мать. Я оттянула вверх его рукав, обнажив напульсник.

— Теперь браслеты есть у нас обоих! Эльтор виновато посмотрел на меня.

— Видишь ли, обычно у нас женщина надевает мужчине на руку напульсник. Однако прошлой ночью я попросил абаджей принести браслеты потоньше. Специально для тебя.

Взяв второй браслет, он защелкнул его на другом моем запястье. Затем пошарил за спиной рукой, нащупал мою ногу и, согнув в колене, поставил ее на скамью. Затем наклонился и поцеловал внутреннюю сторону моего бедра.

— Эй! — воскликнула я.

Эльтор поднял голову. На его губах блуждала блаженная улыбка, глаза были полузакрыты.

— Это мое собственное дополнение к ритуалу! — пояснил он. Я потянула с него свитер.

— Теперь ты!

Стоя перед скамьей, Эльтор не спеша разделся. Затем мы сели, и он посадил меня к себе на колени. Я сидела боком к нему, прижимаясь правым плечом к его груди. Эльтор взял в руки флакон, украшенный причудливыми золотистыми, красными и темно-синими узорами, и с пышным птичьим хвостом вместо пробки. Стоило его открыть, как вокруг разнеслось благоухание. Резкий и сладковатый, этот аромат напомнил мне о ночных цветах моей далекой Земли.

Эльтор налил маслянистое содержимое флакона себе в ладонь и принялся втирать его в мое тело, другой рукой придерживая меня за талию. Я склонила голову ему на плечо. Благовоние щекотало ноздри. Теперь в нем угадывались ароматы жасмина и меда. Затем рука Эльтора опустилась ниже, его пальцы проникли внутрь меня, скользнув подобно шелку, и у меня закружилась голова. Я увидела золотистое свечение. Нет, не только в мыслях, но и внутри самого храма. Сияние было трепетным и нежным. Казалось, будто мы не просто ласкаем и умащаем друг друга, а прогоняем прочь последние клочки черных помыслов Икуара, которыми тот пытался окутать нас обоих.

Нарушив молчание, Эльтор произнес:

— Тебе нужно принести Клятву Челии.

— А ты научишь меня ее словам?

В ответ Эльтор заговорил на иотическом. У меня в голове его голос превращался в темно-рубиновые струи, смешивающиеся с ароматами ладана и маслянистых благовоний. Я

услышала жалобные звуки свирели. Они плыли откуда-то издалека, подобно песне незримого божества, пробудившегося от тысячелетнего сна. Медленно, спотыкаясь на отдельных словах, я стала повторять вслед за Эльтором мелодичные фразы торжественной клятвы. Он по-прежнему говорил на иотическом, и я изо всех сил старалась правильно выговаривать слова чужого языка.

— Подойди ко мне, муж мой! — сказал он вдруг.

— Это что, перевод? — спросила я. Эльтор утвердительно кивнул, и я повторила: — Подойди ко мне, муж мой!

— Пусть Челия дарует нам золу, которая станет огнем.

— Пусть Челия дарует нам золу, которая станет огнем.

— Да благословит она новую... — На этом месте он запнулся. Лицо его приняло растерянное выражение. — Новую доску.

— Доску?!

— Это наиболее близкий английский эквивалент иотического слова, который мне удалось подобрать. — Удалить доску? Начать с чистого файла?

— Может, с чистого листа? — предложила я.

— Верно. Это означает душу нового ребенка. — С этими словами Эльтор прикоснулся к ожерелью у меня на груди. — Иша Челия примет освободившуюся душу какого-нибудь далекого предка. Она очистит ее, благословит и вселит в тело ребенка.

— Это прекрасно! Голос Эльтора смягчился.

— Благослови чистый лист.

— Благослови чистый лист.

— Да опустится на мир ночное небо.

— Да опустится на мир ночное небо.

— Да окутает нас ночное небо темно-рубиновым покрывалом.

— Да окутает нас ночное небо темно-рубиновым покрывалом.

— Да подарит нам ночное небо свой дух.

— Да подарит нам ночное небо свой дух.

Эльтор встал, поднял меня на руки и шагнул к стене. Я улыбнулась.

— Неужели женщины-воины Рубиновой Династии носили своих мужей на руках?

— Конечно же, нет! — рассмеялся Эльтор. — Те были не слишком-то хрупкими созданиями. Нет, мужья шли сами. — Он вопрошающе заглянул мне в лицо. — Для тебя это важно?

Это было равнозначно вопросу о том, не возражаю ли я против романтического ужина при свечах на далеком острове в обществе любимого мужа.

— А почему это должно быть для меня важно?

Эльтор принялся осторожно объяснять.

— Имперская культура предусматривает сложные ритуалы ухаживания. Конечно же, в юридическом смысле мужчина и женщина равны. — Здесь Эльтор сделал паузу. — Хотя, несмотря на уверения в обратном, наша культура сохраняет пережитки того времени, когда мужчины являлись собственностью женщин. И некоторые женщины чувствуют себя не слишком уютно с переменной ролей.

— Это прекрасно, — заметила я, прикоснувшись к его щеке. Эльтор усадил меня на подбородок Ицама На. Я оказалась прижата спиной к стене. Руками я упиралась в передние зубы божества. От камня тянуло прохладой. Эльтор поднялся по ступенькам и сел, перебросив ногу через скамью. Теперь мы были обращены лицом друг к другу. Из ниши в нашу сторону тянулись струйки ладана, наполняя помещение запахом давно исчезнувших царств. У меня возникло ощущение, будто нас внезапно перенесли из нашего времени в ту эпоху, когда древние божества навещали священный город Ицу Яшлан.

На лице Эльтора было выражение трогательной нежности, от чего вокруг глаз его лучиками разбежались мелкие морщинки. Все так же сидя ко мне лицом, он усадил меня себе на колени. Я склонила голову ему на плечо и вытянула ноги. Он принялся раскачивать

нас взад-вперед, и мне казалось, будто и он слышит ту же самую мелодию далекой свирели, что и я. Наверное, так оно и было. Мы были так близки, что казалось, будто его и мое сознание тоже слились воедино. Эльтор вытащил обе мои руки и, повернув их ладонями вверх, свел вместе оба браслета. Они сомкнулись.

— Крылья Ицама На! — произнес он, поднеся скованные браслетами кисти мне к лицу.

Затем опустил голову и взял в рот мой указательный палец. Ощущение было восхитительным. Я уткнулась лицом Эльтору в волосы, блаженно вдыхая пьянящий аромат его кожи. Спустя какое-то время я услышала, как Эльтор пробежал пальцами по браслетам. Те, щелкнув, разъединились, а я обняла мужа за шею и крепко прижалась к нему.

Мы занимались любовью медленно, нам было некуда торопиться. На этот раз Эльтор был на удивление терпелив, используя нашу ментальную связь для того, чтобы его пик совпал с моим. Музыка и ароматы, созданные моим воображением, слились воедино в реку золотистого света. Когда мы оба достигли вершины, эта удивительной красоты река разбилась радугой мельчайших водяных брызг.

Постепенно музыка сделалась тише, а туман, рассеявшись, уступил место прежнему золотистому сиянию. Я отняла голову от плеча Эльтора. Его глаза были закрыты, дыхание все еще оставалось учащенным. Я сжала зубами прядь его волос и по-кошачьи помотала головой.

— Это было восхитительно! Эльтор открыл глаза.

— Согласен!

— Но почему именно здесь? — спросила я, прикоснувшись к каменному выступу, на котором мы с ним сидели. — Странноватое место — и для занятий любовью, и для торжественных ритуалов, и для всего прочего.

— Оно символизирует плодородие, — ответил Эльтор и зевнул. — Возможно, потому что позы, которые возлюбленным приходится принимать на этом ложе, якобы способствуют зачатию дочерей.

А я как раз собиралась спросить мужа, хотел бы он, чтобы наш будущий сын носил его имя. Однако вовремя вспомнила, что Эльтор носит фамилию матери.

— Знаешь, трудно привыкнуть к вашей жизни, так сильно она отличается от привычной мне. Громадные различия.

— Зато так гораздо интереснее, — улыбнулся Эльтор. — Все это хорошо, но если мы с тобой пробудем здесь еще немного, боюсь, я усну и свалюсь на пол.

— Только не это! — пошутила я.

Эльтор спустился по ступенькам на пол. Я ощущала его внутреннее удовлетворение — оно буквально повисло в воздухе нежной бронзовой дымкой. Увидев, что я тоже поднимаюсь с ложа, он подхватил меня на руки и отнес на скамью.

Я порой задумываюсь о том, каково было жить в эпоху владычества Рубиновой Империи, когда женщины вступали в поединки друг с другом, чтобы завладеть приглянувшимся им мужчиной. Уверена, у меня не было бы ни малейших шансов на победу — какая из меня соперница рослым амазонкам? В равной степени было трудно представить себе Эльтора в роли покорного супруга царицы абаджей. Даже будь я ею, несмотря на агрессивную натуру моего избранника, у меня все равно нашлись бы соперницы. Пронзительная физическая красота Эльтора, его бьющая ключом сексуальность наверняка скрыли бы «изъяны», которые женщины-абаджи, возможно, усмотрели бы в нем. Эльтор стал бы для них желанной добычей, призом, чем-то вроде кубка победительнице. Нет, никаких шансов у меня не было бы! Ровным счетом никаких!

— Как хорошо, что это произошло сейчас! — сказала я, когда мы стали одеваться. — А не пять тысяч лет назад!

— Согласен, — поддержал меня Эльтор. Он натягивал ботинки, наблюдая, как я пытаюсь справиться с хитроумной застежкой. Видя всю тщетность моих попыток, показал мне петельку у горла. — Это датчик! Стоит нажать на него, и молекулы шва изменят свое состояние, превратятся в крючочки.

Мне бы и голову не пришло искать этот самый датчик! В том-то и заключалась самая большая трудность привыкания к его миру. Не гигантские различия вроде высокоразвитой космической техники, межзвездных перелетов или грандиозных планетарных компьютерных сетей, а именно такие бытовые мелочи наподобие обращения с одеждой.

У входа в пещеру нас терпеливо ожидали абаджи. Эльтор дружелюбно улыбнулся им. Интересно, что они думали о человеке, который пришел сюда, чтобы выполнить ритуал, на многие столетия преданный забвению? Лица воинов оставались бесстрастны. Живя среди эмпатов, они давно научились скрывать свое настроение.

Абаджи поклонились нам, и один из них посмотрел на мои браслеты. Мне показалось, будто на миг по его лицу промелькнуло странное выражение. Я уловила вихрь эмоций, что взметнулся в его душе, — смесь любопытства, изумления и чего-то еще, что я не смогла определить. Позднее Эльтор признался мне, что также уловил мимолетную смену настроения у абаджей — будто они удивились собственному одиночеству, ощутили недостаток чего-то, но чего, сами толком не знали.

Один из воинов о чем-то заговорил с Эльтором. От меня не скрылось, что мой муж весь напрягся — напряжение исходило от него бесцветными тепловыми волнами. Когда они закончили разговор, Эльтор повернулся ко мне.

— Узан дал разрешение космическому кораблю Имперского флота совершить посадку. Однако из-за напряженности в политических отношениях абаджи никому не позволяют высаживаться на планете. Мне кажется, КИКС считает, будто нас удерживают здесь насильно, против нашей воли.

— Насильно? Но почему?

— Ситуация необычная. Ничего подобного раньше не происходило. Я исчезаю, появляюсь снова, меня похищают и продают эйюбианам. Становится известно о нашем браке и рон-договоре, означающем, что ты также являешься псионом Рона. После этого мы уничтожаем Цилиндр и совершаем покушение на жизнь высокопоставленного эйюбианина. В настоящее время эйюбиане, должно быть, истерично требуют нашей экстрадиции и соблюдения условий Парижского договора. На что Ассамблея, конечно же, отвечает отказом. В случае же, если эйюбиане попытаются заполучить нас обратно, Ассамблея угрожает войной. Эйюбиане также угрожают начать военные действия, если нас им не вернут. Союзники пребывают в растерянности, не зная, что им делать, потому что неизвестно, проработаны ли все нюансы нашего брачного договора. Короче, полная неразбериха. Думаю, победит тот, кто первым захватит нас в плен.

— А адмирал Бладмарк? — спросила я. — Он ведь понимает, что мы расскажем о его предательстве!

— Не знаю. Абаджи не могут ни передать сообщения, ни получить их из других миров. Связь заблокирована. Скорее всего в данный момент три военных посланника добиваются доступа в эту систему: наш эйюбианский и посланник Союзников. Этот космический корабль абаджи пропустили только потому, что он прилетел один, без всякого сопровождения. Он явно нашего производства и назвал правильные пароли. — Эльтор посмотрел в сторону города. — Нам стоит разузнать, что там происходит.

Спускаться со скалы вниз оказалось гораздо легче, чем на нее взбираться. Наверное, потому что ветер утих, но и чисто психологически — по крайней мере для меня: теперь каждый шаг приближал нас к земле. Спустившись вниз, мы вернулись в город. Над горизонтом возникло облако красной пыли. Чтобы лучше разглядеть, что это такое, нам пришлось взобраться на одну из пирамид. Оттуда мы увидели, что к Ицу Яшлан, вздымая пыль, несется орда всадников.

— Они направляются сюда из Сент-Парваля, — пояснил Эльтор. — Это здешний город-порт.

Наконец всадники оказались совсем близко. Их было несколько сотен. Все как один одеты в черное, но под плащами виднелось что-то серебристое. На окраине города они перешли на рысь — их скакунам нелегко было пробираться среди развалин.

- Что? — произнес Эльтор.
— Я ничего не сказала, — отозвалась я.
— Я не об этом. Я просто понял, в чем дело.

С этими словами он поспешил к краю платформы и вскоре скрылся из глаз, начав спускаться по лестнице. Я услышала протестующие возгласы абаджей. Подойдя к лестнице, я увидела, что они стараются удержать Эльтора. Однако он что-то резко ответил им, и они неохотно выпустили его. Эльтор сбежал вниз по ступенькам, соскочил с трех последних на землю и бегом бросился навстречу всадникам.

Я встала между абаджами, и мы вместе принялись наблюдать, как мой муж петляет среди руин древнего города. Его попыталась остановить другая группа абаджей, но безуспешно. Мимо первых всадников он пробежал, даже не удостоив их кивком. Когда те развернули своих скакунов, глядя ему вслед, один из них, в самой гуще конного войска, неожиданно замер на месте. Я поняла, что это не абадж. Несмотря на прекрасное телосложение, он был не так высок, как остальные воины, и одет более просто — темные брюки и белый свитер. Незнакомец стал спешиваться, и на какой-то краткий миг мне показалось, что это двойник моего мужа. Но разве может обычный человек одновременно находиться в двух разных местах?

Человек в белом свитере бросился навстречу Эльтору. Мужчины обнялись с такой силой, что едва не сбили друг друга с ног. Когда они встали рядом, я разглядела, что они все-таки разные. Незнакомец был на несколько дюймов ниже Эльтора. Волосы у него длинные и лежат на плечах. Наконец мужчины разжали объятия, и абадж рядом со мной что-то произнес. Я вопросительно посмотрела на стража, и он указал рукой на лестницу. Ага, пора вниз. Я понимающе кивнула.

Мы спустились с пирамиды и зашагали по улицам Ицу Яшлана. Приблизившись наконец к Эльтору и его «двойнику», я увидела на глазах незнакомца слезы. Он плакал и смеялся одновременно. Затем вновь сжал моего мужа в объятиях и не хотел отпускать.

Один из моих телохранителей подошел к Эльтору сзади и что-то шепнул ему на ухо. Эльтор обернулся и обнял меня за талию. Лицо его озарилось улыбкой. Он еще крепче прижал меня к себе. Я невольно ойкнула, уткнувшись носом ему в грудь.

- Эй, поосторожнее! — воскликнула я.
Эльтор рассмеялся.

Незнакомец дружески улыбнулся мне. Его фиолетовые глаза и такого же цвета волосы показались мне до того знакомыми, что у меня от волнения перехватило дыхание. А вот привычного металлического блеска кожи не было. Эльтор заговорил с незнакомцем на неведомом мне языке, и голос его звучал на редкость красиво и мелодично. Незнакомец ответил, и голос его, бархатистый и мелодичный, прозвучал еще прекраснее. Я готова была заслушаться. Эльтор произнес фразу, в которой я поняла последние несколько слов: «'Акуштина Сантис Пули-вок Кья Сколия».

Обратившись ко мне, он сказал:

— Тина, это мой отец. Элдрин Джарак Валдория Кья Сколия.

Мужчина взял меня за руки и, крепко сжав их, что-то проговорил. Я испугалась, что он посчитает меня недостойной своего сына. Я ведь помнила рассказ Эльтора о женщинах-абад-жах. В ту пору мне было неведомо, как я похожа на мать Эльтора. Не все гены Кайла отвечают за рост, однако чистокровных рейликан они одаряют темными волосами и смуглой кожей.

— Отец просит, чтобы ты звала его просто по имени — Элдрин, — пояснил мне муж. — Это его личное имя, например, как твое — Тина, а мое — Эльтор. — И с улыбкой добавил: — Отец говорит, что рад познакомиться со своей новой дочерью.

Я улыбнулась в ответ.

— Скажи ему, что для меня большая честь познакомиться с ним!

Как непривычно было произносить эти слова. Непривычно и восхитительно. Наконец я обрела отца.

Глава 20

МАШИНЫ РУБИНОВОЙ ДИНАСТИИ

Мы отправились к Сент-Парвалю в сопровождении свиты Элдрина и Эльтора. Эльтор предложил мне ехать вместе с ним, но к тому времени мне уже была известна его страсть к езде на руциках. И согласись я сесть вместе с ним, ему бы пришлось всю дорогу переживать, как бы я не упала. В конце концов я поехала вместе с его отцом. По-моему, мы оба восприняли это как возможность поближе познакомиться друг с другом. А если учесть, что мы не знали языка друг друга, а Элдрин сидел у меня за спиной, то возможностей для общения у нас было мало. К тому же Элдрин был напряжен. Он не разделял энтузиазма своего сына относительно поездки по пустыне на спинах излучающих радужное сияние динозавров.

Сидя спиной к Элдрину, я смогла уловить в его в сознании немало интересного. Особенно остро ощущалось отцовское облегчение, что Эльтору удалось спастись, а еще радость, что сын его наконец обрел семейное счастье. Но чем глубже, тем сложнее становилось его настроение: здесь была и озабоченность политическими интригами, и возмущение тем, что в похищении Эльтора оказались замешаны Союзные Миры. Сознание Элдрина ужасно походило на сознание Эльтора и одновременно было совсем другим, более утонченным.

Мне было невдомек, какая честь мне оказана. Возвращенный с детских лет в качестве оператора Кайла, Элдрин умел держать в узде свои эмоции еще в большей степени, чем Эльтор. Сын его по натуре более вспыльчив и склонен к перепадам настроения. Но в тот день Элдрин ослабил все барьеры и позволил мне впитать немало интересного как о нем самом, так и об их семье.

Уже сама внешность Элдрина говорит о его происхождении. Элдрин — уроженец небольшой, но хорошо охраняемой планеты под названием Лишриол. Во времена Рубиновой Империи она была заселена как сельскохозяйственная колония. Чтобы как-то помочь колонистам приспособиться к низкому уровню ультрафиолетового излучения, генные инженеры снизили в клетках кожи содержание меланина, от чего она стала гораздо белее. Надо сказать, что этот цвет казался им столь же необычным, как мне золотая кожа Эльтора. Обесцвеченные волосы и глаза явились неожиданным, хотя и безвредным побочным эффектом.

Прцветание Рубиновой Империи зиждилось на малопонятных тогда технологиях, и неудивительно, что многие дочерние миры, оказавшись в тысячелетней изоляции, почти полностью растеряли некогда имевшиеся у них знания. Колония на Лишриоле была отброшена назад в эпоху, предшествовавшую изобретению парового двигателя. В какой-то момент она вообще оказалась на грани исчезновения, как когда-то предки колонистов на Рейликоне, у которых с каждым поколением появлялось все меньше и меньше детей. В течение нескольких тысячелетий, по мере того как число женщин сокращалось, законы, делавшие мужчин их собственностью, отпали за ненадобностью. Население удалось восстановить лишь тогда, когда генофонд избавился от генов Кайла и более или менее пришел в норму.

Но аллели Кайла не исчезли полностью. Отец Элдрина был телепатом-роном. Но это уже из ряда вон выходящий случай. Вот почему мать Элдрина, тоже рон, но с другой планеты, вышла за него замуж. Она предпочла поселиться на Лишриоле, потому что любила неиспорченную цивилизацией красоту этого мира. Детство Элдрина прошло в сельской местности. Он не питал никакого интереса к тому, что пытались вложить ему в голову учителя, — к физике, математике, политологии, литературе. Вместо этого юноша предпочитал проводить время охотясь, сражаясь на шпагах, упражняясь в стрельбе из лука. Чем повергал родителей в отчаяние, пока в конце концов, когда ему исполнилось шестнадцать, те не решили отправить сына куда-нибудь на другую планету постигать науки

в частной имперской школе. Элдрин принял в штыки чуждую ему культуру Империи. Его повергало в недоумение и одновременно злило, почему здесь все так восторгаются его красотой — а Элдрин действительно был необыкновенно красив — и великолепным голосом и не отдают должного его ловкости и воинскому искусству.

В отличие от Элдрина мать Эльтора выросла в обстановке культурного наследия Рубиновой Империи. Сейчас культура Империи более приближена к современности, хотя Элдрин, конечно, прав, когда говорит, что здесь еще ощущается наследие матриархата. Ему это сильнее бросается в глаза хотя бы потому, что мать его родом из весьма консервативной семьи, чьи корни уходят в глубь веков непосредственно к первым Рубиновым царицам. И хотя Дайхьянна — современная женщина, наследие прошлого у нее в крови. Различие в характерах родителей Эльтора многое объясняет и в нем самом. Например, почему в нем сочетаются, казалось бы, несовместимые черты — он одновременно и мачо, и отпрыск Рубиновой Династии.

Элдрин уже знал, как мы познакомились с Эльтором. Джаг, вместо того чтобы сдаться на милость Имперского Космического Командования, взял курс на Лишриол, где приземлился на ферме, принадлежащей одному из братьев Элдрина. Брат тотчас оповестил родителей, используя для этих целей закрытый информационный канал, предназначенный как раз для таких случаев. Именно Элдрин созвал военные силы на Рейликоне, поставил во главе их тех, кому больше всех доверял и в чьей верности не сомневался, включая, конечно...

Черт!

Я обернулась, сидя на руцике, и посмотрела на Элдрина.

— Нам надо остановиться!

В ответ отец Эльтора улыбнулся. Вероятно, он решил, что меня попросту укачало.

— Нет! Со мной все в порядке, — пояснила я. — Но нам действительно надо остановиться.

Я повернулась и постучала кулаком по шейному гребню животного. Но динозавр и не думал реагировать. С таким же успехом я могла сойти за муху у него на спине. Кое-кто из абаджей бросил на меня взгляд, и я уловила их недоумение: мол, с какой это стати я так запаниковала, хотя накануне ехала верхом без всяких проблем. Но мне на мозг что-то давило, словно кто-то стучался в дверь и колебался, входить без разрешения или не входить. Я же не знала, как это разрешение дать. Ощущала я и Элдрина и тоже терялась в догадках, как его «пригласить».

Я обшарила взглядом наш караван. Эльтор ушел далеко вперед, он гнал своего руцика как безумный. Я сосредоточилась, но двери его сознания оказались наглухо закрыты. У Кайлов это считалось своего рода правилом хорошего тона и одновременно защитным механизмом. Кроме того, он ускакал далеко вперед, поэтому мы были не в состоянии поддерживать тот тесный мысленный контакт, какой обычно бывал между нами. Один из ездовых что-то выкрикнул, и мгновение спустя я поняла почему: прямо посреди пустыни, сверкая хромированными шпильями, высился город. Нет, не руины, а именно город. Современный человеческий улей из керамики, металла, плексигласа. Он прямо-таки сиял в лучах бронзово-золотистого солнца. Это был Сент-Парваль. А в нем — космопорт.

— Нет! — крикнула я.

Элдрин уперся лбом мне в спину, и ощущение, что кто-то просится ко мне в сознание, только усилилось. Я нарисовала мысленную картину: мраморная комната, где мы в первый раз угодили в лапы к наемникам, Эльтор, сидящий в углу со связанными руками, и над ним фигура Рагнара Бладмарка. Лицо адмирала искажено гневом — он говорит Эльтору, что больше никогда не склонит голову перед его семьей.

Элдрин издал какой-то сдавленный звук, затем что-то крикнул на иотическом. Чуть погодя Эльтор и его свита остановились и повернули своих скакунов в нашу сторону. Элдрин пробежал пальцами по гребню руцика, словно пианист по клавишам рояля. Животное снова взяло с места — только в обратную сторону, прочь от Сент-Парваля.

Абаджи застыли у своих скакунов словно статуи. Над горизонтом повисло какое-то раздувшееся оранжево-красное солнце. Вокруг нас гигантскими песчаными волнами простирались барханы. Я сидела вместе с Эльтором и его отцом на развалившейся каменной скамье у источника, который вот уже несколько столетий не видел и капли воды. В нескольких ярдах от нас среди песка возвышалась одинокая пирамида. В косых лучах заходящего солнца ее грани отливали красным.

Отец Эльтора заговорил на иотическом, делая паузы, чтобы Эльтор переводил.

— Я рассказал Рагнару все, — произнес он. — Это он послал корабли Имперских Космических Сил. Сейчас они за пределами системы, ждут разрешения войти. Рагнар приказал мне оставаться на корабле.

Элдрин дотронулся до плеча сына и что-то сказал, но что — Эльтор не стал переводить. Однако я поняла. Ему надо было убедиться, что его сыну ничего не грозит.

— Рагнар хорошо сыграл свою роль, — продолжал Элдрин. — Он сказал мне и твоей матери, что опасается предательства как со стороны Имперских Космических Сил, так и со стороны абаджей. Он настоятельно советовал нам молчать о его причастности, если мы не хотим, чтобы заговорщики узнали, что он пытается сорвать их планы. Вот почему я не сказал абаджам, что Рагнар тоже на корабле. — Элдрин покачал головой. — Эх, как мы ему верили!

— Но откуда вам было знать! — Эльтор заговорил сначала на иотическом, затем по-английски. — К тому времени, как о предательстве Рагнара стало известно, наемники уже отняли Джаг. Во время перелета сюда я был без сознания, Тина тоже и лишь изредка приходила в себя. — Эльтор покачал головой. — Стоило нам с Тиной ступить на тот корабль, Рагнар бы моментально нас изолировал и подстроил нападение со стороны купцов. Он постарался бы избавиться от нас, чтобы мы не успели никому рассказать о его роли в заговоре. — Эльтор посмотрел на отца. — Теперь и ты в курсе. Значит, он будет вынужден избавиться и от тебя.

В то же мгновение из сознания Элдрина вырвалась мощная волна эмоций, порожденная воспоминаниями пятидесятилетней давности, — слегка притупившимися от времени, но все еще яркими. В них было многое — и страх, и гнев, и чувство омерзения. Я вспомнила, что мне рассказала Минь о том, как во время последней войны отец Элдрина попал в плен к купцам.

Но на слова Элдрин оказался скуп.

— Рагнар бессилён довести задуманное до конца. Слишком многим известно о том, где мы. Допустим, команда одного из кораблей и преданна ему, однако сомневаюсь, чтобы весь флот без исключения пошел за Рагнаром.

— Тогда у нас тем более есть основания опасаться его, — возразил Эльтор, — ведь Рагнар загнан в угол.

— Но он ничего не может сделать.

— Ты уверен? — резко бросил ему Эльтор и перевел мне свои слова. — Отец, ты непревзойденный бард. Но военную стратегию оставь мне.

Элдрин мгновенно напрягся, и я догадалась об истинных словах его сына: «Отец, что понимает исполнитель народных баллад в современной военной стратегии? Ровным счетом ничего».

Так я впервые стала свидетельницей трений между отцом и сыном. Постепенно я поняла, что этот недостаток сыновнего уважения был заложен и тщательно поддерживался в Эльторе не кем иным, как Рагнаром Бладмарком. Раны, конечно, постепенно затянулись, особенно после того, когда стало понятно, как ловко манипулировал Бладмарк своим воспитанником, с каким коварством вгонял клин в отношения отца и сына. С другой стороны, это еще раз свидетельствует о том, что, несмотря на многолетние интриги и пакости со стороны «лучшего друга семьи», Эльтору и его отцу удалось сохранить друг к другу теплые чувства.

— Найдется добрая сотня способов, чтобы купцы сумели схватить нас, — продолжил Эльтор.

— Этого мало, — не согласился Элдрин. — Абаджи ведь тоже в курсе.

Эльтор поморщился.

— Если купцы прорвутся сквозь систему обороны и откроют огонь по планете, то, боюсь, не останется никаких свидетелей, способных поведать правду о происшедшем.

— Но они не прорвутся, — заявил Элдрин. — И с какой стати им уничтожать Рейликон? Ведь тем самым они только запятнают себя. Превратятся в агрессоров.

— Без посторонней помощи — нет, согласен. В одиночку им нас не одолеть. Но в том-то и дело, что у них есть помощник. В лице адмирала Имперских Космических Сил. К тому же, отец, не забывай, что и Рейликон запятнал себя недружественным актом. Ведь абаджи отказались сдать нас имперскому командованию.

Я прислушивалась к их разговору, и меня мучил вопрос, что могло бы произойти, не сумей мы спастись от Икуара. Ведь стоило ему догадаться, что я тоже рон, как он постарался бы силой вырвать у Эльтора признание, где и как мы нашли друг друга. И тогда он узнал бы про мою Землю, такую одинокую и незащищенную, подобную сочному плоду, к которому так и тянется рука. До меня дошло, какая смертельная угроза нависла бы над моей Вселенной, окажись мы снова в лапах у купцов.

Элдрин и Эльтор умолкли. Оба буквально впились в меня взглядом. И тогда до меня дошло, хотя и с опозданием, что я, наверное, излучала эмоции. Элдрин что-то проговорил негромко и нежно. Эльтор перевел для меня:

— Я тоже побывал в плену у купцов, Тина. Мне понятен твой страх.

— Но ведь они вас отпустили, — заметила я.

— Они согласились на обмен пленниками. Меня обменяли на одного аристо. Этот юноша был Джейбриол Куокс Третий, нынешний император Эйюбы. Но я до сих пор не могу понять, зачем ему понадобился этот обмен.

Сказанное Элдрином сильно меня удивило. Что странного в том, что эйюбиане предпочли обмен? Ведь они от этого только выиграли. Хотя Элдрин и был роном, по рангу он стоял куда ниже Императора. С другой стороны, это произошло еще до того, как эйюбианам стало известно, что они заполучили в свои руки Замок.

Элдрин пристально смотрел на меня.

— Ни единая душа не знала, что у Джейбриола Второго есть сын. Он был надежно спрятан на Земле, учился там в школе. После смерти отца он прибыл на Делос, союзную планету, где имелись и сколийское, и эйюбианское посольства. Он просто взял и вошел в посольство Эйюбы и предложил себя для обмена. Там по генетическим архивам проверили, тот ли он, за кого себя выдает, и меня уже буквально на следующий день доставили на Делос. — Элдрин развел руками. — Зачем им понадобился обмен? Мальчишка ведь был свободным человеком. Почему бы ему просто не заявить свои права на престол?

— Да нет, здесь было что обменивать, — возразил Эльтор. — Союзники ни за что просто так не отдали бы им Куокса.

— Не забывай, Эльтор, — нахмурился отец, — я ведь лично при этом присутствовал. Союзники не имели никакого отношения к обмену, то была не их идея. Юноша предложил себя сам.

— Союзники рассказывают другую историю.

— Просто ответственный офицер хочет выгородить себя, — презрительно фыркнул Элдрин. — Да кто признается, что обмен прошел прямо у него под носом без всякого его участия. Ничего удивительного в том, что союзники пытаются представить это дело как собственную заслугу.

Где-то за спиной Эльтора, в направлении Ицу Яшлана, в пустыне возникло облачко пыли.

— К нам кто-то едет, — сказала я.

Вскоре красное облако приобрело очертания всадника. Доехав до абаджей, верховой спешился. Стражники подвели его к источнику, и мы поднялись ему навстречу. Вестовой пал перед Элдрином на колени. Элдрин царственным жестом коснулся его плеча, и

посланник встал и обратился к Элдрину. В его голосе слышалось глубокое почтение, которого так недоставало Эльтору по отношению к отцу.

Один из абаджей опустился передо мной на колени. Я тоже дотронулась до его плеча, подражая жесту Элдрина, и затем посмотрела на Эльтора.

— Они закончили генетические тесты, — пояснил тот. — Этот человек привез результаты.

— И что он говорит?

Сердце было готово выскочить у меня из груди.

Эльтор переводил слова абаджа. От Элдрина же, подобно подрагивающей дымке тумана, исходило полное замешательство. Эльтор взял меня за руку:

— Ты рейликанка. Чистейших кровей. Твой отец тоже, по всей видимости, был майя. Наша раса пошла от твоих прямых предков. — Эльтор на минуту умолк. — Или если не твоих, то от майя из вселенной с временным сдвигом. Это объясняет, почему нам никак не удавалось установить наше происхождение. Мы искали людей, которые жили на Земле шесть тысяч лет назад. Но, по расчетам абаджей, прошла лишь тысяча лет с тех пор, как ДНК твоего народа развилась в отдельную ветвь по сравнению с первыми колонизаторами Рейликона. — Эльтор умолк, чтобы перевести дыхание. — А еще, Тина, ты не несешь в себе комплекс СК.

— И это хорошо, как я понимаю? — спросила я.

— Это чудо. — Эльтор крепко стиснул мне руку. Затем заговорил Элдрин, и Эльтор кивнул.

— Что сказал отец? — полюбопытствовала я.

— Что майя могут оказаться нашим спасением, если Рагнар решится пойти на уничтожение рейликан.

— Я сомневаюсь, что купцы начнут новую войну, — продолжал Элдрин. — Скорее они, согласно Парижскому договору, попробуют заполучить вас обоих. Будь это кто другой, Джей-бриол Куокс Третий, возможно, махнул бы на все это рукой. Но любой из нас способен выступать в роли Ключа, а мы с Эльтором воспитаны специально для того, чтобы исполнять эту роль. Ради этого мы существуем. Вот почему игра стоит свеч, и они могут пойти на риск, лишь бы снова захватить нас.

И тут к Элдрину обратился Узан. Элдрин выслушал его, затем жестом подозвал Эльтора. Но тот лишь отрицательно покачал головой.

— В чем дело? — не выдержала я.

Меня раздражало, что я не понимаю их разговора. Эльтор повернулся ко мне.

— Узан предлагает нам — на тот случай, если мы погибнем — скопировать наши нейронные образцы на симуляторы и затем загрузить их в сеть. То есть даже если в физическом смысле мы перестанем существовать, то в виртуальном останемся живы. А если станет возможным клонировать ронов, то нам с тобой создадут новые тела, в которые перегрузят информацию с симуляторов.

— Но это просто чудовищно! — ужаснулась я.

— Увы, дело в том, — продолжал Эльтор уже гораздо мягче, — что план этот вряд ли осуществим. Даже самые совершенные симуляторы, как всякие копии, гораздо беднее своих оригиналов — людей, с которых они скопированы.

— Джаг уже однажды меня скопировал.

— Знаю, — кивнул Эльтор. — Кстати, то была очень хорошая симуляция. Она включала даже перенос твоих функций Кайла. И все равно ей было далеко до тебя, до настоящей работы твоего мозга. Кстати, когда ее перегрузили обратно в твой мозг, она уже функционировала заметно хуже.

Я потерла пальцами сочленение на его кисти.

— Предположим, удастся разработать технологию клонирования, но как быть с тобой? Сумеют ли тебя скопировать? Пусть не целиком, но хотя бы...

— Ты права. Все равно придется меня заново перестраивать.

В разговор вмешался Элдрин. Эльтор не стал переводить, но я поняла и без перевода. Отец не хотел, чтобы его сын еще раз прошел через кошмар притирки к своему новому, усовершенствованному телу, через какой ему пришлось пройти в детстве. Эльтор посмотрел на отца, и на лице его читалась любовь, какую не мог уничтожить даже Рагнар Бладмарк. Ослабить — да, но не убить полностью.

— Рагнар перерезал нам доступ к электрооптическим сетям, — пояснил Эльтор. — Мы не в состоянии отправить наши послания даже посредством космических кораблей. А у Рагна-ра в порту находится боевой космический крейсер, которому ничего не стоит из Сент-Парваля сровнять с землей всю эту часть планеты. А из космоса — уничтожить Рейликон целиком. Как видим, ситуация патовая. С одной стороны, мы лишены возможности отправить сигнал кому бы то ни было, поскольку связь заблокирована Рагнаром. С другой — абаджи не дают его флоту войти в систему.

— А мы не можем воспользоваться псиберсетью? — спросила я.

Эльтор отрицательно покачал головой.

— Мне доводилось работать с его тайными агентами. У Рагнара на особо секретных операциях заняты мощные телепаты, которые блокируют любые попытки передачи информации через псиберсеть. В некотором роде это то же самое, как мы сейчас отрезаны от электронных и оптических коммуникаций.

— Тогда почему бы тебе не взять функции линии связи на себя? — предложил Элдрин. — Ведь если ты сам являешься частью сети, то не играет ровно никакой роли, отрежет тебя кто от всей системы или нет. Ты просто переместишься куда-либо еще.

— Отец, ты хотя бы сам понимаешь, о чем говоришь? — раздраженно воскликнул Эльтор.

— А по-моему, он всего лишь хочет сказать, что в псиберсеть надо загрузить тебя целиком, а не только твое сознание. И тогда ты сможешь перенестись куда угодно.

— Но это же чушь! — фыркнул Эльтор.

— Он всего лишь высказал мысль, — возразила я и покраснела.

Эльтор перевел наш с ним разговор отцу, и тот улыбнулся, как если бы я пошутила. Наверное, так могло показаться со стороны. А может, таким образом он просто хотел посеять в моей душе сомнения.

Затем Элдрин обратился к Узану. Абадж пустился в пространные рассуждения, а когда закончил, то задал вопрос. Причем я тотчас поняла, о чем он спросил:

Что нам делать?

Действовать, ответил Элдрин.

Эльтор резко тряхнул головой.

Нет!

— Эльтор, — удивилась я. — В чем дело?

Эльтор взял меня за руки и усадил на скамью возле источника.

— Отец утверждает, что моя мать однажды сумела осуществить подобного рода перемещение. То есть переместила через сеть и тело, и сознание. Узан утверждает, что это возможно, по крайней мере для псионов Рона. Все это имеет некоторое отношение к уравнению, названному в честь моей матери. — Сказав эти слова, Эльтор нахмурился. — Но они оба не понимают, что говорят. Наверняка мать воспользовалась сетью каким-то иным образом, чего отцу было не под силу понять. Вот он и вбил себе в голову, что она физически переместила себя через сеть.

— Но к чему ему что-то выдумывать? И почему с ним согласен Узан?

— Не знаю, — вздохнул Эльтор. — Как чисто математическая формула это уравнение имеет смысл. Но ведь это не чистая математика. Это еще и физический процесс.

— А на каких принципах он действует?

— Знакома с квантовой теорией? — Я отрицательно покачала головой, и Эльтор поспешил объяснить: — Все дело в волновых функциях. Я, правда, и сам во всем этом не очень силен. В школе едва-едва выдержал экзамен.

На самом деле Эльтор разбирается в подобных вещах очень даже неплохо, но почему-то всегда пытается выставить себя профаном. Видно, это наследственное. Мать его была величайшим математиком своего времени. Эльтор принялся объяснять мне двойственную природу вещества, способного выступать как в виде волн, так и частиц. Макроскопические объекты не могут вести себя как волны, потому что длина волны у них слишком мала, и ее невозможно измерить. Тем не менее человеческие существа можно представить в виде набора волн, перемещающегося в пространстве.

— Я могу определить положение этого набора при помощи системы координат, — пояснил Эльтор. — Если мне захочется определить пространство, которое ты сейчас занимаешь, мне потребуется три величины — например, твой рост от макушки до пят, расстояние между тобой и мной и расстояние от тебя до источника. Это твои координаты. Каждая точка описывается при помощи трех. Это можно сформулировать иначе — каждая точка пространства лежит на пересечении трех взаимно перпендикулярных векторов. Эти три вектора пронизывают всю нашу трехмерную вселенную. Но давай представим себе, — добавил Эльтор, немного помолчав, — что существует многомерное пространство, в котором твое местонахождение описывается при помощи бесчисленного количества векторов.

— И такое пространство существует?

— С точки зрения математики — да, — кивнул Эльтор. — Это так называемые пространства Гилберта, в честь одного земного математика. Так вот, векторы — это и есть волновые функции.

— И что же они делают? — поинтересовалась я. Сказанное Эльтором плохо укладывалось в голове.

— Ничего. Разве что терзают студентов, изучающих инженерное дело, — воскликнул Эльтор, — которым приходится держать экзамен по квантовой механике!

Когда я закончила смеяться, Эльтор улыбнулся и чашеобразно сложил ладони, словно хотел, чтобы в них поместилась вселенная.

— Волновые функции — это своего рода кирпичики. Они зависят от физических величин, таких, как положение в пространстве, время, энергия. Иными словами, пространства Гилберта сложены из кусочков нашей вселенной. В математике это известно уже многие столетия. Твои друзья из Калтеха наверняка изучали эту теорию.

— Но это еще не все? — высказала я предположение.

— Предположим, что кирпичи не зависят от физических величин. Предположим, что они зависят от мысли.

Я растерянно заморгала.

— Но разве это не означает, что в таком случае твое положение в пространстве зависит от того, какие мысли у тебя в голове?

— Именно.

— Эльтор, но ведь это мистика.

— Вот почему я предпочел инженерии пустой теории, — рассмеялся Эльтор. — А вот моя мать просто помешана на цифрах.

— И какое же уравнение она открыла?

— Ты ведь знаешь, что собой представляет трансформ? — Я отрицательно покачала головой, и Эльтор поспешил объяснить: — Трансформ переносит математическую функцию из одного пространства в другое. Например, можно трансформировать функцию энергии в такую, что зависит от времени. Обратное трансформирование снова превратит ее в функцию энергии. Можно бесчисленное количество раз переходить из координат энергии в координаты времени и назад. Дети проходят уравнения Фурье и Лапласа в школе. Уравнение Селей они проходят позднее.

О первых двух уравнениях я слышала от Джоша.

— А что делает уравнение Селей?

— С его помощью переносишься из обычной вселенной в психоспространство. Моя мать додумалась до этого, еще будучи подростком. Абаджи утверждают, что способны

трансформировать волновые функции нашего тела в психоспространство и пересылать их в «психопакетку» на другой узел. Но обратную трансформацию мы должны провести сами. Поскольку коммуникации заблокированы, мы не сможем никого оповестить о своем прибытии. — Эльтор вздохнул и покачал головой. — Звучит неправдоподобно. Допустим, они действительно могут трансформировать наши тела в математические функции. Но что, если за время прохождения через психосеть в них произойдут какие-то изменения, причем не в лучшую сторону? Что, если мы не сможем трансформироваться обратно? Или же трансформируемся, но лишь частично? Что мы будем собой представлять? Какие-то полупрозрачные существа? Или у нас будут не хватать какие-то части тела? Не берусь даже угадать.

— Знаешь, Эльтор, это ничуть не безумнее того, как ты из своей вселенной попал в мою при помощи — как ее там? — ага, прорези в пространстве Римана.

— Нет, это вполне логично.

— Для тебя — да, а для меня нет, — улыбнулась я.

Один из абаджей что-то выкрикнул. Обернувшись, мы увидели, что к нам приближается еще одно красное облако, на этот раз от Сент-Парвала. Постепенно облако приняло очертания четырех воинов-абаджей. Их проводили к Узану. Тот сначала посоветовался о чем-то с прибывшими, затем — с Эльтором и его отцом.

Эльтор перевел для меня:

— Рагнар сказал абаджам, что если те отказываются «сдать» нас, то тем самым совершают измену. Он дает им всего один час на принятие решения. После чего приступит к бомбардировке планеты.

— И они нас выдадут? — испугалась я.

— Нет. — Эльтор посмотрел на воинов. Одни восседали на руцках, другие, спешившись, стояли рядом со своими скакунами, кто-то чистил их или поил. — Шесть тысяч лет преданного служения не перечеркнешь одной-единственной угрозой.

— А мы не можем улететь на корабле из другого порта? — спросила я.

— Джаг совершил посадку в Сент-Парвале, потому что это единственный действующий космический порт на всей планете. Впрочем, — пожал плечами Эльтор, — возможно, для взлета нам и не нужен порт. Но Рагнар наверняка постарается уничтожить любой корабль, взлетающий с поверхности планеты. Не забывай, в его распоряжении боевой космический крейсер.

— Что, по-твоему, наиболее вероятно? — спросила я. — Допустим, мы предпримем попытку к бегству. Нас либо уничтожат, либо схватят. Или же мы попробуем воспользоваться психосетью, но неудачно?

— И то, и другое равносильно самоубийству, — мрачно отозвался Эльтор.

— Но надо же что-то делать. — Я сжала его руки. — Ты когда-нибудь видел, чтобы корабль абаджей одержал победу или ушел от боевого крейсера?

— Ни разу.

— Тогда почему бы нам не воспользоваться способом, который однажды сработал?

— Откуда ты знаешь, черт возьми, что он однажды сработал?

— Твой отец...

— Он понятия не имеет, о чем говорит. Эльтор от бессилия сорвался почти на крик.

— А ты не задумывался, что твое мнение об отце отравлено тем, что Бладмарк постарался вложить тебе в голову? — спросила я и уже мягче добавила: — Сейчас ты поступаешь так, как хочет от тебя Бладмарк.

Эльтор уставился на меня. Его эмоции были так сильны, что, несмотря на возведенные в его душе барьеры, я чувствовала их все до одной — стыд, злость, чувство вины... А еще глубже прятались обида и боль. Эльтор остро переживал как предательство Рагнара, так и разобщенность с отцом. Ведь, несмотря на все их разногласия, Эльтор искренне любил отца, был привязан к нему.

Эльтор поднялся и что-то сказал к отцу. Тот кивнул, и мужчины вместе отошли к

другой стороне источника. Разговаривали они тихо. Иногда Эльтор, будучи не в силах смотреть отцу в глаза, стоял потупившись. В какой-то момент у него сорвалась слеза, но он поспешил смахнуть ее. Элдрин не сводил с него взгляда, в котором читалась любовь, какую бессильны уничтожить любые невзгоды — ни годы, проведенные в борьбе с недугом ребенка, ни годы отчуждения, когда между отцом и сыном встал третий, задумавший вбить клин в их отношения.

Наконец они повернулись к нам.

— Попробуем прорваться через псистерсет, — произнес Эльтор.

Над пустыней возвышался Тикуаль — одинокая пирамида высотой в несколько сотен футов. В лучах заходящего солнца она отливала бронзой, от чего отбрасываемая ею гигантская тень казалась еще темнее. От ее названия мне стало не по себе — оно звучало почти как «Тикаль», самый крупный из городов майя, город величественных храмов и легендарных правителей.

Теперь я ехала вместе с Эльтором. Элдрин ехал рядом с нами, а все трое, в свою очередь, — в кольце абаджей. Наша процессия неторопливо приближалась к Тикуалю. Вокруг пирамиды не было никакого города, лишь пространство двора, мощенного треугольными кирпичами цвета терракоты. Пространство это продувалось ветром, несшим с собой песок пустыни, от чего двор был словно присыпан красной пылью.

В нескольких сотнях ярдов от пирамиды в неярком предвечернем свете сияла арка, обрамленная каменными блоками высотой почти в три метра. Перекладина тоже представляла собой длинный каменный блок. Абаджи по двое проехали в арку. Когда мы приблизились к ней, оказалось, что вертикальные камни на самом деле — гигантские статуи. Каждая изображала женщину-воина. Каменные амазонки стояли, подняв руки над головой, и поддерживали перекладину. Обе были обнажены, зато на поясах висели длинные мечи. В их позах не было и следа застенчивости — открытая грудь, головы чуть закинута назад, лица исполнены гордости.

Рядом с аркой стояла еще одна статуя высотой в человеческий рост — изображение духа-спутника. У него было сильное тело, напоминавшее горного льва, но чуть-чуть длиннее. Голова статуи была человеческой, с крючковатым носом. Из-под тяжелых полуопущенных век на пустыню сонно взирали глаза. Вместо ушей сквозь пышные волосы торчали спиралевидные рога.

Мы проехали в арку и пересекли двор, приблизившись к пирамиде. Вход в нее был выполнен в виде головы рулика. Пасть его была широко открыта, словно зверь оскалился в рыке. Правда, я никогда не слышала, чтобы эти мирные животные рычали. Тем не менее получился весьма внушительный вход высотой около десяти футов.

Издалека Тикуаль смотрелся точь-в-точь как пирамида майя. Ступенчатое основание, а по фасаду вверх ведет крутая лестница. На самом верху святилище, увенчанное резным каменным гребнем. Но вблизи разница все же заметна — начиная от входа, выполненного в виде головы рулика, и кончая причудливым орнаментом из красных, желтых и золотистых кирпичей. И все же эти различия только подчеркивали несомненное сходство.

Мы спешили. Абаджи тотчас окружили нас. Ветер начисто вымел пространство двора, и под ногами я ощущала лишь каменистую неровность. В косых лучах заходящего солнца слегка взлохмаченные волосы Эльтора отливали бронзой. Рядом с ним, сложив на груди руки и глядя на пирамиду, стоял отец.

В сопровождении Узана и десяти воинов мы прошли в зияющую пасть каменного чудовища. Поскольку рулик смотрел на восток, то, войдя внутрь, мы оказались в кромешной тьме.

Но тотчас вспыхнул огонь, за ним другой, потом третий — это воины сняли со стен факелы. Нас кольцом окружило золотистое сияние, но за его пределами все равно оставалась тьма.

Нас по туннелю повели в глубь пирамиды. По мере того как мы двигались дальше, из темноты навстречу выскакивали все новые и новые барельефы и, на миг попав в свет

факелов, вновь исчезали во тьме за нашими спинами. Наконец мы достигли более просторного помещения, но в тусклом свете трудно было сказать, насколько оно велико. Более того, в следующее мгновение абаджи затушили факелы, и мы вновь попали в объятия крошечной тьмы.

И вдруг пирамида наполнилась светом.

Перед нами простиралась огромная камера-пещера, широкая и с высоким сводом. Высота ее равнялась высоте пирамиды, потому что свод у нас над головой, сужаясь, резко уходил вверх. В пещере стояло гудение, издаваемое гигантскими генераторами из керамики и драгоценных металлов. Ввысь на сотни футов уходили хрустальные колонны — внутри них сияющими спиралями и горели огни. В одном из углов гигантского зала располагалась настоящая зеркальная мозаика, которая отражала и усиливала свет хрустальных колонн. Были здесь и другие машины — например, что-то похожее на огромных размеров часы с золотым и медным механизмом, стеклянными рычагами. В другом месте я разглядела нечто похожее на внутренности древней субмарины. Кабели внутри ее были сплетены из гибкого хрусталя.

Современная наука никогда не занималась разработкой психотехнологий. Это целиком и полностью достояние Рубиновой Династии. Тикваль и три Замка психосети — вот и все, что ныне осталось от технологии Кайла. Современники Эльтора только-только приступили к разгадке всех ее тайн.

Вид у Элдрина был слегка растерянный, но Эльтор, казалось, ничуть не утратил спокойствия и самоуверенности. Абаджи подвели нас к возвышению, на котором стояли три золотых короба с прозрачными крышками. Внешне эти контейнеры ужасно напоминали гробы. Абаджи остановились напротив одного из них и повернулись к нам. В бесчисленных зеркалах отражались их завернутые в черные мантии фигуры.

Эльтор посмотрел на отца.

— Я готов.

Элдрин было запротестовал, но Эльтор стоял на своем.

— Отец, это единственно разумный выход. Вы с Тиной представляете для ронов большую ценность. Что до абаджей, то их уровень Кайла недостаточно высок, чтобы справиться с этой задачей.

Эльтор еще минут десять спорил с отцом. Он после первых нескольких фраз даже перестал переводить для меня, но и без слов было понятно, что отец возражает против того, чтобы его сын рисковал собой. В конце концов Эльтор издал вздох полного отчаяния и поднял руки — мол, сдаюсь.

Первым к контейнерам шагнул Элдрин. Эльтор вопросительно посмотрел на Узана. Предводитель абаджей едва пошевелился, и в следующее мгновение Элдрин почему-то осел, а затем рухнул лицом вниз. Эльтор подхватил его и осторожно уложил на скамью рядом с возвышением.

— Что вы с ним сделали? — спросила я.

— Ничего, — ответил Эльтор с виноватым видом.

— В таком случае что ты велел Узану сделать с ним?

— Ввести слабое снотворное. Отец вскоре проснется. Эльтор взял меня за плечи.

— Тина, пойми, отец — Третий Ключ, всю свою жизнь он прожил, готовый к этому. Я же не представляю ценности.

— Не согласна. Позволь лучше мне.

— А ты — настоящее чудо, — нежно произнес Эльтор. — И дороже всех нас, вместе взятых. Кроме того, тебя никто не знает. С какой стати тебе поверят? К тому же у тебя нет опыта перемещения в психопространстве.

Я заставила себя сделать глубокий вздох. Спорить бессмысленно — Эльтор прав.

— Ладно, только будь осторожен.

Эльтор сжал мне руку, после чего шагнул на возвышение. Не успел он поставить ногу на первую ступеньку, как я принялась читать про себя древнюю молитву из Зинакантеко,

стараясь при этом донести ее смысл прямо Эльтору в мозг.

*Святой Вашакмен, отец мой,
Святой Вашакмен, мой господин,
В божественном согласии,
В божественном созвучии
Восстань во всей своей благости.
Стой прочно во всей своей благости.*

*Позади спин рабов твоих,
Рядом с ними,
Сыновьями твоими,
Твоими детьми.
Храни их ради меня,
Ради меня не оставь их!*

Эльтор посмотрел на меня, его глаза светились нежностью. Два воина повернули рычаг на одном из контейнеров. Раздался скрежет металла, и замки словно нехотя разомкнулись. Абаджи открыли крышку; Эльтор забрался внутрь и лег на спину. Абаджи закрепили ему грудь, бедра и конечности кожаными ремешками.

Сначала мне было непонятно зачем. Но по мере того как они были заняты своим делом, внутренний щит в сознании одного из них немного съехал в сторону, и я получила возможность украдкой заглянуть в его воспоминания о том времени, когда абаджи только экспериментировали с загадочными ящиками. Моему взгляду предстал лежащий в гробу воин — он как безумный размахивал руками, бил ногами, пытаясь сбросить крышку. Вскоре он исчез, но не весь — одна рука осталась.

Меня передернуло. Хотя Эльтор был спокоен, я чувствовала его внутреннее волнение. С одной стороны, его пугал мрачный символизм этого «положения во гроб». Происходящее также перекликалось с его воспоминаниями о том, как он оказался заложником Икуара. То, что Эльтор — несмотря ни на что — решил пройти это испытание, свидетельствовало о его безграничном мужестве.

Абаджи поставили крышку на место и закрепили замки. Сквозь прозрачное стекло Эльтор казался на удивление спокойным, даже безмятежным. И все-таки ему было страшно в замкнутом пространстве гроба — я это видела по сероватому туману, окутавшему контейнер. Пожалуйста, побыстрее, мысленно молила я. Чтобы все мигом закончилось.

Узан повернулся к бронзовой колонне и потянул рычаг. Сначала мне показалось, будто ничего не произошло, что древняя техника давно вышла из строя и не работает. Но потом заметила, как крышка утрачивает прозрачность, становясь матовой, подобно лунному камню на прибрежном песке. Внутри замигали огоньки, белые и голубоватые вспышки, затем огни забегали по краям гроба. Эльтора я не могла разглядеть, но его страх ложился мне на кожу черным дегтем.

А затем это ощущение исчезло.

Узан толкнул рычаг. Крышка контейнера вновь стала прозрачной, но под ней никого не было. Гроб был пуст.

Мы с Элдрином вместе сели на скамью. Двое абаджей колдовали у приборной доски, держа под контролем связь с другими уголками планеты. Другие застыли на месте, словно каменные статуи, — наша постоянная стража. Абаджи взяли нас в кольцо, хотя и держались на почтительном расстоянии, словно давая понять, что не желают вторгаться в наше пространство.

Элдрин пришел в себя вскоре после исчезновения Эльтора. Он почти все время молчал, глядя на пустой гроб. Я чувствовала его гнев и страх за сына. Будь у нас возможность

побеседовать, ожидание наверняка не было бы столь гнетущим. Увы, общего языка у нас не было. Более того, мы плохо представляли себе, чего ждем. Куда попал Эльтор? На один из кораблей Имперских Сил? Для нас его исчезновение было сродни его смерти.

Неожиданно в зал вошли пятеро воинов и направились к Узану. Увидев, что они о чем-то говорят с начальником стражи, Элдрин весь напрягся.

— Что случилось? — спросила я.

Элдрин заговорил на иотическом, затем остановился и пристально посмотрел на меня. Я отрицательно покачала головой. Он отвел глаза и сосредоточился. И тогда слова проникли мне прямо в мозг — увы, на непонятном языке. Узан посмотрел в нашу сторону, после чего продолжил свой разговор с воинами. Я кожей ощущала напряжение Элдрина. В моем мозгу возникла картина, словно там кто-то крутил кино. Ощущение было странным, каким-то навязчивым, и первой моей реакцией было как можно скорее ее выключить. Но я не поддавалась порыву, а наоборот, сосредоточилась, и картина стала яснее.

Сначала в моем сознании возник образ Рагнара Бладмарка. Потом появилось изображение рейликанских солнечных часов. И снова Рагнар Бладмарк. После чего солнечные часы взлетели в воздух, а Рагнар Бладмарк принялся отдавать какие-то приказания людям в форме. Затем я увидела, как красную планету покидает корабль. Затем тот же корабль уже парил в космосе, обрушивая на планету огонь. Все кончалось тем, что абаджи погибают в этом адском пламени.

Я поняла. Приближался крайний срок, установленный адмиралом. Если абаджи не сдадутся на милость победителя, планета обречена. Бладмарк ее испепелит.

«Должен быть какой-то выход», — подумала я. Но есть ли для абаджей хоть какой-то путь к спасению? Что бы мы с Элдрином ни сделали, Бладмарк все равно их убьет и, замечая следы своего предательства, разрушит планету.

Я нарисовала для Элдрина ответную картину, стараясь изобразить военного офицера. Но так как я была знакома только с Джагернаутом, то взяла этот образ за основу, в надежде, что Элдрин поймет. Я мысленно изобразила, как Эльтор беседует с Джагернаутом, как заламывает Рагнару Бладмарку назад руки и надевает наручники.

В ответ Элдрин только развел руками — мол, кто его знает! При этом его окутал голубоватый туман, цвет горя. Я поняла. Элдрин опасался, что его сына уже нет в живых.

Затем Элдрин нарисовал у меня в мозгу иную картину: мы с ним вместе стоим перед Бладмарком. С нами еще какой-то человек. У него длинные иссиня-черные волосы и красные глаза. Джейбриол Куокс Третий. Ага, это Элдрин показывает мне, как Бладмарк передает нас императору купцов.

Зрелище было малоприятное, но одновременно что-то словно приглушило остроту восприятия. Почему-то Император показался мне знаком. Вот только почему? Я покачала головой и представила, как изображение лопается, словно мыльный пузырь.

В ответ Элдрин нарисовал портрет незнакомого мне аристо. Вместе с картинкой меня захлестнул поток его эмоций — были тут и страх, и гнев, и стыд, и ненависть. Элдрин знал этого человека, ненавидел его всеми фибрами души. Элдрин передернулся, и картинка исчезла. Это был единственный случай, когда он «заговорил» со мной о том, как когда-то попал в плен к купцам. Я поняла, что он хочет сказать — что скорее умрет, чем согласится отдать себя в лапы к этим чудовищам.

Ни за что! мысленно воскликнула я и мысленно нарисовала другую картину: Джагернаут застегивает на Бладмарке наручники. Затем адмирал предстает перед судом. Затем его казнят.

Элдрин покачал головой и представил, как корабль купцов поливает Рейликон огнем. Что ж, это было недалеко от истины — Бладмарк наверняка поможет купцам сломить оборонительные линии Рейликона. Это ему даже на руку — тем самым эйюбиане выполняют за него всю грязную работу.

Но было у этой логики и уязвимое место. Зачем купцам уничтожать Рейликон, пока они не заполучили нас? К чему им затевать войну непонятно во имя чего? Даже располагая

помощью Бладмарка, прорваться сквозь оборону Рейликона — задача не из легких. К тому же им придется действовать стремительно. Чтобы успеть прежде, чем на выручку планете подоспеют силы имперского командования. Если мы сами не сдадимся на милость победителя, взять нас силой не так-то просто. Для нас главное — стоять и не сдаваться.

Элдрин испытующе посмотрел на меня и нарисовал следующую картину. Мать Эльтора. В его мыслях она казалась такой теплой и ранимой. На самом же деле под этой нежнейшей внешностью кроется железная воля. В имперских коридорах власти Дайхьянна Селей чувствует себя в своей стихии. Она тотчас распознает любую интригу, любую смену настроений. Женщина редкостной красоты и ума, властная и вместе с тем такая нежная и любящая своих близких. Неудивительно, что Рагнар Бладмарк добивался ее.

Элдрин добавил к картине вторую фигуру: Бладмарк. Адмирал наклонился над Дайхьяннкой, за волосы оттянул ей голову назад и приставил к горлу нож. Затем эта картина померкла, а ей на смену возникла новая: мы с Элдрином сдаемся злодею. И снова изображение матери Эльтора. Рядом с ней Бладмарк — он пытается утешить вдову и мать, вмиг лишившуюся сына и мужа.

Все ясно. За ультиматумом Бладмарка кроется нечто большее, чем предполагал Эльтор. Бладмарк шантажировал Элдрин — мол, если не сдадитесь, то тем самым навлечете горе и страдания на Дайхьянну. Причем Бладмарк сделает все для того, чтобы месть была страшной. Элдрин нарисовал мне нож, но я не сомневалась, что на самом деле методы будут намного изощреннее.

Я слегка поменяла картину — ту, на которой Бладмарк угрожал матери Эльтора. Дайхьянна вся сжалась, словно пружина, царапалась и плевала адмиралу в лицо.

Элдрин сухо улыбнулся и развел руками. Никто из нас не знал, выполнит ли Бладмарк свои угрозы. Не приходилось сомневаться лишь в одном — если мы погибнем на Рейликоне, горе Дайхьянны будет воистину безмерным. Тем более что она все еще доверяет адмиралу. Элдрин мысленно нарисовал, как Рагнар утешает ее. Вот Дайхьянна залилась слезами, и Бладмарк поднимает к себе ее лицо и целует. Элдрин тотчас «порвал» картину на мелкие куски.

К нам подошел Узан и что-то произнес. Элдрин кивнул, затем повернулся ко мне и указал в сторону звездного порта, а затем на небо. При этом он мысленно нарисовал две картины. На первой из них мы с ним шли к кораблю Бладмарка сдаваться, на второй — умирали на Рейликоне. Элдрин склонил голову — я поняла вопрос. Настало время делать выбор. Сдаться или погибнуть.

В ответ я покачала головой. Мне в голову пришла идея — совершенно безумная, однако более привлекательная, чем предложенная Элдрином альтернатива. Я встала и поднялась на возвышение. Положив руки на один из гробов, вопросительно посмотрела на Элдрин. Тот тоже поднялся и встал рядом с Уза-ном, не спуская с меня взгляда. Я нарисовала картину — абадж пытается задержать Бладмарка, говоря ему, что мы вот-вот сдадимся сами. Мы же с Элдрином тем временем забираемся в гробы. Даже если только один из нас останется жив и перенесется к имперскому командованию, чтобы предупредить об измене, что ж, можно считать, что мы победили. Если же попытка окажется неудачной, как, по всей видимости, произошло с Эльтором, даже это все-таки лучше, чем погибнуть от рук Бладмарка.

Элдрин представил меня в фобу. Вот Узан нажимает рычаг. И снова гроб пуст. Ну как? Элдрин вопросительно наклонил голову. И сам же на него ответил — развел руками, словно говоря «Я не знаю». Смысл его жеста был предельно понятен — стоит мне оказаться в псиберпространстве, как я буду не в состоянии произвести обратную трансформацию, чтобы вернуться в обычный мир.

По крайней мере это дает нам шанс на спасение, мысленно сказала я ему и, взявшись за рычаг, попыталась открыть крышку.

Задача оказалась гораздо труднее, чем можно было предположить, глядя на абаджа.

Один из воинов подошел, чтобы помочь мне. Гроб открылся, я забралась внутрь и

легла. Внутри ящик был выстлан мягким материалом, но даже с открытой крышкой я словно ощутила себя погребенной. Пока абаджи пристегивали меня, мне стоило громадных усилий не начать отбиваться. Я подняла голову и увидела, что Элдрин тоже ложится в гроб. Он посмотрел на меня и кивнул. Затем лег, и я его больше не видела.

Абаджи опустили прозрачную крышку. Вот тогда-то меня и охватила паника. Я пыталась сбросить с себя ремни, дергалась и извивалась. Тем временем крышка стала матовой. И тогда мной овладело странное чувство — будто я таю. Растворяюсь.

Растворяюсь и таю.

Последнее, что я видела, прежде чем полностью утратила соприкосновение с физической вселенной, это склонившееся над крышкой лицо Эльтора.

Тина, вернись! прочитала я по губам сквозь стекло.

Глава 21 ВОЗВРАЩЕНИЕ

Океан голубого света. Поблескивает и переливается.

Функция Бесселя.

Я функция Бесселя.

Сферическая функция Бесселя. Полукруглый холм. Концентрические окружности, спускающиеся с вершины.

Стоит бросить камень, как по поверхности озера пойдут круги. Пойдут во все стороны.

Запахи: сладкий, кисловатый, розы, серы, мочи, меда. Овец на склоне холма. Пороха. Спермы Эльтора у меня на бедре. Тортилий, что пекутся поутру.

Звуки: звон колокольных, позвякивание, гул вдалеке, отдается эхом, эхом и ослабевает. Чьи-то крики. Песня: громче, нежнее, резче, слабее, тише и тише.

Прикосновения: что-то влажное у меня на коже.

У меня нет кожи.

Искры костра. Руки на груди. Шершавость коры. Ветер на лице. Трава под ногами.

Вкус: мед и горчица, соль, бобы, зерно, кукуруза, сладкая, как само солнце.

Какое-то беспокойство.

Волны на озере. Другие волны.

Круги становятся все шире и шире, набегая друг на друга.

Я — две функции Бесселя. Сумма.

Я теряю симметрию.

Все шире... и шире...

Тина?

У меня перехватывает дыхание.

Элдрин?

Появляется еще одна функция Бесселя. Лиловая и мерцающая.

Сжатая. Ей ничто не грозит. Он знает это место. Он бывал здесь уже не раз, пусть не телесно, но мысленно.

Тина!!!

Я расширяюсь.

Становлюсь все шире и шире.

Расширяюсь сквозь звезды...

Одна мысль из миллионов...

Триллионов...

Бесконечности...

Я?...

Водоворот света.

Полосы. Завихрения. Спирали. Все сливается.

И кружится, и кружится, и кружится.

Полосы света на фоне моего сознания. Цвета снова становятся различимы.

Запахи ослабевают, остается один — запах каких-то механизмов.

Вселенная подо мной твердеет.

Вселенная аркой изгибается у меня над головой.

Металл. Пластик. Я не знаю что.

И кружится, и кружится...

Оказалось, что я сижу в кресле, в какой-то лаборатории. Над головой у меня вспыхивали и гасли огни каких-то приборов.

Кресло вращалось. Еще и еще. Я напрягла глаза, стараясь рассмотреть лабораторию. На какое-то мгновение взгляд мой выхватил из расплывчатой картины приборную доску. Ага, консоль псиберсети. Были здесь и какие-то люди. Они, согнувшись, колдовали над приборами. Стоило мне сосредоточиться, и кресло замедляло вращение. Как только сознание мое начинало блуждать — убыстряло.

И все кружилось, и кружилось.

Лаборатория медленно проплыла мимо меня — в фокусе то и дело оказывались приборные доски, консоли, какие-то переключатели. Верхняя часть стены была стеклянной. За ней я разглядела людей. Они стояли и наблюдали за мной. Но кресло продолжало вращаться, и они пропали из поля зрения.

А затем передо мной снова появилось стекло. За ним стоял Эльтор. И смотрел на меня.

Кресло сделало еще один оборот. И он снова был там.

Третий поворот — или уже пятый? Их уже двое.

После нескольких поворотов я поняла — это Эльтор и Элдрин.

Я сбилась со счета. Не знаю, сколько раз еще повернулось кресло, но Эльтор по-прежнему находился за стеклом. Иногда он стоял, иногда сидел в кресле и спал, иногда читал.

Какие-то люди приходили посмотреть на него. Я узнала Элдрину, но остальные были мне незнакомы. Разве только за исключением черноволосой женщины с зелеными глазами.

А я все продолжала вращаться.

Постепенно вращение замедлилось и в конце концов почти прекратилось. Я провела языком по засохшим губам, пытаюсь заговорить. У меня во рту тотчас оказалась трубка, и мне в горло потекла прохладная освежающая струя. К рукам моим были прикреплены какие-то лоскутки, а сами руки лежали на подлокотниках кресла.

Я попыталась поднять руку. И едва смогла ею пошевелить.

Раздался чей-то голос. Говорили по-сколийски. Кресло возобновило вращение, и в следующее мгновение передо мною предстало лицо. Лицо женщины. Она взялась за подлокотники кресла и остановила вращение.

— Ты меня слышишь? — обратилась она ко мне по-английски, с сильным сколийским акцентом.

Я попыталась заговорить. Но из моего горла вырвался только хрип.

— Все в порядке, — сказала она. — Не напрягайся. Постарайся расслабиться.

— Я уже... снаружи? Я вышла из сети?

— Еще не совсем, — сказала женщина. — Мы произвели 85 процентов обратной трансформации. Ты так сильно рассеялась, что нам пришлось собирать тебя по всей псиберсети.

И вновь все пошло кругом...

Я открыла глаза и увидела рядом с собой чью-то коленку. Постепенно до меня дошло, что подо мной кровать. Я лежу на животе, укрытая мягкими, как пух, одеялами.

Кто-то громко храпел, и колено дернулось. Я подняла глаза и увидела Элдрину. Она дремал, сидя в кресле, сложив на груди руки и широко расставив ноги. Позади него кто-то устроился на раскладушке и тоже спал.

— Элдрин? — позвала я.

Но он был погружен в сон и не ответил. Я попыталась приподняться на руках, но у

меня закружилась голова, и я в изнеможении опустила на кровать. Снова открыв глаза, я заметила, что позади Элдрина кто-то пошевелился.

Мне на лоб легла чья-то рука.

— Тина?

Это был Эльтор.

Я открыла глаза и посмотрела на него.

— Привет! — прошептала я еле слышно.

В его глазах застыло странное выражение, словно они были полны воды. Эльтор сжал мне руку.

— Привет!

— Ну почему я не вернулся минутой раньше! — вздохнул Эльтор. — Всего одной минутой!

Он сидел на диване в спальне, где я проснулась — в доме его родителей на планете Партония.

— Когда я увидел, как ты исчезаешь, то подумал, что все пропало!

Я закончила застегивать на себе принесенный им спортивный костюм — лавандового цвета облегающий комбинезон.

— Мы подумали, что ты не прорвешься. Я села рядом с ним.

— А что произошло после того, как ты исчез?

— Знаешь, это было странное ощущение, — покачал головой Эльтор. — Я словно превратился в скопление волн — что-то вроде дифракционного рисунка, который появляется на круглом разрезе, только многомерный. Сеть предстала передо мной в виде холмов и долин, сделанных из решетки. По всей видимости, то были потенциалы, созданные мыслями пользователей психосети.

— А мне она показалась озером, — перебила его я. — А я была разбегающимися по воде кругами.

— Не вижу ничего удивительного. Даже у меня были проблемы с ориентацией, а ведь я пользуюсь сетью с самого детства.

— А как ты из нее вышел?

В его голосе зазвучало удивление.

— Мне припомнилось, что, если к сети подсоединится телепат, я увижу это в виде небольшого отверстия. Первые два, замеченные мною, оказались в психосети вместе, но были присоединены к консоли на расстоянии пятидесяти световых лет. В конце концов мне удалось обнаружить психосеть, подсоединенный к незанятой консоли на «Ассемблере», одном из кораблей ИКС, который привел с собой Рагнар. — Эльтор поморщился. — Мне пришлось изменить волновые функции моего тела с тем, чтобы снова вернуться в пространственно-временную реальность. В общем, в конце концов я оказался сидящим в кресле. В принципе риск оправдал себя, хотя я бы не хотел пройти через это еще раз. — Выражение его лица смягчилось. — С другой стороны, попытка того стоила. Представляешь, как вытаращила глаза команда, когда я взялся невесть откуда!

— И как они отреагировали? — спросила я.

— Отвели меня к капитану, Маурисии Меттлдон, — ответил Эльтор сухо. — Мне повезло, мы с ней знакомы, потому что к тому моменту я едва ворочал языком. Когда же она поняла, что я ей пытаюсь втолковать, то не теряла ни секунды.

— А как же Бладмарк? — испугалась я.

— Он бежал. Часть меня желает ему смерти, — грустно добавил Эльтор. — Другая часть благодарна за то, что он все еще жив.

Я взяла Эльтора за руку.

— Разве можно загасить в сердце любовь, которая пылала там многие годы!

В моем сознании тотчас всплыло воспоминание из его детства. Рагнар Бладмарк, смеясь, бросает Эльтору мяч. Затем картинка померкла, словно кто-то взял и выключил свет. Эльтор сидел и смотрел себе на ладони, словно мяч этот все еще в них.

Мне хотелось сказать Эльтору что-то в утешение, но я не стала, зная, что он не любит разговоров на эту тему. В последующие годы он несколько раз заводил разговор о Рагнаре, но чаще предпочитает держать мысли о нем при себе. Иногда ночью я просыпаюсь и вижу, как он лежит, уставясь в потолок. Увидев, что я тоже не сплю, он притягивает к себе мою голову, зарывается лицом мне в волосы, словно хочет найти там утешение. В моих волосах и тишине.

Рагнар Бладмарк потерял практически все: дом, положение в обществе, состояние. Но он сохранил свободу, оставшись в нашей жизни чем-то вроде призрака. Для меня то, что потерял Эльтор, было гораздо серьезнее. Как вернуть себе способность доверять людям? Обуреваемый алчностью и тщеславием Рагнар поступился любовью Эльтора, тем, что воспитанник его боготворил. И лишился всего. Где бы он сейчас ни был, надеюсь, его страдания не менее велики, ведь судьба посмеялась над ним.

Но тогда я просто сказала:

— С тобой все будет хорошо? Джаг сказал, что ты нуждаешься в восстановлении.

— Над моим восстановлением работают с того самого момента, когда капитан Меттддон привезла нас сюда. — Голос его звучал как-то непривычно тихо. — Мне сказали, что для полного восстановления понадобится какое-то время. Врачи интересовались и тобой, — добавил он, и его лицо засветилось нежностью.

— Мной? Но почему?

— Они спрашивали, не хочешь ли ты пройти обследование. — Эльтор на минуту умолк. — Не только из-за Икуара. Ведь через сколько страданий ты прошла еще до того, как мы встретились!

Неужели моя предыдущая жизнь кажется ему такой ужасной? Мне неловко было говорить об этом с чужим человеком, по крайней мере тогда мне так казалось. Может, именно поэтому я так хорошо понимала перепады настроения Эльтора. Мы так с ним похожи — наш жизненный опыт словно загнал нас обоих внутри нашего «я».

— Я читал о твоём времени на Земле, — добавил Эльтор. — Пытался понять, какова была твоя жизнь. Мне понравилась одна фраза из твоего времени. — Он тихо произнес: — *Врачу, исцелися сам!* — и сжал мне руки. — А теперь давай придумаем что-нибудь для тебя!

Я не сразу нашлась с ответом.

— Мне бы хотелось пойти учиться. Может, даже повторить все заново. Ужасно хочется получить образование. — И, помолчав, добавила: — А еще я хочу узнать, что произошло с моими предками.

— Пока ты не нагонишь программу, я найму для тебя частных преподавателей, *querida*. После чего ты сама выберешь, куда тебе пойти учиться. — С этими словами Эльтор привлек меня к себе. — А пока я хочу, чтобы ты кое с кем познакомилась. Возможно, этот человек расскажет тебе и о майя.

До меня с опозданием дошло, как он меня назвал. *Querida*. Возлюбленная. Так торжественно и так нежно. Я приподняла его руку и поцеловала ему пальцы.

Эльтор повел меня по дому. Все здесь было каким-то мягким и воздушным. Стены украшали прекрасные голографии, пол покрывал мягкий, словно облако, ковер. Арки дверных проемов и куполообразные потолки только усиливали общее впечатление простора и свободы. Наконец мы пришли в просторный внутренний двор. Здесь росли деревья, их пушистые ветви колыхались в легком ветерке. И повсюду цветы — розовые колокольчики, какие-то голубые звездочки поверх мха, плющ с зеленоватыми соцветиями, что поворачивались вслед нашим движениям. А еще здесь порхали птицы — что-то вроде попугаев с красным, золотистым и зеленым оперением. В дальнем конце двора, рядом с гротом и водопадом, в задумчивости стояла женщина.

Эльтор подвел меня к ней.

— Мама!

Женщина обернулась к нам. В жизни она оказалась даже еще более эффектной, чем на

голографиях. Лицо ее являло собой полное совершенство. То была классическая красота, от чего она казалась слегка нереальной. Конечно, столь правильными чертами лицо это до известной степени обязано биопластике, но большая часть красоты была даром природы. Огромные зеленые глаза до сих пор поражают меня своим блеском. И хотя в волосах кое-где уже заметна седина, а вокруг глаз залегли мелкие морщинки, на вид Дайхьянна ничуть не старше собственного сына. И все же в ее присутствии тотчас начинаешь ощущать ее возраст — Дайхьянне Селей уже более двухсот лет.

Она заговорила со мной по-английски:

— Привет! Меня зовут Дехья.

— Привет! — кивнула я в ответ, пытаюсь скрыть смущение. Дайхьянна усадила меня рядом с собой на скамью. Эльтор деликатно отошел в другую часть двора. Я едва не запаниковала, как только поняла, что он нарочно оставил меня наедине с матерью. Вокруг Дайхьянны вращалось неяркое разноцветное облако — это мое сознание интерпретировало ее эмоции. Я знаю, что Дайхьянна умеет тонко контролировать эти цветные вихри — дар, которым обладает не всякий оператор Кайла, даже если он рон. В тот момент мне было понятно одно: что я улавливаю лишь часть ее эмоционального излучения — вежливое любопытство. Остальное она предпочла держать от меня в тайне.

Я набрала полную грудь воздуха и выпалила:

— Обещаю вам, что сделаю все для того, чтобы Эльтор был счастлив.

Дайхьянна окинула меня спокойным взглядом.

— Твой брачный контракт с моим сыном... Он весьма любопытен.

Насколько я помнила, «контракт» этот представлял собой всего пару строк: наши имена, дата, наши профессии — Эльтор значился в нем Джагернаутом, а я официанткой, — имена его родителей, имя моей матери, военная база, к которой он был приписан, мой адрес в Лос-Анджелесе. Мы предпочли обойти молчанием тот весьма значительный факт, что мой Лос-Анджелес находился в другой вселенной.

— Любопытен? — переспросила я.

— Условия контракта Эльтор выработал совместно с директором Стоунхеджем?

Я попробовала вспомнить, что мне тогда сказал Эльтор.

— Он сказал, что у него есть немного земли, которую — в случае если с ним что-то произойдет — унаследую я. И еще что-то про какой-то малозначимый титул.

Дайхьянна сидела, сложив руки на коленях. Лицо ее ничего не выражало.

— Эльтор передал тебе полные права на все, чем он обладает. Подчеркиваю, на все, — сказала она и уже более мягко добавила: — Мой сын подарил тебе несметное богатство и могущество, Акуштина Пуливок. А что ты можешь предложить взамен?

Я сглотнула подступивший к горлу комок. Судя по всему, титул, которым обладает Эльтор, не такой уж и «малозначительный», как он пытался меня уверить. Так что вопрос, заданный мне его матерью, вполне правомерен. Но как на него ответить? Хотя впоследствии я по-настоящему полюбила Дехью, она до сих пор меня немного пугает. В тот день я не знала, что сказать.

Было ясно одно — она безгранично любит своего сына. Ее любовь искрилась в воздухе, звучала переливами серебряных колокольцев. Дайхьянна посмотрела куда-то мимо меня, и выражение ее лица смягчилось. Я обернулась и увидела Эльтора. Он стоял на другом конце двора, с улыбкой глядя на зеленого попугая, который, в свою очередь, взирал на него с ветки дерева. Эльтор смеялся, а попугай верещал, словно возмущенный тем, что огромное двуногое существо сочло его забавным. И хотя могло показаться, что Эльтор не замечает красок и звуков в душе его матери, я ощущала исходявшее от него внутреннее спокойствие, какого не видела в нем прежде.

Я снова перевела взгляд на Дайхьянну. Ее лицо ничего не выражало. Как мне хотелось сказать ей, что я люблю Эльтора за то, каков он есть, а не за его богатства и титулы.

— Когда мы познакомились, я ничего не знала о нем, — выдавила я из себя и улыbnулась.

Но не успела я произнести эти слова, как мне тотчас захотелось исчезнуть, провалиться на месте. То есть я произнесла их в шутку, чтобы как-то разрядить напряжение, но в душе его матери они отозвались глухим ударом теста о деревянный пол.

Правда, лицо моей собеседницы сохраняло все то же спокойствие.

— Что тебе известно о его положении в обществе?

На сей раз я подбирала слова с большей осторожностью.

— Что ваша семья происходит из Рубиновой Династии.

Дайхьянна кивнула.

— Ваши ученые перевели бы мой титул как «фараон». Правда, в наше время он скорее носит почетный характер. Государством правит Ассамблея, совет глав двадцати шести самых сильных планетарных правительств. Рубиновая Династия больше не обладает никакой властью.

Спустя годы мне стало известно, что ситуация на самом деле гораздо более сложная, чем Дехья пыталась представить это мне, когда мы с ней сидели в саду в день нашего знакомства. Многие полагают, что Рубиновая Династия продолжает править Сколией незаметно, «из-за занавеса». Другие видят в ее представителях заложников циничной Ассамблеи, которая манипулирует ими в собственных целях. Не приходится сомневаться в одном: Дайхьянна Селей управляет псиберсетью с невиданным размахом и искусством. А ведь во вселенной Эльтора нити власти сходятся именно в этой все расширяющейся сети — сети, которая превратилась в гигантский организм, который простирается все дальше и дальше, к другим мирам, а может — кто знает? — в измерения сверх известных нам пространства и времени.

Но в тот день Дайхьянна сказала лишь одно:

— Эльтор — мой единственный сын. Мой наследник.

Я растерялась, не зная, как на это ответить. Неудивительно, что Дехья отнеслась ко мне настороженно, учитывая мое происхождение, вернее, полное отсутствие такового.

— Я познакомилась с архивами Джага, — добавила она и в следующий момент удивила меня — взяла за руку. — Сказать, что мой сын — человек со сложным, противоречивым, тяжелым характером, значит ничего не сказать. Ты же не только понимаешь его, но, судя по всему, искренне любишь, невзирая на все его недостатки, принимаешь каким он есть.

— Да, именно так, — подтвердила я.

— У Эльтора высокие моральные нормы, — сухо добавила Дехья. — Найдутся такие, кто скажет, что ни одна женщина на свете не способна им соответствовать. И если Эльтор считает, что ты достойна его, — что ж, тебе за это полагается медаль.

— Но есть какое-то «но»?

— Он повторяет историю. Мою историю. А у меня в ней было не все гладко. — Моя собеседница вздохнула. — Пойми, Тина, мой бывший муж был гораздо более искушен в вопросах политики и власти, чем ты. Уильям Сет Рокуорт, офицер Союзного Флота, отпрыск привилегированного семейства с Земли. А также оператор Кайла с высоким уровнем пси-способностей, хотя и не рон. В то время ронов еще не было. — Дехья на минуту умолкла. — Ассамблея устроила наш брак и подготовила договор, но почему-то там забыли поставить Сета в известность об одной «мелочи», а именно, что я имею право брать себе сразу нескольких мужей. Когда он об этом узнал, то был, мягко говоря, не в восторге от этого открытия.

Я подумала, что Бладмарку с ней не повезло.

— Но вы не собирались замуж за другого?

— Все не так просто. После того как роны произвели на свет мальчиков, Ассамблея решила, что мне надо иметь детей от кого-то из них. И даже если бы мы с Сетом оставались мужем и женой, Ассамблея все равно выбрала бы мужчину-рона в качестве отца моих детей.

— Какой ужас! — вырвалось у меня. В ответ Дехья вздохнула.

— Ты еще слишком юная. Слишком наивная. Тебе еще придется научиться спокойно воспринимать образ жизни настолько сложный и противоречивый, что временами тебе будет казаться, будто в нем все не так, что бы ты ни сделала.

Я почувствовала, будто подо мной разверзлась пропасть.

— То есть вы хотите сказать, что мы с Эльтором никогда до конца не поймем друг друга?

Дайхьянна ответила не сразу.

— Зная твоё происхождение, я бы сказала, что нет, никогда, — проговорила она, и лицо ее тотчас смягчилось. — Но видя вашу любовь... Что ж, возможно, моя первая реакция была чересчур пессимистична. — И Дехья рассмеялась в душе. Я увидела ее смех в образе облака искрящихся брызг. — В конце концов ты хорошо обращалась с ним, даже когда тебе казалось, что у него «не все дома».

— Я жалею, что сказала это.

Дехья пожала мне руку.

— И ты, и он, кажется, не имеете ничего против такой противоположной смены ролей. Но какие бы роли вы для себя ни выбрали, каждого из вас — разумеется, по-своему — ваш брачный союз обязывает идти на компромиссы, уступать, приспосабливаться, угождать, если на то пошло. Соедините людей подобных вам, столь разных и не похожих друг на друга, — и они будут счастливы вместе.

Несмотря на то что Эльтор рассказал мне, я почему-то не видела в наших отношениях никакой смены ролей. Что касается компромиссов и взаимных уступок, тут Дехья, безусловно, права. Однако несмотря на его вспычивость и несдержанность, Эльтор неизменно бывал терпелив со мной, старался принимать во внимание, что я не такая, как он. Впрочем, я делала то же самое.

— Вам что-нибудь известно о наемниках, похитивших нас? — спросила я мою собеседницу.

— Пока мы поймали только одного. Это офицер, который в прошлом служил вместе с Эльтором. Эльтору показалась знакомой манера речи, по ней он его и узнал.

— А есть надежда поймать остальных?

Дайхьянна пристально посмотрела на меня.

— Безусловно.

Взглянув на нее, я представила себе, какую цену заплатят наемники за похищение ее сына, и у меня по спине пробежал холодок. Интересно, догадывалась ли она, какие планы вынашивал Бладмарк относительно Эльтора, какую участь он уготовил своему бывшему воспитаннику, если бы сумел осуществить задуманное?

Нежные краски ее настроения разлетелись в клочья.

— У меня имеются свои участки... слепоты.

Это все, что она сказала. Правда, на сей раз реакция ее была столь резкой, что, несмотря на защитную броню в ее душе, я сумела уловить гораздо больше, чем было сказано. Дайхьянна любила Рагнара Бладмарка, но не так, как хотелось бы ему самому, а как хорошего друга. Раны, нанесенные его предательством, глубоки и затянутся не скоро.

— Простите, — поспешила я извиниться.

Но Дехья только покачала головой — мол, давай не будем об этом.

— А что теперь? — спросила я.

— Правительства обмениваются взаимными угрозами. Все попытаются запугать друг друга — и Империя, и Эйюба, и Союзные Миры. Начнут произносить пламенные речи. Но если мы сохраним спокойствие и не поддадимся соблазну, то войны, как мне кажется, можно будет избежать, — пояснила Дехья и, помолчав, добавила: — А вот возмещение ущерба придется потребовать, и оно будет выплачено.

— Возмещение ущерба?

Дайхьянна пристально посмотрела на меня.

— Оборонительными системами министра Икуара уничтожены две ракеты типа «Гау»,

выпущенные Джагом. Третья не разорвалась. Четвертая попала в цель, — негромко ответила она. — Крикс Икуар мертв. Третий из его Цилиндров разрушен. Гражданские участки не пострадали, но от военной мощи Икуара не осталось и следа. Погибло несколько сотен тысяч человек.

Господи, неужели это правда?

— Я пыталась остановить Джага. Но он не слушал.

Я отказывалась поверить услышанному.

— Да-да, мы знаем, — покачала головой Дайхьянна. — И все-таки не можем до конца понять, что же произошло. Пси-связь между Джагом и Эльтором вышла по сравнению со своим прежним состоянием на какой-то новый уровень, причем на такой, какой нам даже трудно себе представить. Теперь мозг Джага представляет собой совершенно новую модель, а биомеханическая система Эльтора превосходит такую же у любого другого Джагернаута. К тому же он рон. Судя по всему, они с Джагом достигли некоего высшего уровня симбиоза.

— Джаг любит его, — заметила я.

— Да, похоже на то.

— И вы собираетесь его уничтожить?

— У нас нет иного выхода. Мы не можем позволить, чтобы боевые суда Империи бомбили колонии.

Разумеется, она была права. Нет, Джаг не уничтожили в физическом смысле, ему просто переделали мозги. Это было за несколько лет до того, как он возобновил свою службу с Эльтором. Теперь имперское командование время от времени проверяет все Джаги, дабы убедиться, что те способны держать под контролем свои эмоции. Джаг Эльтора до сих пор проходил эти тесты без каких-либо проблем. Признаюсь, я подозреваю, что он просто дает проверяющим ответы, какие те хотели бы от него услышать, и если Эльтору вновь будет что-либо угрожать, он без раздумий отомстит обидчику за своего пилота с тем же самым упрямством и безрассудством, что и раньше. Если это и верно, то у нас просто нет тому доказательств.

Дехья также поведала мне, что, как только Джаг поставил в известность ее народ о моих генах Рона, Ассамблея пересмотрела историю Мезоамерики, начиная с 1987 года. Вирусные войны в конце двадцатого века стерли с лица Земли около четверти всего человечества. Когда благодаря усилиям Организации Объединенных Наций наконец был восстановлен мир, Земля была истощена и обессилена, и ее население обрадовалось передышке и ужасно боялось потерять драгоценный мир. Вот почему спустя много веков после того, как их земли отняли испанские завоеватели, майя достигли соглашения с правительствами Мексики, Гватемалы, Белиза, Сальвадора и Гондураса, в результате чего им была возвращена значительная часть территории их предков.

Согласно Акту об Изоляции от 2192 года, майя образовали закрытую нацию. Они предпочли жить независимо от мирового сообщества — точно так же, как абаджи стремились к изоляции Рейликона. В некотором смысле для внешнего мира они прекратили свое существование. Вот почему капеллан Минь, и не только она одна, ошибочно полагала, что майя больше не существуют. Империя стала первой, с кем Независимое Государство Майя согласилось установить дипломатические отношения, да и то исключительно благодаря абаджам. Нам до сих пор неизвестно, из которой вселенной происходят предки абаджей и что заставило их переселиться на Рейликон.

— Но даже так, — мягко добавила Дехья, — абаджи горды тем, что теперь знают, кто были их предки. И не только они одни, мы тоже — я, Элдрин, Эльтор, все роны. Наконец мы обрели некогда потерянных братьев и сестер.

— Ваших родственников. Моих родственников. — Я попыталась осознать всю глубину ее слов. — Нет, не родственников, а наш народ.

— Для тебя, Тина, родственников. Твои потомки расселились по всем Союзным Мирам.

— Потомки?

— А разве Эльтор тебе ничего не сказал? — удивилась Дехья.

— Нет. А что он должен был мне рассказать?

— Он обнаружил это, когда проверял файлы Джага с информацией о студентах Калтеха. Мы все основательно сверили. В этой вселенной Хизер Джеймс открыла инверсионный двигатель, ничего ранее не зная о нем. Кроме того, нет никакой записи о том, что какой-то второй Эльтор побывал здесь в 1987 году. — Дехья сделала паузу. — Возможно, Рагнар из этой вселенной никогда его не предавал. А может, тот Эльтор погиб, как того и хотелось Рагнару, — . в голосе Дайхьянны прозвучала печаль, — а может, там вообще не было никакого Эльтора. Учитывая генетические проблемы у нас с Элдрином, есть все основания полагать, что в других вселенных ребенок просто не выжил. Как бы там ни было, здесь он не появлялся. А ты вышла замуж за человека по имени Хоакин Рохас. Он не был роном, а значит, ваше потомство не унаследовало твоих качеств. Но зато сотни их сейчас живут и здравствуют.

Мы с Джейком поженились? Что ж, звучит вполне правдоподобно. Но разве я могла выйти замуж за кого бы то ни было после того, как узнала Эльтора?

Дехья посмотрела мимо меня. Обернувшись вслед ее взгляду, я увидела в нескольких ярдах от нас Эльтора вместе с отцом. Они о чем-то разговаривали, а затем направились в нашу сторону. Подойдя к нам, Эльтор вопросительно посмотрел на мать.

— Ну как?

— Только, пожалуйста, не смотри на меня так, — сказала Дайхьянна, — я не собираюсь терроризировать твою жену...

— Только попробуй, — в тон ей ответил Эльтор.

Лицо Дайхьянны осветилось нежностью.

— Ты сделал правильный выбор.

Эльтор улыбнулся и протянул мне руку.

— *Bienvenido, 'Akushtina.* Добро пожаловать домой.